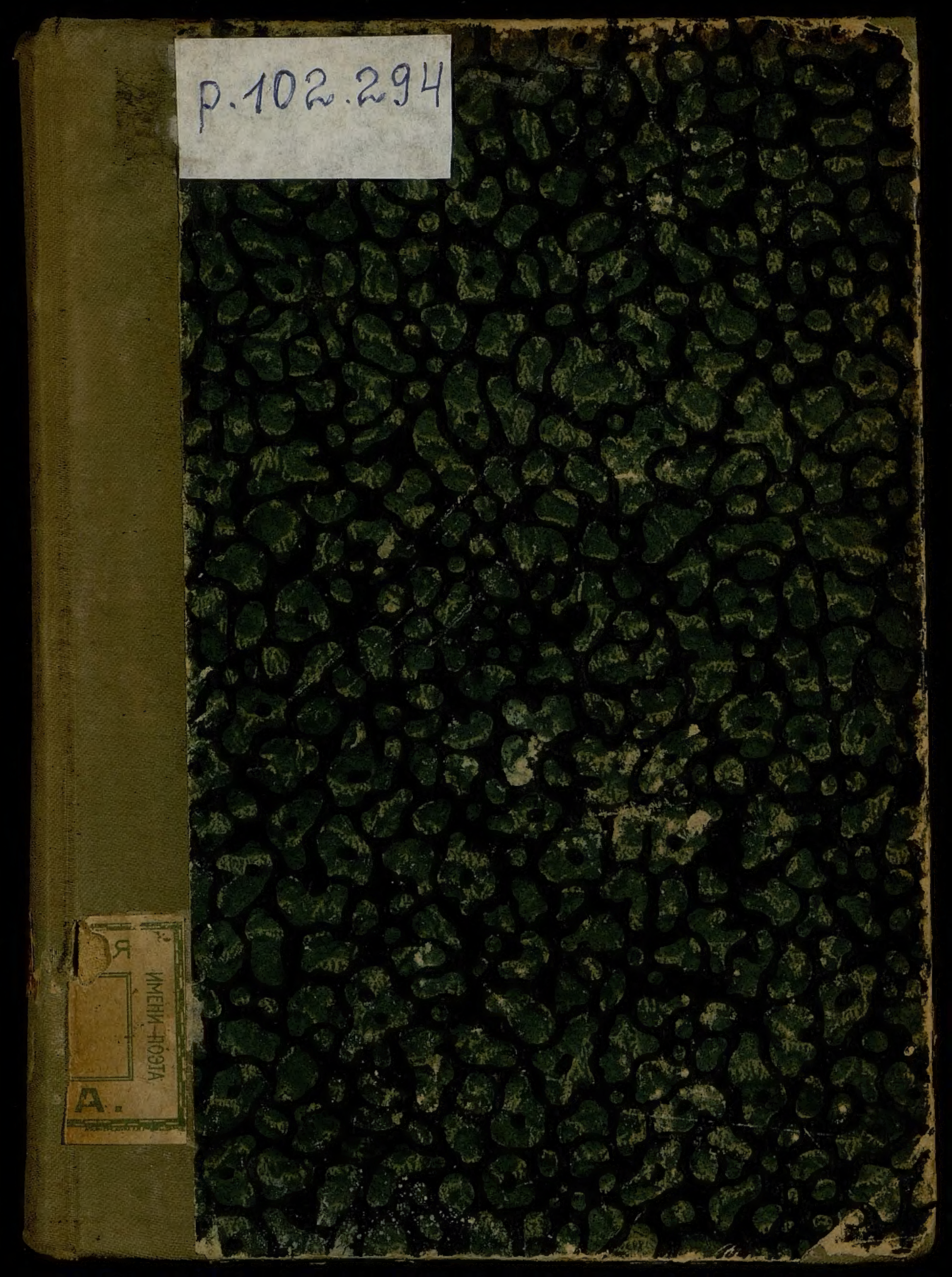
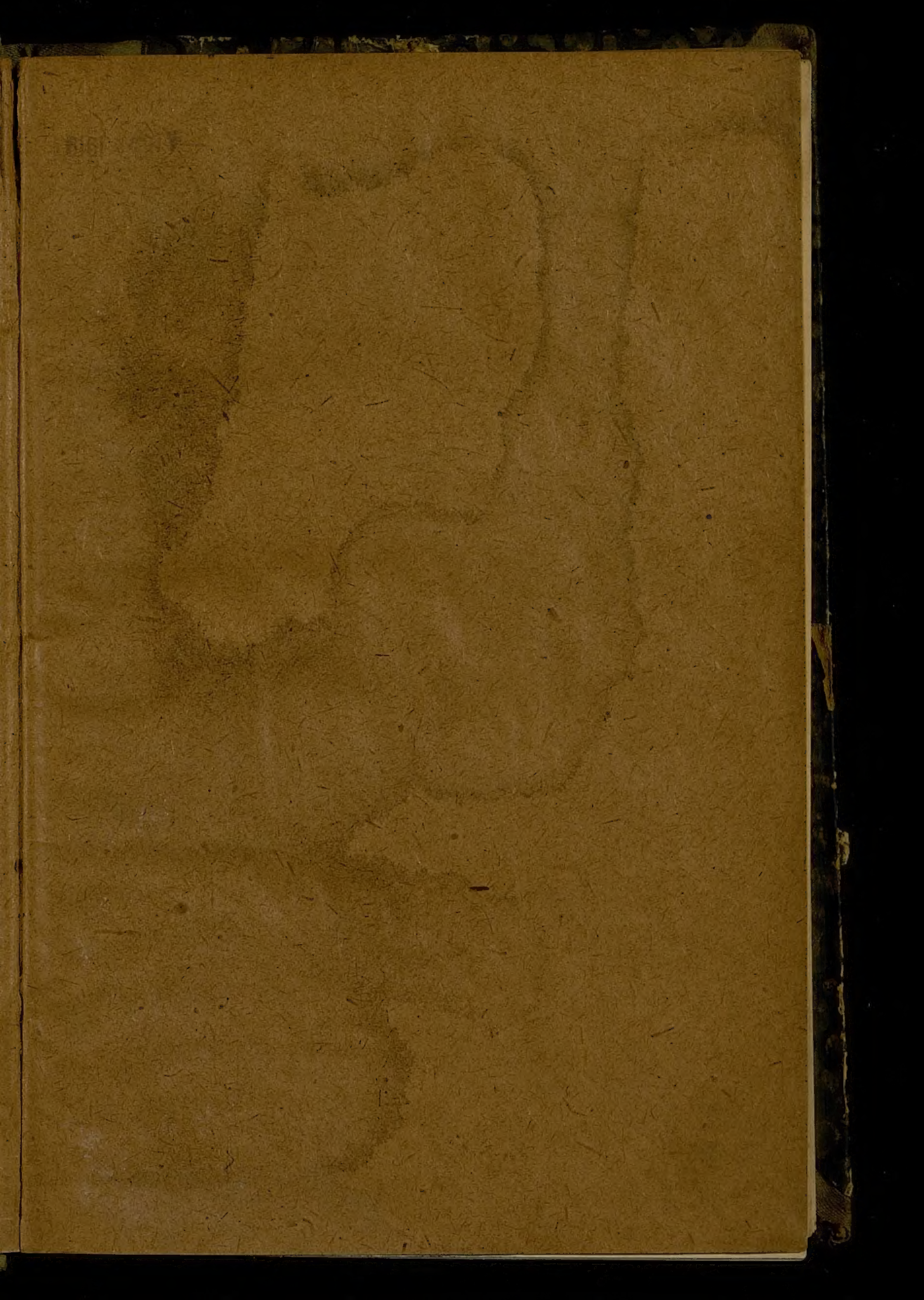
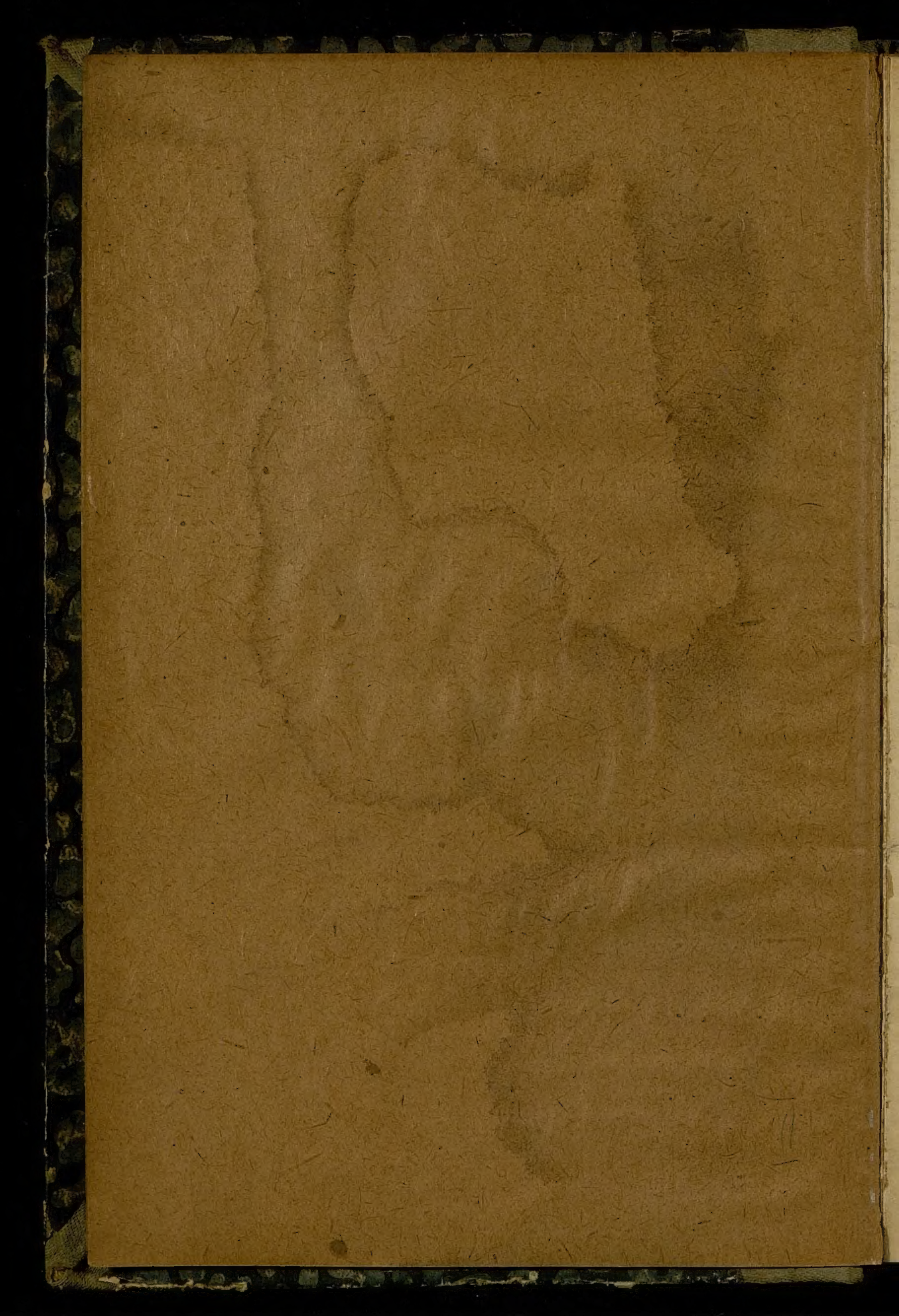

р.102.294
ИМЕНИ ПОЭТА
А.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

К. Н. ВЕНТЦЕЛЬ.

ЭТИКА и ПЕДАГОГИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

(Проблемы нравственности и воспитанія въ свѣтѣ теоріи свободнаго гармоническаго развитія жизни и сознанія).

Томъ I.

ЭТИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.

Содержаніе: — Мораль жизни и свободнаго идеала. — Формула развитія жизни. — О высшемъ принципѣ нравственности. — Общій очеркъ ученія о нравственности. — Гармонія и нравственная свобода.

Цѣна 2 руб.

Продолженіемъ этой книги служитъ 2-й томъ — **Педагогика творческой личности.**

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.
МОСКВА, Кузнецкій мостъ.
1911.

МОСКВА.
Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга составилась изъ статей, написанныхъ на протяженіи почти двадцати лѣтъ. Статьи эти въ свое время были помѣщены въ журналахъ „Вопросы философіи и психологіи“, „Вѣстникъ Воспитанія“, „Образованіе“, „Свободное Воспитаніе“, „Русская Школа“ и т. д. Такъ какъ значительная часть этихъ статей тѣсно и органически связана между собою въ одно цѣлое, то это и послужило основаніемъ для соединенія ихъ въ одну книгу.

Вопросы нравственной жизни всегда привлекали къ себѣ мое вниманіе, но только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ явилась для меня возможность болѣе или менѣе интенсивно заняться теоретической ихъ разработкой. Это было время, когда только что впервые былъ опубликованъ замѣчательный трудъ талантливаго и безвременно погибшаго французскаго мыслителя Гюйо „Очеркъ морали безъ обязательства и безъ санкціи“ (Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction). Начертанная здѣсь смѣлыми широкими штрихами теорія нравственности этого философа—поэта, каждая строка котораго дышитъ такою искренностью и задушевностью, невольно захватила меня и вызвала желаніе познакомить съ нею русское общество. Результатомъ этого и явилась моя статья „Мораль жизни и свободнаго идеала“, написанная мною еще въ 1888 году, но которая была напечатана въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ только въ 1891 году, при чемъ пришлось сократить ее почти наполовину. Теперь она печатается

здѣсь приблизительно въ первоначальномъ видѣ, по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая касается критики ученія Гюйо.

Эта работа выдвинула передо мною цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ мнѣ казалось насущно необходимымъ для правильнаго разрѣшенія нравственной проблемы. Нравственное развитіе является частью всеобщаго развитія жизни и для того, чтобы правильно освѣтить законы нравственнаго развитія являлась необходимость отдать себѣ отчетъ въ развитіи жизни вообще. Другой вопросъ, который требовалъ своего разрѣшенія, это — вопросъ о свободной и сознательной нравственности, вопросъ, не получившій въ теоріи морали Гюйо достаточно полной разработки. Первый вопросъ разбирается мною въ статьѣ „Формула развитія жизни", второй—въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности".

Статья „Формула развитія жизни" была плодомъ долгаго и упорнаго труда. При написаніи ея пришлось много времени потратить на широкое знакомство съ современной философской литературой и особенно съ такъ называемой „научной философіей", которая нашла свое выраженіе въ трудахъ Авенаріуса, Петцольдта, Маха, Вундта и т. д. Написана была статья въ 1891 году, но только много лѣтъ спустя въ 1900 году, сокративъ ее больше чѣмъ наполовину, мнѣ удалось помѣстить ее въ журналѣ „Образованіе". Здѣсь она воспроизводится въ первоначальномъ своемъ видѣ съ небольшими измѣненіями.

Статья эта является попыткой освѣтить тотъ методъ, при помощи котораго можно ближе всего подойти къ правильному пониманію процесса развитія жизни, а также и попыткою охарактеризовать существенныя черты этого развитія. Въ ней показывается, что въ то время какъ процессъ развитія, разсматриваемый съ точки зрѣнія внѣшняго опыта есть прогрессирующее обобществленіе жизни, приближеніе ея къ опредѣленнымъ, неизмѣннымъ, постоянно повторяющимся формамъ, стрем-

леніе достигнуть извѣстнаго устойчиваго состоянія, стремленіе къ механизированію жизни,—съ точки зрѣнія внутренняго опыта онъ является какъ прогрессирующее индивидуализированіе жизни, какъ все возрастающее и расширяющееся творчество, какъ стремленіе къ состоянію наибольшихъ и наиболѣе быстрыхъ измѣненій, наиболѣе обширныхъ и наиболѣе скорыхъ переворотовъ, однимъ словомъ, какъ стремленіе къ состоянію наибольшей неустойчивости. Эволюція жизни разсматривается съ ея внутренней стороны, какъ творческая эволюція, и въ концѣ статьи мною устанавливается положеніе, имѣющее рѣшающее значеніе для мыслей, развиваемыхъ во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ, которое въ существенныхъ чертахъ сводится къ слѣдующему: насколько жизнь представляетъ не только одинъ механизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и психическое содержаніе, т. е. является сознаніемъ, настолько она можетъ быть понимаема нами, какъ безконечное расширеніе сферы цѣлей и неутомимое постоянное стремленіе установить между всѣми цѣлями гармонію, образовать изъ нихъ одну систему. Въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности", служащей естественнымъ дополненіемъ предъидущей, показывается, что установленный такимъ образомъ законъ естественной эволюціи жизни является вмѣстѣ съ тѣмъ и высшимъ закономъ нравственности, верховнымъ и руководящимъ ея принципомъ. Содержаніе этой статьи въ общемъ сводится къ слѣдующему.

Прежде всего указывается на то, что основаніемъ для постановки всякой новой цѣли человѣкомъ въ его дѣятельности является ея гармонія съ тѣми цѣлями, которыя раньше ставились личностью. Затѣмъ устанавливается тотъ фактъ, что воля въ смыслѣ активности, направляемой яснымъ представленіемъ имѣющихъ быть достигнутыми цѣлей, развивается изъ низшихъ формъ активности. Первоначальное содержаніе сознательной преднамѣренной дѣятельности человѣка обусловливается тѣмъ, на что раньше устремлялась его безсознатель-

ная или полусознательная дѣятельность. Особенно важную роль въ развитіи волевой дѣятельности въ узкомъ смыслѣ этого слова играетъ дѣятельность по влеченію. Содержаніе тѣхъ первыхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ начинающая развиваться воля, опредѣляется характеромъ влеченій человѣка. Развитіе воли обусловливается тѣмъ, что влеченія, благодаря возрастающей сложности окружающей человѣка среды и благодаря своему собственному усложненію, натыкаются на препятствія въ своемъ удовлетвореніи. Это же самое обстоятельство служитъ толчкомъ и для развитія въ человѣкѣ ума. И умъ и воля находятся первоначально въ полномъ порабощеніи увлеченій, но по мѣрѣ того, какъ они занимаютъ въ области душевной жизни все болѣе широкое мѣсто, они пріобрѣтаютъ все болѣе самостоятельное значеніе и въ концѣ концовъ начинаютъ господствовать надъ влеченіями и дѣлаютъ ихъ орудіями въ достиженіи своихъ самостоятельныхъ задачъ. Задачи, которыя естественно вытекаютъ изъ природы ума и воли, заключаются, что касается ума — въ установленіи гармоніи, цѣльности и единства между нашими мыслями и элементами ихъ, что касается воли—въ установленіи гармоніи, цѣльности и единства между нашими волевыми дѣйствіями, что тѣсно связано съ гармоніей соотвѣтствующихъ имъ цѣлей.—Самая высшая форма воли—рѣшеніе. Рѣшенія, которыя принимаетъ человѣкъ въ своей жизни, имѣютъ самую различную степень широты, сложности и отвлеченности. Нравственность немыслима безъ рѣшеній общаго характера, которыя мы должны постоянно удерживать въ своемъ сознаніи. Для проведенія общихъ рѣшеній въ нашей жизни требуется, чтобы они опирались на сильныя влеченія. Влеченіе, на которое опирается наше рѣшеніе воплотить въ жизни нравственный идеалъ, есть влеченіе къ установленію гармоніи между нашими цѣлями. Чѣмъ большее оно получаетъ удовлетвореніе, тѣмъ болѣе оно становится ненасытимымъ. Это влеченіе имѣетъ преимущество передъ другими влеченіями потому, что каждое изъ вле-

ченій только временно находитъ себѣ мѣсто въ сознаніи, тогда какъ влеченіе къ объединенію, цѣльности и гармоніи никогда вполнѣ не исчезаетъ изъ сознанія. Влеченіе къ гармоніи въ сколько-нибудь широкой степени первоначально развивается въ области теоретической познавательной дѣятельности и въ области художественнаго творчества. Но оно развивается также прямо и непосредственно и въ самой области практической жизни, какъ бы ни были узки задачи этой последней, но въ особенности содѣйствуютъ развитію этого влеченія тѣ формы практической дѣятельности, которыя носятъ соціальный характеръ.

Далѣе изслѣдуется то взаимное отношеніе, которое существуетъ между „истиннымъ", „прекраснымъ" и „нравственнымъ". Истинное и прекрасное есть только одна изъ цѣлей человѣческой жизни, нравственное охватываетъ всю жизнь, имѣетъ въ виду совокупность всѣхъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что нравственность есть нѣчто болѣе широкое, чѣмъ истина и красота. Высшая нравственная цѣль, въ числѣ другихъ задачъ, которыя она ставитъ человѣку, требуетъ также, чтобы онъ стремился къ истинѣ и искалъ прекраснаго. Но съ другой стороны нравственность можетъ быть понимаема, какъ одна изъ формъ исканія и воплощенія въ жизни истины, именно той истины, которая можетъ быть названа истиной практической. Нравственность можетъ быть также разсматриваема, какъ одна изъ формъ исканія прекраснаго, какъ одинъ изъ видовъ стремленія къ созданію красоты. Та своеобразная красота, съ которой мы имѣемъ дѣло въ области нравственности, тѣмъ разнится отъ всѣхъ другихъ видовъ красоты, что ея элементами являются дѣятельныя состоянія самого творящаго человѣка.

Чтобы въ полной мѣрѣ оправдать принципъ гармоніи цѣлей, въ качествѣ высшаго принципа нравственности, показывается далѣе, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ принципамъ „удовольствія", „пользы", „счастія", „благополучія", а также къ понятію „категори-

ческаго императива“. И критика гедонизма и утилитаризма и критика морали безусловнаго долга (этики Канта) одинаково приводятъ къ признанію принципа гармоніи цѣлей верховнымъ принципомъ нравственнаго поведенія. Въ концѣ статьи обращается особенное вниманіе на то, что при примѣненіи принципа гармоніи цѣлей надо постоянно имѣть въ виду, что расширяется непрерывно и самая система цѣлей, такъ какъ это расширеніе системы цѣлей необходимо вытекаетъ изъ природы самой воли. Немаловажное значеніе въ этомъ процессѣ расширенія системы цѣлей имѣетъ и установленіе между цѣлями гармоніи. Оно ведетъ къ сбереженію психической энергіи, къ экономіи силъ, давая тѣмъ самымъ возможность оказавшемуся излишку силъ направиться на новыя цѣли болѣе сложныя и широкія.

Продолженіемъ статьи „О высшемъ принципѣ нравственности“ является статья „Общій очеркъ ученія о нравственности“. Статья эта представляетъ попытку дать краткій систематическій очеркъ этики съ точки зрѣнія принципа гармоніи цѣлей, обоснованію котораго была посвящена предшествующая статья. Обѣ эти статьи представляютъ такимъ образомъ какъ бы одну статью, которая могла бы быть названа „Этика гармоніи цѣлей“.

Область нравственной жизни разсматривается въ статьѣ „Общій очеркъ ученія о нравственности“ съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія, взаимно дополняющихъ другъ друга: сначала какъ ученіе о цѣляхъ жизни или объ обязанностяхъ, затѣмъ какъ ученіе о добродѣтеляхъ и, наконецъ, какъ ученіе о нравственныхъ благахъ. Что касается обязанностей человѣка, то высшая обязанность это — установленіе гармоніи между всѣми цѣлями человѣческой жизни и расширеніе самой системы цѣлей до предѣловъ возможнаго. Исходя изъ этой основной обязанности, я показываю, къ какимъ болѣе частнымъ и менѣе широкимъ она приводитъ. — Въ ученіи о добродѣтеляхъ сдѣлана попытка дать очеркъ тѣхъ основныхъ добродѣтелей, которыя являются не-

обходимыми въ дѣлѣ осуществленія нравственнаго идеала. Въ ученіи о нравственныхъ благахъ я прежде всего останавливаюсь на самомъ понятіи нравственнаго блага: Непосредственное значеніе нравственнаго блага имѣетъ только состояніе достигнутой гармоніи цѣлей, все остальное можетъ получить значеніе нравственнаго блага только косвеннымъ образомъ въ качествѣ средства или орудія для достиженія этого состоянія. Но состояніе достигнутой гармоніи цѣлей является нравственнымъ благомъ только въ томъ случаѣ, если оно не служитъ препятствіемъ для установленія гармоніи болѣе широкой и полной, если оно не выступаетъ съ притязаніемъ на абсолютное значеніе. Абсолютнаго совершенства не существуетъ, всякое совершенство относительно; абсолютное значеніе имѣетъ только вѣчный процессъ совершенствованія.—Наконецъ, въ послѣдней части статьи я разсматриваю вопросъ о мотивахъ, которые имѣютъ значеніе при проведеніи человѣкомъ въ жизнь нравственнаго идеала, и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя стоятъ на пути къ осуществленію въ полныхъ размѣрахъ въ области нравственной жизни принципа гармоніи цѣлей.

Къ этимъ обѣимъ, изложеннымъ мною, статьямъ тѣсно примыкаетъ статья „Гармонія и нравственная свобода". Въ ней показывается, что то противорѣчіе, которое при поверхностномъ взглядѣ, повидимому, существуетъ между принципомъ гармоніи и принципомъ нравственной свободы, есть въ дѣйствительности мнимое противорѣчіе и что между обоими принципами, наоборотъ, существуетъ тѣсная гармоническая связь, что въ высшемъ нравственномъ идеалѣ находитъ свое признаніе одинаково, какъ тотъ, такъ и другой принципъ.

Въ четырехъ слѣдующихъ за этимъ статьяхъ „Основныя задачи нравственнаго воспитанія", „Нужно ли обучать дѣтей нравственности", „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія" и „Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи" вопросы нравственнаго воспитанія получаютъ свое освѣщеніе съ точки зрѣнія принципа гармоніи цѣлей.

Первая изъ названныхъ статей появилась въ печати въ 1896 году, но она была мною написана еще въ 1894 году, когда я впервые началъ систематически работать надъ педагогическими вопросами. Для второй статьи я использовалъ мысли, высказанныя мною въ двухъ моихъ статьяхъ „Нѣкоторыя цѣли нравственнаго воспитанія" и „Обученіе дѣтей нравственности", помѣщенныхъ въ „Педагогическомъ Листкѣ" (первая въ №№ 3 и 4 за 1900 годъ, вторая въ №№ 5, 6, 7 и 8 за 1901 годъ). Воспроизводить эти статьи полностью въ настоящемъ сборникѣ я считаю излишнимъ въ виду ихъ отчасти библіографическаго характера, такъ какъ существеннымъ образомъ онѣ посвящены изложенію и критическому разбору одна—статьи Шарпа „Нѣкоторыя цѣли нравственнаго воспитанія", помѣщенной въ „Международномъ журналѣ по этикѣ" (International Journal of Ethics), другая—книги Дёринга „Handbuch der menschlichnatürlichen Sittenlehre für Eltern und Erzieher". Третья статья „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія" была напечатана въ 1900 году, хотя первые наброски ея я уже началъ дѣлать въ 1896 году. При составленіи ея потребовалась громадная работа, понадобились экскурсіи въ самыя разнообразныя области знанія, повидимому, не имѣвшія ничего общаго съ разрабатываемой темой; такъ, напр., одно время я даже углублялся въ изученіе психіатріи, и кромѣ того статья эта не разъ подвергалась мною передѣлкѣ, прежде чѣмъ приняла окончательный видъ. Наконецъ, четвертая статья была мною написана для литературнаго сборника „Къ правдѣ!", вышедшаго въ 1904 году.

Въ „Основныхъ задачахъ нравственнаго воспитанія" мною указывается на то основное значеніе, которое имѣетъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія развитіе воли въ смыслѣ цѣлепоставляющей дѣятельности и на необходимость возможно ранняго развитія въ дѣтяхъ творческаго отношенія къ жизни. Въ тѣсной связи съ развитіемъ воли стоитъ развитіе интеллектуальное, въ

области котораго надо стремиться къ гармоническому развитію, какъ способности къ воспріятію, памяти, такъ и способности къ творческой переработкѣ всего воспринятаго и усвоеннаго нашимъ умомъ. Въ тѣсной связи съ развитіемъ въ дѣтяхъ нравственной воли стоитъ и развитіе эмоціональное. Въ эмоціональномъ отношеніи основное нравственное чувство, которое надо развивать въ дѣтяхъ — это нравственная любовь. Указаніемъ, какъ развивать это чувство, и заканчивается упомянутая статья.

Въ статьѣ „Нужно ли обучать дѣтей нравственности“ мною указывается на то, что къ обученію дѣтей нравственности слѣдуетъ отнестись отрицательно, если подъ этимъ понимать стремленіе привить имъ тотъ или другой опредѣленный кодексъ нравственности. Обученіе нравственности должно имѣть своей задачей только доставленіе дѣтямъ матеріала для самостоятельнаго и независимаго моральнаго творчества.

Въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія особенно важную роль играетъ среда, окружающая ребенка, и подробному изслѣдованію этого вопроса посвящена статья „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія“.

Въ началѣ статьи опредѣляется самое понятіе среды, выясняется процессъ нравственнаго развитія, природа воли и сущность процесса развитія послѣдней. Затѣмъ я перехожу къ изслѣдованію того процесса взаимодѣйствія, которое устанавливается между личностью и окружающею ея средою: съ одной стороны мы имѣемъ взаимодѣйствіе между человѣкомъ и природой, съ другой— взаимодѣйствіе между человѣкомъ и окружающей его соціальной средой. Взаимодѣйствіе послѣдняго рода можетъ быть названо психическимъ и оно имѣетъ основное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Психическое взаимодѣйствіе приводитъ къ различнымъ результатамъ, смотря по тому, происходитъ ли оно на почвѣ психологическаго автоматизма или дѣйствующей творческой активности нашего духа. Результатомъ психическаго взаимодѣйствія на почвѣ психологическаго

автоматизма является подражаніе, пассивная симпатія и повиновеніе, или воспроизведеніе того, что имѣетъ мѣсто въ окружающей средѣ. Психическое взаимодѣйствіе на почвѣ дѣйствующей творческой активности нашего духа является, какъ обмѣнъ мыслей, имѣющій своимъ результатомъ ростъ объективнаго знанія, какъ обмѣнъ чувствованій, имѣющій своимъ результатомъ развитіе и расширеніе активной симпатіи и, наконецъ, какъ обмѣнъ хотѣній, имѣющій своимъ результатомъ сознательную общую волю. Выраженные короче эти результаты могутъ быть формулированы какъ возрастающее расширеніе личности и прогрессирующее объединеніе человѣчества. Послѣдняя форма психическаго взаимодѣйствія, въ которой получаетъ возможность развитія и совершенствованія творческая активность нашего духа, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ первая. Дѣйствующую творческую активность слѣдуетъ упражнять преимущественно передъ психологическимъ автоматизмомъ. Психологическій автоматизмъ слѣдуетъ развивать только въ той мѣрѣ, чтобы онъ являлся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дѣйствующей активности нашего духа. Исходя изъ установленныхъ выше положеній, дается очеркъ среды, наиболѣе благопріятной для нравственнаго развитія индивидуальной личности, а также указываются и тѣ задачи, которыя вытекаютъ для воспитателя изъ факта вліянія среды на нравственное развитіе ребенка. Въ заключеніи статьи устанавливается то положеніе, что педагогика находится въ самой тѣсной связи съ соціологіей и что осуществленіе ея высшихъ задачъ немыслимо, пока эта связь фактически не будетъ установлена.

Въ статьѣ „Къ вопросу о нравственномъ самовоспитаніи" этотъ послѣдній вопросъ разбирается также съ точки зрѣнія этики гармоніи цѣлей. Содержаніе статьи вкратцѣ сводится къ слѣдующему:

Вначалѣ разсматриваются тѣ условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ подобное нравственное самовоспитаніе. Такъ какъ задача нравственнаго самовоспита-

нія есть задача выработки изъ себя нравственной личности, то прежде всего и обсуждается вопросъ о томъ, какимъ образомъ можно выработать въ себѣ нравственную личность. Послѣ обсужденія, такимъ образомъ, задачи нравственнаго самовоспитанія въ ея цѣломъ дѣлается общій обзоръ того, какъ ставится эта задача, если имѣть въ виду въ частности выработку въ себѣ нравственнаго интеллекта, нравственныхъ чувствованій и нравственной воли.

Небольшая статья „Нравственное воспитаніе и свобода", непосредственно примыкающая къ тремъ предыдущимъ, затрогиваетъ очень важный вопросъ о свободѣ моральнаго творчества. Въ ней проводится та мысль, что въ основу нравственнаго воспитанія должно быть положено не стремленіе привить ребенку путемъ внушенія и опираясь на его склонность къ подражанію тѣ или другія нравственныя убѣжденія, а стремленіе пробудить въ немъ творческую работу мысли надъ проблемами нравственности. Нравственный идеалъ долженъ создаваться творчески самимъ ребенкомъ, а воспитатель долженъ озаботиться только доставленіемъ необходимаго матеріала для такой творческой работы. Только при свободѣ моральнаго творчества, нравственность выйдетъ изъ того оцѣпенѣлаго состоянія, въ какомъ она находится въ настоящее время, и нравственный прогрессъ человѣчества пойдетъ быстрыми шагами впередъ.

Въ слѣдующей статьѣ „Принципъ авторитета и его значеніе въ жизни и воспитаніи" сдѣлана попытка въ систематической формѣ соединить все то, что можетъ быть сказано въ защиту идеи свободы, которая противополагается здѣсь принципу авторитета и которая понимается въ смыслѣ освобожденія творческихъ силъ въ индивидуальной личности для возможнаго болѣе широкаго и безпрепятственнаго ихъ проявленія въ творческой работѣ. Статья посвящена критической оцѣнкѣ принципа авторитета, при чемъ несостоятельность этого принципа изслѣдуется послѣдовательно съ этической,

философской и соціологической точки зрѣнія. Вторая же половина этой статьи посвящена оцѣнкѣ принципа авторитета въ области воспитанія, при чемъ проблема „освобожденія ребенка“, являющаяся основной проблемой „новой педагогики“, разсматривается какъ частный случай проблемы поднятія той формы общественныхъ отношеній, которыя существуютъ между ребенкомъ и воспитателями, отъ типа подчиненія до типа соединенія на равныхъ началахъ.

Въ статьѣ „Въ чемъ основа воспитанія и образованія?“, написанной по поводу послѣднихъ статей Л. Н. Толстого „О воспитаніи“ и „Въ чемъ главная задача учителя“, подвергается изслѣдованію весьма важный вопросъ, можетъ ли быть основою воспитанія и образованія религіозно-нравственное пониманіе жизни, какой бы общій характеръ оно ни носило. Основная мысль, которая защищается въ статьѣ, заключается въ томъ, что религія и нравственность, какой бы возвышенный характеръ онѣ ни имѣли, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть основою воспитанія и образованія, а только зрѣлымъ плодомъ его, добытымъ путемъ собственныхъ самостоятельныхъ усилій. Ребенокъ долженъ творческимъ путемъ доходить до обладанія религіозною истиною и нравственностью. Роль воспитателей только въ томъ, чтобы облегчить свободный ростъ и развитіе истинной, творчески созданной каждой личностью самой для себя религіи и нравственности. Окончательный выводъ статьи въ томъ, что единственною истинною основою воспитанія и образованія можетъ быть только сама индивидуальная личность, объ образованіи которой идетъ дѣло, творческая работа ея души.

Наконецъ, послѣдняя статья „Этика, педагогика и политика“ ставитъ вопросъ о томъ отношеніи, которое существуетъ между тремя сферами человѣческой дѣятельности—этической, педагогической и политической. Разсмотрѣвъ послѣдовательно и отдѣльно каждую изъ этихъ дѣятельностей, я показываю ту тѣсную связь, которая существуетъ между ними. Передъ каждымъ

изъ насъ стоятъ три великія задачи: освобожденіе ребенка или молодого поколѣнія (педагогическая задача), освобожденіе самого себя (этическая задача) и освобожденіе общества (политическая задача) и всѣ эти три задачи могутъ быть разрѣшены только одновременно. Взрослое поколѣніе должно поработать надъ разрѣшеніемъ этихъ трехъ задачъ и ту троякаго рода дѣятельность, которая здѣсь требуется, оно должно стремиться слить въ одной гармонической работѣ, и въ той мѣрѣ, въ какой это ему удастся, въ той мѣрѣ ему удастся достигнуть и практическаго разрѣшенія тѣхъ проблемъ, надъ теоретическимъ разрѣшеніемъ которыхъ работаютъ этика, педагогика и политика.

Я изложилъ въ общихъ чертахъ содержаніе всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ, при чемъ на тѣхъ, которыя, съ моей точки зрѣнія, имѣютъ наиболѣе важное значеніе, остановился болѣе подробно. Уже при этомъ поверхностномъ бѣгломъ обзорѣ читателю должна броситься въ глаза та связь, которая существуетъ между ними. Въ большинствѣ случаевъ статьи эти являются или непосредственнымъ продолженіемъ другъ друга или затрагиваютъ вопросы, которые въ другихъ статьяхъ остались освѣщенными недостаточно полно, и потому являются какъ бы естественнымъ дополненіемъ предшествующихъ статей. Такимъ образомъ связь, которая существуетъ между статьями не чисто внѣшняя, а имѣетъ внутренній характеръ. И это понятно, потому что они были написаны не по тому или другому случайному поводу, а подъ давленіемъ внутренней потребности разобраться въ тѣхъ вопросахъ, которые я считалъ наиболѣе важными. Надъ разрѣшеніемъ проблемы нравственной жизни и надъ всѣми вытекающими отсюда вопросами неустанно работала моя мысль. Я пытался освѣтить себѣ эту проблему со всѣхъ сторонъ, я дѣлалъ для этого экскурсіи во всѣ области знанія, даже въ такія, которыя, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія къ этикѣ. Но этическая проблема неизбѣжно, въ концѣ

концовъ, должна была для меня связаться съ педагогической, потому что обѣ эти проблемы въ дѣйствительной жизни тѣсно и неразрывно соединены между собою. Такимъ образомъ, мало по малу выростала та этика и педагогика гармоніи цѣлей или свободной, гармонической, творческой личности, несовершенное изложеніе которой читатель находитъ на страницахъ этой книги. Принципъ гармоніи цѣлей или свободной гармонической творческой личности составляетъ основную идею, красною нитью проходящую черезъ всѣ статьи предлагаемой книги. Въ неясной и еще смутной формѣ онъ формулируется мною уже въ первой статьѣ „Мораль жизни и свободнаго идеала", гдѣ я говорю, что нравственность есть стремленіе къ установленію гармоніи между личностью и человѣчествомъ, что „идея цѣльности и неразрывнаго единства міра и живой индивидуальности составляетъ основаніе истинной теоріи нравственности". И затѣмъ въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности" все расширяющаяся и все возростающая въ своей сложности гармонія цѣлей ясно и опредѣленно выставляется, какъ высшая задача человѣка, какъ самое высокое творческое дѣло, лежащее на немъ. И выработка гармонической творческой личности, развитіе таящихся въ ребенкѣ творческихъ силъ до наибольшей возможной высоты во всѣхъ моихъ статьяхъ, посвященныхъ вопросамъ педагогики, признается мною какъ первая и основная цѣль воспитанія.

Уже въ первой изъ нихъ, въ „Основныхъ задачахъ нравственнаго воспитанія" я указываю на необходимость „съ малыхъ лѣтъ воспитывать въ человѣкѣ творческое отношеніе къ жизни" и съ самыхъ малыхъ лѣтъ, какъ только представится къ этому возможность, „заботиться о доставленіи дѣтямъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ практики сознательнаго вмѣшательства въ жизненныя событія". Въ статьѣ „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія" я становлюсь въ области педагогики еще болѣе рѣшительнымъ об-

разомъ на этотъ новый путь. Я зову въ ней родителей и воспитателей къ развитію воли въ ребенкѣ, къ развитію въ немъ сознательной творческой активности и предостерегаю отъ чрезмѣрнаго развитія всего, что носитъ въ душевной жизни автоматическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія мною подвергнута тамъ критикѣ какъ система нашего домашняго воспитанія, такъ и того образованія, которое даетъ ребенку современная школа. Эта система является системою дрессировки во всѣхъ ея видахъ и формахъ, а не тѣмъ истиннымъ воспитаніемъ, которое видитъ свою главную задачу въ развитіи въ ребенкѣ сознательной разумной творческой воли. Уже въ этой статьѣ я указываю на то важное значеніе, какое имѣетъ производительный трудъ въ дѣлѣ воспитанія. „Надо прилагать особенную заботу къ тому“, пишу я тамъ, „чтобы матеріальная среда, окружающая ребенка, какъ только представится къ этому возможность, служила ему поприщемъ для свободной творческой дѣятельности и для производительнаго труда, направленнаго на созданіе тѣхъ или другихъ матеріальныхъ благъ, съ которыми связано счастье человѣка или которыя служатъ источникомъ его гармоническаго развитія“. Такимъ образомъ великій путь „освобожденія ребенка“, на который рано или поздно должна будетъ наконецъ стать открыто какъ теоретическая, такъ и практическая педагогика, намѣчался передо мною болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ. И то, что высказывалось мною въ серіи изданій „Библіотеки свободнаго воспитанія и образованія“ въ моихъ книжкахъ „Освобожденіе ребенка“, „Какъ создать свободную школу“ („Домъ свободнаго ребенка“), „Новые пути воспитанія и образованія дѣтей“ и т. д., то было уже болѣе или менѣе полно развито мною въ упомянутыхъ выше статьяхъ, а въ этихъ книгахъ получило только болѣе подробную разработку съ точки зрѣнія практическаго осуществленія развивавшихся мною идей въ жизни. Въ виду обостренности момента борьбы за новую школу я называлъ „педагогику будущаго“

по преимуществу „педагогикой освобожденія ребенка"; это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и „педагогика творческой личности". Освобожденіе ребенка вездѣ мною понимается какъ устраненіе препятствій для развитія творческой воли въ ребенкѣ и вообще таящихся въ немъ творческихъ силъ до максимума. Если „освобожденіе ребенка" характеризуетъ задачу, стоящую передъ новой педагогикой, съ отрицательной ея стороны, то понятіе „творческой личности" выражаетъ ту положительную задачу, которая стоитъ передъ новой педагогикой и неотложно требуетъ своего скорѣйшаго разрѣшенія. Такимъ образомъ этика гармоніи цѣлей естественно и логически привела меня къ педагогикѣ свободной гармонической творческой личности.

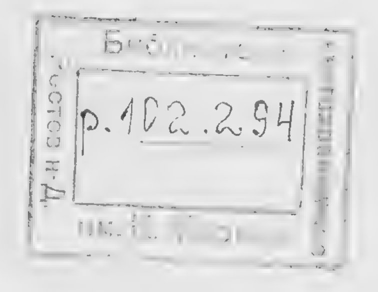
Итакъ, вотъ то внутреннее единство, которое связываетъ всѣ статьи этой книги въ одно цѣлое. Можно было бы, конечно, переработать ихъ въ отдѣльныя главы одного большого сочиненія, но авторъ счелъ это неудобнымъ главнымъ образомъ по слѣдующему соображенію. На каждую статью, какой бы научный и философскій характеръ она ни носила, можно смотрѣть какъ на своего рода художественное произведеніе, которое создавалось при извѣстномъ настроеніи или строѣ душевной жизни. Лучше сохранить этотъ строй душевной жизни, который отпечатлѣлся на статьѣ и составляетъ, такъ сказать, ея ароматъ, чѣмъ подвергать ее значительной переработкѣ и тѣмъ часто только уродовать ради того только, чтобы она вошла, какъ элементъ, въ какую-либо большую сложную архитектурную постройку.

Статьи, помѣщенныя въ этой книгѣ, написаны, какъ я уже сказалъ, на протяженіи двадцати лѣтъ и, безъ сомнѣнія, внимательный анализъ ихъ откроетъ въ нихъ, быть можетъ, и противорѣчія, но это—неизбѣжно. Все имѣетъ свою эволюцію и воззрѣнія каждой личности въ теченіе жизни находятся въ непрерывномъ процессѣ развитія. Мысли, которыя высказываются въ данный моментъ, не могутъ быть безусловно тожественными

съ мыслями, которыя высказывались много лѣтъ тому назадъ. Найдутся въ этой книгѣ, быть можетъ, и другіе пробѣлы и недочеты... Но я не теряю надежды въ будущемъ восполнить ихъ и болѣе полно и всесторонне освѣтить великія проблемы нравственности и воспитанія въ свѣтѣ исповѣдуемой мною теоріи свободнаго гармоническаго развитія жизни и сознанія. Вся моя предшествующая литературная дѣятельность имѣетъ для меня значеніе какъ вступленіе къ болѣе интенсивной, широкой и глубокой творческой работѣ въ томъ же направленіи и надъ тѣми же великими вопросами жизни.

К. Н. Вентцель.

Москва. 26 октября 1910 года.

Мораль жизни и свободнаго идеала [1]).

„Самое важное—научить жить. Жить же—не значитъ дышать, а дѣйствовать; это значитъ пользоваться органами, чувствами, способностями, всѣми частями нашего существа. Не тотъ человѣкъ дольше жилъ, который можетъ насчитать больше годовъ жизни, а тотъ, который больше чувствовалъ жизнь". (*Ж. Ж. Руссо*: „Эмиль или воспитаніе", стр. 7).

I.

Образъ жизни человѣчества, какъ опредѣляющій факторъ въ построеніи системъ нравственности.

Различныя системы нравственности, которыя вырабатываетъ развивающееся человѣчество въ процессѣ своего непрерывнаго и безостановочнаго развитія, являются результатомъ того образа жизни, который приходилось или приходится ему вести. Образъ жизни человѣка, находящійся въ зависимости отъ его потребностей и условій окружающей среды, выражается въ извѣстной совокупности обнаруживаемыхъ человѣкомъ дѣятельностей, которыя, ставя его въ то или иное отношеніе къ внѣшнему міру, къ людямъ и природѣ, опредѣляютъ и всю совокупность опытовъ, получаемыхъ имъ въ теченіе его жизни. Эти „опыты жизни", которые какъ бы записываются и запечатлѣваются въ орга-

1) Статья эта въ сокращенномъ видѣ была напечатана въ „Вопросахъ философіи и психологіи" за 1891 г., №№ 8, 9.

нической структурѣ нашего мозга, передаются нами вмѣстѣ съ этой структурой въ наслѣдіе будущимъ поколѣніямъ. Получаемые нами такимъ образомъ „опыты жизни“ опредѣляютъ картину нашей духовной жизни, наше субъективное отношеніе къ реальной дѣйствительности и, если у человѣка развилась уже способность къ отвлеченію и обобщенію, ту систему нравственности, которую создаетъ человѣческій умъ. Конечно, не надо никогда только упускать изъ виду при этомъ, что не исключительно одни опыты нашей индивидуальной жизни, но также и опыты жизни нашихъ предковъ, унаслѣдованные нами вмѣстѣ съ опредѣленной органической структурой мозга, переданные намъ путемъ устнаго преданія, записанные въ книгахъ или воплощенные въ извѣстныхъ, оставшихся отъ прошедшей жизни, общественныхъ учрежденіяхъ,—вся эта совокупность опытовъ является опредѣляющимъ моментомъ въ субъективныхъ построеніяхъ человѣческаго духа. Съ этой точки зрѣнія всегда бываетъ въ высшей степени интересно и полезно опредѣлить, какіе „опыты жизни“ вызвали построеніе той или другой системы нравственныхъ понятій. Это изслѣдованіе всегда способствуетъ правильной оцѣнкѣ данной системы, сужденію о томъ, насколько она приближается къ истинѣ и какую роль играетъ или можетъ играть,—если дѣло идетъ о создающейся, нарождающейся системѣ,—въ развитіи человѣческаго рода.

„Опыты жизни“, обусловливающіе построеніе той или другой системы нравственности, опредѣляются, какъ мы уже видѣли, тѣмъ образомъ жизни, который приходится вести человѣку и приходилось вести его предкамъ, тою совокупностью дѣятельностей, которыя характеризуютъ этотъ образъ жизни. Если въ этомъ образѣ жизни преобладаютъ дѣятельности какого-либо особеннаго рода, то этотъ преобладающій родъ дѣятельностей явится и существеннымъ опредѣлителемъ въ созданной человѣкомъ системѣ понятій. Поэтому для оцѣнки нравственныхъ системъ является въ высшей степени важнымъ умѣнье схватить существенныя характеристическія черты образа жизни той общественной эпохи, которая создала эти системы,—опредѣлить тѣ первенствующія дѣятель-

ности, которыя давали тонъ жизни данному обществу въ извѣстный переживаемый имъ періодъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ большое значеніе вопросъ о классификаціи различныхъ образовъ жизни, которые переживало или можетъ переживать общество и человѣкъ въ своемъ развитіи.

Спенсеръ въ „Основаніяхъ соціологіи" и въ „Развитіи политическихъ учрежденій" различаетъ два главныхъ, основныхъ образа жизни, согласно той или другой, господствующей, дѣятельности и два главныхъ, соотвѣтствующихъ имъ, существенно различныхъ общественныхъ типа: хищническій или воинственный и промышленный.

Первый типъ характеризуется преобладаніемъ дѣятельностей воинственнаго характера, служащихъ къ сохраненію даннаго общественнаго аггрегата въ его борьбѣ съ окружающими обществами, и кооперація, съ помощью которой поддерживается жизнь такого общества, есть кооперація принудительная. Требованія и стремленія индивидуальной личности здѣсь являются ничѣмъ, требованія цѣлаго общественнаго организма главенствуютъ надо всѣмъ; индивидуальная личность стирается, поглощается цѣлымъ и сводится какъ бы къ нулю. Безусловное подчиненіе власти представляетъ тутъ верховную добродѣтель, а сопротивленіе ей—преступленіе. Жизнь воинственныхъ обществъ, находящихся въ постоянной борьбѣ съ другими обществами, есть жизнь вражды, и ихъ религія, ихъ мораль являются отраженіемъ этой же самой вражды людей другъ съ другомъ, воспроизведеніемъ ихъ отношенія между собою, построеннаго на началѣ принужденія и авторитета.

Второй типъ общественнаго устройства характеризуется преобладаніемъ промышленныхъ дѣятельностей, совершенно противоположныхъ дѣятельностямъ воинственнымъ и которыя совершаются всегда на основаніи принципа свободнаго обмѣна. Кооперація, путемъ которой выполняются многообразныя дѣятельности общества, становится здѣсь коопераціей добровольной, т.-е. независимой отъ грубой физической силы, что однако не мѣшаетъ ей быть зависимой (въ ея переходныхъ формахъ) отъ косвенной силы экономическаго неравенства. Является убѣжденіе, прямо противоположное убѣж-

денію, возникающему при воинственномъ складѣ общества, убѣжденіе, что „комбинація дѣйствій общественнаго аггрегата имѣетъ своею цѣлью поддержаніе такого порядка вещей, который дѣлаетъ возможнымъ удовлетворительное веденіе индивидуальной жизни для каждаго изъ гражданъ“ [1]).

Эти различія двухъ типовъ общественнаго устройства Спенсеръ причисляетъ къ числу самыхъ важныхъ изъ тѣхъ, съ которыми имѣетъ дѣло соціологія [2])... Конечно, рѣзкое противоположеніе этихъ двухъ формъ дѣйствительная жизнь знаетъ въ очень малой степени и между обоими типами существуетъ безчисленное множество промежуточныхъ градацій; но тѣмъ не менѣе характеристика этихъ обоихъ типовъ даетъ намъ прекрасную руководящую нить для оцѣнки различныхъ системъ нравственности. Такъ, напр., не трудно убѣдиться, что всѣ тѣ теоріи нравственности, которыя намъ толкуютъ о внѣшнемъ, объективномъ долгѣ, обязательномъ въ силу ли политическаго авторитета, или авторитета религіозной власти, или авторитета общественнаго мнѣнія и т. д. однимъ словомъ, въ силу чего-то, находящагося внѣ насъ, а не внутри насъ,—всѣ эти теоріи выросли на лонѣ принудительной общественной коопераціи воинственнаго типа общества. А утилитарная теорія, ставящая въ основу нравственности личный интересъ и счастье, какъ прекрасно она гармонируетъ съ промышленнымъ типомъ общественной жизни, гдѣ экономическія отношенія и производство матеріальныхъ цѣнностей налагаютъ свой колоритъ на весь строй общественнаго обихода!.. Неужели же не существуетъ другого болѣе высокаго строя общественной жизни, который бы отличался болѣе высокимъ порядкомъ своихъ дѣятельностей и который могъ бы породить болѣе возвышенныя и благородныя системы нравственности?!...

У Спенсера мы встрѣчаемъ въ „Основаніяхъ соціологіи“ очень краткое указаніе на возможность такого строя, но, къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ сочиненій онъ не возвращается къ болѣе подробной его харак-

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Основанія соціологіи, стр. 624.
[2]) Тамъ же, стр. 630.

теристикѣ [1]). Этотъ общественный типъ, какъ говоритъ Спенсеръ, будетъ въ такой же мѣрѣ отличаться отъ промышленнаго типа, „въ какой этотъ послѣдній отличается отъ хищническаго“ [2]). Это будетъ типъ общественнаго устройства, „въ которомъ система органовъ поддержанія жизни будетъ развита гораздо полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ извѣстныхъ намъ обществъ, но въ которомъ продукты промышленности не будутъ употребляться ни на поддержаніе хищнической организаціи, ни даже исключительно на увеличеніе матеріальнаго благосостоянія, но будутъ посвящаться на выполненіе болѣе высокихъ дѣятельностей“..... „Контрастъ между хищническимъ и промышленнымъ типами выразился въ измѣненіи убѣжденія, — будто бы индивиды существуютъ для блага государства, въ обратное убѣжденіе,— что государство существуетъ для блага индивидовъ; подобнымъ же образомъ, и контрастъ между промышленнымъ типомъ и тѣмъ типомъ, который, по всей вѣроятности, разовьется изъ него современемъ, выразится въ измѣненіи убѣжденія,—будто бы цѣль жизни есть трудъ,—въ обратное убѣжденіе, что цѣль труда есть жизнь“ [3]).... Какъ знаменіе времени, намъ можетъ служить „умноженіе учрежденій и приспособленій для умственной и эстетической культуры и для другихъ дѣятельностей подобнаго же рода, не стремящихся къ прямому поддержанію жизни, но имѣющихъ своею непосредственною цѣлью простое удовольствіе“ [4]). Вотъ и всѣ тѣ указанія, которыя мы можемъ почерпнуть у Спенсера объ этомъ будущемъ типѣ общественной жизни.

Постараемся однако опредѣлить болѣе подробно этотъ возможный типъ общественнаго устройства, краткую характеристику котораго намъ даетъ Спенсеръ, для того, чтобы быть въ состояніи лучше разобраться среди существующихъ системъ нравственности и отличить между ними тѣ, которымъ принадлежитъ будущее и которыя являются, такимъ

---

[1]) Мы встрѣчаемъ еще указаніе по этому поводу въ „Основаніяхъ науки о нравственности“.

[2]) Спенсеръ. Основанія соціологіи, стр. 630.

[3]) Тамъ же, стр. 631.

[4]) Тамъ же, стр. 631.

образомъ, какъ бы предзнаменованіемъ этого самаго идеальнаго типа. Для того, чтобы лучше выяснить этотъ будущій новый типъ, который, по словамъ Спенсера, въ такой же мѣрѣ будетъ отличаться отъ „промышленнаго", въ какой этотъ послѣдній отличается отъ „хищническаго",—для этого взглянемъ на то, чѣмъ является промышленный типъ въ наивысшей степени своего развитія, т.-е. въ своей идеальной формѣ. Соберемъ въ одно цѣлое тѣ черты его, которыя намъ даетъ Спенсеръ въ „Развитіи политическихъ учрежденій" [1])... Сдѣлавъ это, т.-е., опредѣливъ предѣлъ развитія, котораго можетъ достигнуть промышленный типъ, мы получимъ, хотя и общее, но болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о томъ, въ какую форму этотъ типъ долженъ преобразоваться, для того, чтобы развитіе могло продолжаться далѣе.

Какъ извѣстно, первыя ступени общественнаго развитія характеризуются крайне недостаточнымъ развитіемъ производительной дѣятельности, почти полнымъ отсутствіемъ матеріальной культуры, благодаря неумѣнью человѣка пользоваться внѣшней природой для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ этомъ слабомъ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ и недостаточности средствъ существованія кроется причина беспрестанныхъ войнъ, которыя господствуютъ въ первый періодъ развитія общественной жизни. Война среди низшихъ племенъ является соціальною необходимостью, и эта первоначальная война, какъ доказываетъ намъ множествомъ фактовъ Летурно, очень часто походитъ на охоту, въ которой человѣкъ является дичью [2]). Не только война, но даже антропофагія представляетъ общественную необходимость этого перваго періода, характеризующагося глубокимъ презрѣніемъ къ человѣческой жизни [3])...

---

[1]) Кромѣ Спенсера матеріалы для классификаціи различныхъ образовъ жизни можно почерпнуть еще у Фулье (см. La science sociale contemporaine), у Летурно и т. д. Но для нашихъ цѣлей совершенно достаточно ссылки на Спенсера.

[2]) Letourneau Ch. L'évolution de la morale, p. 103, 104.

[3]) l. c. p. 78, 79.

Только по мѣрѣ того, какъ развивались общественныя производительныя силы, и человѣкъ научался различнымъ ремесламъ и обработкѣ земли; также по мѣрѣ того, какъ маленькія этническія группы, благодаря завоеваніямъ посредствомъ войнъ, разростались все въ болѣе и болѣе крупныя политическія организаціи, — только по мѣрѣ этого война становилась все въ меньшей и меньшей мѣрѣ соціальною необходимостью.... Извѣстная общественная группа дѣлалась все болѣе и болѣе безопасною отъ покушенія другихъ общественныхъ группъ на ея цѣлость... Существованіе общественнаго аггрегата, какъ таковаго, все болѣе и болѣе упрочивалось и, такимъ образомъ, становилось все въ большей степени возможнымъ перейти къ главной цѣли общественной жизни, къ обезпеченію и развитію жизни составляющихъ общество единицъ.

Смягченіе войны, хотя и требовало нѣкотораго развитія общественныхъ производительныхъ силъ, но такъ какъ война, по самому существу своему, находится въ антагонизмѣ съ мирными промышленными дѣятельностями,—то истинное развитіе промышленныхъ дѣятельностей, настоящій „матеріальный прогрессъ“ могъ начаться только тогда, когда это смягченіе было въ значительной мѣрѣ уже достигнуто. Послѣ періода преобладающей воинственной, хищнической дѣятельности долженъ начаться періодъ преобладающей промышленной дѣятельности, быстраго развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Этотъ періодъ общественной жизни и переживаетъ въ настоящее время Западная Европа, и по типу экономическихъ отношеній, которыя имѣютъ въ немъ господствующее значеніе, онъ можетъ быть названъ въ своей настоящей фазѣ развитія періодомъ „капиталистическаго производства“.

Конечно, трудно было бы предполагать, чтобы отъ тѣхъ воинственныхъ дѣятельностей, которыя царили въ періодъ преобладанія войнъ, не осталось тѣхъ или иныхъ результатовъ, въ качествѣ унаслѣдованнаго нами отъ нашихъ предковъ характера. Привычка къ хищническимъ дѣятельностямъ, къ грабежу и насилію, которая проявлялась прежде преимущественно въ формѣ явнаго политическаго

порабощенія одного общества другимъ, теперь начала проявляться преимущественно въ скрытой формѣ экономической эксплуатаціи одного члена даннаго общества другимъ членомъ. Политическая борьба обществъ отступила болѣе или менѣе на задній планъ, а на передній планъ выступила экономическая борьба личностей. Мѣсто грубаго явнаго насилія физической силы заняло скрытое насиліе силы матеріальнаго богатства....

Можно сказать, что промышленный типъ настоящаго времени есть переходная форма между воинственнымъ типомъ общества и тѣмъ идеальнымъ типомъ промышленнаго общества, какъ понимаетъ его Спенсеръ. „Полкъ солдатъ", говоритъ онъ, „можетъ заниматься земляными работами, другой — рубкой дровъ, третій — таскаціемъ воды; но отсюда не слѣдуетъ, что въ это время они становятся промышленнымъ обществомъ. Соединенные индивидуумы, совершающіе эти работы подъ командой и не имѣющіе своихъ частныхъ цѣлей въ ихъ производствѣ, хотя и занимаются производительнымъ дѣломъ, однако организованы не промышленно" [1]). Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что западно-европейскія общества, хотя и характеризуются преобладаніемъ промышленныхъ дѣятельностей, но что эти промышленныя дѣятельности еще организованы по типу военной организаціи. Мануфактура и фабрика представляютъ намъ насильственную кооперацію подъ командой капиталиста, являющуюся полнымъ воспроизведеніемъ воинственной организаціи съ ея іерархіей и насильственнымъ подчиненіемъ частныхъ цѣлей индивидуума цѣлямъ цѣлаго, въ которомъ онъ получаетъ значеніе только простого органа. Капиталистическій способъ производства является, по мнѣнію одного знаменитаго политико-эконома, необходимой стадіей общественнаго развитія; онъ представляетъ на извѣстной ступени развитія общества единственное возможное средство выработки общественныхъ производительныхъ силъ.... Только тогда, когда развитіе общественныхъ производительныхъ силъ достигнетъ извѣстной степени, когда привычки, поро-

---

[1]) Г. Спенсеръ. Развитіе политическихъ учрежденій, стр. 286.

жденныя долгимъ періодомъ воинственной жизни болѣе или менѣе исчезнутъ; когда мирныя договорныя и мѣновыя отношенія воспитаютъ въ людяхъ идеи равенства и свободы,— только тогда станетъ возможной организація идеальнаго промышленнаго типа, т.-е. такого типа, въ которомъ промышленныя дѣятельности будутъ и организованы промышленно...

Что же такое будетъ представлять изъ себя этотъ идеальный промышленный типъ, какъ намъ рисуетъ его Спенсеръ?.. Это будетъ прежде всего, по мнѣнію Спенсера, система договора „при которой усилія каждаго естественно возвращаются къ нему вновь, ни больше, ни меньше“ [1]). „При отсутствіи нуждъ въ тѣхъ корпоративныхъ дѣйствіяхъ, которыми могутъ быть утилизированы усилія всего общества для военныхъ цѣлей, здѣсь должна отсутствовать и потребность въ деспотическомъ, контролирующемъ органѣ“ [2]). Остающіяся дѣла управленія будутъ здѣсь заключаться „въ поддержаніи условій, требующихся для высшей индивидуальной жизни“. Эти условія состоятъ въ организаціи справедливости, которая обозначаетъ „предохраненіе и нормальную связь между дѣйствіями и ихъ результатомъ—иными словами достиженіе каждымъ наибольшей выгоды, эквивалентной съ его усиліями—ни больше, ни меньше. Чтобы люди жили и трудились въ предѣлахъ тѣхъ ограниченій, какія налагаются присутствіемъ другихъ, справедливость требуетъ, чтобы индивидуумы несли послѣдствія своего поведенія, безъ преувеличенія и уменьшенія. Существа высшія должны пользоваться благомъ, обусловленнымъ этимъ свойствомъ, а существа низшія—несутъ страданія, обусловливаемыя ихъ низостью. Слѣдовательно, надъ всякимъ общественнымъ дѣйствіемъ, которое отнимаетъ у кого-либо часть выгодъ, которыя они заслужили и даетъ другимъ выгоды, которыхъ они не заслужили—лежитъ veto“ [3]). Такъ какъ договорныя отношенія становятся въ промышленномъ типѣ „главными“, а въ развитой его формѣ даже „всеобщими“, то мы, развивая мысль Спенсера, должны предположить, что промышленное обще-

---

[1]) Тамъ же, стр. 294.
[2]) Тамъ же, стр. 291.
[3]) Тамъ же, стр. 292, 293.

ство въ идеальной своей формѣ будетъ представлять намъ всеобщій договоръ лицъ, изъ которыхъ каждое преслѣдуетъ свой частный эгоистическій интересъ, договоръ въ томъ, чтобы частные интересы каждаго не нарушались поползновеніями другихъ, что бы трудъ и усилія каждаго возвращались къ нему сполна, безъ всякаго вычета. Это будетъ, другими словами, всеобщій договоръ, имѣющій своимъ предметомъ устраненіе между людьми всѣхъ искусственныхъ общественныхъ неравенствъ и сведеніе ихъ къ однимъ неравенствамъ естественнымъ, обусловленнымъ внутренними силами и способностями каждаго индивидуума. Мы будемъ имѣть здѣсь, такимъ образомъ, самую смягченную, самую человѣколюбивую, если только здѣсь можно употребить это слово, войну человѣка съ человѣкомъ, ибо „существа высшія", какъ говоритъ Спенсеръ, будутъ наслаждаться, а „существа низшія" страдать...

Во всякомъ случаѣ идеальный промышленный типъ будетъ представлять такое высокое развитіе общественныхъ производительныхъ силъ, такіе громадные успѣхи матеріальнаго прогресса, что удовлетвореніе насущныхъ потребностей будетъ требовать ничтожнаго времени сравнительно съ тѣмъ, какое оно требуетъ въ настоящее время.... Трудъ, посвященный на обезпеченіе матеріальнаго существованія, будетъ поглощать далеко не все время каждой личности, и свободное время можетъ быть посвящено дѣятельностямъ иного рода, не имѣющимъ своею прямою цѣлью поддержаніе жизни, а скорѣе поднятіе ея цѣнности. Тѣ дѣятельности, которыя теперь являются удѣломъ незначительнаго меньшинства, тогда сдѣлаются удѣломъ всѣхъ. Къ числу этихъ дѣятельностей мы можемъ причислить, напр.: работу мысли, отыскапіе истины, художественное творчество, созданіе прекраснаго во всѣхъ его видахъ и формахъ и т. д. Однимъ словомъ, увеличится сфера тѣхъ дѣятельностей, которыя направлены не столько на удовлетвореніе матеріальной стороны нашей природы, сколько на удовлетвореніе ея идеальной стороны.

Къ этому результату, который неизбѣжно долженъ возникнуть на почвѣ идеальнаго промышленнаго общества, мы должны прибавить еще и другой результатъ, — имен-

но все болѣе и болѣе широкое развитіе личной иниціативы, индивидуальной свободной дѣятельности. Увеличеніе дѣятельностей, имѣющихъ чисто идеальный характеръ, интеллектуальныхъ, эстетическихъ и нравственныхъ, не связанныхъ ни съ какой матеріальной выгодой, должно будетъ способствовать выработкѣ безкорыстныхъ чувствъ и перемѣщенію центра тяжести нашей активности все въ большей и большей мѣрѣ на другихъ людей.... Всеобщее и идеальное все въ болѣе сильной степени будетъ становиться цѣлью каждаго изъ людей, цѣлью, способной въ наибольшей степени удовлетворить человѣческую мысль.... А параллельно съ этимъ будетъ развиваться широкая и безграничная любовь къ жизни, о какой мы въ настоящее время не имѣемъ даже и понятія,—любовь, которая будетъ охватывать собой всякое трепетаніе жизни, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась, и которая, во всякомъ случаѣ, будетъ заключать въ себѣ безпредѣльную любовь къ человѣчеству...

Идеальный промышленный типъ еще оставляетъ внутри себя, хотя и самую смягченную, но все-таки форму борьбы за существованіе... Это все-таки есть въ нѣкоторой степени, хотя и гуманное, но „царство силы"... Свободныя личности, воспитанныя на его лонѣ, выработавшія въ себѣ привычку къ преслѣдованію идеальныхъ цѣлей, охваченныя глубокою любовью къ человѣчеству и созданному ими свободно идеалу, эти личности не могутъ болѣе удовлетвориться узкими рамками этой формы общества... Всякая борьба человѣка съ человѣкомъ, какъ бы мягка она ни была, должна быть уничтожена; царство внѣшней справедливости, какъ опредѣляетъ ее Спенсеръ, которая допускаетъ людей высшихъ и низшихъ, должно быть устранено. Эта справедливость, которая все-таки еще является формулою борьбы за жизнь, не мирится съ безкорыстною любовью, воспитанною въ сердцѣ „новаго человѣка"... И тогда вмѣсто стараго общества, имѣющаго своею цѣлью „организацію справедливости", возникаетъ новое общество, имѣющее своею цѣлью воплощеніе идеала безкорыстной всеобъемлющей любви....

Несомнѣнно, что на почвѣ дѣятельностей, характеризующихъ этотъ типъ, явится и соотвѣтствующая имъ совер-

шенная система нравственности, но уже и въ настоящее время между различными существующими системами нравственности мы можемъ, вѣроятно, отмѣтить систему, которая наиболѣе приближается къ этой совершенной системѣ, выражающей собою этотъ болѣе совершенный типъ общественности... Уже и въ настоящее время, какъ мы говорили, существуютъ тѣ дѣятельности, которыя характеризуютъ собою высшій типъ общественной жизни; только въ настоящее время онѣ занимаютъ скромное мѣсто и ограничиваются ничтожнымъ количествомъ личностей, — въ будущемъ же онѣ станутъ на главномъ фонѣ и привлекутъ къ себѣ всѣ наличныя силы...

Все это показываетъ, что уже и въ настоящее время существуетъ почва хотя для приблизительнаго созданія этой будущей системы нравственности, возвышающейся надъ уровнемъ современнаго порядка, этой „морали жизни и свободнаго идеала", глубоко разнящейся и отъ „морали объективнаго долга" и отъ „морали пользы" или „удовольствія".... И дѣйствительно мы встрѣчаемъ попытки созданія такой системы... На одной изъ этихъ попытокъ мы и остановимся въ настоящей статьѣ, а именно на попыткѣ талантливаго французскаго мыслителя Гюйо построить нравственность,—съ одной стороны, безъ всякаго мистическаго, сверхъ-естественнаго обязательства, безъ всякаго внѣшняго, объективнаго долга, который является духовнымъ продуктомъ хищническаго типа общества, — съ другой стороны, устранивъ изъ нея и личный матеріальный интересъ или стремленіе къ счастью, которое кладутъ въ основу нравственности утилитаристы, вѣрные выразители промышленной формы.

II.

Необходимость дать мѣсто въ области морали наряду съ наукой свободной метафизической гипотезѣ.

Въ своемъ сочиненіи „La morale anglaise contemporaine", резюмируя общіе выводы критическаго обзора англійской морали, Гюйо спрашиваетъ себя: „Къ какому же результату

мы приходимъ послѣ этой долгой критики всѣхъ утилитарныхъ системъ, основанныхъ на поискахъ удовольствія, счастья, благосостоянія или просто нормальныхъ условій жизни? Кажется, что мы могли бы формулировать слѣдующее заключеніе,—именно, что трудно основать на простыхъ фактахъ, съ помощью чисто-научныхъ наведеній и безъ метафизическихъ гипотезъ, систему нравственности въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ берется это слово обыкновенно" [1]). Это сознаніе невозможности построить научную систему нравственности, опирающуюся на однихъ только положительныхъ данныхъ опыта и которая по своему объему была бы сопротяженна со всею сферою обыкновенной практической нравственности,—это сознаніе составляетъ отличительную черту постановки нравственныхъ вопросовъ за послѣднее время. Дать мѣсто въ области морали метафизикѣ, въ благородномъ смыслѣ этого слова, оказывается неизбѣжнымъ, если только мы не хотимъ поставить человѣка въ пассивное положеніе передъ множествомъ важныхъ задачъ, которыя ставятся ему на каждомъ шагу жизнью, и на которыя наука отказывается дать ему какой-либо точный и опредѣленный отвѣтъ. Но только метафизика, которую принуждены допустить новѣйшія системы нравственности,—не прежняя апріорная метафизика, съ ея категорическимъ императивомъ, съ ея абсолютною обязанностью и санкціей, съ ея безусловными рѣшеніями,—эта метафизика не можетъ уживаться рядомъ съ положительной наукой. Ея мѣсто замѣнила свободная метафизическая гипотеза по поводу всѣхъ тѣхъ „проклятыхъ вопросовъ", на которые отказывается отвѣчать наука,—гипотеза обязательная только для того, кто ее составилъ, и могущая имѣть „убѣдительный", но отнюдь не обязательный характеръ по отношенію ко всѣмъ другимъ. „Гдѣ прекращается знаніе,—говоритъ А. Фулье,—тамъ должна начинаться метафизика, и въ особенности метафизика въ дѣйствіи,—эта поэзія жизни, быть-можетъ болѣе вдохновенная, чѣмъ наука, и болѣе глубокая, чѣмъ метафизика абстрактная, и которая выражается въ

[1]) M. Guyau: „La morale anglaise contemporaine", p. 371 и 372.

добродѣтели, самоотверженіи, любви къ другимъ“ [1]). А изъ другого его сочиненія —„Критика современныхъ системъ нравственности“ —мы ясно убѣждаемся, что подъ этой метафизикой Фулье разумѣетъ не абсолютную апріорную метафизику старыхъ философскихъ школъ, которыя имѣютъ претензію воображать, что онѣ обладаютъ полнымъ „пониманіемъ абсолютнаго блага“, и что ихъ идеалъ является универсальнымъ, обязательнымъ для всѣхъ людей. „Такъ какъ всякая идея объ абсолютномъ благѣ — не что иное, какъ проблема, то никто не имѣетъ права—ни раціональнаго, ни соціальнаго—дѣйствовать такъ, какъ бы онъ обладалъ объективной достовѣрностью; онъ можетъ только воздерживаться относительно другихъ, когда другіе не раздѣляютъ тѣхъ же мнѣній, или дѣйствовать съ ихъ помощью, когда тѣ представляютъ себѣ одинаково съ нимъ идеалъ, неуловимый для науки“ [2]).

Такимъ образомъ, самые выдающіеся представители послѣднихъ нравственныхъ теорій во Франціи, Фулье и Гюйо, одинаково пришли къ тому заключенію, что этика, какъ наука, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на то, чтобы охватить всю сферу нравственныхъ дѣйствій человѣка, какъ это имѣла претензію сдѣлать, по мнѣнію Гюйо, утилитарная и эволюціонная система нравственности. Это расширеніе своего объема она покупала, по его мнѣнію, цѣною насилованія фактовъ... Но ограничить такимъ образомъ науку — значитъ ли пошатнуть ея истинность? Нисколько: это значитъ только придать ей „бо̀льшій характеръ достовѣрности“. „Этика истинно-научная не должна претендовать на то, чтобы все обнимать, и далекая отъ того, чтобы преувеличивать объемъ своей области, она должна бы стараться о томъ, чтобы самоё себя ограничить. Нужно, чтобы она согласилась сказать чистосердечно: въ такомъ-то и такомъ случаѣ я ничего вамъ не могу предписывать; нѣтъ болѣе ни обязанности, ни санкціи; совѣтуйтесь съ вашими

---

[1]) A. Fouillée: „La liberté et le déterminisme“, p. 358.

[2]) A. Fouillée: „Critique des systèmes de morale contemporains“, Par. 1883, p. XII (русское изд. стр. 9). Ср. его же „L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience“, Par. 1889.

инстинктами, съ вашими симпатіями и отвращеніями; создавайте метафизическія гипотезы о сущности вещей, о назначеніи существъ и вашемъ собственномъ,—начиная отъ этого опредѣленнаго пункта, вы предоставлены на ваше собственное „самоуправленіе" (self-government). Это есть свобода въ морали, состоящая не въ отсутствіи всякаго регулированія, но въ воздержаніи отъ регулированія, всякій разъ, какъ оно не можетъ быть оправдано съ достаточной точностью"[1]). Установленію такимъ образомъ ограниченной научной теоріи нравственности Гюйо и посвящаетъ свое замѣчательное сочиненіе: „Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction" Этотъ трудъ представляетъ намъ попытку построить систему нравственности на однихъ строго-научныхъ данныхъ, безъ всякой абсолютной обязанности и абсолютной санкціи, и указать, гдѣ кончается эта наука о нравственности и гдѣ вступаетъ въ свои права метафизика,— гдѣ нравственность, выражаясь словами Фулье, перестаетъ быть „реализированнымъ знаніемъ", а становится перенесеніемъ въ практику „высокихъ нравственныхъ гипотезъ, ...вѣрованій, стоящихъ выше доказательствъ", становится реализаціей знанія „только возможнаго и вѣроятнаго, а не положительнаго и достовѣрнаго"[2]). Посмотримъ же, какъ справляется Гюйо съ этой задачей.

III.

Общія основанія „морали жизни" Гюйо.

„Мораль, основанная на фактахъ,— говоритъ Гюйо,— не можетъ представлять индивидууму, въ качествѣ первой побудительной причины дѣйствія, благо или счастье общества, потому что счастье общественное находится часто въ антагонизмѣ со счастьемъ индивидуума. Въ случаяхъ подобнаго противоположенія, общественное счастье, какъ таковое, можетъ сдѣлаться для личности сознательною цѣлью только

---

[1]) M. Guyau: „Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction", p. 2, 3.

[2]) A. Fouillée: „Critique des systèmes de morale contemporains", p. 23 (русское изд., стр. 39).

въ силу чистаго безкорыстія; но это чистое безкорыстіе невозможно констатировать, какъ фактъ, и существованіе его во всѣ времена было оспариваемо. Такимъ образомъ, для того, чтобы съ самаго начала не заключать въ себѣ постулатъ, не могущій быть провѣреннымъ, мораль должна прежде всего быть индивидуалистична; она должна заниматься судьбами общества только въ той мѣрѣ, въ какой онѣ охватываютъ болѣе или менѣе судьбы личности“ [1]). Въ томъ-то и заключалась, по мнѣнію Гюйо, коренная ошибка утилитаристовъ, какъ Стюартъ Милль, и даже эволюціонистовъ, что они сплавляли въ одно цѣлое соціальную и индивидуальную стороны нравственной проблемы. Но эта индивидуалистическая мораль, основанная на фактахъ, не представляетъ однако ни въ какомъ случаѣ отрицанія морали метафизической или религіозной, основанной, напримѣръ, на какомъ-нибудь безличномъ идеалѣ: далекая отъ такого намѣренія, она просто только построена въ совершенно другой сферѣ. Эта мораль не думаетъ ни отрицать, ни исключать какихъ-либо цѣлей, которыя ставятся метафизиками, какъ желательныя (désirables),— она просто только оставляетъ въ сторонѣ понятіе желательнаго, какъ стоящее выше нея, и ограничивается констатированіемъ того, что желается нами на самомъ дѣлѣ. Цѣли, преслѣдуемыя въ дѣйствительности людьми и всѣми живыми существами, въ высшей степени многообразны; однако, такъ какъ жизнь представляетъ повсюду общія свойства и одинъ и тотъ же типъ организаціи, то въ высшей степени вѣроятно, что цѣли, преслѣдуемыя различными индивидуумами, сводятся болѣе или менѣе къ единству. „Эта единственная цѣль дѣйствія не можетъ быть ни „благомъ“, являющимся неопредѣленной концепціей, которая, когда желаютъ ее опредѣлить, разрѣшается въ метафизическія гипотезы,— ни обязанностью, которая не представляется уже болѣе для науки основнымъ, примитивнымъ, ни на что не сводимымъ началомъ,— ни даже, можетъ-быть, счастьемъ“...

---

[1]) M. Guyau: „Esquisse d'une morale“, p. 7.

Въ чемъ же заключается, однако, естественная цѣль человѣческихъ дѣйствій? Гдѣ та точка, въ которую цѣлится человѣчество и которая одинаково существуетъ для всѣхъ живыхъ существъ, „гдѣ тотъ центръ универсальнаго усилія существъ, на который направлены удары великой случайности вещей (les coups du grand hasard des choses), — причемъ, можетъ-быть, ни одинъ изъ этихъ ударовъ никогда не попадалъ вполнѣ точно; при чемъ, можетъ-быть, цѣль никогда вполнѣ не достигалась?“ Согласно „гедонистамъ“, естественное направленіе каждаго дѣйствія есть минимумъ страданія и максимумъ удовольствія: въ своей эволюціи жизнь сознательная всегда слѣдуетъ линіи наименьшаго страданія. Не оспаривая этого опредѣленія, Гюйо находитъ, тѣмъ не менѣе, что оно еще слишкомъ узко, „потому что оно примѣняется только къ актамъ сознательнымъ и болѣе или менѣе произвольнымъ, а не къ актамъ безсознательнымъ и автоматическимъ, которые совершаются, слѣдуя просто линіи наименьшаго сопротивленія“. А между тѣмъ мы должны признать, что сознаніе обнимаетъ только долю и притомъ довольно ограниченную долю жизни и дѣятельности. „Даже дѣйствія, которыя совершаются съ полнымъ сознаніемъ самихъ себя, имѣютъ вообще свое начало и свое первое происхожденіе въ скрытыхъ инстинктахъ и въ рефлективныхъ движеніяхъ. Сознаніе является только маленькой свѣтящейся точкой въ огромной темной сферѣ жизни“. Естественная пружина дѣйствія прежде, чѣмъ явиться въ сознаніи, должна была уже дѣйствовать до него, такъ сказать, подъ нимъ, въ темной области инстинктовъ; постоянная цѣль дѣйствія должна была быть первоначально постоянною причиною движеній болѣе или менѣе безсознательныхъ. Въ сущности, цѣли суть не что иное, какъ обычныя двигательныя причины (causes motrices), достигшія сознанія самихъ себя; всякое волевое движеніе началось въ качествѣ движенія самопроизвольнаго, исполняемаго слѣпо, потому что послѣднее представляло наименѣе сопротивленія; всякое желаніе сознательное было сначала инстинктомъ. Сфера конечныхъ цѣлей совпадаетъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ центрѣ, со сферою дѣйствующихъ причинъ. „Такимъ обра-

зомъ, тотъ вопросъ, который мы раньше ставили въ такой формѣ: какова цѣль, къ которой постоянно направляется дѣйствіе, преобразуется съ другой точки зрѣнія въ слѣдующій вопросъ: въ чемъ заключается постоянная причина дѣйствія? Въ круговоротѣ жизни та точка, въ которую цѣлятся, совпадаетъ съ той самой точкой, откуда направляются удары".

„Мы думаемъ, — говоритъ Гюйо, — что мораль истинно-научная, чтобы быть полной, должна допустить, что поиски удовольствія суть послѣдствіе инстинктивнаго усилія сохранить и увеличить жизнь: цѣль, которая, на самомъ дѣлѣ, опредѣляетъ всякое дѣйствіе сознательное, есть также причина, которая производитъ всякое дѣйствіе безсознательное: это—сама жизнь,—жизнь въ одно и то же время наиболѣе интенсивная и наиболѣе разнообразная въ своихъ формахъ. Съ самаго перваго трепетанія зародыша во чревѣ матери до послѣдней предсмертной судороги старика, всякое движеніе существа имѣетъ своей причиной жизнь въ ея эволюціи; эта универсальная причина нашихъ дѣйствій, съ другой точки зрѣнія, является постояннымъ слѣдствіемъ и цѣлью. Стремленіе упорствовать въ жизни есть законъ самой жизни не только у человѣка, но у всѣхъ живыхъ существъ, быть-можетъ, даже у послѣдняго атома эѳира." [1]).

Такимъ образомъ, мораль, основанная исключительно на однихъ положительныхъ фактахъ, можетъ быть опредѣлена, по мнѣнію Гюйо, какъ наука, которая имѣетъ своимъ предметомъ всѣ средства сохраненія и увеличенія матеріальной и интеллектуальной жизни. „Законы этой морали будутъ тожественны съ законами самой жизни, и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ теоремъ, наиболѣе общихъ, эта мораль будетъ имѣть значеніе для всѣхъ живыхъ существъ". Если бы кто-либо вздумалъ возразить, что средства сохранить физическую жизнь относятся гораздо скорѣе къ гигіенѣ, чѣмъ къ нравственности, то на это, какъ думаетъ Гюйо, можно было бы отвѣтить, что умѣренность, уже съ давнихъ поръ помѣщаемая между добродѣтелями, практически есть только

[1]) l. c. p. 11.

примѣненіе гигіены. Увеличивать интенсивность жизни, согласно этой морали, это значитъ—увеличивать область активности во всѣхъ ея формахъ (въ размѣрѣ, совмѣстимомъ съ возстановленіемъ силъ).

Изложивъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ основанія „морали жизни", Гюйо задается вопросомъ, какое мѣсто слѣдуетъ отвести въ лонѣ ея гедонизму или „морали удовольствія". Удовольствіе есть состояніе сознанія, которое, согласно съ психологами и физіологами, связано съ возрастаніемъ жизни; откуда слѣдуетъ, что правило: увеличивай постояннымъ образомъ интенсивность своей жизни, совпадаетъ, въ концѣ концовъ, съ правиломъ: увеличивай постояннымъ образомъ интенсивность своего удовольствія. Гедонизмъ, такимъ образомъ, можетъ продолжать свое существованіе, но во второмъ ряду, и гораздо скорѣе какъ послѣдствіе, чѣмъ какъ принципъ. „Всѣ англійскіе моралисты говорятъ: удовольствіе есть единственный рычагъ, которымъ можно двигать живое существо. Но эта односторонность въ воззрѣніи англійской школы происходитъ отъ того, что она обращала слишкомъ большое вниманіе на одинъ родъ удовольствія, который соотвѣтствуетъ частной и внѣшней формѣ активности (удовольствіе ѣсть, пить и т. д.), — между тѣмъ какъ существуетъ другой, болѣе важный родъ удовольствія, который связанъ съ самимъ основаніемъ этой активности (удовольствіе жить, хотѣть, мыслить и т. под.). Въ первомъ случаѣ удовольствіе вполнѣ чувственно; во второмъ случаѣ оно имѣетъ болѣе глубоко-жизненный характеръ и болѣе независимо отъ внѣшнихъ предметовъ: оно составляетъ одно съ самимъ сознаніемъ жизни. Не всегда люди дѣйствуютъ въ виду достиженія частнаго, опредѣленнаго удовольствія, внѣшняго по отношенію къ самому дѣйствію; иной разъ они дѣйствуютъ ради удовольствія дѣйствовать,—живутъ, чтобы жить,—мыслятъ, чтобы мыслить". Въ насъ существуетъ накопленная сила, которая требуетъ своего израсходованія; но не слѣдуетъ предполагать, что эта накопленная активность развертывается единственно въ виду удовольствія,—съ удовольствіемъ въ качествѣ мотива. Жизнь развертывается и упражняется, потому что она жизнь... Удовольствіе гораздо

скорѣе сопровождаетъ у всѣхъ существъ поиски жизни, чѣмъ вызываетъ ихъ; необходимо прежде всего жить, а потомъ наслаждаться. „Удовольствіе, какъ и органъ, проистекаетъ отъ функціи... Позднѣе, впрочемъ, какъ и самый органъ, оно воздѣйствуетъ на функцію... Но удовольствіе не есть первое; первое и послѣднее,—это функція, это жизнь“. Разъ извѣстна интенсивность жизни у какого-нибудь существа съ различными, возможными для ея активности, способами обнаруженія, то можно напередъ предсказать то направленіе, принять которое явится внутреннимъ побужденіемъ даннаго существа, подобно тому, какъ астрономъ могъ бы предсказать ходъ звѣзды въ силу одного только знанія ея массы, скорости и дѣйствія на нее другихъ звѣздъ.

Отсюда видно, какое положеніе, по мнѣнію Гюйо, должна занять наука нравовъ —, безъ метафизики — въ вопросѣ о нравственной цѣли. „Имѣя съ одной стороны данной безсознательную область инстинктовъ, обыкновеній, скрытыхъ воспріятій, съ другой стороны — сознательную область размышленія и обдуманной воли,—мораль находится на границѣ этихъ обѣихъ областей: она есть, такимъ образомъ, единственное знаніе, которое не имѣетъ своимъ предметомъ ни фактовъ исключительно безсознательныхъ, ни фактовъ исключительно сознательныхъ. Она должна отыскивать тенденцію, которая была бы обща этимъ обоимъ порядкамъ фактовъ и которая могла бы связать обѣ эти области“.

IV.

Принципъ „плодородія жизни“ у Гюйо.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Гюйо, „универсальный инстинктъ жизни, то безсознательный, то сознательный, доставляетъ для нравственной науки единственную достовѣрную цѣль“. Однако тутъ мораль жизни наталкивается на одно довольно крупное затрудненіе: область жизни представляетъ борьбу индивидуальностей, соревнованіе всѣхъ существъ за счастіе и иной разъ даже за простое существованіе. Найти ключъ для примиренія этихъ противоположныхъ интересовъ и стремленій, которыя рождаются въ круговоротѣ жизни,

соединить въ одно цѣлое такія два, повидимому или въ дѣйствительности, противоположныя начала, какъ эгоизмъ и альтруизмъ,—такова задача, которую моралистъ себѣ главнымъ образомъ ставитъ. Для этой цѣли онъ пытается призвать вѣчный, сверхестественный, сверхчувственный законъ, стоящій выше самой жизни. Гюйо отказывается обращаться къ подобному закону, по крайней мѣрѣ, какъ къ закону... „Сверхчувственный міръ,—говоритъ онъ,—мы помѣстили въ области гипотезъ; а не изъ гипотезы можетъ быть извлеченъ законъ... Мы снова обязаны обратиться къ жизни, чтобы регулировать жизнь. Но, въ такомъ случаѣ, это — жизнь болѣе полная и болѣе широкая, которая можетъ регулировать жизнь менѣе полную и менѣе широкую,—таково на самомъ дѣлѣ единственное правило для морали истинно-научной“ [1]). Свойство жизни, которое позволяетъ въ нѣкоторомъ размѣрѣ соединить эгоизмъ и альтруизмъ, есть то, что Гюйо называетъ „нравственнымъ плодородіемъ“ (fécondité morale). „Нужно, чтобы жизнь индивидуальная расходовалась для другихъ, на другихъ и, въ случаѣ нужды, отдавала бы себя... Это распространеніе жизни, ея экспансивность, не противъ ея природы; она, напротивъ того, согласна съ ея природой; болѣе того, она есть само условіе истинной жизни. Жизнь индивидуальная экспансивна для другого, потому что она плодородна, а плодородна она по тому самому, что она—жизнь“. Прослѣдимъ за тѣмъ ходомъ мысли, какимъ Гюйо доходитъ до установленія этого замѣчательнаго и крайне важнаго для моралиста качества жизни.

Существованіе и жизнь, съ точки зрѣнія физіологической, представляетъ питаніе,—слѣдовательно, присвоеніе, преобразованіе для себя силъ природы. Но существо имѣетъ всегда надобность накоплять излишекъ силы, даже для того, чтобы имѣть необходимое: сбереженіе есть законъ самой природы. Что станется съ этимъ излишкомъ силы, накопленной всякимъ здоровымъ существомъ, съ этимъ изобиліемъ, которое природѣ удается произвести? Оно можетъ сначала быть израсходовано на произведеніе потомства, что представляетъ

[1]) l. c., p. 245.

простой случай питанія. Воспроизведеніе, какъ говоритъ Геккель, есть излишекъ питанія и роста, въ силу котораго часть индивидуума становится вполнѣ независимой. Въ элементарной клѣточкѣ произведеніе потомства принимаетъ форму простого дѣленія. Когда воспроизведеніе принимаетъ характеръ полового размноженія, то для міра начинается, можно сказать, новая нравственная фаза. „Организмъ индивидуальный перестаетъ быть изолированнымъ; центръ его тяготѣнія перемѣщается постепенно, и онъ будетъ перемѣщаться все болѣе и болѣе". Однако, половой инстинктъ есть только особенная форма общей потребности въ плодородіи; потребность же эта, симптомъ излишка силы, дѣйствуетъ не только на спеціальные органы размноженія,—она дѣйствуетъ на весь организмъ въ цѣломъ; она оказываетъ сверху до низу существа родъ давленія, которое обнаруживается также, кромѣ сферы размноженія, еще и въ области интеллекта, чувствованія и воли.

Плодородіе интеллектуальное стоитъ въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ физическою производительностью. Организмъ не можетъ совершать безъ страданія этотъ двойной расходъ: въ животныхъ видахъ физическое плодородіе, какъ кажется, уменьшается съ развитіемъ мозга. „Потребность интеллектуальнаго плодородія еще болѣе, чѣмъ потребность въ половомъ размноженіи, глубоко измѣняетъ условія жизни въ человѣчествѣ. Мысль, на самомъ дѣлѣ, безлична и безкорыстна". — Подобно тому, какъ упражняется нашъ умъ, и эмоціональная и чувствующая наша сторона тоже хочетъ упражняться. „Мы оказываемся недостаточными для самихъ себя, мы имѣемъ болѣе слезъ, чѣмъ намъ необходимо для нашихъ собственныхъ страданій, болѣе радостей въ запасѣ, чѣмъ оправдывается нашимъ собственнымъ счастьемъ. Необходимо итти къ другимъ, умножать себя самого посредствомъ общенія мыслей и чувствъ". Въ высокихъ удовольствіяхъ существуетъ сила расширенія, всегда готовая разбить слишкомъ тѣсную и узкую оболочку нашего „я". Эти удовольствія представляютъ полный контрастъ съ удовольствіями очень низменными, которыя иной разъ эгоистичны. Но, какъ въ интеллектуальномъ плодородіи, такъ и здѣсь

надо избѣгать чрезмѣрнаго расширенія жизни, — „расходъ долженъ быть только возбужденіемъ жизни, но не истощеніемъ ея". Дѣло морали—ограничить инстинктъ производительности.—Остается еще упомянуть о плодородіи воли. Мы имѣемъ потребность „отпечатлѣвать форму нашей активности на мірѣ. Дѣйствіе стало родомъ необходимости для большинства людей. Наиболѣе постоянная и наиболѣе правильная форма дѣйствія, это — трудъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ требуетъ. Дикарь не способенъ къ истинному труду, и тѣмъ болѣе не способенъ, чѣмъ онъ ниже стоитъ на лѣстницѣ развитія. Съ теченіемъ времени трудъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ для человѣка. Трудъ же есть явленіе одновременно экономическое и нравственное, гдѣ лучше всего примиряются эгоизмъ и альтруизмъ. Работать—значитъ производить; а производить—значитъ въ одно и то же время быть полезнымъ и себѣ и другимъ. Есть потребность помогать другимъ, дать свой толчокъ той дорожной повозкѣ, которая съ такимъ трудомъ увлекаетъ впередъ человѣчество. Одна изъ низшихъ формъ этой потребности есть честолюбіе, въ которомъ не слѣдуетъ видѣть только желаніе почестей и славы, но которое есть также, и прежде всего, потребность дѣйствія или слова".

Такимъ образомъ, какъ говоритъ Гюйо, „въ итогѣ жизнь имѣетъ двѣ стороны: съ одной стороны она есть питаніе и уподобленіе, съ другой — производительность и плодородіе. Чѣмъ болѣе она пріобрѣтаетъ, тѣмъ болѣе она должна и расходовать: это ея законъ. Расходъ физически не есть зло, это—одно изъ выраженій жизни. Это — выдыханіе, слѣдующее за вдыханіемъ... Жизнь есть плодородіе, и обратно, плодородіе—это жизнь, бьющая черезъ край, это—истинное существованіе. Существуетъ нѣкоторая щедрость, нераздѣльная отъ существованія и безъ которой умираешь, изсыхаешь внутренно... Нужно цвѣсти; нравственность, безкорыстіе—это цвѣтъ человѣческой жизни" [1]).—Все это приводитъ къ тому важному заключенію, что внутри жизни самой простой клѣточки существуетъ принципъ расширенія,

---

[1]) l. c, p. 24.

который дѣлаетъ то, что индивидуумъ не можетъ быть достаточнымъ для самого себя; жизнь наиболѣе богатая оказывается также наиболѣе побуждаемой къ расточительности, къ принесенію себя въ жертву въ нѣкоторомъ размѣрѣ, къ раздѣленію себя между другими. Такимъ образомъ „организмъ наиболѣе совершенный будетъ также и наиболѣе общительнымъ", и идеаломъ жизни индивидуальной является жизнь въ общеніи съ другими. „Черезъ это источникъ всѣхъ этихъ инстинктовъ симпатіи и общественности, которые англійская школа слишкомъ часто считала пріобрѣтенными какъ бы болѣе или менѣе искусственно въ ходѣ эволюціи и, вслѣдствіе этого, какъ бы болѣе или менѣе случайными, — этотъ источникъ оказывается перемѣщеннымъ въ самое основаніе существа. Въ глубинѣ самой индивидуальной жизни существуетъ эволюція, соотвѣтствующая эволюціи жизни соціальной..."

V.

Эквиваленты нравственной обязанности въ теоріи морали Гюйо.

Установивъ, такимъ образомъ, весьма важный принципъ „нравственнаго плодородія", Гюйо задается вопросомъ, какимъ образомъ и подъ какою психологическою формою онъ обнаруживается. Для этого онъ становится послѣдовательно на три различныя точки зрѣнія: воли, интеллекта и чувствованія.

Съ точки зрѣнія воли „обязанность сводится къ сознанію внутренней силы или способности. Чувствовать внутренно то, что способенъ сдѣлать, это значитъ, въ силу этого самаго, получать первое сознаніе о томъ, что обязанъ сдѣлать". Нѣтъ никакой надобности, чтобы привести въ движеніе волю, обращаться „къ какой бы то ни было мистической обязанности или же къ какому бы то ни было частному удовольствію". Обязанность есть не что иное, какъ изобиліе жизни, которая требуетъ своего упражненія; ее черезчуръ исключительно понимали до сихъ поръ, какъ чувство необходимости или принужденія, — она есть въ то

же самое время чувство силы, способности. Всякая сила, которая накопляется, создаетъ давленіе на препятствія, помѣщенныя передъ нею, всякая способность производитъ родъ обязательства, которое ей пропорціонально, способность дѣйствовать—это есть въ то же самое время обязанность дѣйствовать. „Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ничего мистическаго въ нравственной обязанности: она сводится къ слѣдующему великому закону природы: жизнь не можетъ сохраняться, какъ только при условіи своего расходованія".

Точно такъ же какъ способность къ активности создаетъ родъ естественной обязанности или повелительнаго побужденія, подобно тому и интеллектъ имѣетъ въ самомъ себѣ двигательную силу. „Интеллектъ и активность не являются болѣе въ наши дни раздѣленными какъ бы бездною. Понять—это значитъ уже начать въ себѣ самомъ реализацію того, что понялъ. Сознать что-либо лучшее, чѣмъ существующее въ дѣйствительности, это значитъ совершить первый трудъ, чтобы реализировать это лучшее. Дѣйствіе есть не что иное, какъ продолженіе (prolongation) идеи. Поэтому нѣтъ больше надобности обращаться къ посредничеству внѣшняго удовольствія, чтобы перейти отъ мысли къ дѣйствію. Они въ своемъ основаніи тожественны. То, что называется обязанностью или нравственнымъ принужденіемъ, представляетъ въ сферѣ интеллекта не что иное, какъ чувство этого коренного тожества: обязанность есть внутреннее расширеніе,—потребность завершить наши идеи, заставивъ ихъ перейти въ дѣйствіе. Тотъ, кто не дѣйствуетъ такъ, какъ онъ думаетъ, тотъ думаетъ не полно. Безнравственность есть внутреннее изуродованіе самого себя... Каждое изъ движеній нашего духа возбуждаетъ тѣло. Не дѣйствовать согласно съ тѣмъ, что считаешь самымъ лучшимъ, это значитъ—походить на такое существо, которое не могло бы смѣяться, когда оно весело, ни плакать, когда оно печально, которое не могло бы наконецъ ничего выражать вовнѣ, ничего передавать изъ того, что оно ощущаетъ. Это было бы величайшимъ наказаніемъ". Можно сказать, что воля есть не что иное, какъ высшая степень интеллекта, а дѣйствіе—высшая

степень воли. „Поэтому нравственность есть не что иное, какъ единство существа. Безнравственность, напротивъ того, есть раздвоеніе, противоположеніе различныхъ способностей, которыя ограничиваютъ одна другую“.

Теперь станемъ на точку зрѣнія нашей чувствующей стороны. „Новый видъ обязанности порождается самою природою чувствованія, стремящагося преобразоваться подъ вліяніемъ эволюціи“. Удовольствія высшія, которыя завоевываютъ съ каждымъ днемъ все большую долю въ жизни человѣчества, удовольствія эстетическія, интеллектуальныя и т. д., требуютъ гораздо менѣе внѣшнихъ условій и гораздо болѣе доступны для всѣхъ, чѣмъ удовольствія собственно эгоистическія. „Высшія удовольствія являются одновременно и болѣе внутренними, и болѣе глубокими, и болѣе даровыми. Они ведутъ гораздо менѣе къ раздѣленію существъ, чѣмъ удовольствія низшія. Такимъ образомъ, въ силу естественной эволюціи, принципъ значительной части нашихъ удовольствій, какъ кажется, перемѣщается извнѣ во внутрь. Чувствующій субъектъ можетъ найти въ своей собственной активности, и иной разъ независимо отъ вещей, разнообразный источникъ наслажденій. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ замкнется въ самомъ себѣ и будетъ довольствоваться собой, какъ довольствовался собой мудрый стоикъ? Напротивъ: удовольствія интеллектуальныя имѣютъ ту замѣчательную черту, что они одновременно и наиболѣе внутренни для существа, и наиболѣе сообщимы другимъ, и наиболѣе индивидуальны и наиболѣе общественны“. Эти удовольствія устанавливаютъ между людьми эмоціональную связь, произведенную полной или частной гармоніей чувствъ и мыслей. Эта связь, которая установится между ними, свяжетъ также и ихъ поведеніе и наложитъ на нихъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, родъ особенной обязанности. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе человѣческія удовольствія, какъ кажется, принимаютъ общественный и общительный характеръ. Въ концѣ концовъ, можно спросить себя, существуетъ ли еще удовольствіе чисто-личное и эгоистическое и какую долю оно занимаетъ въ жизни? На этотъ

вопросъ Гюйо отвѣчаетъ такимъ образомъ: „Когда мы спустимся внизъ по лѣстницѣ живыхъ организмовъ, мы увидимъ, что сфера, въ которой движется каждый изъ нихъ, узка и почти замкнута; когда, напротивъ того, мы поднимаемся къ существамъ высшимъ, мы видимъ, что ихъ сфера дѣйствія раздается, расширяется и сплавляется со сферою дѣйствія другихъ существъ. „Я“ различаетъ себя все менѣе и менѣе отъ другихъ „я“. Если мы обратимся спеціально къ человѣчеству, то увидимъ, что точкой его исхода былъ эгоизмъ. Но эгоизмъ, въ силу самаго плодородія всякой жизни, былъ принужденъ расширяться, создавать внѣ себя новые центры для своего собственнаго дѣйствія... Въ то же самое время, мало-по-малу, родились чувства, соотносительныя съ этой центробѣжной тенденціей, и какъ бы перекрыли эгоистическія чувства, которыя имъ служили основаніемъ. Мы подвигаемся къ той эпохѣ, въ которую эгоизмъ примитивный будетъ все болѣе отступать въ насъ назадъ, будетъ все болѣе и болѣе неузнаваемъ. Въ эту идеальную эпоху существо не будетъ въ состояніи наслаждаться уединенно; его удовольствіе будетъ какъ-бы концертомъ, въ который удовольствіе другихъ будетъ входить въ качествѣ необходимаго элемента. И въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ не есть ли это уже такъ? Даже удовольствія наиболѣе эгоистическія, потому что они носятъ вполнѣ физическій характеръ, какъ удовольствіе пить или ѣсть, получаютъ всю свою прелесть только тогда, когда мы ихъ раздѣляемъ съ другими“ [1]).

Подобно тому, какъ наше „я“, въ общемъ итогѣ, для современной психологіи есть не болѣе, какъ иллюзія, и мы составлены изъ безконечнаго множества существъ и маленькихъ сознаній или состояній сознанія,—подобно этому, можно было бы сказать, и удовольствіе эгоистическое есть иллюзія: мое удовольствіе для меня не существуетъ безъ удовольствія другихъ; я чувствую, что все общество должно тутъ сотрудничать болѣе или менѣе, начиная съ того маленькаго общества, которое меня окружаетъ, моей семьи, до того большого общества, въ которомъ я живу“.

[1]) l. c., p. 31, 32.

Итакъ, истинно-положительная наука о нравственности можетъ говорить въ нѣкоторомъ размѣрѣ объ обязанности и можетъ это дѣлать, съ одной стороны, не пользуясь никакой мистической идеей, съ другой стороны—не обращаясь для этого вмѣстѣ съ Бэномъ къ внѣшнему и соціальному „принужденію“ или къ „внутреннему страху“. Для этого ей достаточно только разсматривать „нормальныя направленія психической жизни: мы всегда найдемъ родъ внутренняго давленія, оказываемаго самой активностью въ этихъ направленіяхъ...“

VI.

Вопросъ о самоотверженіи въ теоріи морали Гюйо.

Но тутъ передъ нами возникаетъ слѣдующая важная основная проблема: „въ какомъ размѣрѣ размышляющее сознаніе должно повиноваться раціонально „обязанности“ этого рода?“ Мораль положительная и научная не можетъ сдѣлать индивидууму другого предписанія, кромѣ слѣдующаго: „развивай свою жизнь во всѣхъ направленіяхъ, будь индивидуумомъ столь богатымъ, сколь возможно, въ интенсивной и экстенсивной энергіи; для этого будь существомъ наиболѣе общественнымъ и наиболѣе общительнымъ... Во имя этого правила, которое есть научный эквивалентъ императива, мораль положительная можетъ предписывать индивидууму нѣкоторыя частныя и соразмѣренныя жертвы; она можетъ формулировать цѣлый рядъ среднихъ обязанностей, между которыми оказывается заключенной обыденная жизнь. Во всемъ этомъ, само собою разумѣется, нѣтъ ничего категорическаго, абсолютнаго, но только превосходные гипотетическіе совѣты: если ты имѣешь своею цѣлью наиболѣе высокую интенсивность жизни, дѣлай то-то и то-то; въ итогѣ, это хорошая средняя мораль. Какимъ образомъ, однако, эта мораль можетъ добиться отъ индивидуума въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончательной жертвы, а не только жертвы частной и временной?.. Съ точки зрѣнія положительной и отвлекшись отъ всякой гипотезы, проблема, которую мы только-что поставили, кажется съ перваго раза теорети-

чески неразрѣшимой. И однако эта проблема можетъ получить разрѣшеніе, по крайней мѣрѣ, приблизительное—на практикѣ“.

Рѣдко бываетъ, чтобы окончательныя жертвы представлялись въ жизни, какъ вполнѣ достовѣрныя; солдатъ, напр., далеко не увѣренъ, что бросится въ схватку. Дана опасность. „Слѣдуетъ посмотрѣть,—говоритъ Гюйо,—не есть ли опасность, даже независимо отъ всякой идеи нравственной обязанности, полезное орудіе для развитія самой жизни, могущественное возбуждающее средство для всѣхъ способностей, имѣющее силу поднять ихъ до максимума и способное также произвести максимумъ удовольствія“ [1]). Примитивное человѣчество жило среди опасностей, поэтому еще и въ настоящее время у многихъ людей должно оказаться естественное предрасположеніе къ тому, чтобы подвергаться опасности.

Удовольствіе опасности основывается, главнымъ образомъ, на удовольствіи побѣды. Въ побѣдѣ находишь внутреннее удовлетвореніе, которое стоитъ того, чтобы подвергаться всѣмъ рискамъ, даже тогда, когда не существуетъ никого, кто могъ бы аплодировать. Болѣе того, даже, потерявъ надежду побѣдить, продолжаешь все-таки упорствовать въ борьбѣ. Каковъ бы ни былъ противникъ, всякая борьба переходитъ въ ожесточенную дуэль.—„Удовольствіе борьбы преобразуется, не исчезая, идетъ ли дѣло о борьбѣ съ одушевленнымъ существомъ (охота и война), или о борьбѣ съ видимыми препятствіями (море, горы), или о борьбѣ съ вещами невидимыми (исцѣленіе болѣзней, побѣжденіе трудностей всякаго рода). Всегда борьба получаетъ тотъ же самый характеръ страстной дуэли. Та же самая борьба можетъ переходить изъ области вещей физическихъ въ область интеллектуальную, нисколько не теряя своего жара опьяненія. Она можетъ также перейти въ область собственно нравственную: существуетъ внутренняя борьба воли противъ страстей, столь же плѣнительная, какъ и всякая другая, и гдѣ побѣда производитъ безпредѣльную радость...“ Вообще

---

[1]) l. c, p. 208.

человѣкъ имѣетъ потребность чувствовать себя великимъ, имѣть по временамъ сознаніе превосходства своей воли. Это сознаніе онъ пріобрѣтаетъ въ борьбѣ,—въ борьбѣ противъ себя и своихъ страстей, или же противъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ препятствій. Но, чтобы удовлетворить разумъ, борьба должна имѣть цѣль. Опьяненіе опасностью существуетъ по временамъ въ каждомъ изъ насъ; но этотъ инстинктъ требуетъ, чтобы его пускали въ дѣло наиболѣе разумно. Потребность опасности и борьбы при этомъ условіи пріобрѣтаетъ нравственное значеніе, тѣмъ болѣе громадное, что это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ инстинктовъ, которые не имѣютъ постояннаго направленія: онъ можетъ быть употребляемъ безразлично для всѣхъ соціальныхъ цѣлей..." Во всякомъ случаѣ „въ опасности, которой подвергаешься за какой-либо интересъ (свой или чужой), нѣтъ ничего противорѣчащаго,—глубокимъ инстинктамъ и законамъ жизни". „Самоотверженіе входитъ, такимъ образомъ, въ общіе законы жизни, отъ которыхъ, какъ это казалось сначала, оно вполнѣ ускользало. Неустрашимость или самоотверженіе не есть чистое отрицаніе нашего „я" и личной жизни: это есть та же самая жизнь, только доведенная до высшей своей степени".

Но пойдемъ далѣе. „Нравственный дѣятель можетъ оказаться поставленнымъ не предъ лицомъ простого риска, но передъ достовѣрностью окончательной жертвы". Спрашивается, какимъ образомъ требовать отъ кого бы то ни было жертвы своею жизнью, если мы основываемъ мораль только на правильномъ развитіи этой самой жизни. Съ точки зрѣнія натуралистической, на которую мы становимся, самый актъ заботы о простыхъ интересахъ другого, выше акта заботы о своихъ собственныхъ интересахъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ указываетъ бо́льшую нравственную способность, излишекъ внутренней жизни. Чтобы требовать самоотверженія, мы должны были бы найти что-либо болѣе драгоцѣнное, чѣмъ жизнь; эмпирически же не существуетъ ничего болѣе драгоцѣннаго; эта вещь не имѣетъ общей мѣры со всѣмъ остальнымъ, все же остальное, напротивъ того, ее предполагаетъ и отъ нея заимствуетъ свою

цѣнность. Предположите человѣка, лишеннаго мистическихъ вѣрованій,—„какимъ образомъ можно требовать отъ него окончательной жертвы, не опираясь ни на какой другой принципъ, какъ только на развитіе этой самой жизни, о принесеніи въ жертву которой, сполна или отчасти, идетъ дѣло?“

„Начнемъ,—говоритъ Гюйо,—съ признанія того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ—очень рѣдкихъ, впрочемъ—проблема не имѣетъ раціональнаго и научнаго рѣшенія. Въ этихъ случаяхъ, гдѣ мораль безсильна, она должна предоставить индивидууму всю его свободу дѣйствія (toute spontanéité). Всякое дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо какъ уравненіе, которое требуется разрѣшить; въ практическомъ же рѣшеніи существуютъ всегда термины извѣстные и терминъ неизвѣстный, который нужно освободить. Но мораль научная не всегда можетъ освободить его: нѣкоторыя уравненія неразрѣшимы или, по крайней мѣрѣ, не могутъ доставлять намъ рѣшенія неоспоримаго и категорическаго. Ошибка моралистовъ заключалась въ томъ, что они имѣли претензію разрѣшить окончательнымъ и универсальнымъ образомъ проблемы, которыя могутъ имѣть только рѣшенія особенныя, единичныя“ *). Основное неизвѣстное, x, которое оказывается въ опредѣленномъ числѣ проблемъ, это — смерть. Рѣшеніе поставленнаго уравненія зависитъ тогда отъ измѣняющейся цѣнности, которая связывается съ другими членами уравненія, представляющими: 1) приносимую въ жертву жизнь физическую, 2) какое-нибудь нравственное дѣйствіе, которое слѣдуетъ совершить.

Разсмотримъ, прежде всего, ту измѣняющуюся цѣнность, которая соединяется съ жизнью. „Безъ сомнѣнія, жизнь для каждаго есть самое драгоцѣнное изъ всѣхъ благъ, такъ какъ она представляетъ условіе всѣхъ остальныхъ благъ; но когда другія блага сводятся почти къ нулю, то и сама жизнь тоже теряетъ свою цѣнность: она становится тогда достойной презрѣнія... Чтобы хорошо поставить эту важную проблему презрѣнія къ жизни, необходимо ее сблизить съ другимъ

---

1) l. c., p. 219.

важнымъ вопросомъ: самоотверженіе имѣетъ болѣе чѣмъ аналогію съ самоубійствомъ, потому что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ смерть, на которую индивидуумъ соглашается и которой онъ даже желаетъ, зная хорошо, что такое представляетъ жизнь. Чтобы объяснить самоубійство, необходимо допустить, что время среднихъ наслажденій жизни имѣетъ мало цѣны въ сравненіи съ интенсивностью нѣкоторыхъ страданій, и обратное будетъ въ одинаковой степени вѣрно— интенсивность нѣкоторыхъ наслажденій можетъ казаться предпочтительнѣе всей продолжительности жизни... Существуютъ часы, когда интенсивность жизни бываетъ столь велика, что, поставленные на вѣсы со всѣмъ возможнымъ рядомъ годовъ, они перевѣшиваютъ послѣдніе. Жизнь даже съ положительной точки зрѣнія, на которую мы становимся здѣсь, не имѣетъ той ни съ чѣмъ несоизмѣримой величины, которую она казалась имѣющей съ самаго начала. Можно иной разъ, не будучи неразумнымъ, принести въ жертву всю цѣлость существованія за одинъ изъ его моментовъ, какъ можно предпочесть иногда одинъ стихъ цѣлой поэмѣ". До тѣхъ поръ, пока будутъ самоубійства среди человѣчества, было бы страннымъ, если бы не было и самоотверженій окончательныхъ и безнадежныхъ. Можно сожалѣть лишь о томъ, что общество до сихъ поръ не изыскивало средствъ преобразовать, на сколько возможно, самоубійства въ самоотверженія. Должно всегда предлагать извѣстное число гибельныхъ предпріятій тѣмъ, кто потерялъ мужество жить на бѣломъ свѣтѣ... Человѣческій прогрессъ для своего совершенія имѣетъ надобность въ такомъ количествѣ индивидуальныхъ жизней, что должно заботиться о томъ, чтобы ни одна изъ нихъ не пропадала напрасно. Но существуютъ тысячи лицъ, для которыхъ жизнь потеряла наиболѣе значительную часть своей цѣнности,—эти лица могутъ найти истинное утѣшеніе въ самоотверженіи: имъ слѣдовало бы воспользоваться. Притомъ существуютъ спеціальныя способности для гибельныхъ и безкорыстныхъ занятій,—темпераменты, созданные какъ бы для того, чтобы забывать себя и рисковать собою. Но, „сверхъ того, что жизнь не всегда бываетъ предметомъ предпочтенія, она можетъ сдѣлаться

въ нѣкоторыхъ случаяхъ предметомъ отвращенія и ужаса. Существуетъ чувство, свойственное только человѣку и которое до сихъ поръ не было хорошо анализировано, — чувство нестерпимости (intolerabilité). Подъ вліяніемъ вниманія и размышленія нѣкоторыя физическія страданія и особливо нравственныя возрастаютъ въ сознаніи до такой степени, что затемняютъ собой все остальное"... И тогда никакія удовольствія жизни не могутъ вознаградить того, что, ошибочно или основательно является намъ какъ нестерпимое.

Нѣкоторыя особенныя сферы активности кончаютъ тѣмъ, что пріобрѣтаютъ такое важное значеніе въ жизни, при которомъ нельзя болѣе посягнуть на нихъ, не посягая на самую жизнь въ ея источникѣ. Воспретить Шопену заниматься музыкой или Рафаэлю рисовать его картины — это значило бы навѣрное ихъ убить. Если искусство пріобрѣтаетъ такое же значеніе, какъ сама жизнь, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нравственность имѣетъ въ глазахъ человѣка еще болѣе цѣны: это, на самомъ дѣлѣ, — сфера активности гораздо болѣе широкая, чѣмъ искусство. „Для существъ, которыя достигли опредѣленной ступени нравственнаго развитія, счастье не является уже болѣе желательнымъ внѣ самого ихъ идеала".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что „цѣнность жизни есть вещь вполнѣ измѣнчивая, и которая иной разъ можетъ сводиться къ нулю, даже ниже нуля; нравственное же дѣйствіе, напротивъ того, имѣетъ всегда опредѣленную цѣну. Теперь для того, чтобы составить себѣ идею о той цѣнѣ, которую нравственное дѣйствіе можетъ пріобрѣсти въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдуетъ только подумать о томъ, что человѣкъ есть животное мыслящее или... животное философствующее. Положительная мораль не можетъ не принимать въ разсчетъ метафизическихъ гипотезъ, которыя человѣкъ любитъ дѣлать о сущности вещей. Только эти гипотезы должны оставаться абсолютно свободными и личными, и ихъ невозможно систематизировать въ одну метафизическую доктрину, которая налагалась бы универсально на человѣческій разумъ. Мы увидимъ, какимъ образомъ, благодаря индивидуальной

гипотезѣ, нѣтъ такой абсолютной жертвы, которая не могла бы стать не только возможной, но почти легкой въ нѣкоторыхъ случаяхъ“.

VII.

Роль свободной метафизической гипотезы въ области нравственности согласно Гюйо.

Для того, чтобы я могъ размышлять до конца о нѣкоторыхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ, переступающихъ за предѣлы средней и научной морали, для того, чтобы я могъ выводить ихъ точнымъ образомъ изъ философскихъ или религіозныхъ принциповъ, необходимо, чтобы сами эти принципы были установлены мною и опредѣлены. Но они не могутъ быть установлены иначе, какъ только посредствомъ гипотезы: необходимо, чтобы я самъ создалъ, въ концѣ концовъ, метафизическія основанія своихъ дѣйствій. „Нравственный дѣятель играетъ здѣсь ту же самую роль, что художникъ: онъ долженъ проектировать внѣ себя тѣ стремленія, которыя онъ чувствуетъ въ себѣ, и создать изъ своей любви метафизическую поэму“. Только „художникъ создаетъ форму, существо же нравственное, которое является всегда невольнымъ или сознательнымъ метафизикомъ, создаетъ самую сущность вещей“. Метафизическія теоріи нельзя судить по ихъ абсолютной истинѣ, которая никогда не можетъ быть провѣрена, но по ихъ плодотворности. Не требуйте отъ нихъ, чтобы онѣ были истинными, но чтобы онѣ становились таковыми. „Плодотворное заблужденіе болѣе истинно съ точки зрѣнія универсальной эволюціи, чѣмъ истина слишкомъ узкая и безплодная“... Существуютъ обстоятельства въ жизни, когда практика имѣетъ внезапно надобность въ метафизикѣ: „нельзя болѣе продолжать жить, ни, особенно, умирать безъ нея“.

Разумъ, — говоритъ Гюйо,—позволяетъ намъ видѣть два различныхъ міра: міръ реальный, въ которомъ мы живемъ, и нѣкоторый міръ идеальный, въ которомъ мы также живемъ, въ которомъ наша мысль постоянно подкрѣпляется, и который нельзя не принимать въ разсчетъ. Однако же, когда

дѣло идетъ объ идеальномъ мірѣ, никто болѣе не согласенъ другъ съ другомъ: каждый его сознаетъ по своему способу; нѣкоторые же его отрицаютъ совершенно. Однако отъ того способа, какимъ мы сознаемъ метафизическое основаніе вещей, зависитъ тотъ способъ, какимъ мы обязываемъ самихъ себя дѣйствовать. На самомъ дѣлѣ, значительная часть наиболѣе благородныхъ человѣческихъ поступковъ была совершена во имя религіозной или метафизической морали: невозможно, такимъ образомъ, пренебрегать этимъ очень плодотворнымъ источникомъ активности. Но не менѣе невозможно и подчинить его постоянному правилу, извлеченному изъ одной какой-нибудь доктрины: вмѣсто того, чтобы его регулировать абсолютно, слѣдуетъ только его ограничить, опредѣлить ему сферу дѣйствія, не допуская его дѣйствовать въ ущербъ положительной морали. Надо за нимъ оставить его гипотетическій характеръ [1]). „Такимъ образомъ, получается родъ раціональнаго, а не категорическаго, императива, основаннаго на гипотезѣ". Эта гипотеза можетъ разнообразиться, смотря по индивидуумамъ и ихъ интеллектуальнымъ темпераментамъ. „Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, отсутствіе постояннаго закона, что можно было бы обозначить терминомъ аноміи для противоположенія ея автономіи кантіанцевъ. Отъ уничтоженія категорическаго императива безкорыстіе, самоотверженіе не уничтожаются, но только предметъ ихъ дѣлается разнообразнымъ: одинъ отвергается себя ради одного дѣла, другой—ради другого".

По мнѣнію Гюйо, гипотеза производитъ практически то же дѣйствіе, какъ и вѣра, порождаетъ даже послѣдующую вѣру; но только, во всякомъ случаѣ, не утвердительную и догматическую: „мораль, будучи натуралистической и положительной въ своемъ основаніи, вершиной своей оказывается покоющеюся на свободной метафизикѣ. Существуетъ мораль неизмѣнная, мораль фактовъ, и чтобы дополнить ее тамъ, гдѣ она оказывается недостаточной, существуетъ мораль измѣняющаяся и индивидуальная, — мораль гипотезъ. Кантъ началъ въ морали революцію, когда хотѣлъ сдѣлать во-

1) l. c., p. 229.

лю „автономной“ вмѣсто того, чтобы заставлять ее склоняться передъ внѣшнимъ по отношенію къ ней закономъ; но онъ остановился на половинѣ дороги: онъ думалъ, что индивидуальная свобода нравственнаго дѣятеля могла быть согласна съ универсальностью закона, что каждый долженъ былъ сообразоваться съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ типомъ, что идеальное „царство свободъ“ (règne des libertés) будетъ правленіемъ правильнымъ и методическимъ. Но въ „царствѣ свободъ“ добрый порядокъ проистекаетъ именно изъ того, что не существуетъ никакого порядка, налагаемаго съ самаго начала, никакого установленія, напередъ составленнаго. Въ силу этого, начиная съ того пункта, на которомъ останавливается положительная мораль,—наибольшее возможное различіе въ дѣйствіяхъ, наибольшее разнообразіе даже въ самихъ преслѣдуемыхъ идеалахъ. Истинная автономія должна порождать индивидуальную оригинальность, а не универсальное однообразіе. Если каждый создаетъ самъ себѣ свой законъ, почему бы не быть многимъ возможнымъ законамъ, наприм. закону Бентама и закону Канта? И чѣмъ больше будетъ доктринъ, которыя оспариваютъ другъ у друга выборъ человѣчества, тѣмъ лучше будетъ“... „Истина, все равно какъ и свѣтъ,—она не приходитъ къ намъ изъ одной единственной точки; она посылается намъ всѣми предметами заразъ, она поражаетъ насъ во всѣхъ направленіяхъ и тысячами способовъ: надо было бы имѣть сто глазъ, чтобы схватить всѣ ея лучи. Человѣчество въ своемъ цѣломъ имѣетъ милліоны глазъ и ушей: не совѣтуйте ему ихъ закрывать или направлять только въ одну сторону. Оно должно ихъ открыть всѣ заразъ, обратить ихъ по всѣмъ направленіямъ; нужно, чтобы безконечность его точекъ зрѣнія соотвѣтствовала бы безконечности вещей. Разнообразіе доктринъ доказываетъ богатство и могущество мысли, и это разнообразіе, далекое отъ того, чтобы уменьшаться вмѣстѣ съ временемъ, должно безпрестанно увеличиваться“. Съ каждымъ днемъ мы видимъ, что „роль личной инціативы все болѣе и болѣе возрастаетъ; каждый стремится создать самъ свою вѣру и свое убѣжденіе“. Въ дѣлѣ метафизики, по мнѣнію Гюйо, истинный идеалъ заключается

въ абсолютной независимости умовъ и въ свободномъ разнообразіи доктринъ. „Желать управлять умами—еще худшее зло, чѣмъ желать управлять тѣлами; надо бѣжать отъ всякаго вида „направленія сознанія“ или „направленія мысли“, какъ отъ истиннаго бича“.

Дѣйствіе занимаетъ среднее мѣсто между сомнѣніемъ и вѣрой, между недостовѣрностью и категорическимъ утвержденіемъ; „посредствомъ только одного дѣйствія недостовѣрное можетъ реализоваться и стать реальностью. Я не требую отъ васъ, чтобы вы вѣрили слѣпо въ идеалъ; я требую отъ васъ только, чтобы вы работали для реализаціи его...

— Не вѣря въ него? Для того, чтобы получить вѣру. Вы станете вѣрить, когда вы будете работать, чтобы достигнуть его“ [1])... „Только дѣйствіе не должно состоять во внѣшнихъ пріемахъ и грубыхъ обрядахъ — оно должно быть въ своемъ источникѣ вполнѣ внутренно; наша вѣра тогда дѣйствительно придетъ извнутри, а не извнѣ: она будетъ имѣть своимъ символомъ не рутину обряда, но безконечное разнообразіе изобрѣтенія и индивидуальнаго самороднаго дѣла“... Человѣчество долго предавалось мистическимъ вѣрованіямъ, ожидая разныхъ сверхъ-естественныхъ явленій; но эти мистическія ожиданія до сихъ поръ еще не оправдались... „Моментъ ожиданія прошелъ, теперь наступилъ моментъ труда“, отъ насъ зависитъ вмѣстѣ трудиться, чтобы осуществить идеалъ.

Обыкновенно говорятъ: „я надѣюсь, потому что я вѣрю и вѣрю во внѣшнее откровеніе... Нужно говорить: я вѣрю, потому что я надѣюсь, и я надѣюсь потому, что я чувствую въ себѣ энергію вполнѣ внутреннюю, которая должна быть принимаема въ разсчетъ при рѣшеніи проблемы... Почему видѣть только одну сторону вопроса?.. Если существуетъ міръ неизвѣстный, то существуетъ и извѣстная величина, мое „я“... Я не знаю, на что я способенъ во внѣ, я не имѣю никакого откровенія и не слышу никакого „слова“, звучащаго въ безмолвіи вещей; но я знаю то, что я хочу внутренно, и это—моя воля, которая составляетъ мое могу-

[1]) l. c. p. 239.

щество... Одно дѣйствіе только можетъ дать довѣріе къ самому себѣ, къ другимъ, къ міру... Чистое созерцаніе, уединенная мысль кончаютъ тѣмъ, что лишаютъ васъ живыхъ силъ" [1]).

Дѣйствіе, по мнѣнію Гюйо, есть истинное лекарство противъ пессимизма и скептицизма... „Оно само создаетъ для себя свою внутреннюю достовѣрность... Кто знаетъ, доживу ли я до завтра, проживу ли я часъ еще, сможетъ ли моя рука кончить эту линію, которую я начинаю чертить?.. Жизнь со всѣхъ сторонъ охвачена неизвѣстнымъ... И однако я дѣйствую, работаю, предпринимаю — и во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ моихъ мысляхъ, я предполагаю это будущее, на которое ничто меня не уполномачиваетъ разсчитывать... Моя активность каждую минуту опережаетъ настоящее мгновеніе, переступаетъ въ будущее... Я расходую свою энергію, не опасаясь, что этотъ расходъ будетъ чистой потерей; я налагаю на себя лишенія, разсчитывая, что будущее ихъ окупитъ; я иду своею дорогою. Эта недостовѣрность, которая, давя меня одинаково со всѣхъ сторонъ, имѣетъ для меня значеніе достовѣрности и дѣлаетъ возможной мою свободу — есть одно изъ основаній умозрительной морали со всѣми ея рисками... Моя мысль проходитъ мимо нея, какъ и моя активность; она устраиваетъ міръ, располагаетъ будущимъ... Мнѣ кажется, что я господинъ безпредѣльнаго, потому что моя сила не эквивалентна никакому опредѣленному количеству: чѣмъ болѣе я дѣлаю, тѣмъ болѣе я надѣюсь"...

Трудъ, по мнѣнію Гюйо, есть „истинное человѣческое провидѣніе". „Будемъ надѣяться,—такъ кончаетъ онъ свое замѣчательное сочиненіе,—только на себя и на другихъ людей... Мы похожи на Левіаѳана, у котораго волной оторвало руль и ударомъ вѣтра разбило мачту. Онъ затерялся въ океанѣ точно такъ же, какъ наша земля въ пространствѣ. Онъ шелъ такимъ образомъ по волѣ случая, толкаемый бурею. Однако онъ достигъ берега. Быть-можетъ,—наша земля,—быть-можетъ, человѣчество достигнутъ также какой-ни-

---

[1]) l. c. p. 244.

будь невѣдомой цѣли, которую они создадутъ себѣ сами. Никакая рука нами не управляетъ, никакой глазъ за насъ не смотритъ; руль разбитъ уже давно или, вѣрнѣе, его никогда не было, его надо сдѣлать: это—великое дѣло и это—наше дѣло" [1]).

Такова замѣчательная теорія нравственности одного изъ современныхъ французскихъ мыслителей, теорія, которую мы старались по возможности подробнѣе изложить здѣсь. Какъ читатель видитъ, эта система призываетъ насъ къ бодрому и неутомимому труду для реализаціи нашихъ идеаловъ, и авторъ ея, воодушевленный самыми благородными и возвышенными чувствами, хочетъ, чтобы ни одна сила, чтобы ни одна способность не пропадала безслѣдно для развитія человѣческаго рода: ему хочется утилизировать всѣ наличныя силы человѣчества, чтобы дать возможность развернуться человѣческой жизни во всей ея красотѣ и безпредѣльности. Не это ли онъ намъ желаетъ сказать, когда указываетъ на дѣйствіе, какъ на истинное лекарство противъ пессимизма и скептицизма!... „Даже въ сомнѣніи можно любить,—говоритъ Гюйо,—даже среди интеллектуальной ночи, которая намъ препятствуетъ преслѣдовать какую-либо отдаленную цѣль, можно протягивать руку къ тѣмъ, кто плачетъ около нашихъ ногъ" [2]) Работайте, трудитесь надъ осуществленіемъ того идеала, который вы создали сами себѣ, даже если бы вы еще слабо вѣрили въ него! Этимъ только путемъ вы достигнете глубокой безпредѣльной вѣры и въ идеалъ, и въ самихъ себя, въ своихъ ближнихъ, въ жизнь,—этимъ только путемъ ваша жизнь повысится до наибольшей возможной степени въ своей цѣнности. Система Гюйо является страстной проповѣдью свободнаго труда надъ осуществленіемъ свободно-созданнаго идеала,—проповѣдью глубокаго безграничнаго уваженія къ живой человѣческой личности, которая носитъ внутри самой себя источникъ своей нравственности. Не опровергать эту теорію намѣрены мы, а только указать въ ней на тѣ стороны, которыя требуютъ развитія, на тѣ дополненія, въ которыхъ она, по нашему

[1]) l, c. p. 251, 252.

[2]) l. c. p. 243.

мнѣнію, нуждается... Въ этомъ случаѣ мы будемъ слѣдовать тому же правилу, которому Гюйо приглашаетъ насъ слѣдовать по отношенію ко всякой, какой бы то ни было доктринѣ. „Останавливаться на какой-нибудь доктринѣ,— говоритъ онъ, — всегда слишкомъ узкой, это значитъ предаваться химерѣ, которая ускользаетъ изъ вашихъ рукъ, но идти всегда, искать всегда—это одно не химера!“ [1]) Такъ и мы съ вами, читатель, какъ ни прекрасна доктрина Гюйо, останавливаться на ней окончательно не будемъ и постараемся пойти дальше. Будемъ искать истину, стараясь провѣрить воззрѣнія Гюйо критически,—такъ же, какъ онъ искалъ ее, создавая свою систему!

VIII.

Индивидуалистическій характеръ морали Гюйо. Необходимость восполнить ее болѣе широкой точкой зрѣнія.

Переходя къ критикѣ ученія Гюйо, начнемъ съ признанія того, что система его носитъ гипотетическій характеръ, такъ какъ она кладетъ въ основу свою положеніе, которое, хотя и выражаетъ истинный и дѣйствительный фактъ, подлежащій научной провѣркѣ, но не есть тѣмъ не менѣе полное выраженіе дѣйствительности. Въ этой реальной дѣйствительности еще заключается нѣчто такое, что въ данный фактъ не входитъ, но безъ чего теорія Гюйо не будетъ полна, не будетъ намъ показывать вещи такъ, какъ онѣ происходятъ на самомъ дѣлѣ. На это намъ могутъ возразить, что Гюйо вовсе и не имѣетъ въ виду построеніе такой теоріи нравственности, которая охватывала бы всю нашу жизнь сполна... Онъ хочетъ построить такую систему, которая положила бы въ свою основу только безспорные факты, подлежащіе научной провѣркѣ, и исключила бы всѣ факты, не могущіе быть научно провѣренными, — предоставивъ сферу нравственныхъ дѣйствій, которая имѣетъ отношеніе къ этимъ послѣднимъ, на личную самопроизвольную дѣятельность каждаго, согласно его свободной индивидуальной гипотезѣ.

---

[1]) l. c., p. 237.

Но мы вовсе и не обращаемся къ Гюйо съ требованіемъ, чтобы онъ клалъ въ основаніе своей системы факты, даже и не могущіе быть научно провѣренными. Мы только желаемъ, чтобы всѣ тѣ факты, въ которыхъ удостовѣряетъ насъ точная положительная наука, были поставлены въ основаніе нравственности, разсматриваемой съ научной точки зрѣнія; что если наука о нравственности и принуждена имѣть до нѣкоторой степени условный характеръ, то, чтобы этотъ условный характеръ былъ по возможности меньше, — чтобы предположеніе, положенное въ ея основаніе, шире охватывало дѣйствительность и болѣе соотвѣтствовало ей; чтобы тѣ факты, которые прежде могли составлять предметъ метафизической гипотезы, наука о нравственности понемногу пріобщала къ себѣ и расширяла тѣмъ самымъ свою область, отвоевывая ее у метафизики.

Если только мы допускаемъ, что въ настоящее время наука о нравственности не можетъ быть сопротяженна съ всею сферою нравственныхъ дѣйствій, что она, слѣдовательно, по причинѣ своего относительнаго безсилія, должна оставить мѣсто для метафизики, то мы этимъ самымъ признаемъ въ ней возможность неопредѣленнаго прогресса и совершенствованія, такъ какъ до тѣхъ поръ наука о нравственности не будетъ совершенной, пока она не объяснитъ всѣ нравственные поступки, пока она не охватитъ всю сферу нравственныхъ дѣяній. Быть-можетъ, наука о нравственности никогда этого и не достигнетъ и не можетъ достигнуть (предрѣшать этого мы во всякомъ случаѣ не должны и не имѣемъ права), тѣмъ не менѣе ея совершенствованіе заключается въ постоянномъ и непрерывномъ расширеніи той области фактовъ, которую она охватываетъ.

Итакъ, обратимся снова къ нашему вопросу: всѣ ли факты, которые констатируетъ современная наука, Гюйо включилъ въ постулатъ, положенный имъ въ основаніе своей системы нравственности? Намъ кажется, что нѣтъ... Какъ мы уже знаемъ, въ основаніе научной теоріи нравственности Гюйо кладетъ универсальный фактъ стремленія всѣхъ живыхъ существъ къ сохраненію и увеличенію своей индивидуальной жизни. Интенсивность индивидуальной жизни и

стремленіе къ ея сохраненію на прежней высотѣ или къ поднятію выше—-такова цѣль нашихъ сознательныхъ дѣйствій и такова же причина, производящая всякое дѣйствіе безсознательное. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Но тутъ возникаетъ вопросъ: исчерпываются ли этимъ однимъ всѣ цѣли человѣческихъ дѣйствій? Не существуетъ ли рядомъ какой-нибудь другой универсальной причины и универсальной цѣли дѣйствій, и не можетъ ли эта другая универсальная причина и цѣль дѣйствій быть объединена въ одно цѣлое съ тою, которую указываетъ намъ Гюйо? Намъ кажется, что такая цѣль дѣйствительно существуетъ, и что она можетъ быть установлена научно, какъ фактъ. Въ чемъ же она заключается?

Прежде чѣмъ подойти къ опредѣленію означенной цѣли, постараемся выяснить себѣ, можно ли, не погрѣшая противъ истины, становиться на исключительно индивидуалистическую точку зрѣнія; не окрасятся ли при этомъ для насъ всѣ факты въ нѣсколько иной цвѣтъ, чѣмъ какой они имѣютъ въ реальной дѣйствительности? Даже болѣе того: желая стать на индивидуалистическую точку зрѣнія, не принуждаемся ли мы самими фактами становиться еще на другую, болѣе широкую точку зрѣнія? Какую бы индивидуальность мы ни взяли, — кромѣ того, что она представляетъ самостоятельное цѣлое, она всегда также является частью какого-нибудь другого, болѣе обширнаго цѣлаго. Это — фактъ, который распространяется не только на живую индивидуальность, но даже и на всю неорганизованную матерію. Атомъ является составною частью молекулы, молекула — составною частью органическаго или неорганическаго тѣла. Клѣточка является составною частью органа, органъ — составною частью индивидуума; наконецъ, самъ индивидуумъ— составною частью группы индивидуумовъ и т. д. Кромѣ этого факта, который констатируетъ намъ наука, она устанавливаетъ также и другой фактъ: каждая часть, въ которой совершается какое-нибудь самостоятельное измѣненіе въ извѣстномъ направленіи, въ то же время претерпѣваетъ измѣненіе, совершающееся въ томъ цѣломъ, къ которому она принадлежитъ. Атомъ, кромѣ своего самосто-

ятельнаго движенія, какъ цѣлое, принимаетъ также участіе въ томъ движеніи, которое совершаетъ молекула, представляющая систему этихъ атомовъ. А сама молекула, входящая, напримѣръ, въ составъ какого-нибудь катящагося шара, а слѣдовательно и атомъ, входящій въ составъ этой молекулы,—развѣ не принимаютъ они участія въ движеніи этого шара, какъ цѣлой системы молекулъ и атомовъ? То же самое справедливо, когда мы поднимаемся выше, къ живымъ организованнымъ существамъ. Какой-нибудь органъ нашего тѣла, кромѣ безсознательнаго стремленія къ своему функціонированію, принимаетъ участіе въ функціонированіи организма, какъ цѣлаго. А каждый отдѣльный индивидуумъ— не является ли онъ самъ, въ свою очередь, членомъ цѣлой группы болѣе или менѣе ему подобныхъ индивидуумовъ и, какъ часть этой группы, не принимаетъ ли онъ участія въ томъ дѣйствіи, которое совершаетъ эта группа, какъ цѣлое? [1]) Все это несомнѣнно, и тысячи доказательствъ этого намъ доставляетъ наука. Біологія, психологія, соціологія представляютъ много примѣровъ послѣднему факту.

Отсюда ясно, что для того, чтобы стать на индивидуалистическую точку зрѣнія, какъ это хочетъ сдѣлать Гюйо для построенія научной морали, и чтобы эта индивидуалистическая точка зрѣнія охватила индивидуума сполна, мы должны не только брать его, какъ цѣлое, но также и какъ часть другого, болѣе обширнаго цѣлаго. Чтобы выяснить цѣль его жизни, мы должны не только стараться опредѣлить ту цѣль, явную или скрытую, которую онъ преслѣдуетъ, какъ само-

---

[1]) Утвержденіе, что индивидуумъ составляетъ часть общества, и что между нимъ и остальными членами общества или между нимъ и цѣлымъ обществомъ существуетъ взаимодѣйствіе, отнюдь не должно быть смѣшиваемо съ органическою теоріей общества, какъ она понимается у Спенсера, Лиліенфельда и т. д. Если общество и можетъ быть уподоблено до нѣкоторой степени организму, то оно во всякомъ случаѣ есть нѣчто большее, чѣмъ организмъ. По мнѣнію Фулье, „человѣческое общество на столько, на сколько оно представляетъ организмъ, стремится концентрироваться въ одно единичное „я“, — на столько же, на сколько оно является договорнымъ, оно предполагаетъ многія „я“ и поддерживаетъ въ лонѣ своемъ ихъ различіе“ (A. Fouillée: „La science sociale contemporaine“, p. 400).

стоятельное цѣлое, но также и ту цѣль, въ достиженіи которой онъ участвуетъ, какъ часть другого, болѣе обширнаго цѣлаго. Только соединивъ обѣ эти цѣли, мы получимъ дѣйствительную, истинную цѣль его жизни, цѣль его, какъ реальной индивидуальности, которая не отторгнута нами отъ всего ее окружающаго.

Восходя послѣдовательно все выше и выше, отъ менѣе широкаго цѣлаго къ болѣе широкому, мы дойдемъ, наконецъ, до самаго широкаго цѣлаго, которое охватывается нами въ понятіи міра. И каждое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, и даже каждый ничтожный атомъ, оказываясь принадлежащимъ къ цѣлому, постепенно все болѣе и болѣе возрастающему въ своемъ размѣрѣ, въ концѣ концовъ окажутся частью самаго обширнаго цѣлаго—міра... И можно сказать, что если міръ, какъ цѣлое, имѣетъ какое-нибудь движеніе въ извѣстномъ направленіи, то и каждая часть міра,—слѣдовательно, и человѣкъ,—принимаетъ сознательное или безсознательное участіе въ этомъ движеніи. Но, могъ бы сказать намъ Гюйо, здѣсь начинается область метафизики,—личныя произвольныя догадки о томъ, куда и въ какомъ направленіи движется міровая жизнь: точная наука не даетъ намъ никакихъ по этому поводу указаній. Итакъ, допустимъ что мы не знаемъ, куда движется то, самое великое цѣлое, которое называется міромъ, и что мы не знаемъ, какое частіе принимаетъ въ этомъ движеніи отдѣльная личность (хотя,—хочетъ она, или не хочетъ,—въ силу солидарности всѣхъ міровыхъ явленій, она вынуждена принимать это участіе); но вѣдь у насъ имѣются болѣе или менѣе научныя данныя о томъ движеніи, которое совершаетъ общество, какъ цѣлое, и о томъ участіи, какое принимаютъ при этомъ отдѣльныя личности, его составляющія. Игнорировать эту сторону вопроса нѣтъ никакой возможности.

Кромѣ того, необходимость с ъ с а м а г о ж е н а ч а л а принимать во вниманіе то отношеніе, въ которое данная индивидуальность поставлена къ цѣлому, и невозможность становиться на и с к л ю ч и т е л ь н о индивидуалистическую точку зрѣнія,—еще болѣе станетъ намъ ясной, когда мы обратимся къ самимъ условіямъ человѣческаго пониманія. „Мы не мо-

жемъ,—говоритъ Спенсеръ,—составить себѣ никакой идеи о части безъ помощи возникающей при этомъ идеи о нѣкоторомъ цѣломъ, къ которому эта часть принадлежитъ, и точно такъ же, — продолжаетъ онъ далѣе, — мы не можемъ имѣть правильной идеи о части, не имѣя правильной идеи о соотносительномъ ей цѣломъ“ [1]). И это тѣмъ въ большей степени справедливо, когда между частью и цѣлымъ, какъ мы это имѣемъ въ данномъ случаѣ, существуетъ вѣчное, постоянное, никогда не прекращающееся взаимодѣйствіе, конецъ котораго означалъ бы конецъ жизни и развитія. Если мы имѣемъ систему взаимно-связанныхъ между собою тѣлъ то всякое измѣненіе, которое совершается въ одномъ изъ нихъ, отражается на всѣхъ остальныхъ или па цѣлой системѣ. Но такую систему взаимно-зависимыхъ явленій представляетъ міровая жизнь съ точки зрѣнія современной науки. Существованіе и жизнь самаго послѣдняго атома есть результатъ жизни всей вселенной, и самое ничтожное жизненное проявленіе отражается въ самомъ отдаленномъ краѣ міра и производитъ хотя бы самую незначительную перемѣну, но все же перемѣну, въ ходѣ всего мірового развитія.

Конечно, всякое измѣненіе, совершающееся съ частью, сильнѣе отражается на близлежащихъ частяхъ, чѣмъ на болѣе отдаленныхъ,—все равно какъ камень, брошенный на воду, поднимаетъ около себя ясныя, ощутительныя волны, которыя, по мѣрѣ увеличенія разстоянія, до такой степени становятся малыми, что не могутъ быть замѣтны простому глазу. Такъ и жизнь человѣческой личности, производя ясныя, осязательныя вліянія на жизнь непосредственно окружающихъ ее людей, на свою семью, напримѣръ, производитъ уже менѣе замѣтное вліяніе на тотъ народъ, въ составъ котораго она входитъ; еще менѣе уловимо это вліяніе, если мы возьмемъ все человѣчество, и, быть можетъ, оно совсѣмъ неуловимо, если мы возьмемъ цѣлый міръ. То же самое справедливо и для обратнаго дѣйствія цѣлаго на части. Семья, общество, человѣчество, міръ — это тѣ

[1]) Г. Спенсеръ. „Основанія науки о нравственности“, стр. 7.

корни, изъ которыхъ выростаетъ и которыми питается гордый, могучій стебель индивидуальной жизни, но индивидуальная жизнь, питаясь на счетъ общей жизни, сама, въ свою очередь, ее поддерживаетъ и питаетъ. Попробуйте отдѣлить стебель отъ корней — и стебель засохнетъ и не дастъ ни листьевъ, ни плодовъ, ни цвѣтовъ... Если практически невозможно въ реальной жизни отдѣлить индивидуума отъ остального міра, не посягая на самую индивидуальную жизнь въ ея основаніи, то и теоретически немыслимо понять индивидуальную жизнь, сдѣлавъ абстракцію отъ универсальной жизни, на почвѣ которой она выростаетъ. Какъ при такомъ тѣсномъ сплетеніи личности съ цѣлымъ міромъ раздѣлить ихъ вполнѣ другъ отъ друга и указать, гдѣ кончается личность и гдѣ начинается остальной міръ? Такая задача не только невозможна, но и безплодна, — кто становится на точку зрѣнія жизни, тотъ самою этою жизнью обязывается разсматривать міръ и индивидуума (или, по крайней мѣрѣ, при современномъ уровнѣ знаній — человѣчество и индивидуума), какъ одно цѣлое. Вѣдь самъ же Гюйо говоритъ, что обособленная личность (personnalité séparée) для современной психологіи является не чѣмъ инымъ какъ иллюзіей.

Но какъ же въ такомъ случаѣ быть?! Ни цѣлаго, ни части мы не можемъ постигнуть независимо другъ отъ друга. Правильная идея о цѣломъ предполагаетъ правильную идею о частяхъ, а правильная идея о части—правильную идею о цѣломъ, къ которому она принадлежитъ. Означаетъ ли это, что мы не можемъ постигнуть ни того, ни другого? Это значитъ только, что мы можемъ постигнуть ихъ лишь одновременно, — не путемъ аналитическаго изслѣдованія, разсматривая каждое изъ нихъ порознь, а путемъ синтеза, который сплавляетъ ихъ въ нѣчто единое. Аналитическое и обособленное изслѣдованіе можетъ имѣть только подготовительное значеніе; но не оно даетъ намъ правильное понятіе о предметѣ, а синтезъ, который соединяетъ въ одно цѣлое отдѣльныя аналитическія изслѣдованія. Можно, конечно, ради удобства изученія стать съ самаго начала на индивидуалистическую точку зрѣнія, какъ это дѣлаетъ Гюйо,

хотя и при этомъ будетъ предполагаться нѣкоторая напередъ составленная идея о цѣломъ. Но затѣмъ нужно точно такимъ же образомъ стать на точку зрѣнія цѣлаго, и только произведя синтезъ этихъ обоихъ гипотетическихъ изслѣдованій, мы получимъ истинную, возможную для насъ, при современномъ уровнѣ знаній, идею о функціяхъ части и цѣлаго. Обособленное изслѣдованіе, безъ объединяющаго затѣмъ синтеза, никогда не приведетъ насъ къ дѣйствительному познанію ни самихъ себя, ни общества, ни міра, или, выражаясь короче, ни индивидуальной, ни универсальной жизни.

„Отбросивъ всякій законъ, предшествующій фактамъ и стоящій выше ихъ,—говоритъ Гюйо,—слѣдовательно, законъ a priori и категорическій, мы должны исходить изъ самихъ фактовъ, чтобы извлечь законъ,—изъ реальности, чтобы получить идеалъ, изъ природы, чтобы построить нравственность. Существенный же фактъ нашей природы—это то, что мы—живыя, чувствующія и мыслящія существа: это—жизнь въ своей формѣ, одновременно физической и нравственной, у которой мы должны допросить о принципѣ поведенія“ [1]). Но существенный фактъ нашей природы не исчерпывается только тѣмъ, что мы—живыя, чувствующія и мыслящія существа, не исчерпывается только тѣмъ сознаніемъ, что мы живемъ и существуемъ. Столь же существенный фактъ нашей природы составляетъ и никогда не покидающее насъ сознаніе, что существуетъ внѣшній міръ, и что этотъ внѣшній міръ тоже измѣняется и представляетъ намъ картину жизни, болѣе или менѣе аналогичную нашей. Этотъ существенный фактъ нашей природы мы должны тоже принять во вниманіе при рѣшеніи вопроса о принципѣ нашего поведенія. Вводить его вовсе не значитъ вводить въ область науки чуждыя ей метафизическія соображенія. Если наши догадки о ходѣ мірового развитія въ цѣломъ болѣе или менѣе проблематичны и потому носятъ метафизическій характеръ, то вѣдь никто же не скажетъ, что коллективная психологія и соціологія являются не чѣмъ инымъ, какъ ме-

[1]) M. Guyau: „Esquisse d'une morale“, p. 244.

тафизикой. Наука о нравственности должна соединить въ себѣ все наше знаніе индивидуальной жизни и все наше знаніе общей жизни для того, чтобы получить изъ всѣхъ, добытыхъ уже наукою, фактовъ—законъ, чтобы извлечь изъ всей доступной намъ реальности идеалъ и изъ всей извѣстной намъ природы—нравственность. Если наука о нравственности и должна „сама себя ограничить", чтобы придать себѣ „большій характеръ достовѣрности", то это ограниченіе не должно во всякомъ случаѣ простираться черезчуръ далеко, дальше того, чѣмъ это допускается современнымъ уровнемъ нашего знанія. А по мѣрѣ того, какъ знаніе индивидуальной и общей жизни будетъ расширяться,—будутъ раздвигаться и границы науки о нравственности, которыя имѣютъ такимъ образомъ условный характеръ, опредѣляемый состояніемъ знанія въ данное время.

Какъ мы уже сказали, можно считать безспорно установленнымъ современною наукой тотъ фактъ, что индивидуумъ стремится также къ нѣкоторой цѣли, которая является цѣлью или результатомъ движенія цѣлаго. Можемъ ли мы однако опредѣлить эту цѣль? Намъ кажется, что можемъ, и для ея опредѣленія нѣтъ надобности даже удаляться куда-нибудь далеко отъ положеній самого Гюйо. Вмѣстѣ съ нимъ мы принимаемъ, что каждое живое существо стремится упорствовать въ своемъ существованіи; но этотъ законъ, какъ полагаетъ это и самъ Гюйо, есть законъ всего существующаго, даже самаго послѣдняго атома эѳира. Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что и каждая система, состоящая изъ извѣстныхъ взаимно-связанныхъ между собою частей, точно такъ же стремится упорствовать въ своемъ существованіи. И такъ какъ каждая часть этой системы участвуетъ въ движеніи цѣлаго, то мы можемъ сказать, что и каждая часть, кромѣ тенденціи упорствовать въ своемъ собственномъ существованіи, имѣетъ также тенденцію упорствовать въ существованіи того цѣлаго, въ составъ котораго она входитъ. Каждый органъ, кромѣ тенденціи къ своему функціонированію, благодаря которому только онъ и можетъ сохраняться и развиваться, имѣетъ также тенденцію къ правильному функціонированію организма,

какъ цѣлаго. Точно такъ же и человѣкъ, кромѣ стремленія къ сохраненію и увеличенію своей собственной жизни, имѣетъ также стремленіе къ сохраненію и увеличенію жизни общественной, которое въ послѣднемъ счетѣ сводится къ увеличенію общей суммы жизни составляющихъ общество единицъ.

Жизнь и для насъ, какъ и для Гюйо, является тою универсальною причиною, которая порождаетъ дѣятельность, и тою универсальною цѣлью всѣхъ живыхъ существъ, къ которой они непроизвольно или сознательно стремятся; но только эта жизнь не есть одна жизнь индивидуальная,—это также жизнь общая, имѣющая мѣсто внѣ первой, въ большей или меньшей совокупности индивидуальностей. Если Спенсеръ утверждаетъ, что „удовольствіе гдѣ бы то ни было, когда бы то ни было, для какого бы то ни было существа или существъ“ составляетъ неизгладимый основной элементъ нравственной интуиціи, подобно тому, какъ пространство составляетъ необходимую форму умственной интуиціи [1]),—то мы въ этомъ же смыслѣ могли бы сказать, что *жизнь гдѣ бы то ни было, когда бы то ни было, для какого бы то ни было существа или существъ есть въ дѣйствительности неизгладимое основаніе нравственной интуиціи.*

При принятіи этого положенія, наука о нравственности, исключительно основанная на положительныхъ фактахъ, не опредѣлится только, какъ это мы видимъ у Гюйо, какъ „наука, которая имѣетъ своимъ предметомъ всѣ средства къ сохраненію и увеличенію матеріальной и интеллектуальной жизни“, при чемъ, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ нашего изложенія системы Гюйо, здѣсь подразумѣвается жизнь индивидуальная... Нѣтъ, наука о нравственности имѣетъ также своимъ предметомъ и всѣ средства къ сохраненію и увеличенію общей жизни, она обнимаетъ также собою всѣ дѣйствія существъ, ведущія къ этой цѣли и, слѣдовательно, клонящіяся къ созданію болѣе совершенной формы общественныхъ отношеній,—потому что самой совершенной фор-

---

[1]) Г. Спенсеръ: „Основанія науки о нравственности“, стр. 59.

мой общества будетъ та, которая будетъ обезпечивать наибольшую сумму общечеловѣческой жизни.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что мораль истинно-научная, опирающаяся на факты, чтобы быть, по возможности, болѣе полной, насколько это дозволяетъ современный уровень нашихъ знаній, — становясь даже на чисто индивидуалистическую точку зрѣнія, должна класть въ свое основаніе не только универсальный фактъ стремленія каждаго существа къ сохраненію и возрастанію своей жизни, но также и дѣйствующій одновременно съ нимъ и столь же универсальный фактъ стремленія къ сохраненію и увеличенію общей жизни... Соединяя оба эти факта вмѣстѣ, мы можемъ сказать, что каждое живое существо стремится къ сохраненію и увеличенію жизни вообще, при чемъ, въ одномъ случаѣ предметомъ этого стремленія можетъ быть жизнь, носителемъ которой является данная личность, въ другомъ — жизнь, совершающаяся внѣ ея; наконецъ, въ третьемъ случаѣ и та и другая вмѣстѣ. „Жизнь есть причина“ и источникъ „всѣхъ нашихъ дѣйствій безсознательныхъ“; но не только наша индивидуальная жизнь, а также и жизнь, внѣ насъ совершающаяся. Дѣйствіе, какъ совершенно вѣрно говоритъ Гюйо, „выходитъ естественно изъ функціонированія жизни“, но изъ функціонированія жизни общей, въ которую моя жизнь входитъ только какъ составная часть. Жизнь есть „цѣль, которая опредѣляетъ каждое наше дѣйствіе сознательное“ но не только моя жизнь индивидуальная, а и жизнь общая, жизнь вообще.

IX.

Имѣетъ ли развитіе разума тенденцію къ уничтоженію нравственныхъ стремленій?

Утвержденіе, что индивидуумъ имѣетъ тенденцію къ преслѣдованію двухъ цѣлей — сохраненія и увеличенія какъ индивидуальной, такъ и общей жизни, нисколько не заключаетъ въ себѣ утвержденія, что между жизнью части и цѣлаго существуетъ полная гармонія, хотя оно дѣйствительно заключаетъ въ себѣ скрытое утвержденіе, что между той

и другой не существуетъ полнаго антагонизма. Полный антагонизмъ, полное исключеніе одной жизни другою сдѣлали бы только абсолютно-невозможными и ту и другую и повели бы, вѣроятно, къ прекращенію всякой жизни. Для того, чтобы жизнь могла существовать, между жизнью части и жизнью цѣлаго должна существовать хотя нѣкоторая гармонія. А для того, чтобы жизнь могла правильно развиваться и возрастать въ своей интенсивности, эта гармонія должна становиться все шире и полнѣе. Очевидно, что если возрастаніе индивидуальной жизни, вмѣсто того, чтобы исключать возрастаніе жизни общей, ведетъ, напротивъ того, къ этому возрастанію, и если возрастаніе общей жизни имѣетъ въ свою очередь результатомъ возрастаніе жизни индивидуальной, — очевидно, что тогда жизнь можетъ достигнуть въ томъ и другомъ случаѣ наивысшей своей интенсивности.

Слѣдовательно, по скольку мы допускаемъ развитіе жизни, мы можемъ сказать, что это развитіе до тѣхъ поръ не прекратится, пока имъ не будетъ достигнута полная гармонія между индивидуальной и общей жизнью. Достиженіе такой гармоніи обезпечивается дѣйствіемъ законовъ ассоціаціи, наслѣдственности и естественнаго подбора, въ силу которыхъ выживаютъ и получаютъ преобладаніе тѣ индивидуумы и тѣ общественныя группы, у которыхъ эта гармонія существуетъ въ наибольшей степени. Такимъ образомъ, мало-по-малу, совершенно даже независимо отъ воли индивидуумовъ, въ силу уже однихъ механическихъ и біологическихъ законовъ, постепенно осуществляется гармонія жизни индивидуальной съ жизнью общей. Что касается человѣка и человѣческаго общества, то они стремятся выработать такую форму общественной жизни, которая въ наибольшей степени обезпечивала бы развитіе жизни индивидуальной,—и наоборотъ.

Утилитарная, а еще болѣе эволюціонная школа моралистовъ разсчитываютъ для устраненія антагонизма между личностью и обществомъ исключительно на механическое дѣйствіе тѣхъ законовъ, о которыхъ мы выше говорили. Подробный разборъ вопроса, можетъ ли одно механиче-

ское дѣйствіе этихъ законовъ создать полную гармонію между индивидуальной и общественной жизнью, мы находимъ въ прекрасной книгѣ Гюйо „La morale anglaise contemporaine"; но этихъ изслѣдованій мы здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ это отклонило бы насъ отъ ближайшей задачи. Для насъ важно, что въ настоящее время вышеупомянутая гармонія уже до нѣкоторой степени достигнута. Между жизнью отдѣльной личности и жизнью остального человѣчества установилась уже въ силу законовъ развитія самой жизни такая связь, что каждая какъ бы предполагаетъ и обусловливаетъ другую, и хотя еще существуетъ между ними нѣкоторый антагонизмъ, но этотъ антагонизмъ все болѣе уменьшается.

Спрашивается теперь, что произойдетъ, когда сознаніе станетъ однимъ изъ факторовъ развитія жизни, когда дѣйствующіе въ насъ, помимо нашей воли, инстинкты сохраненія индивидуальной и общей жизни будутъ распознаны и оцѣнены нашимъ разумомъ? Въ какое положеніе тогда станетъ наше сознаніе въ случаяхъ антагонизма между личной и общей жизнью? Будетъ ли оно стараться подорвать и уничтожить въ насъ инстинктъ сохраненія универсальной жизни и не окажетъ ли оно свою поддержку только инстинкту сохраненія жизни индивидуальной? Вѣдь, и самъ Гюйо поставилъ себѣ задачею „найти принципъ дѣйствія, который былъ бы общъ обѣимъ сферамъ (сознательной и безсознательной) и который, слѣдовательно, достигая сознанія, стремился бы скорѣе къ своему усиленію, чѣмъ къ уничтоженію". И однако же Гюйо говоритъ, что „сознаніе можетъ уничтожить постепенно посредствомъ яснаго анализа то, что темный синтезъ наслѣдственности накопилъ у индивидуумовъ и народовъ. Сознаніе имѣетъ разлагающую силу, которую утилитарная и даже эволюціонная школа не достаточно приняли во вниманіе. Отсюда и необходимость установить гармонію между размышленіемъ (réflexion) сознанія и самопроизвольностью безсознательнаго инстинкта". Принципъ, который устанавливаетъ эту гармонію, заключается, по мнѣнію Гюйо, въ индивидуальной жизни наиболѣе интенсивной и наиболѣе экстенсивной въ отношеніи физическомъ

и духовномъ. „Жизнь, достигшая сознанія себя, своей интенсивности и своего расширенія, не стремится уничтожиться: она только увеличиваетъ свою собственную силу“ [1]).

Съ такою постановкой вопроса, однако, врядъ ли возможно согласиться... Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что произойдетъ, когда жизнь индивидуальная и общая достигнутъ въ насъ своего сознанія:—станетъ ли наше сознаніе въ антагонизмъ съ жизнью общей?.. Прежде всего, чтобы правильно поставить вопросъ, замѣтимъ, что мы будемъ имѣть въ виду не чувствующее наше сознаніе, а мыслящее, о которомъ, какъ видно, говоритъ здѣсь и самъ Гюйо, упоминая о его разлагающей силѣ. На это же онъ указываетъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что размышляющій интеллектъ или, какъ Гюйо его также называетъ, научный духъ „есть... сила по преимуществу разрушающая все то, что природа связываетъ... онъ борется безпрестанно противъ авторитета въ лонѣ обществъ, онъ будетъ также бороться противъ авторитета въ лонѣ сознанія“ [2]). Но дѣйствительно ли мыслящее сознаніе есть только разлагающая сила, какъ говоритъ о ней Гюйо? Мысль не исчерпывается критикой и анализомъ и, конечно, не только разъединяетъ то, что природа связываетъ и соединяетъ. Мысль также есть творчество и синтезъ, и если она разлагаетъ, если она разрушаетъ, то только для того, чтобы снова связать и соединить. На мѣсто безсознательнаго синтеза природы она ставитъ сознательный творческій синтезъ разума. Анализъ и критика — это подготовительная работа мысли, такъ же какъ и борьба ея противъ авторитетовъ, въ какой бы области послѣдніе ни встрѣчались. За этой подготовительной работой мысли необходимо должна слѣдовать ея настоящая работа, въ которой она исполняетъ свое истинное назначеніе, въ которой она утверждаетъ свою собственную силу, въ которой она, опрокинувъ всѣ авторитеты, устанавливаетъ свой собственный авторитетъ путемъ свободнаго творчества лучшей природы, лучшаго общества и лучшей индивидуальности. Эту сторону развитія мысли также надо имѣть въ виду при правильной постановкѣ вопросовъ нравственности.

---

[1]) M. Guyau: „Esquisse d'une morale“, p. 244, 245.

[2]) l. c. p. 52, 53.

Итакъ, можетъ ли развитіе мыслящей способности нашей стать въ антагонизмъ съ нашими альтруистическими инстинктами, съ лежащею въ глубинѣ души нашей любовью къ ближнимъ,—однимъ словомъ, съ дѣйствующимъ въ насъ, даже помимо нашей воли, стремленіемъ къ сохраненію и увеличенію обще-человѣческой, а быть-можетъ даже и обще-міровой жизни? Дѣйствительно, англійскую школу можно упрекнуть въ томъ, что она слишкомъ исключительно разсматривала человѣка, какъ существо чувствующее; она слишкомъ мало обращала вниманія не на разрушающую силу мысли, но на силу мысли вообще. Опредѣлимъ, каковъ тотъ мотивъ, который можетъ удовлетворить умъ. „Существенный признакъ ума,—говоритъ Фулье,—есть его стремленіе къ объективности, слѣдовательно—къ безличности и всеобщности; одно только всеобщее можетъ удовлетворить его въ его работѣ. Когда я употребляю въ дѣло мой умъ, я не вижу болѣе объективной разумной причины, почему бы мое счастіе было предпочтительнѣе счастія всѣхъ другихъ существъ; я вижу для этого только субъективныя причины, причины чистой чувствительности, абстракція которыхъ составляетъ задачу именно ума. Коль скоро передъ моимъ разумомъ стоитъ существо, лишенное счастія — разумъ не удовлетворенъ въ своемъ стремленіи ко всеобщности: чтобы я былъ на самомъ дѣлѣ счастливъ, какъ существо разумное,—необходимо, чтобы всѣ прочія существа также были счастливы. Сама мысль такимъ образомъ въ своемъ объектѣ не эгоистична... можно даже сказать, что мысль, по своему безличному и объективному характеру, существенно альтруистична“ [1]). Если это такъ, то спрашивается, можетъ ли наша мысль стать въ антагонизмъ съ нашими нравственными инстинктами, съ тѣми альтруистическими чувствами, которыя завѣщали намъ наши предки въ строеніи нашей природы, съ ея стремленіемъ къ увеличенію общаго счастія или къ повышенію общей жизни? Очевидно, мысль не можетъ разрушать нашихъ альтруистическихъ инстинктовъ, а, напротивъ того, будетъ ихъ всячески усиливать, ибо эти альтруистическіе ин-

---

[1]) A. Fouillée: „Critique des systèmes de morale contemporains“, p. 18, 19 (русское изданіе, стр. 32).

стинкты являются наилучшимъ средствомъ удовлетворить ее въ ея стремлении ко всеобщности. Съ этой точки зрѣнія, Спенсера можно упрекнуть не въ томъ, что онъ не принялъ во вниманіе разлагающаго вліянія, которое мысль можетъ оказать на наши альтруистическіе инстинкты, а въ томъ, что онъ не принялъ во вниманіе той дѣятельной помощи, которую можетъ оказать и окажетъ мысль развивающейся нравственности, такъ какъ она работаетъ съ этой послѣдней въ одномъ направленіи. Сознаніе можетъ стать въ антагонизмъ съ присущимъ намъ инстинктомъ увеличенія универсальной жизни, но только сознаніе чувствующее, субъективное, для котораго существуетъ, на извѣстной ступени его развитія, только его „я", и которое, съ развитіемъ общества, все болѣе стремится дать мѣсто сознанію разумному, обнимающему въ себѣ всѣ существованія, все человѣчество, даже весь міръ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право ставить сохраненіе и увеличеніе не только индивидуальной, но и всеобщей жизни принципомъ, который дѣйствуетъ одновременно въ сферѣ сознательной и въ сферѣ безсознательной и который, переходя изъ темной области инстинктовъ въ свѣтлую сферу разума, не только не стремится уничтожиться, а, напротивъ того, дѣйствуетъ съ еще бо́льшею силою.

X.

Роль инстинкта и разума въ области нравственности. Нравственность органическая и нравственность свободная, сознательная.

Говоря о томъ значеніи, которое имѣетъ развитіе способности мышленія, Гюйо утверждаетъ, что можно доказать, что всякій инстинктъ, становясь сознательнымъ, имѣетъ стремленіе разрушиться [1]... Эту мысль онъ развиваетъ болѣе подробно въ другомъ своемъ сочиненіи „La morale anglaise contemporaine", разбирая теорію „органической нравственности" Дарвина и Спенсера... У низшихъ животныхъ, „сфера, въ которой дѣйствуетъ инстинктъ, очень узка; но за то онъ

---

[1]) M. Guyau. Esquisse d'une morale, p. 53.

дѣйствуетъ въ ней безпрепятственно, онъ совершаетъ свое дѣло съ совершенною правильностью, онъ въ ней всемогущъ... Напротивъ того, по мѣрѣ того какъ мы поднимаемся вверхъ по лѣстницѣ существъ, по мѣрѣ того какъ сфера, въ которой дѣйствуетъ инстинктъ, какъ кажется, расширяется, по мѣрѣ того какъ онъ кажется обнимающимъ большее число дѣйствій,—онъ обнимаетъ, вслѣдствіе этого самаго, дѣйствія менѣе опредѣленныя; будучи болѣе широкимъ, онъ болѣе произволенъ, что означаетъ, въ сущности, что онъ дѣлается менѣе повелителенъ и болѣе слабъ [1])". Этому факту, признаваемому Дарвиномъ, Гюйо считаетъ возможнымъ дать слѣдующее объясненіе. „У низшихъ животныхъ инстинктъ почти механиченъ и совершенно не сознаетъ цѣли, которую преслѣдуетъ—онъ не знаетъ самого себя... Отсюда происходитъ, что онъ захватываетъ такъ мало дѣйствій,—но что онъ захватываетъ ихъ такъ сильно... Въ высшихъ животныхъ, напротивъ, мало-по-малу пробивается умъ—онъ видитъ цѣль, преслѣдуемую инстинктомъ, и такъ какъ къ цѣли присоединяется обыкновенно удовольствіе, — то онъ самъ ее преслѣдуетъ и помогаетъ инстинкту, но только (въ этомъ видно удивительное хитросплетеніе природы для утвержденія царства ума), по мѣрѣ того какъ умъ помогаетъ инстинкту, онъ его уничтожаетъ въ самомъ основаніи: съ минуты, когда то, что дѣлалось по инстинкту, дѣлается по разуму, инстинктъ начинаетъ исчезать... Къ чему бы онъ послужилъ?!.. Нервныя измѣненія, соотвѣтствующія каждому инстинкту, сглаживаются; всякій органъ, который природа можетъ не употреблять въ дѣйствіе, она уничтожаетъ... Слѣпая природа должна была двигаться, шагъ за шагомъ, руководимая инстинктомъ: раскройте ей глаза, она отброситъ этотъ безполезный руководитель и свободно бросится впередъ" [2]).

Намъ кажется, что врядъ ли возможно дать такое толкованіе факту, признаваемому Дарвиномъ и Спенсеромъ, и мы приведемъ здѣсь то толкованіе, которое даетъ этому факту Спенсеръ и какъ онъ понимаетъ, въ дѣйствительности, отношеніе, существующее между инстинктомъ и разумомъ. Инстинктъ

[1]) M. Guyau. La morale anglaise contemporaine, p. 339.
[2]) l. c. p. 339, 340.

развивается отъ частаго повторенія извѣстныхъ психическихъ состояній въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ. Чѣмъ чаще онѣ повторяются такимъ образомъ, „тѣмъ сильнѣе становится ихъ стремленіе происходить въ этомъ порядкѣ, такъ что они дѣлаются, наконецъ, совершенно нераздѣлимыми другъ отъ друга“ [1]). Вслѣдствіе наслѣдственной передачи, при повтореніи тѣхъ же опытовъ, „каждое поколѣніе завѣщаетъ слѣдующему нѣсколько увеличенное стремленіе“. Въ концѣ концовъ, должна явиться „автоматическая связь между нервными дѣйствіями, соотвѣтствующими постоянно испытываемымъ внѣшнимъ отношеніямъ“ [2]). Таковъ генезисъ инстинкта... Среда, въ которой движутся простые организмы, очень проста, а потому и ихъ инстинкты, заключая въ себѣ небольшое число психическихъ перемѣнъ, обладаютъ наиболѣе автоматическимъ характеромъ... Съ усложненіемъ и расширеніемъ среды, къ которой индивидууму приходится приспособляться, „инстинкты, подымаясь въ своемъ развитіи все выше и выше, начинаютъ заключать въ себѣ все большее и большее количество такихъ психическихъ перемѣнъ, которыя оказываются все менѣе и менѣе тѣсно связанными съ своими основными психическими перемѣнами,“ и „долженъ наступить, наконецъ, такой моментъ, когда координація не будетъ совершенно правильной... Если эти сложныя отраженныя дѣйствія, по мѣрѣ того какъ они становятся болѣе сложными, становятся въ то же время менѣе опредѣленными, то изъ этого слѣдуетъ, что, подъ конецъ, они должны сдѣлаться сравнительно неопредѣленными. Они начнутъ терять свой ясно автоматическій характеръ. И то, что мы называемъ инстинктомъ, перейдемъ въ нѣчто высшее“ [3]). Это высшее, во что перейдетъ инстинктъ, есть не что иное, какъ разумъ...

Но съ возникновеніемъ, такимъ образомъ, разумной дѣятельности въ животномъ царствѣ, будетъ ли природа все болѣе суживать область инстинкта для того, чтобы отбросить его, какъ говоритъ Гюйо, въ концѣ концовъ, какъ безполезное орудіе у человѣка? Изгладятся ли въ нашемъ мозгу тѣ нерв-

[1]) Спенсеръ. Основанія психологіи, т. II, стр. 161.

[2]) Тамъ же, стр. 161.

[3]) Тамъ же, стр. 165.

ныя измѣненія, которыя соотвѣтствуютъ инстинктамъ, „замѣненныя всемірнымъ органомъ мысли?“ Нисколько... если, какъ мы видѣли выше, „вслѣдствіе возрастанія сложности и уменьшенія повторяемости, автоматическое приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ становится невѣрнымъ и колеблющимся и... дѣйствія, называемыя нами инстинктивными, переходятъ постепенно въ дѣйствія, называемыя нами разумными“, то, съ другой стороны, и тѣ „дѣйствія, которыя мы называемъ разумными, становятся, вслѣдствіе многократныхъ повтореній, автоматическими или инстинктивными“ [1]). Разумъ, такимъ образомъ, не только не отбрасываетъ инстинктъ, какъ ненужный органъ, но самъ часто становится инстинктомъ. Можно допустить и принять, что одни инстинкты сглаживаются и исчезаютъ, но за то другіе заступаютъ ихъ мѣсто, такъ что, во всякомъ случаѣ, инстинктъ остается навсегда однимъ изъ руководителей въ жизни человѣка... Еще вопросъ, меньше ли область инстинктивнаго въ человѣческой жизни, чѣмъ въ жизни любого изъ животныхъ, если брать не относительную, а абсолютную величину этой области. „Если не большинство, то, по крайней мѣрѣ, многія изъ нашихъ обыкновенныхъ ежедневныхъ дѣйствій“, говоритъ Спенсеръ, „каждый шагъ которыхъ первоначально былъ предшествуемъ сознаніемъ объ имѣющихъ произойти послѣдовательностяхъ, а слѣдовательно былъ разуменъ, — становятся, вслѣдствіе постояннаго повторенія, болѣе или менѣе автоматичными. Какъ только требующіяся впечатлѣнія произведены на насъ, за ними немедленно же слѣдуютъ приличныя случаю движенія, безъ вмѣшательства сюда памяти, разума и воли“ [2]).

Но есть ли это недостатокъ и мѣшаетъ ли это въ чемъ-нибудь „утвержденію царства ума“?.!. Нисколько... Если прежде умъ помогалъ инстинкту и являлся какъ бы его орудіемъ, если прежде инстинктъ заставлялъ работать умъ въ смыслѣ своего наибольшаго удовлетворенія, то у человѣка начинаетъ имѣть мѣсто какъ разъ обратное отношеніе, т.-е. инстинктъ все въ большей мѣрѣ начинаетъ становиться ору-

[1]) Г. Спенсеръ. Основанія психологіи, т. II, стр. 181.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 182, 183.

діемъ ума въ достиженіи его цѣлей... И это орудіе не можетъ быть признано излишнимъ и безполезнымъ, потому что инстинктивное дѣйствіе совершается съ наибольшей быстротой и съ наименьшимъ сопротивленіемъ и затратой силы, а слѣдовательно, если только оно можетъ служить цѣлямъ разума, оно будетъ дѣлать разумъ болѣе могущественнымъ и будетъ только болѣе расширять сферу его приложенія... Инстинкты, которые достигаютъ цѣлей, противоположныхъ цѣлямъ разума, конечно, являются противодѣйствующими силѣ разума и утвержденію его царства; но разумъ можетъ работать надъ тѣмъ, чтобы ихъ уничтожить и замѣнить другими, идущими съ нимъ рука объ руку. Инстинктъ и разумъ, оба, какъ это говоритъ въ одномъ мѣстѣ Гюйо, являются силами, двигающими человѣческую жизнь, и обѣ эти силы будутъ всегда, по нашему мнѣнію, существовать рядомъ другъ съ другомъ, приходя постепенно между собою въ гармонію въ общемъ служеніи одной и той же великой цѣли развитія жизни въ мірѣ.

Что касается нравственности и нравственнаго инстинкта, такъ какъ этотъ инстинктъ работаетъ въ томъ же направленіи какъ и разумъ, цѣль котораго есть всеобщее и идеальное то мы можемъ сказать, что нравственный инстинктъ, преобразуясь подъ вліяніемъ разума, не только не стремится уничтожиться, но, напротивъ того, стремится стать только болѣе совершеннымъ... „Органическая нравственность“ нисколько не унижаетъ достоинства человѣка и не исключаетъ „нравственности сознательной“... Обѣ онѣ могутъ итти и работать въ одномъ и томъ же направленіи, достигая одной и той же цѣли... Если Спенсеръ не правъ, полагая, что нравственность, въ концѣ концовъ, вполнѣ и исключительно станетъ „органической нравственностью“, и человѣкъ будетъ, какъ бы помимо своей воли, совершать безкорыстные нравственные поступки, то съ другой стороны нельзя признать возможнымъ и того, чтобы „человѣкъ не принималъ въ расчетъ никакого инстинкта, разсуждалъ бы абсолютно о своемъ поведеніи, развертывалъ бы свою жизнь, какъ рядъ теоремъ“ [1])... Эта возможность, которую допускаетъ Гюйо, по

[1]) M. Guyau. Esquisse d'une morale, p. 58.

нашему мнѣнію, есть абсолютная невозможность, потому что она противорѣчитъ истинной природѣ того отношенія, которое существуетъ между инстинктомъ и разумомъ. Нравственность всегда будетъ дѣломъ двухъ силъ, инстинкта и разума, и наряду съ нравственностью сознательной всегда будетъ существовать „нравственность органическая".

„Органическая нравственность" будетъ представлять базисъ и точку опоры, на которой будетъ дѣйствовать нравственность свободная, сознательная; необходимый при томъ базисъ, который дастъ возможность свободной нравственности болѣе широкаго приложенія и распространенія. По нашему мнѣнію, нравственная свобода нисколько не отрицается нравственною необходимостью, если только обѣ онѣ ведутъ къ одной и той же цѣли. Если нравственная обязанность, по мысли Спенсера, какъ полагаетъ Гюйо, можетъ быть опредѣлена, какъ „сознаніе взаимной обусловленности (la conscience du déterminisme réciproque), съ которой наши предки принуждаютъ насъ дѣйствовать въ сторону общественнаго блага и съ которой мы принуждаемъ къ тому же нашихъ потомковъ" [1]), то это опредѣленіе нисколько не исключаетъ, а только дополняется другимъ опредѣленіемъ нравственной обязанности, какъ сознанія индивидуальной свободы, наибольшее приближеніе къ которой „будетъ именно актомъ, наиболѣе противоположнымъ эгоизму, актомъ, который, вполнѣ выходя изъ основанія нашей индивидуальности, будетъ имѣть своею цѣлью всеобщность индивидуумовъ и будетъ превосходить, такимъ образомъ, безпредѣльно, по своему предмету границы нашей, такъ называемой индивидуальности" [2]). Тотъ взаимный детерминизмъ, о которомъ здѣсь говорится, толкая насъ на путь общаго блага, т.-е. какъ разъ на тотъ путь, гдѣ въ наибольшей степени можетъ быть осуществлена наша нравственная свобода, будетъ способствовать такимъ образомъ къ ея усиленію и расширенію.

Гюйо правъ, говоря, что исключительное признаніе теоріи Спенсера объ „органической нравственности", т.-е. допущеніе того, что нравственность имѣетъ свое основаніе

---

[1]) M. Guyau. La morale anglaise contemporaine, p. 330.

[2]) A. Fouillée. La liberté et le déterminisme, p. 297.

только въ завѣщанной намъ отъ предковъ структурѣ мозга, такое признаніе необходимо приведетъ также и къ признанію того, что нравственная обязанность есть не что иное, какъ только одна галлюцинація, которой во внѣшнемъ мірѣ не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго [1]). Сторонникамъ „органической нравственности“ Спенсера всегда можно, какъ говоритъ Гюйо, поставить слѣдующіе вопросы: „Почему я долженъ совершить тотъ или иной актъ, который хотя и рекомендуется мнѣ вашей моралью, однако существенно противоположенъ моему личному интересу? Если вы не совершите его, вы испытаете внутреннее страданіе, отвѣчаютъ мнѣ. Почему же я испытаю страданіе, если, говоря въ абсолютномъ смыслѣ, я ничего не дѣлаю морально дурного? Потому что вы разстроите завѣщанную вамъ предками нервную организацію и потому что поврежденные органы необходимо причинятъ вамъ страданіе при посредствѣ непріятныхъ образовъ и идей. Но эти идеи и образы, не соотвѣтствуя ничему реальному, не отличаются отъ нѣкоторыхъ обычныхъ галлюцинацій; они подчинены тѣмъ же законамъ: какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, мнѣ достаточно полнаго сознанія, что это—просто заблужденія, чтобы они разсѣялись; не пріобрѣту ли я это совершенное сознаніе съ того момента, какъ я буду совершенно убѣжденъ вашей системой? Не буду ли я тогда вполнѣ избавленъ отъ всего, походящаго на страданіе, на принужденіе, на внутреннюю обязанность, какимъ бы вамъ именемъ ни было угодно назвать ее?“ [2]) Такъ можно было бы возразить сторонникамъ исключительной „органической нравственности“. Но понятая не исключительно и дополненная, „органическая нравственность“ можетъ быть допущена каждымъ моралистомъ и она нисколько не является отрицаніемъ той сознательной нравственности, которая стремится къ реализаціи „нравственной свободы“. Теорія Дарвина и Спенсера, говоритъ Гюйо, „хочетъ сдѣлать насъ рабами наслѣдственности“, чтобы вышли изъ насъ нравствен-

[1]) M. Guyau. La morale anglaise contemporaine, см. главу L'organisme morale et l'instinct morale.

[2]) l. c. p. 338, 339.

ныя и общественныя существа [1]). Но, дополнивъ ее и ограничивъ теоріею сознательной нравственности, мы увидимъ, что наслѣдственность перестаетъ быть деспотическимъ владыкой надъ нами, а становится, напротивъ того, нашей дѣятельной помощницей въ дѣлѣ достиженія нравственной свободы, и человѣку незачѣмъ тогда отворачиваться отъ ея вліянія, какъ отъ унизительнаго рабства, и отказываться отъ той громадной помощи, которую она оказываетъ ему, сохраняя и накопляя для него въ организаціи мозга опыты его предковъ.

Теорія Дарвина и Спенсера не права, игнорируя сознаніе и мысль, какъ одинъ изъ факторовъ нравственности. Нравственность не только можетъ быть результатомъ безсознательнаго инстинкта, она можетъ быть также дѣломъ сознательной мысли и воли. Эта сознательная нравственность заслуживаетъ того, чтобы моралистъ подвергъ ее отдѣльному и обстоятельному изслѣдованію... И тутъ передъ моралистомъ открываются слѣдующіе вопросы: стоитъ ли сознательная нравственность въ какомъ-нибудь антагонизмѣ съ нравственностью безсознательною, инстинктивною, или же, напротивъ того, дѣйствуетъ съ нею въ одномъ и томъ же направленіи? Каковы тѣ мотивы и цѣли дѣйствія, которые могутъ удовлетворить сознаніе и мысль? Находятся ли эти мотивы и цѣли въ разногласіи съ тѣми альтруистическими инстинктами, съ той „органической нравственностью", которую намъ завѣщали наши предки? Нѣтъ сомнѣнія, что нравственный инстинктъ, какъ это думаетъ Гюйо, можетъ получить нѣкоторое измѣненіе отъ развитія размышляющаго разума, — но какое это будетъ измѣненіе, будетъ ли оно касаться только частностей, или же подорветъ нравственный инстинктъ въ самомъ корнѣ? Чтобы рѣшить эти вопросы, надо, какъ мы сказали, рѣшить вопросъ о тѣхъ цѣляхъ и мотивахъ, къ которымъ естественно должно стремиться сознаніе и которые въ наибольшей степени могутъ удовлетворить мысль.

У Гюйо вопросъ о вліяніи сознанія на наши нравственные инстинкты затрагивается съ совершенно другой стороны.

---

[1]) l. c. p. 339.

Критикуя англійскихъ моралистовъ, которые видятъ въ нравственной обязанности или только дѣло простой ассоціаціи идей и чувствованій, какъ Стюартъ Милль [1]), или же дѣло органической структуры мозга, унаслѣдованной отъ предковъ, какъ Дарвинъ и Спенсеръ, — Гюйо при этомъ старается доказать, что послѣдовательный утилитаристъ, для котораго нравственность сводится къ одному личному интересу, сознавая свои нравственные инстинкты, какъ простой результатъ ассоціаціи идей или органической структуры мозга, тѣмъ самымъ стремится уничтожить въ себѣ всякіе слѣды нравственнаго инстинкта. Сознательное размышленіе, говоритъ онъ, возбужденное системой Спенсера, спроситъ у нравственнаго инстинкта: „откуда онъ происходитъ и куда ведетъ, какой его принципъ и цѣль? Признаетъ оно эту цѣль, оно послѣдуетъ инстинкту; не признаетъ, не послѣдуетъ и безъ всякаго угрызенія... Множество людей найдутъ очень удобнымъ, по крайней мѣрѣ, для себя, если нравственность есть только инстинктъ, поступить съ ней такъ", какъ мать, поручающая кормленіе ребенка чужой женщинѣ, поступаетъ съ инстинктомъ кормленія: „они предоставятъ другимъ заботу защиты, съ помощью нравственности, общественной и ихъ собственной жизни, они охотно возложатъ на плечи другихъ тотъ трудъ, котораго требуетъ соціальная функція — добродѣтель. Проявляйте безкорыстіе вы вмѣсто меня, скажу я людямъ съ доброй волей... Если я этого и не скажу, я это подумаю... Пусть тѣ, у которыхъ нравственный инстинктъ, не ставши разсудительнымъ, остался въ полной своей силѣ, пусть они заботятся объ общественной жизни, — я же воспользуюсь этимъ и займусь, какъ это предписываетъ и самый законъ существованія, исключительно своей индивидуальной жизнью" [2]) Все это такъ — мы охотно готовы допустить вмѣстѣ съ Гюйо, что множество людей поступятъ какъ разъ такимъ образомъ; но они это сдѣлаютъ не въ силу яснаго и сознательнаго размышленія о своихъ инстинктахъ,

---

[1]) См. La morale anglaise contemporaine, livre II, chapitre III. „L'association artificielle des interets dans la pensée, principe de l'obligation d'apres Stuart Mill.

[2]) l. c. p. 341; 342.

не въ силу того, что мысль служитъ руководительницей ихъ поведенія и что, только одобренное разумомъ, можетъ стать закономъ ихъ жизни... Нисколько, на мѣсто ирраціональнаго, самопроизвольнаго альтруистическаго инстинкта, побуждающаго ихъ къ нравственной дѣятельности, они поставятъ такой же ирраціональный эгоистическій инстинктъ, чтобы отдаться заботамъ о своей личности. Вопросъ о вліяніи сознанія на наши нравственные инстинкты при этомъ нисколько не разъясняется... Примѣръ, который намъ приводитъ Гюйо, это скорѣе примѣръ борьбы двухъ противоположныхъ инстинктовъ, изъ которыхъ сильнѣйшій пользуется сознаніемъ и мыслью, чтобы одержать побѣду надъ слабѣйшимъ; — но это не есть примѣръ того вліянія, которое мысль и сознаніе оказываютъ сами по себѣ, благодаря своей собственной силѣ.

Вообще, вопросъ о томъ вліяніи, которое будетъ оказывать сознаніе, руководимое эгоистическимъ чувствомъ, стремленіемъ къ личному счастью, разработанъ у Гюйо довольно подробно и прекрасно;—но мы за то не встрѣчаемъ у него разработки другой болѣе важной стороны вопроса — о томъ вліяніи, которое сознаніе должно оказывать на наши инстинкты, въ качествѣ свободной независимой силы. Мыслящее сознаніе, какъ это признаетъ самъ Гюйо, по своей природѣ безлично и безкорыстно и потому оно не можетъ имѣть какого-нибудь лицепріятія къ эгоистическому инстинкту, заставляющему насъ заботиться только о себѣ и своей личности... Людямъ, о которыхъ говоритъ Гюйо, которые отбросятъ нравственный инстинктъ и займутся заботой о своей индивидуальной жизни, можно было бы съ такимъ же основаніемъ сказать, что они такъ поступятъ по недостатку размышленія, что въ силу отсутствія яснаго сознательнаго отношенія къ своимъ инстинктамъ, эгоистическій инстинктъ и остался у нихъ „въ полной своей силѣ“, что ихъ поведеніе покоится не на сознаніи и мысли, а также на инстинктѣ, только болѣе низкаго качества... Чтобы рѣшить вопросъ о вліяніи сознанія на нравственные инстинкты, надо брать во вниманіе не чувствующее сознаніе, которое является орудіемъ въ рукахъ субъективнаго чувства, а сознаніе мыслящее,

объективное, которое, будучи свободно — само, даетъ истинную свободу и человѣку. Это мыслящее сознаніе дѣйствительно требуетъ отчета отъ каждаго инстинкта, дѣйствительно не управляется никакимъ инстинктомъ, но оно не стремится разрушить и подорвать всякій инстинктъ, а разрушаетъ только тѣ, которые находятся съ нимъ въ антагонизмѣ, развивая и укрѣпляя всѣ тѣ инстинкты, которые идутъ съ нимъ рука объ руку... Этими послѣдними инстинктами оно пользуется, что бы пускать ихъ въ ходъ въ томъ или другомъ случаѣ для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя удовлетворяютъ его истинной природѣ. Это будетъ сознательная нравственность, дѣйствующая подъ вліяніемъ идеи и желанія нравственной свободы и для которой тотъ „взаимный детерминизмъ, посредствомъ котораго наши предки принуждаютъ насъ къ общественному благу и посредствомъ котораго мы принуждаемъ къ благу послѣдующихъ за нами", этотъ детерминизмъ является только средствомъ для наилучшаго достиженія нравственной свободы.

XI.

Расширеніе теоріи Гюйо о плодородіи жизни.

Слѣдующимъ важнымъ вопросомъ, разработаннымъ однако у Гюйо слишкомъ кратко, сравнительно съ той важностью, которую онъ представляетъ,—является вопросъ о томъ, что такое та жизнь, которая кладется въ основаніе нравственности и не обладаетъ ли она какими-либо особенными отличительными свойствами, получающими большое значеніе въ нравственномъ развитіи человѣчества. Читатель уже познакомился изъ нашего изложенія съ тѣмъ важнымъ качествомъ, которое приписываетъ Гюйо жизни. Это качество заключается въ свойственной ей способности къ экспансивности. Наиболѣе интенсивная жизнь является также и жизнью въ наибольшей степени экспансивной. Жизнь, будучи, съ одной стороны питаніемъ и уподобленіемъ, съ другой стороны, является производительностью и плодородіемъ. Расходъ жизни, какъ говоритъ Гюйо, не есть физіологически зло, это — одно изъ выраженій жизни. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этихъ идеяхъ, опять-таки не для того, чтобы ихъ опровергать, а

для того, чтобы получить о нихъ болѣе ясное и точное понятіе, потому что эти идеи, какъ мы сказали, являются очень важными въ теоріи нравственности.

Какъ извѣстно, всѣ живые организмы являются ни чѣмъ инымъ, какъ обществомъ клѣточекъ или протоплазматическихъ образованій. Для того, чтобы составить себѣ болѣе ясную идею о жизни цѣлаго организма, надо отдать себѣ ясный отчетъ въ жизни отдѣльныхъ клѣточекъ, изъ которыхъ онъ слагается. Клѣточка состоитъ изъ протоплазмы, „особенность строенія которой заключается, повидимому, въ томъ, что входящіе въ ея составъ элементы находятся въ весьма слабо связанномъ состояніи, чрезвычайно подвижны и способны образовать самыя разнообразныя комбинаціи, въ зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ вліяній“ [1]). Способность реагировать на внѣшнія вліянія, называемая раздражительностью, составляетъ неотъемлемое свойство всякой организованной матеріи. Реагированіе со стороны протоплазмы на внѣшнія вліянія сказывается прежде всего тѣмъ, что въ ней высвобождаются различныя силы (тепло, электричество, механическая работа и т. д.), при чемъ часть ея вещества необходимо распадается на болѣе простыя соединенія... Функціонируя, организованная матерія разрушается... Но „существованіе протоплазмы не могло бы быть продолжительнымъ, если бы она не отличалась капитальнымъ для нея свойствомъ, именно способностью приготовлять изъ веществъ внѣшняго міра свою первоначальную модификацію, пополняя—и даже съ избыткомъ — понесенныя потери... Жизнь протоплазмы складывается, такимъ образомъ, по характеру химическихъ процессовъ изъ распаденія и сложенія (дезассимиляціи и ассимиляціи)... Для реализаціи явленій ассимиляціи идетъ съ одной стороны часть тѣхъ силъ, которыя освобождаетъ протоплазма, распадаясь на простѣйшія соединенія путемъ окисленія, съ другой же стороны, протоплазма обладаетъ свойствомъ переводить въ связанное состояніе силы, притекающія къ ней изъ внѣшняго міра“ [2]).

[1]) В. Пашутинъ. Курсъ общей и экспериментальной патологіи, стр. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

Таковы факты, которые устанавливаетъ физіологія. Остановимся же теперь на тѣхъ выводахъ, которые изъ нихъ вытекаютъ... Физіологи считаютъ наиболѣе характерными проявленіями жизни явленія ассимиляціи. По мнѣнію Клода Бернара: „Жизнь это—творчество". Другой же рядъ явленій дезассимиляціи (органическаго или жизненнаго разрушенія), по мнѣнію того же Клода Бернара, менѣе характеренъ, такъ какъ онъ, какъ результатъ горѣнія, ферментаціи и т. д. „можетъ быть сравнимъ съ громаднымъ числомъ фактовъ химическаго разложенія; это суть истинные феномены смерти, когда они имѣютъ отношеніе къ организованному существу! И вещь достойная замѣчанія, мы являемся здѣсь жертвами обычной иллюзіи и когда мы хотимъ обозначить феномены жизни, мы указываемъ, на самомъ дѣлѣ, на феномены смерти" [1])... И, дѣйствительно, для моралиста наиболѣе характерными и наиболѣе важными явленіями жизни представляются явленія дезассимиляціи... При явленіяхъ ассимиляціи или органическаго синтеза „живыя силы переводятся въ состояніе напряженія; при явленіяхъ дезассимиляціи происходитъ наоборотъ „высвобожденіе живыхъ силъ"... Это высвобожденіе живыхъ силъ, сопровождающее функціонированіе организованной матеріи, представляетъ для моралиста истинное содержаніе жизни и явленія ассимиляціи или накопленія силъ являются для него только средствомъ для перваго процесса. Что явленія дезассимиляціи имѣютъ не менѣе первостепенное значеніе даже съ точки зрѣнія физіологической, уже можно видѣть изъ того, что они не только являются, такъ сказать, результатомъ явленій ассимиляціи, но также и отчасти источникомъ ихъ... Часть силъ, освобождающихся при процессахъ дезассимиляціи, какъ мы видѣли, идетъ на возобновленіе и поправку организованной матеріи.., Явленія ассимиляціи, если бы они не сопровождались послѣдующими за ними явленіями дезассимиляціи, не имѣли бы даже никакого смысла съ точки зрѣнія жизни... Что иное это было бы какъ только возможная, потенціальная жизнь... Чтобы она стала жизнью дѣйствительной, необхо-

[1]) Тамъ же, стр. 4.

димо, чтобы наступили явленія органическаго распаденія и освобожденія живыхъ силъ... Пускай физіологъ называетъ этотъ процессъ органическаго разрушенія смертью, эта смерть есть условіе новой жизни съ физіологической точки зрѣнія, жизни, за которою опять должны будутъ слѣдовать явленія смерти. Здѣсь мы имѣемъ постоянное повтореніе этихъ явленій разрушенія, называемыхъ съ физіологической точки зрѣнія смертью, а съ точки зрѣнія всего живущаго человѣчества истиннымъ содержаніемъ жизни. И эти процессы разрушенія получаютъ особенно большое значеніе именно еще потому, что они преимущественно сопровождаются сознаніемъ, которое есть спутникъ, если и не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ извѣстной части разрушеній, имѣющихъ мѣсто въ нервномъ веществѣ. Съ возрастаніемъ интенсивности жизни или процессовъ разложенія, возрастаетъ также и интенсивность тѣхъ процессовъ разложенія, которые имѣютъ мѣсто въ нервномъ веществѣ и, слѣдовательно, возрастаетъ также вмѣстѣ съ этимъ и интенсивность процессовъ сознанія, имѣющихъ для человѣка наиболѣе цѣнное значеніе, потому что они даютъ ему чувствованіе жизни, которое безъ этихъ процессовъ не существовало бы.

Другая сторона, на которую мы должны обратить вниманіе, заключается въ томъ, что при явленіяхъ дезассимиляціи освобождаются живыя силы, часть которыхъ идетъ на возстановленіе данной индивидуальности, а другая часть, слѣдовательно, расходуется на внѣшній міръ. Отношеніе этихъ частей, конечно, измѣняется, по мѣрѣ того какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ существъ. Чѣмъ выше стоитъ въ своемъ развитіи существо, тѣмъ большая доля идетъ на внѣшній міръ. Но кромѣ того, что увеличивается доля тѣхъ живыхъ силъ, которыя идутъ на внѣшній міръ, эта доля расходуется все болѣе цѣлесообразнымъ образомъ, т.-е. все большая часть этой доли расходуется на все болѣе высокіе процессы жизни, имѣющіе мѣсто внѣ насъ. Это есть то, что Гюйо называетъ обиліемъ жизни, которая требуетъ своего расхода на другихъ и которая представляетъ фактъ обилія живыхъ силъ, освобождающихся отъ процессовъ разложенія и оказывающихся излишними для процессовъ асси-

миляціи въ данномъ организмѣ. Эти живыя силы, слѣдовательно, могутъ пойти на содѣйствіе процессамъ ассимиляціи въ другихъ индивидуальностяхъ, т.-е. на увеличеніе въ послѣднихъ потенціальной, возможной жизни, или же на ускореніе и болѣе быстрое теченіе дезассимиляціонныхъ процессовъ у нихъ, т.-е. на увеличеніе интенсивности жизни. Тутъ же мы должны обратить вниманіе и еще на другой важный фактъ, а именно на то, что и на жизненные процессы, совершающіеся въ данномъ существѣ тоже идетъ доля тѣхъ живыхъ силъ, которыя освобождаются, какъ результатъ процессовъ органическаго разрушенія, имѣющаго мѣсто въ окружающихъ ее особяхъ.

Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь еще разъ полную солидарность между данной индивидуальностью и внѣшнимъ міромъ. Процессы жизни, совершающіеся въ данной индивидуальности, являются условіемъ процессовъ жизни, совершающихся внѣ ея, а процессы жизни, совершающіеся внѣ ея, становятся источникомъ жизненныхъ процессовъ, совершающихся внутри ея. Индивидуальность является намъ пунктомъ, гдѣ личная и общая жизнь соединяются вмѣстѣ: индивидуальная жизнь родитъ жизнь въ самой себѣ и въ мірѣ и въ то же время является результатомъ жизни въ мірѣ и въ самой себѣ; между той и другой оказывается самое тѣсное сплетеніе.

По существу, какъ это мы признаемъ вмѣстѣ съ Гюйо, жизнь есть производительность и плодородіе. Мы несогласны съ нимъ только въ томъ *исключительно* важномъ значеніи, которое онъ придаетъ раздѣльному половому размноженію.

Различіе половъ имѣетъ, по его мнѣнію, такое основное значеніе въ нравственной жизни, что если бы, паче чаянія, безполовое размноженіе получило преобладаніе, то общество едва ли бы существовало. Съ этимъ врядъ ли можно согласиться, потому что общество не необходимо возникаетъ изъ семьи, а можетъ возникнуть и другимъ путемъ: для этого только нужна общность потребностей, которыя могли бы быть лучше удовлетворены въ ассоціаціи. И при безполовомъ размноженіи одинаково будутъ существовать потребности ма-

теріальнаго обезпеченія и безопасности, которыя могутъ быть достаточнымъ основаніемъ для возникновенія общественной жизни. Наконецъ мы можемъ сослаться даже на фактъ, какъ разъ противоположный тому, который констатируетъ Гюйо, а именно, „замѣчено, что общественный инстинктъ у животныхъ находится въ противодѣйствіи съ инстинктомъ семейнымъ: общеніе племенъ основывается не на взаимной любви половъ, но на взаимной склонности между братьями молодыми животными“ [1]). По мнѣнію того же автора, котораго мы здѣсь цитируемъ, половая дѣятельность часто не только не является началомъ экспансивнымъ, распространяющимъ, а наоборотъ, началомъ концентраціи (сосредоточенія). Не безъ основанія человѣчную (или общечеловѣческую) любовь назвали именемъ братства“ [2]). Такимъ образомъ, отнюдь нельзя сказать, что съ половымъ размноженіемъ, какъ это думаетъ Гюйо, „наступаетъ новая нравственная фаза для міра“, что организмъ индивидуальный съ этого времени перестаетъ быть изолированнымъ, и что его центръ тяжести начинаетъ перемѣщаться именно съ этого времени. Дѣло въ томъ, что организмъ индивидуальный никогда и не былъ, и не могъ быть изолированнымъ, по существу самой жизни, какъ это прямо вытекаетъ изъ установленныхъ нами только что положеній. Становясь сложнѣе, организмъ все тѣснѣе и тѣснѣе связывался съ окружающимъ его міромъ и потому въ силу самого своего развитія и развитія самой жизни, совершенно даже независимо отъ способовъ размноженія, онъ становился все менѣе и менѣе изолированнымъ отъ внѣшняго міра, все болѣе тѣсно съ нимъ связаннымъ и все болѣе перемѣщающимъ на него центръ своей активной дѣятельности. Но, конечно, при этомъ нельзя отрицать и того факта, что половое размноженіе съ своей стороны могло оказывать вліяніе въ смыслѣ увеличенія экспансивности жизни.

Теорія Гюйо о производительности и плодородіи жизни представляетъ дальнѣйшее развитіе теоріи позитивиста Лит-

---

[1]) А. Фулье. Критика современныхъ системъ нравственности стр. 68. фр. изд. р. 47.

[2]) Тамъ же, стр. 68. фр. изд. р. 47, 48.

тре, который считаетъ инстинктъ питанія источникомъ эгоистическихъ чувствъ, а инстинктъ размноженія источникомъ чувствъ альтруистическихъ; при чемъ послѣдній тоже слишкомъ большое значеніе придаетъ половому инстинкту. Гюйо въ этомъ отношеніи пошелъ дальше и видитъ въ половомъ инстинктѣ хотя и высшую, но частную форму общей потребности плодородія, которая является симптомомъ излишка силы... Мы же въ заключеніе только добавимъ, что альтруистическія чувства, нравственность, самоотверженіе, безкорыстіе, отнюдь не есть только результатъ плодородія жизни индивидуальной, но и жизни общечеловѣческой и даже общеміровой. И поэтому нравственный человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права слишкомъ превозноситься своими добродѣтелями... Онъ въ такой же мѣрѣ обязанъ своей высокой нравственностью самому себѣ, въ какой онъ обязанъ этой нравственностью человѣчеству и міру. Источникъ инстинктовъ симпатіи и общественности мы въ такой же степени считаемъ находящимся „внутри нашего существа", въ какой и внѣ его; хотя въ лонѣ индивидуальной жизни и существуетъ эволюція, соотвѣтствующая эволюціи жизни соціальной и которая дѣлаетъ возможной послѣднюю, но съ другой стороны и послѣдняя дѣлаетъ возможной первую и, будучи результатомъ первой, можетъ въ тоже время являться и ея причиной... Становясь на точку зрѣнія жизни, мы необходимо принуждены усматривать внутреннюю связь всѣхъ явленій жизни и избѣгать односторонности въ приписываніи какому-нибудь изъ нихъ особенно важнаго значенія.

XII.

Дополненія, которыхъ требуютъ установленные Гюйо эквиваленты нравственной обязанности.

Мы уже видѣли, какимъ образомъ Гюйо изъ установленнаго имъ принципа „нравственнаго плодородія" выводитъ различные естественные эквиваленты для нравственной обязанности, очищенной отъ всего мистическаго и сверхъестественнаго... Укажемъ на тѣ дополненія и развитія, въ которыхъ нуждается, по нашему мнѣнію, эта часть ученія Гюйо.

Какъ извѣстно, первый эквивалентъ нравственной обязанности Гюйо находитъ въ сознаніи внутренней силы или способности дѣйствовать. „Чувствовать внутренно то, что способенъ сдѣлать, это значитъ, въ силу этого самаго, получать первое сознаніе о томъ, что обязанъ сдѣлать“. Мы вполнѣ принимаемъ этотъ первый эквивалентъ нравственной обязанности, только считаемъ очень важнымъ опредѣлить, къ чему сводится та внутренняя сила или способность что-либо сдѣлать, о которой говоритъ здѣсь Гюйо. Представляетъ ли она намъ такую силу, о которой можно было бы сказать, что это есть сила исключительно даннаго индивидуума, что она, такъ сказать, принадлежитъ ему всецѣло? Нѣтъ, этого сказать никакъ нельзя. Индивидуумъ не только сознаетъ въ себѣ силу, которой онъ обязанъ себѣ самому, которую онъ самъ накопилъ въ теченіе своей индивидуальной жизни,— онъ чувствуетъ въ себѣ также силу, которою онъ обязанъ предшествующимъ поколѣніямъ и которая накоплена въ переданной ему отъ предковъ организаціи нервнаго вещества и его тѣла. Та сила, которую въ себѣ сознаетъ индивидуумъ, есть такимъ образомъ отчасти его индивидуальная сила, собранная имъ самимъ, отчасти же общая сила, завѣщанная ему его родителями и предками. Если бы этого не было, то, вѣроятно, не могло бы и быть того громаднаго изобилія жизни, требующей своего израсходованія, своей раздачи другимъ, создающей нравственную безкорыстную дѣятельность, какъ это мы наблюдаемъ у человѣка. Только благодаря передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому, могла накопиться та громадная внутренняя сила, которая служитъ источникомъ нравственныхъ дѣйствій у человѣка... Мы можемъ даже предположить, что это обиліе жизни, которое мы наблюдаемъ у человѣка и которое создаетъ его нравственную дѣятельность, начало накопляться съ появленія первой организованной матеріи на землѣ. Сущность организаціи въ томъ именно и заключалась, что она какъ бы концентрировала въ живомъ индивидуумѣ все большее и большее количество жизни, и человѣкъ — эта высшая, достигнутая процессомъ организаціи, ступень — представляетъ намъ и самое большое сгущеніе жизни на землѣ.

Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе въ нравственности, потому что оно умѣряетъ гордость человѣка и не позволяетъ ему приписывать исключительно себѣ то, въ чемъ принимали участіе милліоны существъ и милліоны жизней; а съ другой стороны, оно заставляетъ человѣка все менѣе и менѣе отдѣлять себя отъ окружающаго міра, и напротивъ все тѣснѣе соединять себя съ нимъ въ одно цѣлое.

Другимъ эквивалентомъ нравственной обязанности является, по мнѣнію Гюйо, та сила, которою обладаетъ идея, стремящаяся къ своей собственной реализаціи. Идея есть уже, такъ сказать, начавшееся дѣйствіе. Въ сферѣ интеллекта обязанность является не чѣмъ инымъ, какъ чувствомъ коренного тожества, которое существуетъ между идеею и дѣйствіемъ. Нравственность представляется единствомъ существа; безнравственность же, напротивъ того, раздвоеніемъ и противоположеніемъ различныхъ способностей, которыя ограничиваютъ другъ друга. Таковы, если помнитъ читатель, выводы полученные Гюйо. Мы добавимъ къ нимъ только то, что нравственность, по нашему мнѣнію, не есть только единство или внутренняя гармонія, существующая между различными силами и способностями внутри существа,—это есть также гармонія между даннымъ существомъ и всѣмъ міромъ.

„Я" не есть, по своему существу, нѣчто противоположное „міру", ему враждебное, находящееся съ нимъ въ антагонизмѣ. Напротивъ того, какъ „міръ" есть одно изъ условій моего существованія и развитія, такъ и моя самобытная индивидуальность есть одно изъ условій существованія и развитія самаго „міра". Между „я" и „міромъ" такимъ образомъ, по существу, должна быть полная гармонія. Эта идея цѣльности и неразрывнаго единства міра и живой индивидуальности составляетъ основаніе истинной теоріи нравственности. Только въ той мѣрѣ, въ какой я въ своей жизни признаю эту идею и воплощаю ее сознательно или безсознательно въ своихъ поступкахъ, я и являюсь истинно нравственнымъ существомъ. Тотъ же, кто сознательно противополагаетъ „міръ" себѣ и смотритъ на него, какъ на нѣчто себѣ чуждое

и враждебное, проявляя это и въ своихъ поступкахъ,—является существомъ безнравственнымъ. Разница въ степени достигнутой нравственности заключается въ степени той гармоніи, которая установилась между нашимъ „я“ и „міромъ“. Чѣмъ больше эта гармонія, тѣмъ больше я приближаюсь и къ типу нравственныхъ существъ. Если же теперь, при современномъ состояніи индивидуальнаго и общаго мірового развитія, и не можетъ быть установлена полная гармонія между мной и всѣмъ міромъ, то эта гармонія можетъ быть во всякомъ случаѣ достигнута, хотя приблизительно, между мной и той частью міра, которая называется человѣчествомъ. Слѣдовательно, становясь на практическую точку зрѣнія, т.-е., имѣя въ виду ближайшую достижимую цѣль, мы должны сказать, что задача истинно нравственнаго существа въ настоящее время заключается въ установленіи возможно болѣе полной гармоніи между нимъ и человѣчествомъ. Если моя мысль, мое чувство, моя дѣятельность, вообще вся моя жизнь находятся въ постоянной гармоніи съ развивающейся жизнью человѣчества, то я достигаю тѣмъ самымъ высшей, возможной для даннаго времени, ступени нравственности. Но гармонія между мной и человѣчествомъ возможна только въ томъ случаѣ, если я своимъ существованіемъ и своею жизнью буду способствовать подъему жизни во всемъ человѣчествѣ,—если, однимъ словомъ, моя индивидуальность станетъ однимъ изъ условій развитія всего человѣческаго рода. Если въ настоящее время индивидуальная личность и не можетъ сказать: „я“ и „міръ“—одно цѣлое, то она можетъ и должна сказать и доказать своею жизнью, что она и человѣчество составляютъ одно нераздѣльное гармоническое цѣлое, доказать это въ той мѣрѣ, въ какой это для нея возможно...

Дополняя и развивая мысль Гюйо, мы прибавимъ далѣе, что хотя идея и есть сила, и требуетъ своего завершенія посредствомъ дѣйствія, и создаетъ такимъ образомъ нѣкоторую обязанность,—но нравственную обязанность эта идея создаетъ только тогда, когда ея предметомъ служитъ именно гармонія между личностью и человѣчествомъ; однимъ словомъ, если это есть идея развивающейся и возрастающей

въ своей цѣнности всеобщей жизни. Кромѣ того, мы должны указать еще и на то обстоятельство, что внутреннее единство возможно для личности только въ томъ случаѣ, когда она установила гармонію между собою и внѣшнимъ міромъ, между собою и человѣчествомъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой личность становится во враждебныя или безразличныя отношенія къ міру и человѣчеству, въ той мѣрѣ не можетъ быть и единства во внутренней жизни личности.

Что касается третьяго эквивалента нравственной обязанности, то онъ сводится къ эмоціональной связи, порожденной полной или частной гармоніей чувствъ и мыслей. Эта связь, устанавливающаяся между людьми, дѣлаетъ невозможнымъ въ настоящее время чисто эгоистическое удовольствіе и будетъ продолжать дѣлать его еще болѣе невозможнымъ на будущее время. Она, въ свою очередь, создаетъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей тоже какъ бы родъ особенной обязанности... Однимъ словомъ, это не что иное, какъ все шире и шире развивающаяся между людьми симпатія, порожденная одновременнымъ испытываніемъ однихъ и тѣхъ же удовольствій. И такъ какъ удовольствія стремятся принять именно такой характеръ, который дѣлаетъ ихъ сразу доступными для большого числа людей, то въ силу этого и симпатическія чувствованія также стремятся занять все большее и большее мѣсто въ сердцѣ человѣка.

Но этого недостаточно; тутъ имѣется еще другая важная сторона, которая заслуживаетъ того, чтобы на нее обратили вниманіе. Истинная симпатія и самая тѣсная эмоціональная связь, которая дастъ мѣсто и для самой высокой нравственной обязанности,—эта связь возникнетъ не столько на почвѣ одновременнаго пассивнаго испытыванія однихъ и тѣхъ же удовольствій, какъ бы высоки они ни были, сколько на почвѣ общности хотѣній и идеаловъ, точно такъ же какъ и дѣятельностей, направленныхъ къ ихъ осуществленію. Общность хотѣній и общая активность еще тѣснѣе соединяютъ людей, чѣмъ общее пассивное состояніе. Сознательная кооперативная дѣятельность для достиженія однѣхъ и тѣхъ же, одинаково дорогихъ каждому, идеальныхъ цѣлей еще въ большей мѣрѣ свяжетъ взаимное поведеніе людей и дастъ мѣсто еще

въ большей степени для нравственной обязанности. Только гармонія одной воли съ другою и кооперація дѣлаютъ людей въ полномъ смыслѣ слова братьями и заставляютъ человѣка все болѣе и болѣе разсматривать себя съ другими людьми, какъ одно цѣлое. Мы подвигаемся къ той эпохѣ, когда общество все въ большей и въ большей степени становится сознательной свободной кооперацiей людей, и человѣчество начинаетъ, путемъ сознательной творческой дѣятельности, регулировать свой собственный историческій процессъ.

Таковы эквиваленты нравственной обязанности, которые дѣйствуютъ при нормальныхъ обстоятельствахъ. Въ концѣ концовъ всѣ они сводятся не къ чему иному, какъ къ накопленной въ насъ силѣ, къ существующей въ насъ активности, которая ищетъ и требуетъ своего обнаруженія и проявленія. Каждая способность, каждая сила, которая въ насъ существуетъ, требуетъ своего упражненія, будетъ ли это сила мысли, сила чувства или сила воли, и каждая изъ нихъ такимъ образомъ создаетъ въ насъ какъ бы нѣкоторую обязанность. Если мы всѣ эти силы и способности соединимъ въ одномъ понятіи „силы жизни", носителями которой мы являемся, и по отношенію къ которой мысль, чувство и воля являются частными проявленіями, то обязанность намъ представится не чѣмъ инымъ, какъ „силой жизни", непреодолимо требующей своего обнаруженія [1]). Съ умноженіемъ этой „силы жизни", умножается и сфера активности у человѣка, — возрастаетъ и то, что мы называемъ нравственностью... Наша мысль, которая, когда она слаба, можетъ имѣть своимъ предметомъ только непосредственно находящееся около насъ, становится способной обнимать явленія жизни все въ большихъ предѣлахъ пространства и времени: мы все болѣе

---

[1]) Конечно, употребляя здѣсь терминъ „сила жизни", мы отнюдь не подразумѣваемъ подъ этимъ какой-нибудь особой „жизненной силы" прежняго времени. Мы хотимъ только, посредствомъ этого термина, соединить въ одно цѣлое всѣ тѣ силы, которыя порождаютъ различныя явленія жизни, не касаясь при этомъ вопроса о сущности этихъ силъ. Даже болѣе того—„сила жизни" и „жизнь" для насъ равнозначущія понятія, потому что источникомъ жизни можетъ быть только сама жизнь, а не что-либо другое.

и болѣе научаемся думать о мірѣ и человѣчествѣ и не только о человѣчествѣ даннаго момента, но и о поколѣніяхъ грядущихъ. Точно такъ же, съ развитіемъ силы жизни, чувство все въ большей мѣрѣ распространяется отъ самаго близкаго, отъ нашей личности, на человѣчество и міръ. Наше чувство, будучи первоначально только выраженіемъ, и то далеко неполнымъ, любви къ той жизни, носителями которой являемся мы, начинаетъ охватывать все шире и шире ту жизнь, которая разлита кругомъ насъ въ человѣческомъ обществѣ и во вселенной, — становится все болѣе и болѣе той любовью, которая обнимаетъ собою всякое трепетаніе жизни, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась, и которая во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ глубокую безграничную любовь къ человѣчеству. Наконецъ, наша воля, съ развитіемъ своей силы, перестаетъ быть только волей, которая направлена существеннымъ образомъ на увеличеніе нашей личной жизни, и становится волею, направленной все въ болѣе и болѣе широкой степени на увеличеніе жизни въ человѣчествѣ и мірѣ, на созданіе общечеловѣческой солидарности и всеобщей міровой гармоніи.

Такимъ образомъ всѣ три указанные Гюйо эквивалента нравственной обязанности сводятся къ расширенію и углубленію „идеи жизни", „чувства жизни" и „воли жизни" и къ тому давленію, которое они оказываютъ на наше существо, требуя непреодолимо своего осуществленія и воплощенія. Какъ всякая механическая сила не можетъ не вызывать движенія, такъ и „сила жизни" не можетъ не порождать жизни и не создавать нравственности...

XIII.

Дополненія, которыхъ требуетъ теорія Гюйо по вопросу о самоотверженіи.

Отъ этихъ эквивалентовъ нравственной обязанности, дѣйствующихъ при нормальныхъ условіяхъ, мы перейдемъ къ тѣмъ эквивалентамъ, которые Гюйо пускаетъ въ ходъ при обстоятельствахъ исключительныхъ, и съ помощью которыхъ онъ считаетъ возможнымъ достигнуть отъ индивидуума окон-

чательной жертвы. Эти послѣдніе возможные эквиваленты нравственной обязанности Гюйо находитъ, какъ мы видѣли, въ любви къ риску физическому и риску нравственному. „Тамъ, гдѣ прекращается достовѣрность, — говоритъ онъ, — ни мысль, ни дѣйствіе человѣка вслѣдствіе этого не прекращаются. На мѣсто категорическаго закона можетъ безъ опасности стать чистая умозрительная гипотеза; точно такъ же догматическая вѣра можетъ быть замѣнена чистой надеждой, а утвержденіе—дѣйствіемъ. Умозрительная гипотеза есть рискъ мысли; дѣйствіе, согласное съ этой гипотезой, есть рискъ воли; существомъ высшимъ является то, которое наиболѣе предпринимаетъ и рискуетъ, путемъ ли своей мысли или путемъ своихъ дѣйствій.. Это превосходство проистекаетъ изъ того, что оно имѣетъ гораздо большее сокровище внутренней силы, — оно имѣетъ болѣе могущества, вслѣдствіе этого оно имѣетъ и болѣе высокую обязанность“ [1]).

Мы нисколько не отрицаемъ то великое значеніе, которое имѣетъ и можетъ имѣть рискъ въ дѣлѣ нравственности и въ особенности, когда нужно совершить окончательную жертву,— но думаемъ, что готовность къ жертвѣ сводится къ чему-то другому, болѣе важному и не имѣющему такой преходящей величины, какъ рискъ, и что это другое и составляетъ истинный эквивалентъ нравственной обязанности въ данномъ случаѣ. Мы разумѣемъ присущую человѣку идею и страстное желаніе свободы. Человѣкъ жаждетъ свободы, онъ стремится къ тому, чтобы его активность, какія бы формы она ни принимала, встрѣчала какъ можно менѣе препятствій на своемъ пути... Если вы ему покажете предѣлы и опредѣлите границы его активности, — онъ почувствуетъ себя слишкомъ тѣсно въ этихъ границахъ и опрокинетъ ваши заставы и загородки. Его стремленіе къ свободѣ никогда и ничѣмъ не можетъ удовлетвориться: это—тотъ инстинктъ, который мы могли бы причислить къ числу инстинктовъ, называемыхъ Гюйо ненасытимыми [2]). Каждая достигнутая ступень является здѣсь какъ бы ограниченіемъ послѣдующей и оставляетъ все столь же неутолимой природную жажду свободы. Жажда

---

[1]) M. Guyau: Esquisse d'une morale, p. 249, 250.

[2]) l. c. p. 44, 45.

свободы только тогда могла бы быть насыщена и удовлетворена, когда бы наша свобода не знала никакихъ границъ, никакихъ предѣловъ, а это—идеалъ, къ которому мы можемъ только стремиться, постепенно приближаясь къ нему все болѣе, но окончательное достиженіе котораго въ высшей степени проблематично. Во всякомъ случаѣ, кто знаетъ, быть-можетъ, если и нельзя надѣяться на его окончательное достиженіе, не можемъ ли мы надѣяться на такое безконечное приближеніе къ нему, что разница между достигнутой нами свободой и нашимъ идеаломъ свободы будетъ неощутимой, какъ можетъ быть сдѣлана въ математикѣ неощутимой разница между ирраціональнымъ количествомъ и раціональною величиною, которою мы его замѣняемъ, посредствомъ нахожденія все большаго и большаго числа десятичныхъ знаковъ.

Этотъ фактъ покоится вполнѣ на психологическихъ законахъ нашего мышленія. Въ силу этихъ законовъ мы не въ состояніи вообразить себѣ какой-нибудь предѣлъ пространству и времени безъ того, чтобы у насъ не возникло сознаніе о пространствѣ и времени, существующемъ за этими предѣлами, и „хотя это болѣе отдаленное пространство или время мы не разсматриваемъ, какъ опредѣленное, но мы тѣмъ не менѣе признаемъ его, какъ реальное“ [1]). Въ силу этихъ же законовъ, когда мы думаемъ о какой-нибудь причинѣ, въ насъ возникаетъ смутное сознаніе о причинѣ, лежащей за нею [2]). Подобно этому мы можемъ сказать, что и сознаніе предѣловъ нашей активности необходимо вызываетъ въ насъ сознаніе объ активности болѣе широкой, лежащей за этими предѣлами; сознаніе объ ограниченной свободѣ, рождаетъ въ насъ сознаніе о болѣе широкой свободѣ, находящейся за этими границами. И такъ какъ идея стремится перейти въ дѣйствіе и стать дѣйствительностью, то идея о болѣе широкой свободѣ становится желаніемъ и волей этой свободы, которыя необходимо стремятся выразиться въ томъ или другомъ рядѣ цѣлесообразныхъ дѣйствій. Отсюда становится понятнымъ то важное значеніе, какое

---

[1]) Г. Спенсеръ: Основныя начала, т. I, стр. 101.

[2]) Тамъ же, стр. 101.

имѣетъ въ человѣческой жизни ясное сознаніе достигнутаго человѣкомъ предѣла развитія. Это сознаніе, какъ мы видимъ, само по себѣ независимо отъ другихъ причинъ, создаетъ силу, способную поднять человѣка на слѣдующую высшую ступень по лѣстницѣ развитія.

Попробуйте сказать человѣку мыслящему: вотъ предѣлы, которые тебѣ ставитъ наука; здѣсь кончается область достовѣрнаго, дальше ты ничего знать не можешь, остановись и не мысли о томъ, что лежитъ за этими предѣлами,—пускай твоя мысль вращается только въ области того положительно-достовѣрнаго, что лежитъ внутри этихъ предѣловъ. Человѣкъ сразу почувствуетъ ограниченіе своей свободы, и установленные вами предѣлы знанія покажутся ему тюремною оградою, оковами, посредствомъ которыхъ вы хотите стѣснить свободную дѣятельность его мысли. Онъ скоро почувствуетъ, что ему душно и тѣсно въ той темницѣ положительнаго знанія, въ которую вы хотите заточить его духъ; въ его душѣ пробудится желаніе разбить стѣны этой темницы и выйти на болѣе широкій просторъ. Широко и всесторонне развитая мысль никогда не удовлетворится тѣми предѣлами, которые ей предписываютъ, она всегда будетъ стараться расширить эти предѣлы, и если бы этого не было, если бы человѣку не была присуща жажда безпредѣльнаго, то, по всей вѣроятности, не было бы и прогресса, не было бы непрестаннаго движенія впередъ, не было бы безконечнаго развитія человѣческой жизни. Мысль всегда разрываетъ наложенныя на нее цѣпи, стремится проникнуть въ сферу проблематичнаго, вѣроятнаго, для того чтобы сдѣлать его достовѣрнымъ, чтобы присоединить его къ области положительнаго знанія и такимъ образомъ сдѣлать свою свободу болѣе полной и болѣе широкой. О томъ, что лежитъ за предѣлами точнаго знанія, мысль создаетъ различныя умозрительныя гипотезы и догадки, которыя человѣкъ старается провѣрить дѣйствіемъ. Это — тотъ рискъ въ области мысли и дѣйствія, о которомъ упоминаетъ Гюйо. Быть-можетъ, этотъ рискъ окажется неудачнымъ, и сфера положительной мысли и достовѣрнаго дѣйствія останется такой же замкнутой, какъ и прежде, и свобода человѣка нисколько не рас-

ширится,— тѣмъ не менѣе этотъ рискъ неизбѣженъ и необходимъ по самой природѣ человѣческой души.

Такимъ образомъ рискъ въ области мысли и дѣйствія есть для насъ не что иное, какъ стремленіе человѣческой мысли и воли къ свободѣ дѣятельности. „Дѣятельность,— какъ говоритъ Фулье,— сама по себѣ продолжается до безконечности. Она умѣряется лишь необходимостью и принужденіемъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи выйти изъ этой узкой мѣрки и перешагнуть всѣ преграды, послѣдовательно воздвигаемыя на ея пути... Дѣятельность измѣняется лишь для того, чтобы продолжаться... завладѣть болѣе обширнымъ полемъ, не теряя прежнихъ пріобрѣтеній“ [1]). И если свобода есть такимъ образомъ не что иное, какъ активность во всѣхъ ея видахъ, разбивающая на своемъ пути всѣ преграды и освобождающая себя отъ всѣхъ препятствій и вслѣдствіе этого безпредѣльно расширяющаяся,— то мы можемъ сказать, что она есть и синонимъ наиболѣе интенсивной и экстенсивной жизни. Становится совершенно понятнымъ поэтому, что существо, которое наиболѣе рискуетъ, является также носителемъ и наибольшей активности и внутренней силы, которая создаетъ для него и большую обязанность. „Имѣемъ ли мы увѣренность,— говоритъ тотъ же самый авторъ,—что наше самоотверженіе не будетъ напрасно? Имѣемъ ли мы даже увѣренность, что наше безкорыстіе реально или реально-свободно? Нѣтъ... однако мы дѣйствуемъ, и это дѣйствіе при неувѣренности представляетъ, можетъ-быть, самую высшую форму безкорыстія... Наиболѣе проблематичная изъ умозрительныхъ идей,—идея свободы, — совпадаетъ съ наиболѣе практическимъ актомъ нравственности“ [2]).

Итакъ, тѣмъ эквивалентомъ нравственной обязанности, который облекается въ форму риска и который можетъ быть источникомъ окончательнаго самоотверженія, является идея и желаніе свободы, стремящіяся неизбѣжно и непреодолимо къ своей реализаціи. Но мы должны тутъ обратить особен-

[1]) А. Фулье: Что такое страданіе и удовольствіе, „Русское Богатство“, 1886 г. № 11, стр. 116, 117.

[2]) A. Fouillée: La liberté et le déterminisme, p. 358.

ное вниманіе на то обстоятельство, что, между тѣмъ какъ сфера риска все болѣе и болѣе будетъ суживаться, реализація свободы будетъ все полнѣе. Необходимость риска всетаки указываетъ на несовершенство знанія и человѣческой природы, которая не достигла еще полной власти надъ противодѣйствующими ей силами и находится еще въ значительной мѣрѣ въ рукахъ случая. Только тогда, когда мысль обратитъ все въ достовѣрное и когда волѣ не придется подвергаться опасности риска, гдѣ удача и побѣда существуютъ наряду съ неудачей и пораженіемъ,—только тогда мы могли бы сказать, что свобода получила свою полную реализацію Все это говоритъ только въ пользу того, что вмѣсто преходящаго удовольствія риска слѣдуетъ поставить непреходящее и вѣчное удовольствіе реализаціи идеи и желанія свободы въ качествѣ эквивалента высшей нравственной обязанности.

Тутъ же мы должны обратить вниманіе и еще на другое важное обстоятельство: реализація идеи и желанія свободы не только облекается въ форму риска и борьбы съ препятствіями,— она также принимаетъ форму солидарности и коопераціи. Индивидуальная свобода не только не обозначаетъ обособленности и выдѣленія человѣка изъ общества, но, напротивъ того, предполагаетъ и требуетъ самаго широкаго общенія съ другими людьми,—самой тѣсной, гармонической, солидарной жизни. Общественная жизнь и кооперація являются средствомъ, путемъ котораго индивидуальная свобода можетъ быть реализована въ наивысшей своей степени. Такимъ образомъ не только удовольствіе риска и борьбы, но и удовольствіе солидарной жизни и коопераціи съ другими людьми можетъ служить источникомъ для развитія сознанія нравственной обязанности, приводящаго человѣка къ окончательному самопожертвованію. Сознаніе, что ты сотрудничаешь со всѣмъ человѣчествомъ, а, быть-можетъ, даже и со всѣмъ міромъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто притягивающее и чарующее... Когда, какъ работникъ, пристаешь къ этому громадному цѣлому въ его неустанной великой работѣ, то самъ становишься гораздо больше, выростаешь въ своихъ собственныхъ глазахъ, и жизнь получаетъ неимовѣрно вы-

сокую цѣнность. И можно даже сказать, что жизнь только тогда и имѣетъ дѣйствительно широкую, безпредѣльную цѣну, когда она имѣетъ міровую или, по крайней мѣрѣ, общественную стоимость. Отнимите у нея эту стоимость, лишите человѣка сознанія, что онъ сотрудничаетъ со всѣмъ человѣчествомъ въ одной общей широкой плодотворной работѣ, и жизнь сдѣлается для него такой блѣдной и безцвѣтной, что человѣкъ можетъ совершенно утратить всякій вкусъ къ ней. Онъ сразу почувствуетъ свое собственное ничтожество, свою маленькую, ничтожную величину, которая теряется въ бездонной пропасти міра... Только кооперація, только участіе въ общей работѣ заставляютъ человѣка забывать о своей маленькой личности,—онъ чувствуетъ, что онъ представитель цѣлаго, что онъ—сила, громадная сила. Только въ коопераціи одной, только въ солидарной работѣ съ другими, человѣкъ познаетъ свое истинное величіе. Вотъ почему становится понятнымъ, что нѣкоторые люди за годъ, даже за какой-нибудь часъ такой жизни готовы принести въ жертву всю свою сѣрую, безцвѣтную, однообразную жизнь съ ея мелкими заботами о своей крошечной личности. Повторяю, общее міровое или общечеловѣческое дѣло захватываетъ, опьяняетъ человѣка и непреодолимо влечетъ его къ себѣ, потому что только въ немъ онъ постигаетъ истинное значеніе жизни и истинное человѣческое достоинство. Но существуетъ ли такое общечеловѣческое дѣло?! Да, оно существуетъ. Летурно, кончая свое длинное и обстоятельное сочиненіе по исторіи развитія нравственности, говоритъ, что результатъ, который вытекаетъ изъ его изслѣдованія, это— существованіе „великаго закона, закона прогресса“. „Эта перспектива безконечнаго прогресса является современною вѣрою, и это новое вѣрованіе выгодно замѣняетъ миражъ исчезнувшаго рая; оно насъ поддерживаетъ и утѣшаетъ посреди общественныхъ и частныхъ испытаній... Ободренные имъ, мы смотримъ другъ на друга, какъ работники одного дѣла всегда недоконченнаго, но къ которому всѣ люди, малые и великіе, темные и знаменитые могутъ и должны приложить свою руку“ [1]).

---

[1]) Ch. Letourneau. L'évolution de la morale, p. 464.

Оканчивая настоящую статью, которая имѣла своею главною цѣлью познакомить читателя съ одной изъ попытокъ построенія „морали жизни и свободнаго идеала“,—при чемъ мы сосредоточили свое вниманіе главнымъ образомъ на отношеніи этой морали къ идеѣ нравственной обязанности,—мы все-таки должны сказать хотя нѣсколько словъ о томъ, какъ относится Гюйо къ нравственной санкціи. Всякую нравственную санкцію въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е., какъ отличную отъ санкцій соціальныхъ, онъ отрицаетъ. Санкція получаетъ въ „морали жизни“ такое же значеніе, какъ и обязанность. Если жизнь создаетъ сама изъ себя обязанность дѣйствовать, въ силу нашей способности дѣйствовать, то она создаетъ также сама изъ себя и свою санкцію. „Даже отдавая себя, жизнь снова сама себя находитъ; даже прекращаясь, она сохраняетъ сознаніе своей полноты, которая проявится въ другомъ мѣстѣ подъ другими формами, такъ какъ въ мірѣ ничего не пропадаетъ безслѣдно“ [1]).

Останавливаться болѣе подробно на вопросѣ о нравственной санкціи не входитъ въ задачи настоящей статьи. Надѣемся, что и изъ очерченнаго нами отношенія „морали жизни“ къ идеѣ нравственной обязанности читатель получилъ ясное понятіе о существенномъ содержаніи этой новой морали и о томъ дальнѣйшемъ развитіи, которому она должна подвергнуться [2]). „Мораль жизни и свободнаго идеала“ это—одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ лучей въ темной ночи „настоящаго“, которому, можетъ быть, суждено разсѣять эту ночь и открыть нашимъ измученнымъ взорамъ благодатную зарю лучшаго будущаго... „Мораль жизни“ есть проповѣдь той дѣятельной плодотворной нравственности и той высокой любви, которой ждутъ всѣ страдающіе, всѣ истомленные су-

---

[1]) M. Guyau: Esquisse d'une morale, p. 250,

[2]) Много любопытныхъ и интересныхъ критическихъ замѣчаній по поводу ученія Гюйо встрѣчается въ сочиненіи Фульє: „La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau“, которое мы рекомендуемъ вниманію читателя и въ которомъ послѣдній найдетъ полное и прекрасное изложеніе всѣхъ сочиненій Гюйо, рядомъ съ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями о немъ.

ровою житейскою борьбою, въ увѣренности, что эта любовь придетъ, и робко разбѣгутся

Тучи съ небосклона — и въ ея лучахъ
Цѣпи сна, какъ нити, ржавѣя, порвутся,
И затихнутъ слезы, и замолкнетъ страхъ!..
Свѣтелъ будетъ праздникъ,—праздникъ возрожденья,
Радостно вздохнутъ усталые рабы,
И замѣнитъ гимнъ любви и примиренья
Звуки слезъ и горя, мести и борьбы! [1]).

---

[1]) С. Надсонъ. Стихотворенія. Весенняя сказка.

Формула развитія жизни[1]).

(Посвящается памяти В. В. Лесевича).

Qu' il est doux de pouvoir sans regret s'élancer,
D'être libre, de voir l'horizon vous sourire,
D'aller sans retourner la tête, et de se dire,
Vivre, c'est avancer!...

M. Guyau. Vers d'un philosophe, p. 161.

Отличительною чертою интеллектуальнаго, нравственнаго и общественнаго движенія послѣдняго времени является болѣе или менѣе сознательное стремленіе сдѣлать руководящимъ началомъ „идею жизни". Даже тамъ, гдѣ эта идея не формулируется ясно и опредѣленно, мы открываемъ ее все-таки подъ другими именами, подъ другими принципами, съ которыми она на первый взглядъ кажется не имѣющею ничего общаго. „Жизнь", это—лозунгъ, это—знамя нашего времени, вокругъ котораго группируется все духовное и общественное движеніе, какія бы разнообразныя формы оно ни принимало.

Въ чемъ же это выражается? Прежде всего въ томъ, что прежняя отрѣшенность отъ дѣйствительности, отдаленіе отъ жизни, погруженіе въ самосозерцаніе и творчество фантастическихъ образовъ и понятій, не имѣющихъ ничего общаго съ реальною дѣйствительностью, все это уступаетъ свое мѣсто дѣятельному интересу къ жизни, активному вмѣшательству въ нее, стремленію сдѣлать фактическую жизнь свѣтлѣе, лучше и болѣе согласною съ нашими нравственными идеалами. Не отрѣшеніе отъ жизни, но участіе въ ней, не

[1]) Статья эта была въ сокращенномъ видѣ напечатана въ журналѣ „Образованіе" за 1900 г., №№ 7—8, 9, 10.

самосозерцаніе, но кипучая, бодрая, энергическая дѣятельность,—таково стремленіе, которое одушевляетъ не только тѣхъ, кто самымъ своимъ положеніемъ призваны къ участію въ практической жизни, но даже и тѣхъ, которые разрабатываютъ различные теоретическіе вопросы.

На мѣсто мертвой умозрительной метафизики съ ея фантастическими и очень произвольными построеніями, не имѣющими ничего общаго съ міромъ дѣйствительныхъ явленій, становится живая „научная философія", которая снова возвращаетъ насъ къ жизни и сознательно ставитъ эту жизнь въ свое основаніе въ формѣ „чистаго опыта". Мѣсто „чистаго разума" заступаетъ разумъ, берущій за свою исходную точку „чистый опытъ"; мѣсто „субстанціи", „ноуменовъ", „вещей въ себѣ" занимаетъ непосредственная живая дѣйствительность; на мѣсто неизмѣннаго, вѣчнаго, абсолютнаго ставится жизнь, измѣняющаяся и никогда не останавливающаяся въ своемъ измѣненіи, съ ея многообразными взаимно связанными относительными формами.

Какъ прежняя философія, презирая жизнь, опытъ, дѣйствительность, устремляла свои взоры на абсолютное, такъ прежняя наука на мѣсто дѣйствительнаго міра измѣняющихся вещей ставила міръ „неизмѣнныхъ типовъ", „неизмѣнныхъ видовъ", игнорируя опытъ, который до очевидности опровергалъ это фантастическое утвержденіе: различныя животныя и растительныя формы принимались съизначала существующими въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ въ настоящее время. Но вотъ въ наукѣ раздался боевой кличъ „эволюціи", было ясно провозглашено, что не существуетъ неизмѣнныхъ типовъ, нѣтъ неизмѣнныхъ видовъ: все живое подлежитъ постояннымъ и непрерывнымъ измѣненіямъ, вездѣ мы находимъ развитіе, опредѣленіемъ законовъ и послѣдовательныхъ ступеней котораго должна заниматься наука. И съ тѣхъ поръ идея эволюціи или развивающейся жизни нашла себѣ самое широкое примѣненіе въ сферѣ знанія. Біологія, психологія, соціологія и другія науки обязаны своимъ совершенствомъ и продолжаютъ развиваться, благодаря этой въ высшей степени плодотворной идеѣ. Что же, собственно говоря, значило сдѣлать руководящимъ на-

чаломъ въ области науки „идею эволюціи"? Не значило ли это сказать, что наука должна была больше приглядываться къ жизни, къ ея дѣйствительному ходу и развитію, что знанія однихъ отвлеченныхъ, общихъ законовъ еще не достаточно, что важно знать, какъ эти законы соединяются вмѣстѣ и какъ это соединенное дѣйствіе ихъ вызываетъ дѣйствительное или возможное измѣненіе развивающейся жизни.

Но это „господство идеи жизни", которое характеризуетъ наше время и которое выражается въ области теоретической мысли въ замѣнѣ трансцендентной метафизики „научной философіей" и въ торжествѣ принципа эволюціи, не менѣе ярко выражается и въ области практической дѣятельности, какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго характера. Практическая жизнь, и въ общественной сферѣ, и въ сферѣ личнаго существованія, перестаетъ руководствоваться фантастическими цѣлями мистическаго сверхъестественнаго характера: на мѣсто мистическихъ и сверхъестественныхъ цѣлей все болѣе и болѣе сознательно становятся цѣли реальныя и естественныя. Жизнь, ея развитіе и увеличеніе ея цѣнности, повышеніе ея интенсивности и наиболѣе широкое распространеніе ея дѣлаются все въ большей степени сознательными цѣлями, какъ дѣятельности, направленной на самого себя, такъ и дѣятельности, направленной на измѣненіе общественныхъ формъ.

Но господство принципа жизни въ наше время идетъ далѣе и выражается также въ томъ, что наука, философія и практическая жизнь выходятъ изъ своего прежняго отчужденія, перестаютъ игнорировать другъ друга, а, напротивъ того, болѣе или менѣе сознательно начинаютъ понимать свою тѣсную связь и братски протягиваютъ другъ другу руки, чтобы составить нѣчто единое. Философія не проходитъ теперь равнодушно мимо міра дѣйствительной практической жизни, гдѣ люди борются и страдаютъ, гдѣ они стремятся къ лучшему будущему или изнемогаютъ подъ тяжелымъ гнетомъ дурныхъ общественныхъ порядковъ; философія теперь не смотритъ равнодушно на людское горе и страданіе, не умываетъ свои руки во злѣ, удручающемъ современную жизнь, не отказывается отъ широкихъ великихъ задачъ, волнующихъ чело-

вѣчество. Она съ своей стороны старается внести лепту въ разрѣшеніе ихъ, и часто подъ сухими и отвлеченными все еще иногда по формѣ ея разсужденіями мы открываемъ живую струю, живой интересъ къ этимъ великимъ задачамъ. „Хотѣть быть дѣйствительнымъ философомъ", какъ сказалъ еще Дюрингъ, „и оставаться чуждымъ общественнымъ движеніямъ нашей эпохи, значитъ въ дѣйствительности претендовать на нѣчто невозможное и указывать въ то же время для міровой мудрости метафизическій уголъ существованія" [1]).

И философія въ настоящее время, по содержанію затрогиваемыхъ ею вопросовъ, находится въ самомъ центрѣ тѣхъ общественныхъ и иныхъ задачъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ дѣятельно работаютъ „практики жизни" въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Она стремится понять ходъ міровой эволюціи; по настоящему и прошлому ея теченію она пытается заключить о ея возможномъ будущемъ поступательномъ шествіи; на мѣсто туманныхъ мистическихъ построеній она даетъ намъ практическіе жизненные идеалы, могущіе быть воплощенными въ жизнь, являющіеся лучшею частью насъ самихъ, и призываетъ насъ къ дѣятельному труду надъ воплощеніемъ этихъ идеаловъ, ободряя насъ и поддерживая въ той тяжелой борьбѣ, которую намъ приходится иногда выносить для того, чтобы обезпечить торжество ихъ. Идеализмъ современной „научной философіи" есть здоровый реальный идеализмъ дѣятельной жизни, который допускаетъ возможность дѣятельности и даже требуетъ ея, а не больной фантастическій идеализмъ празднаго созерцанія, объекты котораго, по самому существу своему, не допускаютъ реальнаго воплощенія въ дѣйствительности, а могутъ быть только предметомъ одного идолопоклонства... Этотъ здоровый идеализмъ „научной философіи" и положительной науки, опирающихся на принципъ эволюціи и принципъ жизни, и образуетъ связующее звено между наукою и философіею съ одной стороны и практическою жизнью — съ другой. Имъ-то и объясняется, почему наука и философія завоевываютъ и будутъ завоевывать все большее вниманіе со стороны практиковъ,

---

[1]) E. Dühring. Cursus der Philosophie, стр. 533.

пріобрѣтаютъ и будутъ пріобрѣтать все болѣе сильное практическое значеніе для дѣйствительной жизни въ смыслѣ содѣйствія физическому и нравственному развитію отдѣльнаго человѣка и установленію болѣе справедливыхъ общественныхъ порядковъ.

Эти соображенія показываютъ ясно всю важность, какую имѣетъ, не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи, вопросъ о формулѣ эволюціи, и объясняютъ болѣе чѣмъ достаточно, почему мы рѣшились посвятить ему отдѣльную статью. Задача ея заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы познакомить читателя съ нѣкоторыми типическими и интересными попытками опредѣленія формулы развитія, также выяснить ту точку зрѣнія, съ которой можно надѣяться подойти къ наиболѣе полному, всестороннему и исчерпывающему опредѣленію самой природы развитія жизни, понимаемой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Охотно готовы допустить, что въ нашихъ мысляхъ мало оригинальнаго и новаго, но если онѣ хоть въ комъ-нибудь изъ читателей поспособствуютъ возбужденію плодотворныхъ мыслей, уясненію и усвоенію тѣхъ идей нашего времени, которыя намъ представляются наиболѣе свѣтлыми и цѣнными и которыя должны бы составлять общее достояніе, если онѣ хоть въ ничтожной и слабой степени возбудятъ въ комъ-нибудь желаніе сознательно и осмысленно поработать надъ скорѣйшимъ теоретическимъ и практическимъ разрѣшеніемъ той великой задачи, которая выпала на долю человѣчества и которая одушевляетъ лучшихъ людей нашей эпохи, — если наша статья достигнетъ этой цѣли, то она будетъ, во всякомъ случаѣ, не безплодна, и мы будемъ вполнѣ вознаграждены за свой трудъ...

I.

Критика теоріи эволюціи Герберта Спенсера.

Первымъ разработавшимъ вопросъ объ эволюціи въ философскомъ и научномъ отношеніи былъ Гербертъ Спенсеръ. Обратимся поэтому прежде всего къ этому замѣчательному мыслителю и посмотримъ, какъ онъ опредѣляетъ и обосно-

ываетъ идею всеобщаго развитія жизни. Мы остановимся только на той формулѣ, которую намъ даетъ Спенсеръ въ „Основныхъ Началахъ", такъ какъ эта формула примѣняется имъ въ одинаковой степени ко всѣмъ формамъ и стадіямъ развитія міровой жизни, т.-е. какъ къ жизни неорганической, такъ и къ жизни органической, психической и соціальной. Мы не будемъ поэтому въ настоящемъ изслѣдованіи останавливаться на тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя эта формула получаетъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Спенсера — въ „Основаніяхъ біологіи" и „Основаніяхъ психологіи" — такъ какъ это вывело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашей непосредственной задачи.

Въ „Основныхъ Началахъ" Спенсеръ ставитъ себѣ задачею найти „законъ образованія явленій", найти такой „динамическій принципъ", который былъ бы одинаково вѣренъ и относительно „метаморфозы, разсматриваемой, какъ одно цѣлое", т.-е. относительно всего міра или „аггрегата всѣхъ предметовъ", какъ говоритъ Спенсеръ, и относительно „подробностей" этой всеобщей метаморфозы. Такова та „конечная проблема", разрѣшеніе которой составляетъ, по мнѣнію Спенсера, „необходимое условіе существованія собственно такъ-называемой философіи" [1]).

Но Спенсеръ далеко не оказался на высотѣ ея и съ самаго же начала, въ самой ея постановкѣ, онъ ее значительно суживаетъ, становясь на строго механическую точку зрѣнія. Законъ, который мы должны найти, оказывается далѣе не чѣмъ инымъ, какъ закономъ „непрерывнаго перераспредѣленія вещества и движенія". Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ оказывается, что Спенсеръ отыскиваетъ не тотъ „динамическій принципъ", который одинаково вѣренъ и относительно измѣненій, претерпѣваемыхъ міромъ въ качествѣ одного цѣлаго, и относительно всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ измѣненій, на которыя это громадное общее измѣненіе разлагается... Нѣтъ, принципъ, который отыскиваетъ Спенсеръ, имѣетъ примѣненіе и къ цѣлому міру и къ отдѣльнымъ его измѣненіямъ только въ той мѣрѣ, въ какой этотъ міръ является

1) Г. Спенсеръ. Основныя начала, § 92.

намъ, какъ вещество и движеніе, какъ міръ матеріальный и механическій,—но, очевидно, что міръ вещества и движенія не исчерпываетъ всего міра и не исчерпываетъ всѣхъ измѣненій, въ немъ совершающихся. Однако, ставя себѣ задачею найти законъ образованія явленій, который былъ бы справедливъ относительно всѣхъ явленій, найти динамическій принципъ, который былъ бы вѣренъ относительно всего міра въ его цѣломъ, а не одной только какой-либо его стороны, мы, очевидно, не имѣли никакого права суживать съ самаго начала такимъ образомъ свою задачу и ограничиваться только исключительно міромъ механическихъ измѣненій, воображая, что полученный нами послѣ этого принципъ можетъ имѣть всеобщее значеніе. А между тѣмъ, Спенсеръ поступаетъ именно такъ, и это составляетъ первый и существенный недостатокъ того метода, который онъ примѣняетъ къ открытію формулы развитія и который отражается роковымъ образомъ на самой найденной имъ формулѣ. Всѣ психическія явленія, при общемъ выводѣ формулы развитія, исключены имъ съ самаго начала совершенно изъ счета, какъ будто бы въ мірѣ ничего не было, кромѣ вещества и движенія, кромѣ молекулъ и ихъ колебанія, кромѣ „перехода тѣлъ изъ ощутимаго состоянія въ неощутимое“ и обратно! И однако, психическія явленія, какъ бы мы ни объясняли себѣ ихъ природу, очевидно, не могутъ быть истолкованы ни въ терминахъ вещества, ни въ терминахъ движенія и представляютъ нѣчто вполнѣ своеобразное, sui generis.

Что психическія явленія исключены совершенно изъ числа тѣхъ измѣненій, формулу которыхъ отыскиваетъ Спенсеръ, становится намъ еще яснѣе, когда мы узнаемъ, что дѣло идетъ о „теоріи вещей“, и что философія должна формулировать „переходъ вещей изъ недоступнаго воспріятіямъ въ доступное, и обратно—изъ доступнаго въ недоступное“ [1]). Очевидно, что такая постановка вопроса уже напередъ предрѣшаетъ разрѣшеніе его, потому что общая исторія всякой вещи, „всякаго аггрегата можетъ быть опредѣлена, какъ переходъ изъ диффузнаго, неощутимаго состоянія въ концен-

---

[1]) Тамъ же, § 93.

трированное, ощутимое состояніе и затѣмъ снова въ диффузное, неощутимое состояніе; а каждая отдѣльная подробность этой общей исторіи можетъ быть опредѣлена, какъ часть того или другого изъ этихъ измѣненій" [1]).

Развитіе, въ самомъ простѣйшемъ и наиболѣе общемъ его видѣ, мы можемъ, поэтому, формулировать, согласно Спенсеру, какъ „интеграцію вещества" и сопутствующую ей растрату движенія, противоположный же ему процессъ разложенія „состоитъ изъ поглощенія движенія и сопутствующей ему дезинтеграціи вещества" [2]). Но опредѣленіе развитія въ этомъ видѣ еще не полно, потому что въ большинствѣ случаевъ оно представляетъ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простую интеграцію матеріи и разсѣяніе движенія. И именно, окончательная формула развитія, которую находитъ Спенсеръ, будетъ такова: „Развитіе есть интеграція матеріи, сопровождаемая разсѣяніемъ движенія, во время которой матерія переходитъ отъ состоянія несвязной и неопредѣленной однородности къ состоянію опредѣленной и связной разнородности, а неизрасходованное движеніе претерпѣваетъ аналогичное же превращеніе" [3]).

Допустимъ, что все это вѣрно, насколько дѣло идетъ объ образованіи *вещей*, насколько міръ намъ представляется, какъ *матерія* и *движеніе*; но вѣдь это не тотъ искомый „динамическій принципъ", открытіе котораго составляетъ высшую „конечную проблему" философіи; это не тотъ законъ развитія, одинаково примѣнимый, какъ къ явленіямъ механическимъ, такъ и къ явленіямъ психическимъ, какъ къ образованію матеріальныхъ вещей, такъ и къ теченію процессовъ сознанія.

Спенсеръ совершенно незаконно въ данномъ случаѣ ограничилъ конечную проблему философіи. Не „*теорію вещей*", но „*теорію жизни*" должна дать намъ философія,— она должна намъ формулировать теченіе жизненнаго процесса въ его цѣломъ и указать тѣ отдѣльные частные процессы жизни или стороны ея, на которые этотъ процессъ для нашей мысли

1) Тамъ же, § 96.
2) Тамъ же, § 97.
3) Тамъ же, § 145.

разлагается, не о возникновенiи и исторiи вещей здѣсь идетъ дѣло, но о развитiи и возникновенiи болѣе сложныхъ и болѣе богатыхъ по содержанiю формъ жизни изъ болѣе элементарныхъ и простыхъ. Да и собственно говоря, что такое вещь, какъ не извѣстная совокупность продолжающихся жизненныхъ процессовъ, извѣстнымъ, опредѣленнымъ, сравнительно постояннымъ образомъ соединенныхъ. Для насъ, по крайней мѣрѣ, вещь есть сумма тѣхъ дѣйствiй, которыя она на насъ оказываетъ или можетъ оказывать, влiяя на наши органы чувствъ и вызывая въ насъ ощущенiя. Есть ли она что-либо болѣе того, кромѣ этихъ жизненныхъ процессовъ, изъ которыхъ наше сознанiе въ силу ихъ извѣстнаго относительнаго постоянства, создаетъ образъ и понятiе вещи, объ этомъ мы ничего знать не можемъ, потому что вещь можетъ быть намъ извѣстна только въ ея дѣйствiи на насъ, слѣдовательно, какъ рядъ и совокупность тѣхъ или другихъ жизненныхъ процессовъ. Такимъ образомъ, основнымъ является „жизненный процессъ", а „вещи" составляютъ только частный случай этого процесса, и философiя должна, поэтому, ставить своею задачею общую теорiю процесса жизни, въ которую теорiя вещей войдетъ уже только, какъ составная часть. Насколько процессы жизни принимаютъ для насъ характеръ вещей, настолько въ этой болѣе широкой теорiи жизни можетъ занять свое мѣсто и „теорiя вещей" Спенсера и найденная имъ формула развитiя. Все это показываетъ, что и формула развитiя, устанавливаемая Спенсеромъ, должна составлять только частный случай или одну изъ сторонъ болѣе широкой формулы развитiя, долженствующей охватывать собою, какъ всеобщiй процессъ жизни, такъ и частные процессы, которые наше мышленiе открываетъ въ послѣднемъ.

Имѣя такимъ образомъ въ виду „теорiю процесса жизни", а не „теорiю вещей", мы будемъ, конечно, сосредоточивать свое вниманiе на всѣхъ измѣненiяхъ, которыя только совершаются въ мiрѣ, а не исключительно на однихъ „перераспредѣленiяхъ вещества и движенiя", мы будемъ имѣть въ виду всю сферу опыта, и внѣшняго и внутренняго, а не исключительно одну сферу внѣшняго опыта, въ которой

только одной открываются для насъ „предполагаемыя вещи“. Постановка вопроса на такой почвѣ предохранила бы насъ также отъ всякой предвзятой точки зрѣнія, отъ всякаго вліянія напередъ составленной теоріи, какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи Спенсера, гдѣ руководящую роль играетъ механическая теорія міра.

Итакъ, дѣло заключается въ томъ, чтобы найти „динамическій принципъ“, одинаково справедливый и въ отношеніи къ жизненному процессу, разсматриваемому, какъ цѣлое, и въ отношеніи къ отдѣльнымъ частнымъ процессамъ, его составляющимъ, при чемъ подъ жизненнымъ процессомъ мы понимаемъ, какъ „движеніе“, такъ и тѣ измѣненія, которыя намъ являются въ формѣ „сознанія“.

Если формула развитія, найденная Спенсеромъ, оказывается примѣнимой отчасти не только къ внѣшней природѣ, не только къ механическимъ перераспредѣленіямъ вещества и движенія, но также и къ жизни психической, къ развитію сознанія, то это возможно только благодаря тому „параллелизму“, который существуетъ между движеніемъ и сознаніемъ, параллелизму, къ принятію котораго вынуждаетъ насъ современная наука. Этотъ „параллелизмъ“ дѣлаетъ для насъ возможнымъ по измѣненіямъ, наблюдаемымъ нами въ мірѣ движеній, заключать объ измѣненіяхъ, наблюдаемыхъ нами въ мірѣ сознанія, и наоборотъ...

Объяснить переходъ движенія въ сознаніе нѣтъ никакой возможности: движеніе можетъ породить только движеніе, а потому связь причинной зависимости между движеніемъ и сознаніемъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допускаема. Законъ сохраненія энергіи, который находитъ свое примѣненіе въ области внѣшняго опыта, не можетъ имѣть рѣшительно никакого примѣненія къ отношенію, существующему между нервными процессами и процессами сознанія. Слѣдуя указанію опыта, намъ остается только установить тѣсную связь, которая существуетъ между физическимъ и духовнымъ и невозможность сведенія одного на другое. И движеніе, и сознаніе представляются намъ какъ бы двумя сторонами одного и того же „факта жизни“, какъ бы двумя различными языками, на которыхъ выражается одно и то же

содержаніе [1]), являющееся намъ столь различнымъ только въ виду различія тѣхъ точекъ зрѣнія, на какія мы становимся. Если вы стоите внутри полаго шара, то поверхность шара вамъ будетъ казаться вогнутой, но станьте наружу его, и та же самая поверхность представится вамъ выпуклой... Точно такъ же и жизнь, будучи цѣльной и единой, является намъ съ точки зрѣнія непосредственнаго переживанія ея, какъ сознаніе, и эта же самая жизнь принимаетъ для насъ форму движенія вещества, когда мы смотримъ на вещи съ естественно-научной точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія внѣшняго опыта.

Такова эмпирическая формула, въ которой можетъ быть выражено отношеніе между душой и тѣломъ... Было бы, однако, полнымъ непониманіемъ этой формулы, если бы мы полагали, что изъ нея слѣдуетъ, будто „физическое" составляетъ главное, основное, дѣйствительное и истинное существованіе, а „духовное" является только одною излишнею придачею или, какъ выражаются нѣкоторые мыслители, „эпифеноменомъ". Эта „гипотеза тожества" (Identitätshypothese), какъ ее называетъ Гефдингъ, совсѣмъ не входитъ въ изслѣдованіе того, что̀ составляетъ основное въ существованіи,—духъ или матерія. И сознаніе, и движеніе, въ своей связи и въ своемъ соотвѣтствіи, являются для насъ только, какъ послѣдній, конечный фактъ нашего опыта, „какъ несводимая далѣе ни на что двойственность, подобно субъекту и объекту" [2]), двойственность, служащая въ то же время выраженіемъ единства... О внутреннемъ отношеніи между сознаніемъ и движеніемъ мы не знаемъ ничего... Мы должны принять только, что „одно и то же" дѣйствуетъ въ обоихъ. Но что это такое „одно и то же"? Почему оно имѣетъ двойственную форму обнаруженія, почему недостаточно какой нибудь одной единственной? Все это вопросы, которые лежатъ внѣ области нашего познанія, на границѣ его...

Однако, слѣдуя все тому же указанію опыта, мы должны пойти еще далѣе, мы должны признать, что сознаніе вездѣ

---

[1]) См. H. Höffding. Psychologie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung. Глава II. „Seele und Körper".

[2]) Тамъ же, стр, 83.

и всюду составляетъ неизбѣжный спутникъ движенія, а не только тѣхъ движеній, которыя имѣютъ мѣсто въ нервномъ веществѣ... Между тѣмъ какъ въ мірѣ физическомъ находитъ свое примѣненіе всеобщій принципъ причинности, подъ своеобразною формою принципа сохраненія энергіи; между тѣмъ какъ этотъ принципъ причинности находитъ здѣсь свое удовлетвореніе въ томъ, что для физическихъ причинъ отыскиваются физическія слѣдствія — міръ духовныхъ явленій кажется стоящимъ какъ бы внѣ закона причинности, кажется разрывающимъ какъ бы всякую связь съ принципомъ достаточнаго основанія: въ нашемъ опытѣ сознаніе является ольько какъ плюсъ, который присоединяется къ физическимъ дѣйствіямъ, какъ прибавка, которая, однако, не можетъ быть объяснена изъ физическихъ причинъ. И дѣйствительно, насколько мы стоимъ на механической точкѣ зрѣнія, настолько сознаніе представляется намъ изъятымъ отъ подчиненія принципу причинности, — такъ какъ сознаніе то кажется намъ возникающимъ какъ бы изъ ничего, то исчезающимъ безъ всякой эквивалентной замѣны. Но мы не имѣемъ никакого права, какъ совершенно вѣрно говоритъ Гефдингъ, разсматривать принципы физической механики, какъ единственные [1]). Если они были тѣми предположеніями, на которыхъ удалось намъ построить современное естествознаніе, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы они исчерпывали всю природу существованія...

Мы можемъ, поэтому, сказать, что если становиться на болѣе широкую точку зрѣнія, если основные законы внѣшняго опыта не считать всеисчерпывающими, если предполагать возможность новыхъ принциповъ, которые, конечно, не могутъ противорѣчить принципамъ внѣшняго опыта, но могутъ имѣть значеніе для тѣхъ сторонъ существованія, для которыхъ принципы внѣшняго опыта оказываются недостаточными, — тогда намъ нѣтъ никакого основанія предполагать міръ сознанія, міръ духовныхъ явленій, стоящимъ совершенно внѣ закона причинности, тогда является возможность для принятія столь же

---

[1]) Тамъ же, стр. 103.

сплошной и нигдѣ не разрывающейся связи, какъ въ одной области, такъ и въ другой. „То обстоятельство, что сознаніе представляется намъ возникающимъ какъ бы изъ ничего, тогда будетъ не болѣе, какъ только одною видимостью, подобно тому, какъ и во внѣшней природѣ, когда намъ кажется что-либо возникающимъ изъ ничего, то это—не болѣе, какъ только одна обманчивая видимость... Кажущееся возникновеніе сознанія есть тогда только переходъ изъ одной идеальной формы въ другую, подобно тому, какъ каждое новое физическое движеніе порождается посредствомъ превращенія (Umsatz) изъ какой-либо другой формы движенія“ [1]).

Сознаніе намъ тогда явится столь же распространеннымъ, какъ и движеніе, и неразрывно связаннымъ со всякимъ движеніемъ, а не только съ тѣми молекулярными процессами, которые имѣютъ мѣсто въ нервномъ веществѣ. Тогда намъ станетъ понятнымъ также, почему изъ неорганической матеріи, лишенной, повидимому, всякихъ слѣдовъ психической жизни, могли выработаться тѣ высокія формы чувства, мысли и воли, которыя мы наблюдаемъ у органическихъ существъ и вѣнцомъ которыхъ въ настоящее время является душевная жизнь человѣка. Неорганическій и органическій міръ перестаютъ тогда быть отдѣленными другъ отъ друга тою непроходимою бездною, которая существуетъ между ними въ томъ случаѣ, когда мы предполагаемъ неорганическое вещество лишеннымъ всякихъ слѣдовъ даже самыхъ элементарныхъ формъ сознанія... Но, конечно, элементарное сознаніе въ такой же степени отличается отъ тѣхъ высшихъ процессовъ сознанія, что мы наблюдаемъ въ человѣкѣ, въ какой неорганическая матерія и предполагаемыя въ ней молекулярныя движенія отличаются отъ органической матеріи, высшей формой которой является нервное вещество, и отъ молекулярныхъ измѣненій, въ ней предполагаемыхъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что нѣтъ такого уголка во вселенной, гдѣ бы не было сознанія, и что, *если* только существуютъ атомы, то уже каждый самый ничтожный микроскопическій *атомъ* таитъ внутри себя зародыши и элементы сознательной жизни.

[1]) Тамъ же, стр. 104.

Вотъ гипотеза, которую мы, конечно, должны брать такъ, какъ она есть, т.-е. не воображать, что вмѣстѣ съ нею достигается какое-нибудь дѣйствительное расширеніе нашего познанія, но, которая, во всякомъ случаѣ, представляетъ то обобщеніе, какое мы должны сдѣлать, слѣдуя указаніямъ опыта, хотя и памятуя при этомъ, что „безсознательное“ есть пограничное понятіе науки, и что, гдѣ прекращается для насъ сознаніе, тамъ прекращается для насъ также доказательность и достовѣрность. Но это то обстоятельство, что сознаніе и движеніе составляютъ двѣ стороны одного и того же „факта жизни“, и является причиной, почему формула развитія, найденная Спенсеромъ, если и не вполнѣ, то отчасти справедлива и почему, будучи отыскиваема, какъ законъ, управляющій перераспредѣленіемъ вещества и движенія, она могла найти себѣ такое широкое примѣненіе и къ области жизни психической, какъ это мы видимъ, напр., у того же Спенсера въ „Основаніяхъ психологіи“. И это вполнѣ понятно: психическіе и матеріальные процессы, будучи выраженіемъ одного и того же факта, необходимо должны дозволять дѣлать заключенія отъ одного къ другому... Отношенія, находимыя нами въ одной области, необходимо должны имѣть свои параллели въ другой, и то, что совершается въ одной сферѣ, можетъ, такимъ образомъ, служить намъ методомъ для открытія того, что имѣетъ мѣсто въ другой.

Въ силу такого параллелизма между этими обоими рядами явленій, вполнѣ законно, выходя изъ матеріальныхъ процессовъ, стараться понять процессы сознанія. Но было бы ошибочнымъ думать, что мы только этимъ путемъ достигнемъ полнаго знанія обѣихъ данныхъ намъ въ опытѣ областей и законовъ, имѣющихъ въ каждой изъ нихъ значеніе. Если, исходя отъ матеріальныхъ процессовъ, мы имѣемъ право заключать къ процессамъ сознанія, то почему же мы должны ограничиваться только этимъ однимъ, а не пытаться поступать также и наоборотъ, т.-е. дѣлать тѣ или другія заключенія отъ процессовъ сознанія по отношенію къ внѣшнему матеріальному и механическому міру. Этотъ родъ заключеній въ такой же степени законенъ, какъ и за-

ключенія перваго рода, и отказываться отъ него нѣтъ никакого основанія. А что прибѣгать къ нему даже необходимо, въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что въ обѣихъ группахъ процессовъ, матеріальныхъ и психическихъ, намъ открываются различныя отношенія и то, что для насъ ускользаетъ въ одномъ случаѣ, то намъ ясно можетъ обнаруживаться въ другомъ... Вотъ почему, если мы ищемъ полной, всесторонней, всеохватывающей формулы развитія, то мы отнюдь не должны ограничиваться только міромъ вещественныхъ измѣненій, но должны также привлечь къ нашему разсмотрѣнію и міръ измѣненій психическихъ, чтобы тѣ черты развитія, которыя не обнаруживаются ясно передъ нами въ одной области, мы могли дополнить чертами, которыя намъ открываетъ другая область... Не только механика, физика, химія, физіологія, вообще естественныя науки, могутъ намъ служить указаніемъ и пособіемъ для психологическихъ изслѣдованій, но и всѣ эти науки могутъ получить богатыя указанія отъ психологіи, и трудно предсказать даже въ настоящее время то громадное преобразованіе, какого онѣ достигнутъ, когда психологія будетъ въ большей степени разработана. Формула развитія жизни, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ, нахожденіе которой составляетъ высшую цѣль философіи, можетъ быть результатомъ только всего человѣческаго опыта, только дружнаго взаимнаго дѣйствія всѣхъ наукъ, начиная съ математики и механики и кончая психологіей и соціологіей, при чемъ предполагается, конечно, что каждая изъ этихъ наукъ въ самой широкой степени пользуется указаніями всѣхъ остальныхъ. На формулу Спенсера мы должны смотрѣть только какъ на первую попытку формулировать законъ развитія, попытку, которая вызвала за собой дальнѣйшія попытки этого рода и, нѣтъ сомнѣнія, будетъ еще долгое время составлять общее дѣло всѣхъ наукъ и высшую задачу философіи.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ нѣкоторымъ изъ этихъ другихъ попытокъ формулировать законъ развитія, мы должны еще нѣсколько подробнѣе остановиться на формулѣ Спенсера. Это тѣмъ болѣе для насъ необходимо, что при этомъ намѣтятся еще яснѣе тѣ требованія, которыя могутъ

быть предъявлены вообще къ формулѣ развитія и которыя дадутъ намъ возможность лучше оцѣнить эти другія попытки формулировать законъ развитія.

Мы уже указали ранѣе на то обстоятельство, что формула Спенсера относится не къ развитію жизни, а къ развитію „вещей“, что онъ даетъ намъ не „теорію жизни“, а, какъ онъ и самъ объ этомъ выражается, „теорію вещей“... Отыскивая „динамическій принципъ“, онъ становится не на динамическую точку зрѣнія жизни, что требуется самимъ принципомъ, а на точку зрѣнія опредѣленныхъ получающихся результатовъ, на точку зрѣнія отдѣльныхъ возникающихъ вещей и предметовъ, на точку зрѣнія, которую, по нашему мнѣнію, лучше всего можно было бы назвать субстанціальной. Эта субстанціальная точка зрѣнія еще насквозь пропитываетъ всѣ наши воззрѣнія, всѣ наши научныя и философскія построенія, всѣ наши обыденныя житейскія мнѣнія и связанные съ ними поступки. И пропитываетъ притомъ въ такой степени, что для того, чтобы отрѣшиться отъ нея и стать на другую болѣе широкую точку зрѣнія, на которую намекаютъ намъ полученные результаты современнаго знанія, на динамическую точку зрѣнія развивающейся жизни,—намъ стоитъ большого труда и усилій и въ очень рѣдкихъ случаяхъ даже удается... Мы настолько склонны къ субстанціальной точкѣ зрѣнія, что мы не только, благодаря ей, свое главное вниманіе сосредоточиваемъ на субстанціяхъ, вещахъ, опредѣленныхъ предметахъ, забывая о процессахъ жизни или придавая имъ второстепенное значеніе, - но даже склонны овеществлять, придавать предметный видъ самимъ жизненнымъ процессамъ. Самымъ реальнымъ и самымъ существеннымъ является съ этой точки зрѣнія для насъ не процессъ, не жизнь, но субстанція, но опредѣленная вещь. Это—прямая противоположность динамической точкѣ зрѣнія, которая, какъ можно надѣяться, будетъ получать все большее и большее господство и для которой на первомъ планѣ стоитъ жизнь, дѣйствіе, процессъ, а такъ называемые субстанціи и отдѣльные предметы составляютъ не болѣе, какъ только опредѣленную сумму взаимно-связанныхъ жизненныхъ процессовъ!.. Отдѣльная эмпи-

рическая вещь, обладающая характеромъ относительнаго постоянства и понятіе о которой въ его логической обработкѣ приводитъ къ понятію объ абсолютно постоянномъ или о субстанціи, это—не болѣе, какъ кристаллизованная жизнь, жизнь, повидимому, какъ бы застывшая на нѣкоторое время въ опредѣленныя формы. Вещь, это—продуктъ сознательной или безсознательной близорукости нашего умственнаго зрѣнія, для котораго жизнь кажется какъ бы остановившейся въ нѣкоторыхъ точкахъ, хотя она тѣмъ не менѣе продолжаетъ неудержимо устремляться впередъ, и мы, при болѣе тщательномъ присматриваніи, сами начинаемъ замѣчать, что то, что намъ казалось остановившимся, въ дѣйствительности движется, что то, что намъ казалось принявшимъ характеръ постоянства, продолжаетъ непрерывно измѣняться, что то, что намъ казалось застывшимъ въ опредѣленныя формы, продолжаетъ непрерывно принимать новыя и новыя формы... И можетъ случиться, что нашъ умственный глазъ достигнетъ когда-нибудь такой проницательности, что мы вездѣ и всюду будемъ различать и замѣчать жизнь, и всѣ эти мнимыя субстанціи, всѣ эти призраки и фантасмагоріи заблудившагося и близорукаго ума исчезнутъ, какъ дымъ, и тамъ, гдѣ передъ нашею мыслью носилось абсолютное, неизмѣнное, постоянное, тамъ мы увидимъ живое, жгучее дыханіе жизни, и мы тогда, быть можетъ, убѣдимся, что нѣтъ во вселенной такого мѣста, гдѣ бы не было жизни, что, гдѣ жизнь, повидимому, ускользаетъ отъ насъ и кажется прекратившейся, что это есть результатъ только одной нашей умственной ограниченности, продуктъ только нашего неполнаго и незаконченнаго знанія.

Вотъ на эту-то динамическую точку зрѣнія мы и должны становиться при опредѣленіи формулы развитія. Мы сейчасъ увидимъ, что результаты, полученные нами съ этой точки зрѣнія, будутъ во многомъ существенномъ отличаться отъ тѣхъ результатовъ, которые получаются съ субстанціальной точки зрѣнія. Прежде всего отмѣтимъ слѣдующій фактъ: когда мы, при опредѣленіи понятія эволюціи, становимся на точку зрѣнія „вещей“, то мы съ самаго начала необходимо опредѣляемъ этотъ процессъ такимъ образомъ, какъ будто

онъ въ самомъ себѣ заключаетъ извѣстный предѣлъ, извѣстную границу, которая заранѣе какъ бы ему предустановлена самимъ существомъ процесса развитія, границу, къ которой развитіе какъ бы стремится и съ достиженіемъ которой оно можетъ считаться законченнымъ. Это мы и видимъ у Спенсера, имѣющаго въ виду исключительно процессы перераспредѣленія вещества и движенія, придающаго имъ главное и основное значеніе и считающаго психическія явленія только „отраженіемъ", только „добавочнымъ придаткомъ", только, „эпифеноменомъ", лишеннымъ всякой дѣйственной силы измѣнить хотя бы въ чемъ-нибудь теченіе міровыхъ событій.

По его мнѣнію, будемъ ли мы разсматривать вопросъ абстрактно или возьмемъ конкретный примѣръ, мы все равно увидимъ, что эволюція имѣетъ предѣлъ. Всюду это—движеніе по направленію къ равновѣсію. Всеобщее сосуществованіе антагонистическихъ силъ, обусловливающее повсемѣстное существованіе ритма и разложеніе каждой силы на расходящіяся силы, въ то же самое время приводитъ и къ конечному равновѣсію. Эволюція каждаго аггрегата должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока не установится подвижное равновѣсіе, потому что имѣющійся въ аггрегатѣ избытокъ силы, дѣйствующей въ извѣстномъ направленіи, долженъ въ концѣ концовъ израсходоваться на преодолѣніе сопротивленій измѣненіямъ въ этомъ направленіи, послѣ чего остаются только тѣ движенія, которыя уравновѣшиваютъ другъ друга и образуютъ такимъ образомъ подвижное равновѣсіе. Эта истина иллюстрируется далѣе Спенсеромъ какъ на развитіи солнечной системы, на развитіи всей вселенной, такъ и на развитіи органическихъ существъ, духовной жизни и общественныхъ отношеній. Но мы, отсылая читателя къ самому сочиненію Спенсера, не будемъ подробно останавливаться на всемъ этомъ, замѣтимъ только, что весь этотъ циклъ эволюціи долженъ закончиться, какъ думаетъ Спенсеръ, установленіемъ величайшаго совершенства и самаго полнаго счастья [1]).

[1]) См. „Основныя начала", §§ 170—176.

Не остается, такимъ образомъ, никакого сомнѣнія, что въ томъ видѣ, въ какомъ процессъ развитія формулированъ у Спенсера, онъ необходимо долженъ имѣть извѣстный предѣлъ, съ достиженіемъ котораго онъ можетъ считаться завершеннымъ, законченнымъ...

Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и возбуждаетъ сомнѣніе относительно полноты и правильности формулы Спенсера. Невольно является при этомъ вопросъ, какимъ образомъ процессъ развитія можетъ, по самому существу своему, стремиться къ такому состоянію, при которомъ онъ получаетъ свое завершеніе, какимъ образомъ, однимъ словомъ, развитіе можетъ стремиться къ своему собственному прекращенію? Откуда мы знаемъ и можемъ утверждать, что для развитія, по самой его природѣ, существуютъ какіе-нибудь предѣлы и границы? Не вытекаютъ ли всякіе предѣлы для процесса развитія изъ внѣшнихъ условій, не имѣющихъ ничего общаго съ самимъ развитіемъ, а не изъ внутренней природы самаго процесса развитія, и не должны ли мы, въ томъ случаѣ, если достигнется состояніе равновѣсія и покоя, о которомъ говоритъ Спенсеръ, считать развитіе не завершившимся и законченнымъ, а просто-на-просто остановленнымъ и прекратившимся въ силу какихъ-нибудь причинъ, т. е., другими словами, могущимъ продолжаться и еще далѣе, если бы были устранены эти причины? И можемъ ли мы считать то состояніе, которое такимъ образомъ достигнется, когда развитіе получитъ свое завершеніе, придетъ къ своему концу, можемъ ли мы считать это состояніе, какъ думаетъ Спенсеръ, „наисовершеннѣйшимъ состояніемъ человѣчества, о какомъ только можно помыслить“, [1]) не будетъ ли оно несовершеннымъ уже хотя бы вслѣдствіе того, что ему будетъ недоставать одного, но очень существеннаго, самаго процесса развитія, самаго движенія жизни впередъ, что это будетъ состояніе кристаллизованной, застывшей жизни, жизни, остановленной въ своемъ неудержимомъ бѣгѣ?.. Вотъ роковые вопросы, которые возбуждаетъ формула Спенсера, и если на эти вопросы при настоящемъ уровнѣ знаній и трудно

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основныя начала. Изд. Іогансона, стр. 370.

еще дать вполнѣ точный и опредѣленный отвѣтъ, то все-таки они побуждаютъ насъ признать неполноту и недостаточность формулы Спенсера, которая проистекаетъ отъ того, что, при опредѣленіи своей формулы, Спенсеръ становился не на динамическую, а на субстанціальную точку зрѣнія, искалъ не формулу развитія жизни, а формулу развитія вещей, не формулу развитія жизненнаго процесса въ его цѣломъ, съ его психическими и физическими элементами, а формулу развитія міра, насколько этотъ послѣдній представляется состоящимъ изъ вещества и движенія.

Если мы становимся не на субстанціальную, а на динамическую точку зрѣнія, то дѣло намъ должно представиться слѣдующимъ образомъ. Развитіе есть процессъ и, какъ таковой, оно не заключаетъ въ себѣ самомъ никакихъ предѣловъ, напередъ ему предустановленныхъ,—всякіе такіе предѣлы налагаются на него извнѣ, само же по себѣ развитіе можетъ быть мыслимо продолжающимся безконечно... Развитіе жизни, какъ процессъ, мы можемъ сравнивать съ другимъ такимъ же динамическимъ процессомъ, напр.: съ движеніемъ вещества... Что касается движенія вещества, то мы представляемъ его себѣ имѣющимъ тенденцію продолжаться вѣчно, если только оно не встрѣтитъ никакихъ внѣшнихъ препятствій,—подобнымъ образомъ и развитіе жизни, если оно существуетъ, какъ фактъ, если даны только его условія, въ чемъ бы они не заключались, не должно ли имѣть тенденцію къ такому непрерывному продолженію, предполагая, что оно не будетъ остановлено внѣшними, независящими отъ него обстоятельствами!.. И подобно тому, какъ движеніе тѣла, если бы оно было даже остановлено почему-либо, можетъ быть мыслимо нами, какъ такое, которое могло бы продолжаться и еще далѣе,—подобно этому и развитіе, если бы оно почему-либо прекратилось, могло бы быть мыслимо нами тѣмъ не менѣе еще продолжающимся. Т.-е., какъ мы не можемъ утверждать, что движеніе тѣла далѣе впередъ не возможно, если только будутъ устранены препятствія, также точно мы не можемъ утверждать, что развитіе далѣе невозможно съ устраненіемъ тормозящихъ его условій. Движеніе

тѣла не имѣетъ естественнаго конца, вытекающаго изъ существа самого движенія, одинаковымъ образомъ не имѣетъ такого естественнаго конца и процессъ развитія. Каждая точка въ пройденномъ пути здѣсь является не болѣе, какъ только этапнымъ пунктомъ (остановкой, могущей длиться болѣе или менѣе долгое время), но не представляетъ конечнаго мѣста прибытія, т.-е. такого мѣста, которое являлось бы окончательнымъ пунктомъ, гдѣ движеніе и развитіе должны были бы остановиться, даже независимо отъ внѣшнихъ препятствій. Подобно тому, какъ счетъ чиселъ можетъ быть нами представленъ продолжающимся до безконечности, какъ нѣтъ такого самаго большого числа, которое было бы больше всѣхъ остальныхъ чиселъ, потому что, прибавивъ къ этому числу единицу, мы получимъ число бо̀льшее его самого и т. д. безъ конца,—подобно этому, и развитіе жизни можетъ быть нами представлено продолжающимся до безконечности, и нѣтъ такой самой послѣдней стадіи развитія, которая являлась бы самымъ совершеннѣйшимъ состояніемъ, которая представляла бы завершеніе всего процесса развитія, нѣтъ потому, что нами всегда можетъ быть мыслима за этой послѣдней стадіей развитія еще слѣдующая, являющаяся еще болѣе совершеннымъ состояніемъ. Существо процесса развитія жизни, какъ процесса, заключается въ томъ, чтобы продолжаться, никогда не заканчиваясь, а не въ томъ, чтобы естественно стремиться къ какому-нибудь опредѣленному концу, къ завершенію и прекращенію самого себя.

Если мы говоримъ относительно отдѣльныхъ составныхъ частей міра, каковы бы эти части ни были, то мы дѣйствительно можемъ сказать, что развитіе этихъ частей во многихъ случаяхъ обрывается, благодаря встрѣтившимся противодѣйствующимъ условіямъ. Но если мы говоримъ о развитіи міра, какъ цѣлаго, если мы предполагаемъ, что вся міровая жизнь въ ея цѣломъ претерпѣваетъ развитіе, если, однимъ словомъ, развитіе міровой жизни мы считаемъ за дѣйствительный фактъ, то, такъ какъ вся міровая жизнь въ ея цѣломъ не можетъ встрѣтить никакихъ внѣшнихъ препятствій въ своемъ развитіи,—мы должны, поэтому, будемъ неизбѣжно признать другимъ такимъ дѣйствительнымъ фактомъ вѣч-

ную непрекращаемость процесса развитія. Но, конечно, можно оспаривать самую дѣйствительность факта развитія въ отношеніи цѣлаго міра, такъ какъ здѣсь мы выходимъ изъ области достовѣрнаго и вступаемъ въ проблематическую область догадокъ, ибо такъ какъ „цѣлый міръ" намъ никогда не данъ въ опытѣ, то мы и не можемъ достовѣрно ничего знать относительно „цѣлаго міра". Совершенно вѣрно, но въ такомъ случаѣ мы находимся ничуть не въ лучшемъ положеніи и относительно того постулата, который составляетъ, по мнѣнію Спенсера, единственную истину, превосходящую данныя опыта „тѣмъ самымъ, что она лежитъ въ основѣ ихъ". Я говорю о постулатѣ „постоянства силы", который представляетъ для Спенсера „основаніе данныхъ опыта" и долженъ, поэтому, также служить „и основаніемъ для всякой научной организаціи этихъ данныхъ" [1]).

Развѣ постоянство этой „Абсолютной Непознаваемой Силы", которое постулируетъ Спенсеръ и изъ котораго онъ показываетъ возможность вывести a priori природу развитія, необходимыя причины его возникновенія и продолженія, а также и необходимое предполагаемое завершеніе его,—развѣ это постоянство не составляетъ само чего-то въ высшей степени проблематическаго? Спенсеръ полагаетъ, что эта истина коренится „въ самомъ строеніи нашего духа", и что всякій, кто допускаетъ, что наша неспособность представить себѣ начало или конецъ Вселенной есть отрицательный результатъ нашей умственной организаціи, не можетъ не признать того, что наше сознаніе о Вселенной, какъ о чемъ-то постоянномъ, есть положительный результатъ нашей умственной организаціи". Постоянство же Вселенной, такъ заключаетъ Спенсеръ свое разсужденіе, „есть постоянство той Неизвѣстной Причины, Власти или Силы, которая обнаруживается намъ во всѣхъ явленіяхъ" [2]). Уже изъ приведеннаго отрывка ясно видно, что „постоянство Силы" не есть на самомъ дѣлѣ постулатъ, а представляетъ только

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основныя начала т. II. Изданіе Печаткина 208. стр.

[2]) Тамъ же, стр. 207,

выводъ, который Спенсеръ дѣлаетъ изъ необходимаго сознанія нами Вселенной, какъ чего-то постояннаго. Въ дѣйствительности, такимъ образомъ, постулатомъ является „постоянство Вселенной“ или, какъ бы мы сказали лучше, „постоянство Жизни“. Тотъ фактъ, что мы не можемъ себѣ представить, чтобы жизнь возникла когда-нибудь изъ чего-либо такого, что въ свою очередь не было бы жизнью, и чтобы жизнь могла когда-нибудь прекратиться, есть отрицательный результатъ нашей психической организаціи, а сознаніе „постоянства жизни“, всегдашняго бытія ея, есть положительный результатъ этой организаціи. Постулатъ „постоянства жизни“ обладаетъ во всякомъ случаѣ бо̀льшею достовѣрностью, чѣмъ постулатъ „постоянства непознаваемой силы“. Но кто постулируетъ „постоянство жизни“, тотъ постулируетъ тѣмъ самымъ, какъ мы покажемъ далѣе въ своемъ мѣстѣ, „постоянство процесса развитія“, т.-е. его вѣчную непрекращаемость, и именно въ той мѣрѣ, въ какой „постоянство жизни“ означаетъ не только постоянство физической энергіи, но также и неуничтожаемость энергіи психической, т.-е. сознанія. Для того эволюція явится, какъ вѣчный, никогда не прекращающійся процессъ; какъ рядъ измѣненій, никогда не получающій своего завершенія, какъ творческая работа, въ каждый моментъ приносящая что-нибудь новое, какъ неутомимое обновленіе міровой жизни, которое никогда не можетъ остановиться, а будетъ продолжать идти все впередъ все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ.

Полезно остановиться еще, въ виду разъясненія вопроса о необходимости для развитія извѣстнаго предѣла, на другой формѣ, которую придаетъ Спенсеръ формулѣ развитія въ „Основаніяхъ біологіи“ и „Основаніяхъ психологіи“. Развитіе, какъ оно формулировано въ названныхъ сочиненіяхъ у Спенсера, представляетъ только частный случай взаимодѣйствія между индивидуумомъ и его средою. Съ одной стороны, индивидуумъ, съ другой среда являются, какъ два первоначально не соотвѣтствующіе другъ другу факта, которые затѣмъ приходятъ между собою въ соотвѣтствіе, и этотъ-то процессъ установленія соотвѣтствія и составляетъ развитіе. Болѣе одностороннимъ образомъ то же самое выражается,

когда мы говоримъ, что развитіе есть процессъ приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, такъ какъ при этомъ упускается изъ виду другая возможная сторона процесса устанавливающагося соотвѣтствія, а именно процессъ приспособленія внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ. Но, будемъ ли мы смотрѣть на развитіе, какъ на устанавливающееся соотвѣтствіе между индивидуумомъ и средой или, какъ на взаимное приспособленіе другъ къ другу внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній,—во всякомъ случаѣ, и здѣсь мы опредѣляемъ развитіе такимъ образомъ, какъ будто бы оно по самой своей природѣ имѣло опредѣленный конецъ... Если развитіе есть „установленіе соотвѣтствія“ или „процессъ приспособленія“, то само собою понятно, что, когда соотвѣтствіе установилось, когда приспособленіе закончилось, то этимъ самымъ сказано уже, что и процессъ развитія пришелъ къ своему концу.

Въ дѣйствительности мы видимъ, что Спенсеръ вводитъ въ свою формулу нѣкоторыя весьма существенныя дополненія, которыя открываютъ намъ горизонты на другія болѣе широкія точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что въ II-мъ томѣ „Основаній психологіи“ онъ говоритъ не просто объ установленіи соотвѣтствія между внутренними и внѣшними дѣятельностями, не просто о приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, но о р а с ш и р е н і и соотвѣтствія, о р а с ш и р е н і и сферы приспособленія. Мы видимъ здѣсь, что соотвѣтствіе въ теченіе процесса развитія постепенно все болѣе и болѣе расширяется въ пространствѣ, во времени, со стороны его спеціальности и общности, что оно возрастаетъ въ степени своей сложности, точно также какъ въ степени и широтѣ координаціи и интеграціи различныхъ частныхъ соотвѣтствій между собою. Однимъ словомъ, развитіе есть не просто устанавливающееся соотвѣтствіе между внутренними и внѣшними дѣятельностями, оно есть р а с ш и р я ю щ е е с я соотвѣтствіе. Но понятіе о расширеніи выводитъ насъ изъ сферы механической точки зрѣнія и открываетъ намъ другую болѣе широкую точку зрѣнія.

Дѣло въ томъ, что въ понятіи о расширеніи не заключается представленія о необходимости какого-либо опредѣ-

леннаго конца. Какъ расширяющееся соотвѣтствіе, развитіе можетъ быть безпредѣльнымъ, если же оно и натыкается здѣсь на извѣстный конецъ, то это можетъ быть объяснено только внѣшними условіями. Если понятія объ установленіи соотвѣтствія и о процессѣ приспособленія и заключаютъ въ себѣ идею о необходимомъ концѣ, то этого отнюдь нельзя сказать о понятіи расширенія. Пока только можетъ быть расширяема среда, соотвѣтствіе между которой и индивидуумомъ должно быть установлено, до тѣхъ поръ можетъ продолжаться и процессъ развитія. Если процессъ расширенія и можетъ быть ограниченъ, то только тѣмъ, что среда достигла своихъ крайнихъ предѣловъ, т.-е., другими словами, что среда охватила собою весь міръ. Такъ и представится дѣло если стоять на субстанціальной точкѣ зрѣнія, если на самый міръ смотрѣть, какъ на опредѣленную, законченную вещь. Понятно, что, при этомъ условіи, когда индивидуумъ приспособился ко всему міру, то и процессъ расширенія соотвѣтствія пришелъ къ своему концу, вслѣдствіе фактической невозможности дальнѣйшаго расширенія. Съ субстанціальной точки зрѣнія, поэтому, и развитіе, понимаемое, какъ расширеніе соотвѣтствія, необходимо предполагаетъ, что процессъ развитія достигаетъ извѣстнаго конца.

Но если съ субстанціальной точки зрѣнія вся возможная среда, т.-е. весь міръ представляетъ нѣчто напередъ данное, къ которому отдѣльные индивидуумы должны все болѣе и болѣе приспособляться, то съ динамической точки зрѣнія возможная среда ничѣмъ не ограничена,—міръ не только данъ, онъ становится, дѣлается, создается. Индивидуумъ не только приспособляется и можетъ приспособляться все въ болѣе и болѣе широкой степени къ данной средѣ, къ данному независимо отъ его воли міру,— онъ также можетъ создавать новую среду, быть источникомъ новаго міра. Если мы смотримъ на процессъ развитія съ механической или физіологической точки зрѣнія, т.-е. если мы имѣемъ въ виду „перераспредѣленіе вещества и движенія“ или развитіе органической структуры и органическихъ функцій, то эта сторона процесса развитія намъ не бросается въ глаза... Иное дѣло, когда мы покидаемъ механическую и физіологическую

точку зрѣнія и становимся на точку зрѣнія психологическую, т.-е. когда мы въ мірѣ открываемъ не только вещество и движеніе, не только органическую структуру и органическія функціи, но открываемъ также сознаніе съ его непрерывною дѣятельностью. Вмѣстѣ съ сознаніемъ въ его развитой формѣ возникаетъ и та „надъ-органическая“ среда, о которой говоритъ Спенсеръ въ своихъ „Основаніяхъ соціологіи“, возникаютъ культурныя формы, возникаетъ общественная организація, эти продукты психической дѣятельности, эта новая среда, которой ранѣе не существовало. Развѣ міръ, въ которомъ возникла наука, искусство, религія, нравственность, въ которомъ зародилась общественная симпатія и солидарность, развѣ этотъ міръ есть прежній старый міръ; нѣтъ, мы здѣсь имѣемъ міръ совершенно новый, мы здѣсь имѣемъ новую среду, которой не существовало ранѣе, среду, которая есть продуктъ соединенной дѣятельности самихъ индивидуумовъ. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ сознаніемъ намъ дана возможность къ расширенію даннаго міра, къ созданію новой среды, и гдѣ предѣлы для этого расширенія, указать уже нѣтъ никакой возможности. Съ динамической или психологической точки зрѣнія міръ только о т ч а с т и намъ данъ и этотъ отчасти данный намъ міръ можетъ безпредѣльно расширяться при посредствѣ дѣятельности сознанія... Пока только существуетъ и будетъ существовать сознаніе, до тѣхъ поръ міръ можетъ и будетъ раздвигать безгранично свои предѣлы. Предположите, что индивидуумы приспособились ко всему міру, если только при этомъ будетъ существовать сознаніе, (а предполагать, что оно когда-нибудь совершенно исчезнетъ изъ міра, имѣемъ ли мы какое-нибудь право!), то индивидуумы создадутъ новый міръ, къ которому имъ придется снова приспособляться. Однако новый міръ, новая среда и такъ создаются постоянно,—приспособленіе къ непосредственно данному міру, расширеніе соотвѣтствія между нимъ и индивидуумомъ идетъ рука объ руку съ созданіемъ новой среды, которая наряду съ разрѣшающимися старыми задачами ставитъ человѣку постоянно все новыя и новыя, и гдѣ конецъ этому процессу, сказать нѣтъ никакой возможности...

II.

Формула развитія Фехнера-Петцольдта и критика ея.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ другимъ попыткамъ формулировать процессъ развитія жизни. Въ 1873 году Фехнеръ обнародовалъ свое любопытное сочиненіе: „Einige Ideen zur Schöpfungs — und Entwickelungsgeschichte der Organismen", въ которомъ онъ, по собственному его выраженію, пытается углубить ученіе Дарвина посредствомъ установленія общаго принципа, называемаго имъ „принципомъ стремленія къ устойчивому состоянію" (Princip der Tendenz zur Stabilität). Этотъ принципъ является, по мнѣнію Фехнера, какъ бы качественнымъ дополненіемъ „принципа сохраненія силы", относящагося до количественныхъ отношеній, и допускаетъ соединеніе телеологической точки зрѣнія съ точкой зрѣнія причинной связи событій. Такъ какъ этотъ принципъ получаетъ у Фехнера такое широкое значеніе, такъ какъ онъ примѣняется имъ не только къ жизни физической, но и къ жизни психической, такъ какъ онъ принимаетъ характеръ формулы, характеризующей вообще сущность развитія,—то это и побуждаетъ насъ остановиться на немъ болѣе подробно.

Посмотримъ же, какъ выводитъ и какъ обосновываетъ Фехнеръ свой принципъ, въ какой мѣрѣ онъ вноситъ что-либо новое въ формулу Спенсера, и въ какой мѣрѣ этотъ принципъ можетъ имѣть дѣйствительно примѣненіе къ развитію жизни. На эти вопросы мы должны будемъ отвѣтить слѣдующее: формула развитія, какъ мы ее находимъ у Фехнера, не представляетъ ничего существенно новаго по сравненію съ формулой Спенсера и страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и послѣдняя... Что это и должно быть такъ, мы не будемъ этому удивляться, когда узнаемъ, что и Фехнеръ, подобно Спенсеру, выводитъ свою формулу на почвѣ внѣшняго опыта, исходя изъ области матеріи и движенія и почти совершенно не касаясь опыта внутренняго, міра сознанія.

Выводу своей формулы Фехнеръ предпосылаетъ слѣдующія опредѣленія. Если мы возьмемъ извѣстную сумму ча-

стицъ, соединенныхъ въ одну матеріальную систему и представимъ себѣ, что черезъ правильные періоды времени эти частицы возвращаются въ тѣ же самыя относительныя положенія и тѣ же самыя движенія по отношенію другъ къ другу, то подобныя отношенія, въ которыхъ находятся частицы системы (или если вмѣсто частицъ мы имѣемъ цѣлыя массы, то массы), могутъ быть названы устойчивыми отношеніями, при чемъ состояніе покоя частицъ или массъ относительно другъ друга можетъ быть понимаемо, по мнѣнію Фехнера, только какъ пограничный случай, гдѣ одни и тѣ же отношенія продолжаютъ существовать всегда, пограничный случай, который можетъ быть обозначенъ, какъ абсолютная устойчивость, тогда какъ непрерывное удаленіе частицъ или массъ другъ отъ друга въ расходящихся направленіяхъ образуетъ другой пограничный случай абсолютной неустойчивости. Хотя и не какъ абсолютная, но, однако, какъ полная устойчивость можетъ быть отмѣченъ такой случай, гдѣ движенія хотя и имѣютъ мѣсто, но приводятъ въ совершенно равные промежутки времени всегда къ однимъ и тѣмъ же отношеніямъ частицъ или массъ не только что касается ихъ положенія, но также и въ отношеніи ихъ скорости, направленія движенія и измѣненія скорости и направленія относительно другъ друга. Наконецъ, къ этимъ двумъ видамъ абсолютной и полной устойчивости мы должны присоединить еще третій случай большаго или меньшаго приближенія къ полной устойчивости или, короче, случай приблизительной (approximative) устойчивости. Именно, можетъ случиться, что частицы или массы какой-нибудь системы въ равные промежутки времени никогда не возвращаются совершенно точно, но только приблизительно, къ прежнимъ отношеніямъ, примѣромъ чему можетъ служить наша солнечная система.

Сдѣлавши эти предварительныя опредѣленія, Фехнеръ продолжаетъ: „представимъ себѣ любое число матеріальныхъ частицъ, которыя, благодаря силамъ какого-либо рода, должны двигаться внутри ограниченнаго пространства, и представимъ себѣ, что система изъята отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній или находится при постоянныхъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ“,—

„то тогда, при предположеніи любыхъ начальныхъ положеній, скоростей и направленій частицъ системы, всѣ послѣдующія состоянія послѣдней будутъ опредѣляться этими начальными условіями“ [1]). Если теперь между этими условіями возможны такія, которыя, будучи тамъ съ самаго начала или наступая въ теченіе движенія, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ, по истеченіи даннаго времени, возвращеніе тѣхъ же самыхъ состояній,—то измѣненія движеній и положеній частицъ будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока между всѣми возможными состояніями, могущими быть подобнымъ образомъ пройденными, наступятъ именно тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ условія возвращенія прежнихъ состояній, до тѣхъ же поръ система не будетъ имѣть, такъ сказать, никакого покоя. Если же возвращеніе прежнихъ состояній одинъ разъ по истеченіи опредѣленнаго даннаго времени, наступило, то оно должно будетъ наступать всегда снова и снова по истеченіи того же времени, потому что тѣ же самыя условія будутъ опять на лицо. Система, такимъ образомъ, достигла полной устойчивости, при чемъ, само собою понятно, что всякое измѣненіе, всякое отступленіе отъ однажды достигнутой устойчивости можетъ наступить только въ силу измѣненія внѣшнихъ воздѣйствій, при предполагаемомъ постоянствѣ которыхъ устойчивость нашла свое осуществленіе.

Можетъ казаться, прежде всего, что „принципъ стремленія къ устойчивости“ имѣетъ чисто апріористическій характеръ; однако, какъ прибавляетъ это самъ Фехнеръ, мы не должны просматривать сдѣланнаго при этомъ предположенія, что между условіями движенія находятся вообще такія, которыя приводятъ къ своему собственному возвращенію. „Быть можетъ, можно было бы попытаться спасти полную апріоричность принципа посредствомъ слѣдующаго утвержденія: между всѣми мыслимыми видами движенія частицъ системы находятся естественнымъ образомъ такіе, черезъ посредство которыхъ частицы приводятся къ своимъ

[1]) G. T. Fechner. Einige Ideen zur Schöpfungs und Entwickelungsgeschichte der Organismen, стр. 27.

прежнимъ отношеніямъ, и такъ какъ образъ движенія частицъ долженъ продолжать измѣняться неопредѣленное время до тѣхъ поръ, пока подобный видъ движенія не наступитъ, то этотъ видъ движенія долженъ наконецъ наступить, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто между неопредѣленно возможными видами движенія и, слѣдовательно, когда-нибудь долженъ дѣйствительно оказаться имѣющимъ мѣсто. Однако, способъ движенія можетъ быть мыслимъ нами измѣняющимся неопредѣленно, такъ, что при этомъ всегда остаются исключенными нѣкоторые виды движенія; и спрашивается еще, совмѣстимо ли наступленіе такихъ движеній также съ природою силъ, отъ которыхъ зависитъ движеніе" [1]).

Такимъ образомъ, такъ какъ нашъ принципъ не можетъ быть доказанъ вполнѣ апріорно, независимо отъ опыта, то остается обратиться къ опыту и математическому вычисленію и посмотрѣть, насколько они допускаютъ въ этомъ отношеніи установленіе общаго принципа. Что касается математическаго вычисленія, то хотя оно и подтверждаетъ „принципъ стремленія къ устойчивости", но оно не идетъ далѣе очень простого случая двухъ притягивающихся тѣлъ, одаренныхъ самостоятельнымъ движеніемъ, случая колеблющагося маятника или дрожащей струны и т. д., болѣе же сложные случаи ускользаютъ отъ математическаго вычисленія и даже проблема трехъ притягивающихся тѣлъ недоступна точному математическому рѣшенію. Какъ бы тамъ ни было, опытъ допускаетъ все-таки установить, по мнѣнію Фехнера, слѣдующій законъ или принципъ: „въ каждой предоставленной самой себѣ или находящейся при постоянныхъ внѣшнихъ условіяхъ системѣ матеріальныхъ частей и, слѣдовательно, также въ матеріальной системѣ міра, насколько мы разсматриваемъ послѣдній, какъ замкнутое цѣлое, — имѣетъ мѣсто... непрерывное прогрессированіе отъ неустойчивыхъ состояній къ устойчивымъ до тѣхъ поръ, пока не достигнется полное или приблизительное устойчивое конечное состояніе" [2]). Подтвержденіе этому мы находимъ въ

[1]) Тамъ же, стр. 28, 29.

[2]) Тамъ же, стр. 30.

исторіи нашей планетной системы, въ движеніи каждой планеты вокругъ своей оси, въ движеніи мѣсяца вокругъ земли, въ явленіяхъ прилива и отлива, въ круговоротѣ водъ, въ періодическихъ вѣтрахъ, періодическихъ измѣненіяхъ температуры, давленія воздуха и т. д. Во всемъ этомъ мы наблюдаемъ переходъ отъ неправильнаго неустойчиваго состоянія къ состоянію большей или меньшей устойчивости, при чемъ мы не замѣчаемъ въ цѣломъ отступленія отъ этой устойчивости, уменьшенія ея. Въ организмахъ мы тоже наблюдаемъ періодичность ихъ функцій и, слѣдовательно, устойчивыя отношенія ихъ жизни. Съ общей точки зрѣнія можно, по мнѣнію Фехнера, предполагать, хотя это до сихъ поръ и не можетъ быть строго доказано, что склонность каждой предоставленной самой себѣ матеріальной системы къ правильному внутреннему группированію частицъ и къ правильной внѣшней формѣ связана съ „принципомъ стремленія къ устойчивости“ [1]). Даже сама духовная жизнь является подчиненной этому принципу. „Потому что мы находимъ, что соразмѣрно тому, какъ человѣкъ ускользаетъ отъ измѣняющагося вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, по мѣрѣ этого и все теченіе его представленій, ощущеній, чувствованій, принимаетъ всегда форму болѣе правильныхъ круговоротовъ или, выражаясь короче, становится всегда устойчивѣе... что, какъ можно думать, стоитъ въ связи съ возрастающею устойчивостью матеріальныхъ процессовъ, которые лежатъ въ основаніи духовной жизни“ [2]).

Но, при примѣненіи „принципа стремленія къ устойчивости“, мы должны также принимать во вниманіе, что каждая ограниченная система въ мірѣ является частью какой-либо большей системы и, въ концѣ концовъ, частью цѣлаго міра, и что, слѣдовательно, внутреннія отношенія устойчивости каждой системы, кромѣ дѣйствія ея собственныхъ частей, опредѣляются также внѣшними условіями въ смыслѣ стремленія къ устойчивости того цѣлаго, къ которому принадлежитъ данная система. Мы не можемъ, по мнѣнію Фехнера, не только вполнѣ, но даже и приблизительно, хотя бы

[1]) Тамъ же, стр. 32.

[2]) Тамъ же, стр. 32.

въ слабой степени, опредѣлить механическія условія, силы и законы, согласно которымъ осуществляется тенденція къ устойчивости, но важно уже вообще знать, „что повсюду существуетъ зависимая отъ закономѣрнаго дѣйствія силъ тенденція въ этомъ смыслѣ, приводящая къ конечному состоянію болѣе или менѣе приблизительной устойчивости, состоянію, которое не можетъ сдѣлать шага назадъ черезъ посредство внутреннихъ силъ“ [1]).

Ставя свой принципъ наравнѣ съ „принципомъ сохраненія силы“, Фехнеръ ожидаетъ большихъ результатовъ отъ его комбинаціи съ этимъ послѣднимъ. Такъ въ смыслѣ подобной комбинаціи мы въ состояніи уже сказать, что не можетъ существовать никакой безграничный прогрессъ міра къ абсолютной устойчивости, которая заключается въ полномъ покоѣ частицъ, но что приближенію къ подобному состоянію будетъ положена граница принципомъ сохраненія силы. Вообще говоря, вслѣдствіе тенденціи къ устойчивости, живая сила въ мірѣ, въ ея цѣломъ, не можетъ измѣниться по своей величинѣ, но только по своей формѣ.

Прежде, чѣмъ мы обратимся къ критикѣ и обсужденію только что изложенныхъ воззрѣній Фехнера, мы находимъ болѣе удобнымъ изложить здѣсь первоначально, какимъ образомъ, пользуясь принципомъ Фехнера и развивая его далѣе, другой германскій мыслитель, Петцольдтъ, пришелъ къ своей, въ высшей степени интересной и плодотворной по своимъ послѣдствіямъ, формулѣ развитія. Мы находимъ необходимымъ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что въ обоихъ случаяхъ намъ придется обратить по отношенію къ развитымъ взглядамъ одинаковыя критическія замѣчанія. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ 1887 г. въ „Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie“, Петцольдтъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду „принципъ наименьшей траты силы“, установленный Авенаріусомъ въ примѣненіи къ опредѣленію философіи, и сравненіе этого принципа съ принципомъ Фехнера. Но, такъ какъ насъ интересуетъ въ настоящемъ случаѣ формула развитія вообще, то мы здѣсь и не будемъ касаться отношенія

[1]) Тамъ же, стр. 34.

обоихъ названныхъ принциповъ, а обратимъ вниманіе въ статьѣ Петцольдта только на то, что ведетъ къ опредѣленію самой природы развитія.

Подобно Фехнеру, Петцольдтъ тоже исходитъ изъ предполагаемаго случая двигающихся матеріальныхъ частицъ. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, въ безконечномъ пустомъ пространствѣ двѣ матеріальныя частицы (Massenteilchen), подчиненныя ньютоновскому закону тяготѣнія и приведенныя въ движеніе въ различныхъ направленіяхъ съ различными начальными скоростями, эти обѣ частички будутъ описывать относительно другъ друга эллипсисы: каждая частичка будетъ находиться въ одномъ изъ фокусовъ эллипсиса, описываемаго другой частичкой; центръ же тяжести системы будетъ проходить прямую линію. Относительное движеніе частицъ одной по отношенію къ другой будетъ періодически повторяющимся и мы будемъ имѣть предъ собою постоянное состояніе движенія: абсолютное движеніе описываетъ двѣ періодически проходимыя кривыя, такъ что мы можемъ говорить о правильно возвращающихся фазахъ движенія. Очевидно, что мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы мыслимое нами такимъ образомъ, при предполагаемыхъ обстоятельствахъ, движеніе не продолжалось бы въ такой формѣ вѣчно. Но предположимъ теперь въ конечномъ отдаленіи отъ нашихъ обѣихъ массъ (Massenelementen) третью массу, которой передъ этимъ не было, при одинаковыхъ условіяхъ опредѣленной начальной скорости и одинаково подчиненную ньютоновскому закону тяготѣнія, — тогда мгновенно наступитъ измѣненіе въ правильности движенія нашихъ массъ, наступитъ нарушеніе этой правильности (Störung). Однако по истеченіи нѣкотораго времени мы опять получимъ новое постоянное состояніе: первоначальная система была расширена посредствомъ присоединенія третьяго элемента, движеніе послѣдняго мало по малу приспособилось къ первой системѣ и нарушеніе правильности движенія такимъ образомъ устранено (die Störung ist eliminiert).

Продолжая присоединеніе новыхъ частицъ къ нашей предыдущей системѣ, мы будемъ получать все болѣе и болѣе сложныя отношенія, но всегда гармоническое, свободное отъ

всѣхъ помѣхъ, цѣлое, всегда въ результатѣ извѣстное постоянное состояніе (Dauerzustand). Весь процессъ отъ начала движенія до наступленія постояннаго состоянія Петцольдтъ называетъ развитіемъ Такимъ образомъ, развитіе состоитъ въ прогрессирующемъ устраненіи всякихъ помѣхъ для относительной правильности взаимныхъ движеній или въ исключеніи конкуренціи, состязанія. Мы можемъ поэтому сказать, что „развитіе есть результирующее (Resultante) состязающихся тенденцій" и что „результатъ развитія есть постоянное состояніе" [1]). Для оправданія этого обобщенія, которое Петцольдтъ дѣлаетъ посредствомъ абстракціи отъ спеціальнаго случая нѣсколькихъ двигающихся и притягивающихся взаимно массъ, онъ ссылается на то, что существенное въ данномъ случаѣ заключается не въ родѣ элементовъ, которые входятъ въ разсматриваемый процессъ, но въ ихъ отношеніяхъ, т.-е. въ помѣхѣ для правильности этихъ отношеній и въ устраненіи этой помѣхи. „Этимъ же отношеніямъ подчинены не только матеріальныя величины движенія, но всѣ конкурирующія тенденціи: на какіе-нибудь предметы направленныя желанія, на какія-нибудь цѣли устремленныя намѣренія, научныя мнѣнія, политическія и соціальныя стремленія и т. д." [2]). Отсюда видно, какое значеніе Петцольдтъ придаетъ установленной имъ формулѣ, которую онъ считаетъ основоположеніемъ какъ духовной жизни, такъ и всѣхъ естественныхъ процессовъ, насколько послѣдніе являются процессами развитія и обнаруживаютъ намъ относительно постоянныя состоянія. „Во всей природѣ господствуетъ необходимо... „принципъ стремленія къ устойчивости", принципъ постоянныхъ состояній, наименьшихъ помѣхъ, наибольшей гармоніи" [3]).

Для пониманія воззрѣній Петцольдта мы должны еще прибавить, что онъ подъ „абсолютно—постояннымъ состоя-

---

[1]) *J. Petzoldt.* Zu Richard Avenarius' Princip des kleinsten Kraftmasses und zum Begriff der Philosophie. Vierteljahrschrift f. wissensch. Philosophie, 1887. Zweites Heft, стр. 185, 186.

[2]) Тамъ же, стр. 186.

[3]) Тамъ же, стр. 189.

ніемъ“ разумѣетъ не только состояніе полнаго отсутствія всякаго движенія, но вообще такое состояніе, которое въ самомъ себѣ и въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ представляетъ полное ручательство въ томъ, что никогда не будетъ имѣть мѣсто уменьшеніе устойчивости. Въ частности, согласно этому, могло бы считаться за состояніе абсолютной устойчивости или абсолютнаго постоянства (Dauer) также и приблизительно устойчивое состояніе. „Въ относительно постоянныхъ системахъ всегда имѣетъ мѣсто уменьшеніе устойчивости до полнаго разрушенія ея“ [1]).

Таковы соображенія, которыя приводятся Фехнеромъ и Петцольдтомъ для обоснованія и вывода формулы развитія. Уже изъ приведеннаго нами очерка ясно видно, что выводъ формулы всецѣло покоится на данныхъ, заимствованныхъ изъ области внѣшняго опыта, на фактахъ движенія и взаимнаго отношенія матеріальныхъ единицъ, и затѣмъ уже полученное такимъ образомъ обобщеніе отвлекается отъ своихъ спеціальныхъ терминовъ и распространяется на весь человѣческій опытъ, какъ внѣшній, такъ и внутренній, на міръ, какъ вещественныхъ, такъ и психическихъ процессовъ. Мы ранѣе говорили о томъ, что полученную такимъ путемъ формулу развитія ни въ какомъ случаѣ нельзя считать полной и совершенной, но справедливой только отчасти, и если и примѣнимой къ области сознанія, то лишь въ силу параллелизма психическихъ и матеріальныхъ процессовъ. Сдѣлавъ эту оговорку обратимся къ болѣе тщательному анализу всей той нити разсужденій, посредствомъ которыхъ Фехнеръ и Петцольдтъ приходятъ къ своей формулѣ.

Обратимъ, прежде всего, вниманіе на то, что когда Петцольдтъ предлагаетъ намъ представить въ безконечномъ пустомъ пространствѣ двѣ массы, то онъ предполагаетъ, при этомъ, что эти массы съ одной стороны, приведены въ движеніе какимъ-нибудь первоначальнымъ импульсомъ съ различными скоростями и въ различныхъ направленіяхъ, съ другой же стороны, что онѣ подчиняются ньютоновскому закону тяготѣнія. Какую цѣну имѣетъ каждое изъ этихъ предполо-

1) Тамъ же, стр. 187.

женій? Чтобы это опредѣлить, мы сперва предположимъ, что наши массы только приведены въ движеніе какимъ-нибудь первоначальнымъ импульсомъ, а затѣмъ—что онѣ только подчиняются закону тяготѣнія... Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть отдѣльныя, изолированныя, не связанныя между собою массы, которыя, если онѣ двигаются съ различными скоростями и въ различныхъ направленіяхъ, будутъ все болѣе и болѣе удаляться другъ отъ друга: это будетъ то, что Фехнеръ называетъ состояніемъ абсолютной неустойчивости. Кромѣ того, надо, при этомъ, обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что въ этомъ случаѣ мы будемъ, собственно говоря, имѣть только двѣ отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга массы, но не будемъ имѣть системы двухъ массъ. Эти двѣ массы не будутъ составлять системы потому, что между ними нѣтъ никакой связи, потому, что здѣсь имѣетъ мѣсто только отдѣльное независимое движеніе каждой массы, только самостоятельное дѣйствіе ея, такъ сказать, и нѣтъ совершенно зависимаго движенія этихъ двухъ массъ, вытекающаго изъ связи ихъ другъ съ другомъ, нѣтъ совершенно ихъ взаимодѣйствія, т. е. дѣйствія другъ на друга. Только въ той мѣрѣ, въ какой наши массы подчиняются ньютоновскому закону тяготѣнія, онѣ и составляютъ одну систему, потому что законъ тяготѣнія есть законъ взаимодѣйствія, законъ связи, а двѣ массы или вообще два какіе-нибудь элемента только въ той степени составляютъ одну систему, въ какой между ними существуетъ взаимодѣйствіе или связь. Представьте себѣ, что законъ тяготѣнія больше не обнаруживаетъ своего дѣйствія, и наши массы перестанутъ составлять одну систему: вмѣсто одной системы мы будемъ имѣть двѣ отдѣльныя, изолированныя массы. Но предположите теперь, что эти двѣ массы не имѣютъ никакого самостоятельнаго независимаго движенія, что онѣ подчиняются только закону тяготѣнія,— что произойдетъ тогда?.. Эти массы будутъ двигаться навстрѣчу другъ другу до своего полнаго сближенія и когда онѣ такимъ образомъ сблизятся или соединятся, то онѣ останутся вѣчно въ такомъ состояніи непосредственнаго соприкосновенія, соединенныя силою тяготѣнія какъ бы въ одну массу.

Итакъ, насколько данныя массы составляютъ одну систему, насколько между ними существуетъ связь или взаимодѣйствіе, насколько каждая изъ этихъ массъ лишена самостоятельнаго дѣйствія,—настолько эти массы стремятся къ нѣкоторому абсолютно устойчивому состоянію вѣчнаго покоя, вѣчной неподвижности. Мы думаемъ, что уже въ самомъ понятіи системы, связи, взаимодѣйствія заключается понятіе о стремленіи къ нѣкоторому опредѣленному концу, къ нѣкоторому постоянному, устойчивому состоянію. Мы это опять-таки можемъ уяснить себѣ на только что нами взятомъ примѣрѣ притяженія двухъ массъ. Фактъ тяготѣнія, какъ мы сказали, есть фактъ связи и взаимодѣйствія. Что онъ выражаетъ? Онъ выражаетъ, что двѣ массы, для которыхъ справедливъ законъ тяготѣнія, стремятся приблизиться другъ къ другу, стремятся двигаться другъ къ другу навстрѣчу до тѣхъ поръ, пока онѣ не сблизятся, а сблизившись, стремятся оставаться вѣчно соединенными такимъ образомъ, предполагая, конечно, полное отсутствіе всякихъ другихъ дѣйствующихъ здѣсь факторовъ. Слѣдовательно, этотъ фактъ связи, этотъ фактъ взаимодѣйствія есть по своей сущности не что иное, какъ стремленіе къ опредѣленному концу, къ опредѣленному конечному состоянію.

Но, насколько наши массы, кромѣ подчиненія закону тяготѣнія, еще одарены и самостоятельнымъ движеніемъ, настолько мы будемъ имѣть въ результатѣ не состояніе покоя двухъ соединившихся массъ, а состояніе извѣстнаго періодически повторяющагося движенія. При чемъ, какъ тамъ состояніе абсолютнаго покоя, такъ здѣсь періодичность движенія есть результатъ того факта, что между этими массами существуетъ связь, взаимодѣйствіе, что онѣ составляютъ одну систему. Если бы онѣ не подлежали закону тяготѣнія, то не была бы возможна и періодичность движенія.

Въ томъ предположеніи, которое дѣлаетъ Петцольдтъ, уже напередъ лежитъ и дѣлаемый имъ выводъ о стремленіи системы къ постоянному устойчивому состоянію. Потому что, разъ сказано слово „система", „связь", „взаимодѣйствіе", то этимъ самымъ нами уже сказано и то, что существуетъ стремленіе къ нѣкоторому опредѣленному, конечному, постоян-

ному состоянію. Далѣе, когда мы предполагаемъ третью массу, которая вызываетъ нарушеніе правильности въ движеніи нашихъ обѣихъ массъ, то это нарушеніе опять-таки наступаетъ только потому, что эта третья масса связана съ первыми двумя, что она составляетъ съ ними одну систему, что между нею и этими обѣими массами существуетъ взаимодѣйствіе. Если бы не существовало здѣсь связи, взаимодѣйствія, если бы третья масса не составляла съ первыми двумя одной системы, то не могли бы наступить и нарушенія правильности въ движеніи обѣихъ массъ. Какъ a priori очевидно, когда намъ говорятъ про два тѣла, составляющіе одну систему, что эти два тѣла, поскольку они являются одной системой, стремятся притти къ нѣкоторому постоянному, правильному, періодически повторяющемуся состоянію движенія,—такъ точно a priori очевидно, что, когда какая-либо система *становится* частью другой болѣе обширной системы, то въ ней неизбѣжно должно наступить нарушеніе прежней правильности и періодичности. И также a priori очевидно, что, когда эта система *продолжаетъ* составлять съ третьею массою новую болѣе широкую систему, то въ этой новой болѣе широкой системѣ, какъ системѣ, опять таки должно существовать стремленіе къ достиженію состоянія нѣкоторой правильности, періодичности, порядка.

Таковъ всегда характеръ взаимодѣйствія или связи, таковъ всегда характеръ зависимости или принадлежности къ одной системѣ,—это взаимодѣйствіе всегда приводитъ къ нѣкоторой періодичности, правильности, порядку, къ нѣкоторому, такъ сказать, опредѣленному концу, къ нѣкоторому опредѣленному круговороту, къ возвращенію къ пройденной уже точкѣ, съ которой снова повторяется пройденный уже путь. Только независимое, несвязанное дѣйствіе никогда не возвращается къ тому, что имъ уже разъ пройдено, никогда не повторяетъ снова уже разъ промѣреннаго пути. Если символомъ для тѣхъ результатовъ, которые имѣетъ взаимодѣйствіе какихъ-либо элементовъ, можетъ служить движеніе по какой-нибудь замкнутой кривой линіи, напр., по кругу или эллипсису, то символомъ для результатовъ независимаго дѣйствія можетъ служить движеніе какой-нибудь одной массы

по прямой линіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы видимъ, что масса проходитъ на своемъ пути постоянно всё новыя и новыя точки и, чѣмъ болѣе движется, тѣмъ болѣе удаляется отъ точки своего первоначальнаго отправленія. Это—непрерывное движеніе впередъ, которое исключаетъ всякій возвратъ къ какому-нибудь прежнему положенію, всякое повтореніе уже разъ пройденнаго. Въ этомъ смыслѣ для результатовъ независимаго, ничѣмъ не связаннаго дѣйствія нѣтъ опредѣленнаго конца, они какъ бы неисчерпаемы, для нихъ нѣтъ предѣловъ,—только для результатовъ взаимодѣйствія всегда существуетъ извѣстная граница и предѣлъ, только взаимодѣйствіе ведетъ къ круговороту, къ повторенію старыхъ формъ, къ нѣкоторому конечному состоянію абсолютной или приблизительной устойчивости, которое положитъ полный конецъ полученію новыхъ результатовъ, созданію новыхъ формъ. Взаимодѣйствіе стремится какъ бы исчерпать возможныя для него формы обнаруженія,—независимое дѣйствіе, наоборотъ, въ своихъ формахъ обнаруженія неисчерпаемо.

Изъ этого можетъ быть нами сдѣланъ слѣдующій важный выводъ: насколько мы мыслимъ міръ, какъ состоящій изъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ взаимно-связанныхъ между собою элементовъ, между которыми существуетъ взаимодѣйствіе, настолько мы должны представлять себѣ его, какъ стремящагося въ своемъ развитіи къ опредѣленному концу, къ нѣкоторому постоянному состоянію полной устойчивости, достигнувъ котораго онъ перестанетъ измѣняться, а будетъ обнаруживать передъ нами постоянное повтореніе одного и того же круговорота послѣдовательныхъ формъ. Но, насколько мы отвлекаемся отъ этихъ отдѣльныхъ элементовъ, насколько міръ является намъ не какъ система взаимодѣйствующихъ элементовъ, а какъ нераздробимое дѣйствующее цѣлое, настолько мы не имѣемъ никакого права говорить о стремленіи къ какому-нибудь опредѣленному концу, въ смыслѣ достиженія постояннаго состоянія полной устойчивости. Дѣйствующій міръ, какъ и движущееся тѣло, стремится въ своемъ вѣчномъ дѣйствіи постоянно все къ новымъ и новымъ результатамъ и каждое о п р е д ѣ л е н н о е дѣйствіе всего міра

есть только этапный пунктъ, который тотчасъ же минуется и никогда больше не повторяется. Міръ, какъ дѣйствующее цѣлое, если его не раздроблять на взаимно-связанныя части, заключаетъ въ себѣ безконечное разнообразіе формъ дѣйствія, и только взаимодѣйствіе его составныхъ частей имѣетъ ограниченное число формъ обнаруженія, имѣетъ опредѣленную границу, которая для дѣйствующаго міра совершенно не существуетъ. Чтобы это обстоятельство намъ стало яснѣе, мы опять-таки возвратимся къ тому примѣру, который беретъ Петцольдтъ, т.-е. къ примѣру двухъ притягивающихся и одаренныхъ самостоятельнымъ движеніемъ массъ. Эти двѣ массы приходятъ по отношенію другъ къ другу къ нѣкоторому постоянному состоянію движенія, онѣ періодически описываютъ другъ около друга одни и тѣ же эллипсисы, но вся система или, собственно, центръ тяжести ея движется впередъ по нѣкоторой прямой линіи и въ отношеніи къ какому-нибудь тѣлу, принимаемому нами за абсолютно-неподвижное, она будетъ занимать всё новыя и новыя положенія...

Обратимъ вниманіе здѣсь и еще на одно очень важное обстоятельство. Спрашивается, какъ мы должны мыслить себѣ міръ: какъ составляющій съ самаго начала одну систему или же, наоборотъ, какъ состоящій первоначально изъ безконечнаго множества малыхъ системъ, которыя соединяются постепенно все въ большія и большія системы, пока онѣ, наконецъ, не образуютъ ту громадную систему, которую мы называемъ міромъ? Если міръ съ самаго начала составляетъ одну систему, то съ самаго начала имѣетъ мѣсто то, что Петцольдтъ называетъ словомъ „Störung", т.-е. нарушеніе правильности, порядка, періодичности, или, собственно говоря, съ самаго начала имѣетъ мѣсто отсутствіе этой правильности, порядка и періодичности. Развитіе міра въ такомъ случаѣ представляетъ постепенное установленіе этой отсутствующей правильности, періодичности, порядка. Но если это такъ, если міръ испоконъ вѣковъ составляетъ одну систему, если нарушеніе правильности или, собственно, отсутствіе ея дано намъ въ безконечно-отдаленномъ отъ насъ времени,—то непонятно, почему до сихъ поръ еще этотъ

міръ не перешелъ къ правильности и порядку. Если же міръ съ самаго начала не составлялъ одной системы, а распадался на безконечное множество малыхъ системъ, которыя постепенно соединяются все въ большія и большія системы, пока, въ концѣ концовъ, весь міръ не составитъ одной системы,—то тогда намъ становится понятнымъ, почему въ мірѣ до сихъ поръ не существуетъ правильности и порядка, не существуетъ гармоніи; становится понятнымъ частое наблюдаемое нами нарушеніе этой правильности. Но при этомъ возникаетъ невольно другой роковой вопросъ, при этомъ приходится, кромѣ принятія стремленія системъ къ устойчивому состоянію, принять также существованіе стремленія къ образованію системъ, которое вызываетъ соединеніе меньшихъ системъ все въ болѣе и болѣе широкія.

Это предположеніе кажется наиболѣе вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ факта и наиболѣе согласующимся съ человѣческимъ опытомъ,—потому что опытъ постоянно намъ обнаруживаетъ такія нарушенія правильности и порядка, которыя не могли бы имѣть мѣсто, если бы міръ съ самаго начала составлялъ одну систему. Мы тогда имѣли бы только передъ собою постепенное уменьшеніе неправильности и безпорядка, но никогда не могли бы видѣть увеличенія ихъ, которое наступаетъ всегда въ тотъ моментъ, когда данная система образуетъ съ другой системой систему болѣе широкую. Такимъ образомъ, мы должны принять, что, наряду со стремленіемъ системъ къ устойчивому состоянію существуетъ также стремленіе къ образованію системъ, къ соединенію малыхъ системъ все въ болѣе и болѣе широкія, пока, наконецъ, не образуется самая широкая система, которая охватитъ въ себѣ всѣ существованія, пока, наконецъ, весь міръ не станетъ одной системой. Все это показываетъ, что принципъ Фехнера-Петцольдта недостаточенъ и влечетъ за собою признаніе еще другого принципа. Кромѣ принципа стремленія системъ къ устойчивому состоянію, мы должны принять еще принципъ стремленія системъ къ соединенію въ системы все болѣе и болѣе высокаго порядка, принципъ стремленія къ установленію болѣе широкой связи,

более широкаго взаимодѣйствія. Дѣйствіе отдѣльныхъ системъ, отдѣльныхъ элементовъ все въ болѣе расширяющейся степени соединяется между собою и устанавливающееся взаимодѣйствіе отъ противодѣйствія системъ и элементовъ, отъ ихъ конкуренціи переходитъ мало-по-малу къ ихъ содѣйствію другъ другу, къ ихъ гармоническому дѣйствію, къ кооперацій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, всю гипотетическую условность формулы Фехнера-Петцольдта,—она справедлива, но только отчасти, она справедлива именно въ той степени, въ какой мы имѣемъ право говорить о системахъ, о взаимодѣйствіи и связи элементовъ или частей, составляющихъ одно цѣлое, но она не справедлива или, лучше сказать, не полна, насколько, кромѣ системъ, кромѣ взаимодѣйствія, кромѣ связи мы можемъ предполагать еще что-нибудь иное. Но, что существованіе и жизнь не исчерпываются только взаимодѣйствіемъ, что мы имѣемъ передъ собою не только системы—это болѣе чѣмъ ясно... Для того, чтобы было возможно взаимодѣйствіе между какими-либо элементами, необходимо должно существовать отдѣльное независимое дѣйствіе каждаго изъ этихъ элементовъ; для того, чтобы была возможна система, какъ цѣлое, состоящее изъ частей, необходима должна существовать часть, какъ нераздробимое цѣлое. Слѣдовательно, въ какой степени мы говоримъ о „взаимодѣйствіи“ и о „системахъ“, въ такой же степени мы говоримъ и о „дѣйствіи“ и о „частяхъ, какъ нераздробимыхъ цѣлыхъ“. Но, если это такъ, то, очевидно, что недостаточно только формулировать законы взаимодѣйствія, недостаточно только формулировать ходъ развитія системъ, мы должны также формулировать еще и законы независимаго дѣйствія, насколько мы имѣемъ дѣло съ цѣлыми, нераздробимыми на части. Существуютъ не только системы, но и индивидуумы, существуетъ не только взаимодѣйствіе, но и дѣйствіе, существуютъ не только взаимно-связанныя части, но и независимыя цѣлыя — по крайней мѣрѣ, каждая изъ этихъ сторонъ существуетъ настолько, насколько существуетъ другая, и если мы говоримъ объ одной, то мы предполагаемъ другую и должны говорить объ этой другой, если же-

лаемъ быть полными, въ особенности же, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи формулы развитія. Мы здѣсь не разбираемъ вопроса о томъ, насколько вообще законно говорить о системахъ, о связи, о взаимодѣйствіи и т. д., этотъ вопросъ насъ здѣсь не касается,—мы хотимъ здѣсь указать только на то, что если говорится о системахъ, о связи, о взаимодѣйствіи, то эта рѣчь необходимо влечетъ за собою и рѣчь о той другой сторонѣ жизни и существованія, на которую мы указали...

Совершенно естественно, что, имѣя въ виду только взаимодѣйствіе составныхъ элементовъ, какого бы рода они не были, мы можемъ притти къ тому закону, который устанавливаютъ Фехнеръ и Петцольдтъ. Насколько имѣетъ мѣсто взаимодѣйствіе составныхъ элементовъ, настолько мы должны допустить, что это взаимодѣйствіе стремится принять нѣкоторую постоянную правильную форму, что оно стремится къ устраненію всего того, что нарушаетъ эту правильность, стремится къ наибольшей гармоніи этихъ элементовъ. Въ этомъ отношеніи законъ Фехнера и Петцольдта можетъ и долженъ быть вполнѣ допускаемъ. Но за взаимодѣйствіемъ мы не должны упускать изъ виду независимаго дѣйствія, какъ самихъ составныхъ элементовъ, такъ и дѣйствія того цѣлаго, которое слагается изъ этихъ элементовъ. Если взаимодѣйствіе этихъ элементовъ стремится принять нѣкоторую правильную форму, если эти элементы стремятся, такъ сказать, приспособиться другъ къ другу, притти къ нѣкоторому постоянному устойчивому состоянію, къ наибольшей гармоніи, къ наименьшимъ помѣхамъ, то независимое дѣйствіе этихъ составныхъ элементовъ, какъ и дѣйствіе цѣлаго, стремится достигнуть своей наибольшей степени. И такое наибольшее дѣйствіе, освободившееся отъ всѣхъ ненужныхъ преградъ, будетъ также дѣйствіемъ безконечно разнообразнымъ по своимъ результатамъ, потому что оно будетъ ничѣмъ не ограничено, а только ограниченное, только заключенное въ извѣстные предѣлы можетъ быть исчерпано опредѣленнымъ количествомъ повторяющихся формъ,—для активности же, ничѣмъ не ограниченной, существуетъ также и ничѣмъ не ограниченное, безконечно разнообразное число формъ обнаруженія.

То, что съ точки зрѣнія взаимодѣйствія представляется, какъ наибольшая гармонія, наибольшій порядокъ, наибольшая устойчивость, то, съ точки зрѣнія независимаго дѣйствія является, какъ наиболѣе свободное отъ всякихъ препятствій дѣйствіе, какъ наибольшая сумма жизни, активности, какъ наибольшее богатство и разнообразіе формъ обнаруженія этой активности. Гармонія можетъ существовать между элементами всякаго рода, начиная отъ такихъ, дѣйствіе которыхъ очень слабо и мало энергично, и кончая тѣми, которыя обнаруживаютъ высокую и напряженную дѣятельность. Такимъ образомъ, гармонія сама по себѣ еще не составляетъ самаго идеальнаго и желательнаго состоянія— всегда остается при этомъ открытымъ вопросъ, между какими элементами существуетъ эта гармонія, какъ велика степень дѣйствія этихъ элементовъ и какъ велика степень дѣйствія того цѣлаго, которое они составляютъ. Рядомъ съ гармоніей составныхъ частей нашей цѣлью является также наибольшее дѣйствіе этихъ составныхъ частей каждой въ отдѣльности и наибольшее ихъ совокупное дѣйствіе всѣхъ вмѣстѣ.

Въ этомъ смыслѣ мы и не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Петцольдта, который разсматриваетъ, какъ „цѣль въ первой и послѣдней линіи", какъ „главную и конечную цѣль", состояніе относительно наибольшей долговѣчности, состояніе относительно наибольшей устойчивости, относительно наибольшей гармоніи;—такою конечною цѣлью является также наибольшее дѣйствіе, наибольшая активность, наибольшая степень жизненности. Цѣлью является не только какой-либо конечный результатъ достигнутой наибольшей гармоніи, достигнутаго состоянія устойчивости, такою цѣлью является также само дѣйствіе, стремленіе къ его безпредѣльному расширенію, разнообразію и увеличенію его плодотворности. И даже болѣе того, это дѣйствіе, наивозможно болѣе широкое, эта активность, наивозможно болѣе безграничная, эта жизненность, наивозможно болѣе повышенная, и составляютъ, вѣроятно, „первую и послѣднюю конечную цѣль", „главную цѣль", а состояніе наибольшей гармоніи и наибольшей устойчивости получаетъ свое значеніе только въ зависимости отъ этой первой цѣли.

Состояніе наибольшей гармоніи и наибольшей устойчивости есть такое состояніе, при которомъ составные элементы данной системы въ наименьшей степени оказываютъ препятствіе другъ другу въ своей дѣятельности, при которомъ наименьшая доля силъ этой системы идетъ на взаимное парализованіе другъ друга, при которомъ, слѣдовательно, дѣйствіе каждаго изъ этихъ элементовъ достигаетъ наибольшей интенсивности, а дѣйствіе цѣлаго наибольшей степени. Отъ конкурренціи между собою составные элементы переходятъ къ кооперацін; состояніе наибольшей гармоніи именно означаетъ собою состояніе наибольшей кооперацін, наиболѣе плодотворнаго совокупнаго дѣйствія, и гармонія именно цѣнна настолько, насколько она служитъ выраженіемъ кооперацін. Переходъ отъ конкуренцін къ кооперацін составляетъ, какъ кажется, и нашъ высшій нравственный идеалъ и тотъ естественный путь, по которому движется сама природа — повсюду мы видимъ, какъ первоначально раздѣленные и противодѣйствующіе другъ другу элементы соединяются вмѣстѣ и какъ между ними устанавливается все въ большей и большей степени сотрудничество, кооперація. Въ этомъ переходѣ отъ раздѣльности и противоположенія къ соединенію и синтезу, въ этомъ переходѣ отъ конкуренціи и борьбы къ кооперацін и совмѣстному дѣйствію, въ этомъ безпредѣльномъ расширеніи и углубленіи самой сферы кооперацін и заключается сущность развитія. Вообще говоря, слово „кооперація“ мы считаемъ болѣе предпочтительнымъ съ динамической точки зрѣнія, которая всюду открываетъ жизнь и дѣйствіе, чѣмъ слово „гармонія“, такъ какъ слово „кооперація“ болѣе ясно указываетъ на соединеніе *дѣйствующихъ* элементовъ, чѣмъ слово „гармонія“, болѣе обращаетъ наше вниманіе на *самый процессъ достиженія результата*, тогда какъ слово „гармонія“ имѣетъ болѣе въ виду *достигнутый результатъ*.

Оканчивая на этомъ свои критическія замѣчанія по поводу воззрѣній Фехнера и Петцольдта, мы еще разъ повторимъ сказанное нами ранѣе: эти воззрѣнія въ отношеніи вывода формулы развитія представляютъ мало существенно новаго по сравненію съ воззрѣніями Спенсера. Выводъ фор-

мулы и въ томъ и другомъ случаѣ покоится одинаково на основаніи предположеній, заимствованныхъ изъ области внѣшняго опыта. Но тѣмъ не менѣе мы наталкиваемся здѣсь и на нѣчто новое, которое позволяетъ разсматривать намъ воззрѣнія Фехнера и Петцольдта, какъ переходную ступень къ другимъ взглядамъ, болѣе широкимъ.

Между тѣмъ какъ Спенсеръ стоитъ на строго механической точкѣ зрѣнія, послѣдніе названные писатели даютъ у себя мѣсто и телеологическимъ воззрѣніямъ, другими словами, обращаютъ свои взоры и въ сторону внутренняго опыта. Но это еще только бѣглые, мимолетные взоры, а не широкое систематическое пользованіе внутреннимъ опытомъ для цѣлей опредѣленія формулы развитія. Телеологическая точка зрѣнія здѣсь находится еще въ полной зависимости отъ точки зрѣнія причинной связи явленій; примиреніе телеологическаго принципа съ принципомъ причинности, о которомъ говоритъ Фехнеръ, достигается здѣсь путемъ односторонняго подчиненія перваго послѣднему.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ болѣе подробное вниманіе на то, какъ здѣсь осуществляется это примиреніе... Фехнеръ показываетъ намъ, что причинная послѣдовательность, „черезъ посредство законосообразнаго дѣйствія силъ“, необходимо приводитъ къ болѣе или менѣе устойчивымъ состояніямъ. А наиболѣе устойчивое, наиболѣе прочное и долговременное состояніе можетъ быть н а м и разсматриваемо, какъ говоритъ Петцольдтъ, какъ цѣль въ первой и послѣдней инстанціи. Такимъ образомъ, то, что съ точки зрѣнія причинной связи событій представляетъ намъ слѣдствіе, съ другой точки зрѣнія является намъ, какъ цѣль.

Однако, пока мы разсматриваемъ міръ только съ механической точки зрѣнія, пока мы видимъ въ немъ только систему двигающихся матеріальныхъ частицъ, между которыми существуетъ взаимодѣйствіе, до тѣхъ поръ это болѣе устойчивое и болѣе долговременное состояніе, являющееся результатомъ этого взаимодѣйствія, не можетъ быть нами считаемо за цѣль въ объективномъ смыслѣ. Если оно и можетъ быть разсматриваемо, какъ цѣль, то только въ субъективномъ смыслѣ, т.-е., другими словами, эта цѣль не есть цѣль

объективно существующая внѣ насъ, какъ цѣль, такъ какъ послѣднее предполагало бы, что міръ есть не только механическая система, но что подъ механизмомъ скрываются дѣятельныя психическія силы;—какъ цѣль, состояніе устойчивости въ данномъ случаѣ можетъ быть разсматриваемо нами только съ субъективно-телеологической точки зрѣнія. Сознаніе этого обстоятельства мы ясно видимъ у Фехнера, когда онъ утверждаетъ, что нельзя въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова говорить вообще о цѣлесообразности, „не принимая во вниманіе психическую сторону существованія“ [1]), при чемъ онъ предполагаетъ, „что физическая тенденція къ устойчивости является носительницей психической тенденціи къ достиженію и сохраненію именно тѣхъ состояній, къ которымъ приводитъ первая“ [2]), короче говоря, что „причинной послѣдовательности событій присущъ (имманентенъ) подобный телеологическій принципъ, что психическая и физическая тенденціи направляются къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ“ [3]). Слѣдовало бы ожидать, что Фехнеръ въ такой же степени подробно, какъ онъ это дѣлаетъ относительно движеній матеріальныхъ частицъ какой-нибудь системы, покажетъ намъ и относительно психическихъ процессовъ, что тамъ господствуетъ аналогичный принципъ стремленія къ устойчивости, но ожиданія наши оказываются напрасными. Мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи только небольшое указаніе въ добавленіи къ 11-ой главѣ, гдѣ говорится о томъ, что „насколько сознательныя побужденія стоятъ всегда въ соотношеніи съ удовольствіемъ или неудовольствіемъ, мы можемъ также удовольствіе и неудовольствіе представлять себѣ въ психофизической связи съ отношеніями устойчивости или неустойчивости“ [4]).

Такимъ образомъ, формула развитія, которую выводитъ Фехнеръ, оказывается все таки почти цѣликомъ основанной на предположеніяхъ, заимствованныхъ изъ области внѣшняго

[1]) J. Fechner. Einige Ideen zur Schöpfungs und Entwickelungsgeschichte der Organismen. Стр. 92.

[2]) Тамъ же, стр. 93.

[3]) Тамъ же, стр. 93.

[4]) Тамъ же, стр. 94.

опыта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь уже существуетъ сознаніе о томъ значеніи, которое имѣетъ для опредѣленія формулы развитія опытъ внутренній.—Точно также и Петцольдтъ, напр., говоря о „принципѣ наименьшей траты силы“, установленномъ Авенаріусомъ, и который стоитъ въ тѣсной связи съ принципомъ Фехнера, замѣчаетъ, что „съ точки зрѣнія чистой механики и вмѣстѣ съ этимъ, слѣдовательно, также съ точки зрѣнія чистой психофизики не существуетъ никакой большей или меньшей величины дѣйствія. Всѣ дѣйствія обнаруживаютъ общую сумму израсходованной силы и имѣютъ, объективно разсматриваемыя, совершенно равное значеніе. Только субъективно-телеологическое сужденіе раздѣляетъ ихъ на цѣлесообразныя и нецѣлесообразныя, на большія и меньшія, смотря по тому, способствуютъ ли они болѣе или менѣе какому-нибудь долговременному состоянію“ [1]). А вѣдь это и значитъ не что иное, какъ то, что нужно стать на точку зрѣнія живого конкретнаго сознанія. Вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ насъ разсматривать воззрѣнія Фехнера и Петцольдта, какъ переходную ступень къ другимъ воззрѣніямъ болѣе широкимъ, къ воззрѣніямъ, гдѣ внутренній опытъ получаетъ значеніе въ полномъ своемъ объемѣ. Наиболѣе выдающимися въ этомъ отношеніи являются взгляды Фулье и Вундта [2]), на воззрѣніяхъ перваго изъ которыхъ мы и остановимся, прежде чѣмъ перейти къ окончательнымъ заключеніямъ относительно формулы развитія.

III.

Теорія эволюціи идей-силъ Альфреда Фулье.

Если Спенсеръ и вообще мыслители, стоящіе на естественно-научной точкѣ зрѣнія, пытаются отъ низшихъ формъ

---

[1]) J. Petzoldt. Zu Rich. Avenarius' Prinzip des kleinsten Kraftmasses и т. д., стр. 194.

[2]) Если мы не останавливаемся здѣсь на воззрѣніяхъ Вундта, то потому, что въ нашу цѣль не входило дать полный историческій очеркъ различныхъ взглядовъ на идею эволюціи и, кромѣ того, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣемъ часто случай цитировать названнаго нами мыслителя.

жизни и существованія заключать по отношенію къ высшимъ, то здѣсь, наоборотъ, мы встрѣчаемся съ попыткой обратныхъ заключеній отъ высшихъ формъ жизни и существованія къ низшимъ; если, напр., для Спенсера общество является не чѣмъ инымъ, какъ организмомъ, хотя и своеобразнаго рода, то Фулье пытается взглянуть на самый организмъ, какъ на общество. Я здѣсь остановлюсь нѣсколько подробнѣе на этой любопытной попыткѣ истолковать жизнь и развитіе, пользуясь психологическими и соціологическими индукціями. Несмотря на весь ихъ проблематическій характеръ, онѣ очень поучительны и указываютъ намъ все-таки на тотъ путь, на которомъ когда-нибудь психологія и соціологія, достигнувъ большей научной разработанности, безъ сомнѣнія, будутъ работать и окажутся плодотворными не только въ смыслѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ метафизическаго характера, но и въ смыслѣ болѣе твердыхъ положительныхъ научныхъ результатовъ. Онѣ, во всякомъ случаѣ, указываютъ на тѣ дополненія, которыхъ ожидаетъ формула развитія для того, чтобы стать дѣйствительно полной формулой развитія, примѣнимой къ міру во всемъ его цѣломъ, для того, чтобы дѣйствительно стать тѣмъ самымъ широкимъ обобщеніемъ, полученіе котораго составляетъ высшую задачу философіи.

„Если", говоритъ Фулье, „съ логической точки зрѣнія міръ есть детерминизмъ, а съ физической точки зрѣнія— механизмъ, то все заставляетъ насъ предполагать, что физіологически онъ есть организмъ, а психологически совокупность чувствованій, мыслей, активныхъ силъ, между которыми существуетъ обмѣнъ и симпатія, какъ между клѣточками организованнаго существа. Это, по крайней мѣрѣ, гипотеза относительно природы вселенной, которая является намъ наиболѣе вѣроятной, потому что она одновременно и наиболѣе проста и наиболѣе богата по своимъ послѣдствіямъ" [1]). Но недостаточно только назвать міръ обширнымъ организмомъ, можно догадываться еще, „что это организмъ соціальный или стремящійся стать соціальнымъ; дру-

---

[1]) A. Fouillée. La science sociale contemporaine. Стр. 412.

гими словами, соціальное состояніе есть цѣль, къ которой міръ, какъ кажется, стремится естественно и которая не налагается на него извнѣ". Но какъ мы должны представлять себѣ принципъ вселенной? „Какъ силу организаціи и ассоціаціи, присущую (имманентную) всѣмъ существамъ подъ двойной формой внѣшняго движенія и внутренняго чувствованія. Человѣческое имя для этой силы, когда она становится сознательной, есть воля. Но ничто не уполномочиваетъ насъ думать, чтобы ясное сознаніе и обдуманная воля были въ началѣ вещей. Допускать это, значитъ переходить отъ вселенной къ сверхчувственному (трансцендентному) принципу. Соціологическія индукціи допускаютъ аналогію міра только съ организмомъ, сначала безсознательнымъ, а потомъ все болѣе и болѣе сознательнымъ, чувствующимъ и хотящимъ" [1]). По мнѣнію Фулье, въ общей теоріи міра можно различать три степени организаціи: первую—это, гдѣ воли, еще вполнѣ эгоистическія, дѣйствуютъ каждая для самой себя, какъ если бы другихъ и не существовало: это—минералъ; вторую, гдѣ воли начинаютъ себя взаимно чувствовать и соединяться другъ съ другомъ, но посредствомъ симпатіи еще вполнѣ механической: это—растеніе и животное; и третью, наконецъ, гдѣ воли, ставшія разумными и начавшія господствовать надъ собою, познаютъ себя взаимно и соединяются посредствомъ высшей связи, посредствомъ добровольнаго соглашенія или договора: это—человѣческое общество... [2]). Жизнь, по мнѣнію Фулье, находится повсюду, вмѣстѣ съ волею на различныхъ ступеняхъ. „Для того, кто допускаетъ науку,—жизнь не можетъ быть метафизически отлична отъ того, что называютъ съ большею или меньшею соотвѣтственностью матеріею, которая, безъ сомнѣнія, представляетъ не что иное, какъ совокупность силъ или воль: все живетъ, все организовано, все является одновременно во вселенной и индивидуумомъ и обществомъ"... [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 414, 415.

[2]) Тамъ же, стр. 124.

[3]) Тамъ же, стр. 127.

Какъ бы ни были проблематичны эти соображенія, онп тѣмъ не менѣе представляются дѣйствительно наиболѣе согласными съ современнымъ уровнемъ знаній, наиболѣе богатыми по своимъ послѣдствіямъ и наиболѣе простыми, и мы можемъ считать ихъ очень цѣнными въ томъ отношеніи, что они служатъ намъ какъ бы указаніемъ, въ какомъ направленіи формула развитія Спенсера должна ожидать своего расширенія и дополненія. Они указываютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ на путь, на которомъ слѣдуетъ работать всѣмъ, кто занятъ разработкой этого высшаго обобщенія философіи, т.-е. нахожденіемъ закона эволюціи.

Болѣе подробному обсужденію указаннаго вопроса Фулье посвятилъ въ началѣ 90-хъ годовъ даже цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ „L'évolutionnisme des idées-forces". Доктрина „идей-силъ", какъ называетъ Фулье въ этой книгѣ свою систему, признаетъ эволюцію, въ которой главными основными двигателями являются факторы психическаго порядка, а не исключительно только механическаго рода. По совершенно справедливому замѣчанію Фулье, теорія, признающая исключительно механическую эволюцію, есть не что иное, какъ „метафизика", которая субстанціализируетъ (substantifie), гипостазируетъ часть нашего опыта, могущую быть сведенной къ механикѣ, и которая, такимъ образомъ, дѣлаетъ изъ этой части самодостаточное цѣлое (un tout se suffisant à lui-même), какъ бы нѣкоторый родъ абсолютной реальности". [1]). Такова теорія Спенсера, которая принимаетъ за основной законъ (loi primordiale) эволюцію, понимаемую механически, по поводу чего Фулье замѣчаетъ, что „механическая эволюція и даже вообще эволюція не есть въ истинномъ смыслѣ слова законъ: она представляетъ результатъ законовъ, въ объясненіи котораго именно и заключается все дѣло. Историческіе факты XIX вѣка не потому имѣютъ мѣсто, что міръ развивается, переходитъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному; но міръ развивается потому, что среди элементовъ реальности существуютъ такіе, кото-

[1]) A. Fouillée. L'évolutionnisme des idées-forces, стр. LIX.

рые приводятъ ко взаимности всеобщаго дѣйствія, къ переходу отъ однороднаго къ разнородному... Спенсеръ принимаетъ послѣдствіе за принципъ, результатъ скрещенія законовъ за основной законъ". [1]).

Механическіе законы, общимъ результатомъ которыхъ является эволюція, сами уже, по мнѣнію Фулье, представляютъ не что иное, какъ результатъ: „они не являются истинными основными законами природы, но уже сложными и внѣшними продуктами законовъ болѣе основныхъ" [2]). Часто создаютъ миѳологію и даже теологію въ самихъ механическихъ объясненіяхъ міра, разсматривая механизмъ, какъ какую-то необходимость, налагаемую на вещи извнѣ, и предполагая, что механизмъ внѣшней природы составляетъ какъ бы нѣкоторымъ образомъ предварительное условіе (pré-condition) самихъ вещей. „Механизмъ же, напротивъ, есть не что иное, какъ выраженіе ихъ собственной активности въ ея отношеніи со средою, послѣдствіе ихъ внутреннихъ и постоянныхъ качествъ, точно такъ же, какъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Однимъ словомъ, онъ не есть причина, но—слѣдствіе, онъ не есть деміургъ, но—форма порожденнаго космоса".

„Механическая эволюція предполагаетъ, такимъ образомъ, эволюцію внутреннюю, а эта послѣдняя предполагаетъ законы еще болѣе основные, сплетеніемъ (complexus) которыхъ она является". Существа, по мнѣнію Фулье, развиваются потому, что они обладаютъ такими-то способами дѣйствовать и претерпѣвать дѣйствіе, такими то элементарными стремленіями (appétitions) и такими-то элементарными ощущеніями. Реальный процессъ (le processus réel) природы, который приводитъ къ паденію тѣла, вполнѣ отличенъ отъ того, что мы называемъ физическимъ закономъ паденія тѣлъ; природа не знаетъ этого закона, ни даже, вѣроятно, никакого закона, такъ какъ всякій законъ является только умственной формулой и символомъ [3]). Такимъ образомъ, эволюція не есть законъ, предшествующій

1) Тамъ же, стр. LI, LII.
2) Тамъ же, стр. LII.
3) Тамъ же, стр. LII, LIII.

самимъ факторамъ этой эволюціи и управляющій ими, подобно какому-нибудь кодексу; она есть только форма и обнаруженіе психическаго процесса, который Фулье обозначаетъ трудно переводимымъ на русскій языкъ терминомъ „processus appétitif“ (внутреннее стремленіе) и который, по его мнѣнію, составляетъ „внутреннее существованіе въ насъ и, по всей вѣроятности, во всѣхъ вещахъ“ [1]).

Такова доктрина эволюціи, въ которой основными двигателями являются факторы психическаго порядка („ощущенія-силы“, „идеи-силы“, „воли-силы“) и которая, по мнѣнію Фулье, должна замѣнить собою доктрину механической эволюціи. Безъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, между вещами существуютъ нѣкоторыя отношенія, которыя могутъ быть опредѣлены вполнѣ и исключительно посредствомъ математики и механики; таковы, напр., отношенія массъ, скоростей, направленій и т. д.; можно даже сказать, что въ этой области, это—механизмъ, который служитъ для *опредѣленія* вещей и который ихъ *обусловливаетъ*. Но во вселенной, какъ очевидно, существуютъ также и отношенія, которыя только *отчасти* могутъ быть опредѣлены посредствомъ математики и механики; отношенія численныя, геометрическія и механическія не могутъ служить для того, чтобы опредѣлить полнымъ, совершеннымъ образомъ ощущеніе чувствованіе, идею. Въ области духовной существуютъ явленія качества, отношенія, которыя не могутъ вполнѣ быть сведены къ числамъ, къ геометрическимъ фигурамъ и къ движеніямъ; здѣсь механизмъ не служитъ для опредѣленія всего, но здѣсь же онъ и *не обусловливаетъ* всего.

Предполагать, что существуютъ вещи, которыя могутъ быть опредѣлены только психически и которыя, однако, не обусловлены никакимъ психическимъ факторомъ, предполагать всю дѣйствительность въ данномъ случаѣ на сторонѣ математическихъ и механическихъ отношеній и считать духовное только простымъ отраженіемъ ихъ, это значитъ, по мнѣнію Фулье, дѣлать метафизическое утвержденіе, значительно превосходящее нашъ опытъ и, сверхъ того, про-

---

[1]) Тамъ же, стр. LIII.

тивное всѣмъ разумнымъ вѣроятностямъ. Мысль не можетъ возникнуть изъ движенія какъ изъ такового; необходимо допустить въ реальномъ субстратѣ движенія нѣчто такое, что, кромѣ самого движенія, заключаетъ въ себѣ зародышъ мысли, чувствованія, воли, однимъ словомъ, психической жизни. „Не утверждайте поэтому, что движеніе само по себѣ объясняетъ и обусловливаетъ все“...

Изъ реальности, сведенной къ движенію и столкновенію атомовъ между собою, „не можетъ выйти вся природа такою, какою мы ее познаёмъ, съ ея активностью, съ ея жизнью и мыслью“. Какъ изъ геометріи двухъ измѣреній не можетъ быть выведена геометрія тѣлъ, потому что третье измѣреніе не содержится въ двухъ другихъ, такъ и философія природы для того, чтобы объяснить міръ психической жизни, должна обращаться къ новымъ даннымъ, чѣмъ данныя простой механики. Механизмъ для нашего опыта составляетъ ту сторону или часть феноменовъ, которая можетъ быть нами представлена, потому что онъ составляетъ условіе представленія численнаго, пространственнаго и во времени, слѣдовательно, вообще условіе пониманія; „но механизмъ, вслѣдствіе этого, не есть еще конечная реальность: онъ есть только ея общее обнаруженіе въ порядкѣ количества, пространства и времени. Единая система реальныхъ вещей, различныхъ между собою по к а ч е с т в у, а не только по к о л и ч е с т в у (число, пространство, время), даетъ мѣсто, въ силу своихъ дѣйствій и взаимодѣйствій (actions et réactions réciproques), не только міру механическому, но также и міру сознанія, въ которомъ одномъ, въ концѣ концовъ, з а к о н ы самого механизма получаютъ свое признаніе, сознаются и формулируются именно какъ законы“ [1]).

Эта важная перемѣна точки зрѣнія на самую природу и характеръ эволюціи влечетъ за собою не менѣе глубокое измѣненіе взглядовъ и на конечный предѣлъ ея. Между тѣмъ, какъ съ механической точки зрѣнія всеобщій детерминизмъ имѣетъ безусловный и абсолютный характеръ, между тѣмъ какъ доктрина механической эволюціи обосновываетъ всю

[1]) Тамъ же, стр. LVIII, LIX.

реальность на принципѣ сохраненія силы,—теорія психической эволюціи приписываетъ детерминизму только относительный характеръ, разсматриваетъ этотъ всеобщій детерминизмъ, какъ слѣдствіе, а не какъ принципъ, и не воздвигаетъ уже болѣе детерминизмъ, извѣстный намъ, въ абсолютную мѣрку реальности. Когда мы мыслимъ о нашей сознательной, добровольной активности, которая по природѣ своей субъективна, то мы ее объективируемъ искусственнымъ образомъ и представляемъ себѣ, какъ опредѣленную вполнѣ посредствомъ законовъ иныхъ, чѣмъ она сама, и въ которыхъ она не имѣетъ никакого участія... „Но", говоритъ Фулье, „въ дѣйствительности не законъ создаетъ дѣйствіе, а дѣйствіе способствуетъ созданію закона и находитъ свое выраженіе въ немъ". Законъ есть только объективное представленіе активности, сама же по себѣ активность не является рабой закона; „законъ есть, гораздо скорѣе, ея граница, такъ сказать, точка встрѣчи ея съ другими активностями. Однимъ словомъ, внѣшній детерминизмъ вполнѣ соотносителенъ съ внутреннею природою нѣкоторой опредѣленной активности или совокупности ихъ. Нельзя исчерпать вполнѣ причинную способность (la puissance causale) однимъ голымъ механизмомъ, такъ какъ изъ этой самой причинности возникла мысль и воля... нельзя даже заключить ее вполнѣ въ границы нашей мысли и нашего познанія. Это понятіе о причинности, способной доставить болѣе, чѣмъ сознаетъ наша мысль, сообщаетъ преходящій характеръ всѣмъ наличнымъ (actuelles) формамъ детерминизма вмѣсто того, чтобы воздвигать ихъ въ нѣчто окончательное и не могущее быть перейденнымъ. Настоящій міръ представляетъ не что иное, какъ только частное и преходящее обнаруженіе причинности, и мы не можемъ измѣрять всю причинность нашимъ настоящимъ опытомъ. Такимъ образомъ, философія идей-силъ дѣлаетъ детерминизмъ не только болѣе податливымъ и болѣе интеллектуальнымъ, но она измѣняетъ его въ возможный прогрессъ и, быть можетъ, безконечный въ отношеніи духовномъ" [1]). Эволюція духов-

[1]) Тамъ же, стр. LXXX, LXXXI.

ной жизни въ мірѣ не имѣетъ предѣла, который ей можно было бы напередъ предначертать, потому что ставить границы этой эволюціи, „это значило бы дѣлать изъ нашего настоящаго духовнаго состоянія абсолютную мѣрку для того, что возможно въ будущемъ въ области духовной“ [1]).

Недостатокъ эволюціонной теоріи въ томъ видѣ, какъ ее излагаетъ Спенсеръ, заключается, по мнѣнію Фулье, въ томъ, „что онъ не различаетъ механическую эквивалентность силъ и духовный прогрессъ“ [2]). Основными тезисами внѣшняго детерминизма, на почвѣ котораго построена механическая эволюціонная теорія, являются формулы логическаго тожества и механической эквивалентности. Посмотримъ же, чѣмъ становятся эти формулы съ точки зрѣнія детерминизма динамическаго и психическаго.

Если мы становимся на почву конкретныхъ фактовъ сознанія, то мы открываемъ, что въ нашемъ живомъ сознаніи наряду съ тожественнымъ всегда существуетъ перемѣна и прогрессъ. „Можно ли отрицать, что различнымъ ступенямъ физической эволюціи соотвѣтствуютъ въ эволюціи духовной или новыя чувствованія, или новыя идеи, или новыя хотѣнія? Механическое, математическое и логическое тожество, такимъ образомъ, совмѣстимо реально съ непрерывною новизною въ сферѣ духовной... Новое ощущеніе въ моемъ сознаніи представляетъ вещь, которую нельзя объявить тожественной другимъ ощущеніямъ.... Если здѣсь не существуетъ никакого творчества въ плоскости механическихъ отношеній, точно такъ же какъ и никакого уничтоженія, то, во всякомъ случаѣ, здѣсь существуетъ духовное или нравственное обновленіе“ [3]). Безъ сомнѣнія, мы здѣсь имѣемъ творчество новой ф о р м ы, а не с у щ е с т в о в а н і я, въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это метафизики; „но если эта форма есть удовольствіе, которое не существовало передъ этимъ, радость, счастье, и счастье болѣе или менѣе прочное, не есть ли это уже вещь достаточно реальная, хотя бы вы и называли ее формою?.. Во всякомъ слу-

---

[1]) Тамъ же, стр. LXXXIV.

[2]) Тамъ же, стр. LXXXV.

[3]) A. F o u i l l é e. La liberté et le déterminisme, стр. 189.

чаѣ, она болѣе реальна, чѣмъ логическія, математическія или механическія формы. Только что я страдалъ или находился въ безразличномъ состояніи, теперь я наслаждаюсь: оба состоянія могутъ быть эквивалентны... для механики; но будетъ ли кто-нибудь утверждать, что они эквивалентны для меня и для моего сознанія?... И если, предположимъ, эта радость была первая, которую живое существо испытало раздѣльнымъ образомъ, не замѣтитъ ли оно въ старой вселенной появленіе блага, которое, само по себѣ, будетъ какъ бы новой вселенной?.. Точно также новая мысль въ сознаніи не есть ли новый міръ даже тогда, когда на вѣсахъ физической природы она не производитъ ни малѣйшаго колебанія, ни малѣйшаго нарушенія вѣчнаго равновѣсія вѣсовыхъ чашекъ?... И если вы предположите, что въ сознаніи могутъ возникнуть эти великіе новые факты, чувствованіе и мысль, — быть можетъ, черезъ ихъ посредство возникнетъ новый фактъ еще болѣе высокаго порядка, міръ еще болѣе прекрасный и лучшій, прогрессивная реализація идеальной свободы“ [1]).

Въ итогѣ, если мы становимся на точку зрѣнія живого конкретнаго сознанія, то это сознаніе видитъ себя измѣняющимся въ то же время, какъ и тожественнымъ, и выраженіемъ реальности для него является не постоянство (permanence), но эволюція. Реальность для этого живого сознанія то, чѣмъ является само сознаніе: сознаніе же есть эволюція, есть прогрессъ. „Такимъ образомъ, необходимо, чтобы тожество механическихъ законовъ оставляло мѣсто для чего-либо новаго въ эстетической области чувствованій, въ интеллектуальной области идей, въ нравственной и соціальной области хотѣній. Это новое будетъ на самомъ дѣлѣ представлять эквивалентность только въ механическомъ порядкѣ; въ ряду состояній сознанія оно можетъ быть прибавкой (prévalence) или выигрышемъ. Мы можемъ желать свести новое вполнѣ на старое, тѣмъ не менѣе новое остается неотрицаемымъ фактомъ для сознанія и въ сознаніи; новое же предполагаетъ нѣкоторое плодородіе, способное къ правиль-

---

[1]) Тамъ же, стр. 189, 190.

ной перемѣнѣ, къ эволюціи, которая можетъ стать прогрессомъ“ [1]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что „физическая эквивалентность внѣшнихъ движеній можетъ быть согласована съ внутреннимъ прогрессомъ воли къ формамъ все болѣе и болѣе высокимъ, которыя не могутъ быть извлечены аналитически изъ опредѣленія ихъ причинъ и которыя не являются въ полной психической эквивалентности съ послѣдними“ [2]). Если „природа всегда повторяется механически“, то она всегда измѣняется духовно [3]). Это все и обусловливаетъ то обстоятельство, почему нельзя опредѣлить напередъ границы для духовной эволюціи. Что касается будущаго, то въ отношеніи къ нему всегда существуетъ нѣкоторый характеръ неопредѣленности, сравнительно съ извѣстнымъ намъ настоящимъ. „Эта неопредѣленность (indètermination) дѣлаетъ возможнымъ въ мірѣ духовный и нравственный прогрессъ, которому никто не можетъ напередъ заказать итти далѣе... Духовная способность совершенствованія всегда будетъ являться безпредѣльной, если не подъ одной формой, то, по крайней мѣрѣ, подъ другой; для насъ невозможно ограничить плодотворность духовной вселенной, міра идей“ [4]).

IV.

Значеніе внутренняго опыта въ области познанія.

Таковы мысли, которыя Фулье развиваетъ главнымъ образомъ въ своемъ сочиненіи „L'évolutionnisme des idées-forces“. Въ противоположность тому, какъ это мы видѣли у Спенсера, Фехнера и Петцольдта, которые при опредѣленіи формулы развитія выходили изъ области матеріи и движенія, изъ области механическихъ отношеній, мы встрѣчаемся здѣсь съ обратною попыткою опредѣлить эту формулу, вы-

1) Тамъ же, стр. 190.
2) A. Fouillée. L'évolutionnisme des idées-forces, стр. LXXXV.
3) Тамъ же, стр. LXXXVI.
4) Тамъ же, стр. LXXXVIII.

ходя изъ области живого конкретнаго сознанія, изъ сферы реальной психической жизни. И такъ какъ въ области сознанія мы не встрѣчаемъ „вещей“, но „процессы“, такъ какъ само сознаніе, по существу своему, есть процессъ, а не какая-либо опредѣленная вещь, то отсюда становится понятнымъ, что здѣсь мы имѣемъ ту именно точку зрѣнія, съ которой можно гораздо скорѣе подойти къ достиженію цѣли, составляющей высшую задачу философіи, а именно къ созданію „теоріи жизни“, а не только „теоріи вещей“, къ которой неизбѣжно приводитъ механическая и субстанціальная точка зрѣнія. Здѣсь мы можемъ надѣяться гораздо скорѣе опредѣлить правильно формулу развитія жизни, чѣмъ становясь исключительно на почву механическихъ отношеній и имѣя въ виду главнымъ образомъ „опредѣленныя вещи“, опредѣленные достигнутые или имѣющіе быть достигнутыми „результаты“, а не самые процессы достиженія этихъ результатовъ.

Кромѣ того, становясь на динамическую точку зрѣнія живого конкретнаго сознанія, непосредственнаго внутренняго опыта, мы можемъ также избѣгнуть того недостатка, на который мы натолкнулись при критикѣ воззрѣній Фехнера и Петцольдта. Мы видѣли, какъ тамъ за взаимодѣйствіемъ элементовъ или, другими словами, за ихъ дѣйствіемъ другъ на друга, упускалось почти совершенно изъ виду ихъ самостоятельное дѣйствіе, какъ за системами совершенно скрывались индивидуумы, какъ за всеобщимъ и универсальнымъ совершенно ускользало отъ взора особенное и индивидуальное. И это вполнѣ понятно, потому что на почвѣ внѣшняго опыта, съ механической и субстанціальной точки зрѣнія, намъ открывается только одна внѣшняя сторона жизни, только одни отношенія и ускользаютъ тѣ термины, между которыми эти отношенія имѣютъ мѣсто. Хотя человѣческое мышленіе, при логической обработкѣ данныхъ внѣшняго опыта, и вынуждено предположить существованіе этихъ терминовъ, оно, однако, оставаясь на почвѣ внѣшняго опыта, ничего не можетъ сказать о ихъ природѣ, кромѣ только того, что эти термины существуютъ. Наша мысль открываетъ и способна открывать

только одно универсальное и всеобщее, только одно взаимодѣйствіе и общіе законы его,—„индивидуальное“ и „особенное“ ускользаетъ отъ нашего мышленія, не доступно для отвлеченной, абстрактной логики,—оно дано намъ только въ непосредственномъ воспріятіи, въ непосредственномъ возрѣніи. Никакая логика и никакое мышленіе не могутъ постигнуть „реальнаго процесса жизни“, не могутъ понять „дѣйствія“, не могутъ уразумѣть „индивидуальнаго“.

Такимъ образомъ, „реальный процессъ жизни“, „дѣйствіе“ и „индивидуальное“ составляютъ границы для нашего мышленія, для нашей логики, перешагнуть которыя они не въ состояніи и объяснить которыхъ они не могутъ. „Реальный процессъ жизни“, „дѣйствіе“ и „индивидуальное“ могутъ быть нами только непосредственно пережиты, но не могутъ быть намъ доступны въ мышленіи, отъ котораго они совершенно ускользаютъ. Все это составляетъ послѣдніе факты, передъ которыми мышленіе должно остановиться и которые оно должно принять, потому что эти факты намъ открываетъ непосредственно наше сознаніе, открываетъ непосредственно нашъ внутренній опытъ. Понятно, что мы должны, слѣдовательно, принять эти факты, какъ факты, и что никакой рѣчи болѣе объ нихъ самихъ по себѣ быть не можетъ, такъ какъ каждый въ данномъ случаѣ предоставленъ на собственный внутренній опытъ, который совершенно не можетъ быть нами формулированъ исчерпывающимъ образомъ въ данныхъ внѣшняго опыта, не можетъ получить свое выраженіе въ какой-нибудь мысли или логической формулѣ, кромѣ символическаго. Но не объ этомъ у насъ идетъ рѣчь, когда мы говоримъ о необходимости обратиться къ внутреннему опыту, и мы нисколько не обольщаемъ себя надеждой понять на почвѣ этого опыта тѣ послѣдніе факты, на которые мы только что указали. Эти послѣдніе факты такъ и останутся послѣдними, этотъ внутренній опытъ такъ и останется внутри насъ или получитъ только символическое выраженіе въ данныхъ внѣшняго опыта, а „реальный процессъ жизни“, „дѣйствіе“ и „индивидуальное“ могутъ быть нами только непосредственно пережиты, но не поняты въ томъ смыслѣ, какъ берется это слово.

„Въ такомъ случаѣ", могъ бы сказать намъ читатель на это, „къ чему же вы обращаете наше вниманіе на внутренній опытъ? Спенсеръ, Фехнеръ и Петцольдтъ поступаютъ вполнѣ законно, если имѣютъ въ виду главнымъ образомъ только внѣшній опытъ, если они говорятъ о всеобщемъ и универсальномъ, о взаимодѣйствіи и системахъ и совершенно не касаются природы дѣйствія и индивидуальнаго, частнаго и особеннаго. Вѣдь они говорятъ съ нами, какъ съ разумными и мыслящими существами, — но насколько мы мыслимъ, настолько намъ доступенъ одинъ только механизмъ, одно только всеобщее, одно только взаимодѣйствіе, одни только отношенія, но не реальный процессъ жизни, не индивидуальное, не термины самихъ отношеній. Механическое и субстанціальное міровоззрѣніе вытекаетъ, такимъ образомъ, изъ самой природы мышленія"...

На это мы отвѣтимъ слѣдующее: прекрасно, пускай для нашей мысли доступно только одно относительное, только одно всеобщее, только взаимодѣйствіе, а недоступно абсолютное, недоступно индивидуальное, недоступно дѣйствіе, и допустимъ, что насколько мы мыслимъ, насколько мы стоимъ на почвѣ науки, настолько о нихъ не можетъ быть и рѣчи. Но Спенсеръ, Фехнеръ и Петцольдтъ упускаютъ при этомъ изъ виду одно, что если наша мысль можетъ постигать только отношенія между опредѣленными терминами, при чемъ самые термины отъ нея ускользаютъ, то почему же она не можетъ сдѣлать своимъ предметомъ не только отношеніе какихъ-нибудь опредѣленныхъ терминовъ между собою, но *отношеніе* самихъ этихъ терминовъ къ своимъ отношеніямъ, почему же эта мысль не можетъ сдѣлать своимъ предметомъ отношеніе универсальнаго и всеобщаго къ индивидуальному и особенному, отношеніе системъ къ индивидуумамъ, отношеніе взаимодѣйствія и дѣйствія. И для того, чтобы это сдѣлать, такъ какъ рѣчь идетъ объ *отношеніи* внѣшняго опыта къ опыту внутреннему, которое, какъ отношеніе, можетъ, конечно, быть объектомъ нашего мышленія, — намъ, очевидно, нельзя ограничиться сферой одного только внѣшняго опыта, а придется притянуть къ дѣлу и опытъ внутренній. Если опытъ внутренній, *какъ*

таковой, не можетъ получить форму мысли, не можетъ облечься въ логическія формулы, то этого отнюдь нельзя сказать объ отношеніи внутренняго опыта къ опыту внѣшнему, которое можетъ быть предметомъ интеллектуальной дѣятельности; если реальный процессъ жизни въ своемъ внутреннемъ содержаніи ускользаетъ отъ нашего мышленія и намъ доступны въ мысленномъ отношеніи только однѣ внѣшнія формы обнаруженія этого реальнаго содержанія, то въ то же самое время для нашего мышленія доступно также отношеніе этого реальнаго процесса жизни къ самимъ внѣшнимъ формамъ своего обнаруженія. Только въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ о необходимости обращенія къ внутреннему опыту, только въ этомъ смыслѣ внутренній опытъ и можетъ имѣть значеніе для человѣческаго мышленія и науки, и можетъ войти, какъ опредѣляющій факторъ, въ разрѣшеніе поставленной нами себѣ задачи, заключающейся въ нахожденіи формулы всеобщаго процесса развитія жизни. И не только можетъ войти, какъ опредѣляющій факторъ, но даже какъ факторъ наиболѣе важный и наиболѣе существенный, потому что внутренній опытъ является наиболѣе примитивнымъ и наиболѣе основнымъ, наиболѣе достовѣрнымъ и наименѣе гипотетическимъ.

Въ рецензіи на книгу Авенаріуса „Критика чистаго опыта“ Петцольдтъ задается вопросомъ: „что составляетъ въ настоящее время исходный пунктъ нашего философскаго мышленія?“ „Что имѣетъ значеніе непосредственно-даннаго? Что господствуетъ, какъ основное воззрѣніе, насколько въ демократической наукѣ нашего времени можетъ быть вообще рѣчь о господствѣ?“ [1])

И вотъ какимъ образомъ онъ характеризуетъ это основное воззрѣніе. „Послѣднимъ и непосредственно-даннымъ являются комплексы ощущеній и представленій. Обо всемъ другомъ мы умозаключаемъ“. То, что мы еще принимаемъ существующимъ, имѣетъ условный характеръ. Изъ ощущеній и представленій первыя — объективны,

---

[1]) Kritik der reinen Erfahrung von R. Avenarius angezeigt von Dr. Ioseph Petzoldt. Dresden, 1889.

послѣднія—субъективны, тѣ представляютъ первоначально данное, эти являются намъ, какъ „понятія", „законы природы", „теоріи" и т. д. и суть не болѣе, какъ только обработка первыхъ со сторо ны интеллекта· Во всякомъ случаѣ, они представляютъ добавки къ тѣмъ голымъ фактамъ опыта, которые намъ даются ощущеніями, „большей самостоятельности имъ не принадлежитъ: безъ ощущеній они вообще не существовали бы. Одни только ощущенія могутъ имѣть притязаніе на объективную дѣйствительность. Ни о какой другой формѣ существованія мы не знаемъ, какъ только о существованіи ощущенія... „Простыя ощущенія являются элементами міра, а мы, такъ сказать, творцами этого міра, потому что только мышленіе соединяетъ безпорядочныя, хаотическія ощущенія въ образъ міра" [1]).

Такъ Петцольдтъ характеризуетъ основное воззрѣніе, господствующее въ настоящее время... Какъ читатель видитъ, основною, характеристическою чертою его является признаніе за основаніе науки и философіи той части внутренняго опыта, которая складывается изъ ощущеній, только очищенной отъ всего того, что привносится въ нее лишняго со стороны размышляющаго интеллекта и что дѣлаетъ ее, благодаря этой логической обработкѣ, внѣшнимъ опытомъ. Но на этомъ пути слѣдуетъ пойти далѣе. Если „чистый опытъ" долженъ стать въ основаніе науки и философіи, то во всякомъ случаѣ, полный чистый опытъ. На ряду съ ощущеніями, составляющими первоначальное данное, и на ряду съ представленіями, „которыя безъ ощущеній не существовали бы", имѣютъ мѣсто чувствованія и волевые акты, составляющіе такое же непосредственно данное намъ въ опытѣ, первоначальное, своеобразное и не сводимое ни на что, какъ сами ощущенія. Такимъ образомъ, философія должна класть въ свое основаніе не только одни ощущенія, не только ту долю внутренняго опыта, которая намъ дана въ ощущеніяхъ, но и тотъ „чистый внутренній опытъ", который мы имѣемъ въ

[1]) Тамъ же, стр. 7, 8.

непосредственномъ переживанiи волевой дѣятельности и чувствованiй удовольствiя и страданiя. Элементами мiра, если разсматривать его какъ цѣлое и включать въ него насъ самихъ, являются не только простыя ощущенiя, но и чувствованiя удовольствiя и страданiя и акты волевой дѣятельности. Чтобы создать полную картину мiра, мышленiе должно пользоваться не только тѣмъ матерiаломъ, который намъ даютъ ощущенiя, но также и тѣмъ матерiаломъ, который намъ даетъ внутреннiй опытъ, непосредственно нами переживаемый въ актахъ воли и въ чувствованiяхъ.

Игнорированiе этой послѣдней доли внутренняго опыта лучше всего сказывается въ тѣхъ утвержденiяхъ, согласно которымъ наше „я" есть не болѣе, какъ только „представленiе", не болѣе, какъ только мысленный продуктъ „воспоминанiя и образованiя понятiй" [1]), взглядъ, который тѣсно связанъ съ тѣмъ основнымъ воззрѣнiемъ, что Петцольдтъ намъ рисуетъ, какъ господствующее въ настоящее время. Не „я", говоритъ напр. Махъ, составляетъ первоначальное, но—элементы (ощущенiя). Элементы образуютъ „я"... „*Я*" ощущаю зеленый цвѣтъ, это значитъ только, что элементъ, называемый нами „зеленый цвѣтъ", имѣетъ мѣсто въ опредѣленномъ комплексѣ другихъ элементовъ (ощущенiй, воспоминанiй). Когда *я* перестаю ощущать зеленый цвѣтъ, когда *я* умираю, то элементы не имѣютъ болѣе мѣста въ своемъ обычномъ сообществѣ. Этимъ все сказано. Только идеальная единица (Einheit), имѣющая экономическое значенiе для нашего мышленiя (denkökonomische), но не реальная единица перестала существовать" [2]). „Принимать, постулировать „я", согласно этому взгляду, составляетъ только практическую потребность" [3]). Но мы никогда бы не пришли къ этому взгляду, если бы наше вниманiе наравнѣ съ тѣми элементами мiра, которые мы имѣемъ въ ощущенiяхъ, было бы со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 7, 8.

[2]) E. Mach. Beiträge zur Analyse der Empfindungen. Iena. 1886, стр. 17, 18.

[3]) Тамъ же, стр. 20.

средоточено также и на тѣхъ элементахъ міра, которые намъ даны въ актахъ воли и чувствованіяхъ. Мы бы тогда вмѣстѣ съ Вундтомъ сказали, что „я" вообще не есть какое-нибудь представленіе, но—дѣятельность, сопровождающая актъ представленія, которая только потому такъ легко сама считается за представленіе, что она первоначально тѣсно сплавляется преимущественно съ опредѣленными представленіями, именно съ представленіями о нашемъ собственномъ тѣлѣ [1]).

Но какимъ же образомъ эта доля внутренняго опыта можетъ составить основаніе науки и философіи на ряду съ тою долею внутренняго опыта, которую мы имѣемъ въ ощущеніяхъ, когда и наука и философія представляютъ намъ систему понятій, въ основу которыхъ ложатся представленія и когда представленіемъ можетъ быть только то, что было предварительно ощущеніемъ? Первое условіе дѣйствительнаго мышленія заключается въ томъ, чтобы представленія, съ которыми оно оперируетъ, были каждое само по себѣ твердо установлены. При непроизвольномъ теченіи представленій, послѣднія имѣютъ неопредѣленный характеръ. Посредствомъ опредѣленнаго ограниченія (опредѣленія понятій) устанавливается содержаніе единичныхъ представленій и представленія черезъ это становятся понятіями [2]). Спрашивается, какимъ образомъ въ эту систему понятій, которую мы имѣемъ въ наукѣ и философіи, могутъ войти чувствованіе и волевая дѣятельность, въ качествѣ данныхъ внутренняго опыта, когда ни чувствованіе, ни волевая дѣятельность не могутъ быть нами представлены и, слѣдовательно, не могутъ стать въ этомъ смыслѣ понятіями? Вотъ существенное затрудненіе, на которое мы наталкиваемся. „Хотѣть себѣ представить объективно субъективное дѣйствіе", говоритъ Фулье, „это значитъ, хотѣть себѣ представить активность подъ формами пассивности". Точно также „и удовольствіе и страданіе сами по себѣ или, однимъ словомъ, чувствованія, въ томъ, что они имѣютъ собственно субъективнаго, ус-

---

[1]) W. Wundt. System der Philosophie, Leipzig, 1889, стр. 380.
[2]) H. Höffding. Psychologie in Umrissen и т. д., стр. 220.

кользаютъ отъ интеллектуальнаго представленія“ [1]). О нихъ мы имѣемъ только „непосредственное сознаніе“, но они не являются, въ собственномъ смыслѣ слова, „предметами познанія“, потому что не могутъ быть „объектами представленій“. Но если они не могутъ принадлежать наукѣ и философіи сами по себѣ, потому что не относятся къ объективной области познанія, то они могутъ, во всякомъ случаѣ, войти въ эту область познанія косвеннымъ образомъ: мы можемъ имѣть науку о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя они производятъ на наши ощущенія и представленія, мы можемъ сдѣлать ихъ объектами познанія въ той мѣрѣ, въ какой между ними и нашими ощущеніями и представленіями существуетъ связь и зависимость.

Какъ бы тамъ ни было, но та доля внутренняго опыта, которую мы имѣемъ въ актахъ воли и чувствованіяхъ, символизированная въ представленіяхъ и понятіяхъ, обязательно должна войти въ построеніе нами картины міровой жизни, если только эта картина должна быть полной, и слѣдовательно, обязательно должна войти въ опредѣленіе нами формулы развитія этой жизни, которая на почвѣ только тѣхъ данныхъ, какія мы имѣемъ въ ощущеніяхъ и представленіяхъ, связанныхъ съ непосредственнымъ, неуничтожаемымъ сознаніемъ ихъ внѣшней объективной реальности и дающихъ въ своей логической обработкѣ то, что называется „внѣшнимъ опытомъ“, которая на почвѣ только этихъ данныхъ можетъ быть нами понята только чисто внѣшнимъ образомъ, только механически. Будемъ ли мы стоять на почвѣ такъ называемаго „внѣшняго“ опыта, т.-е. опыта, предполагающаго существованіе внѣшнихъ объектовъ и имѣющаго въ виду познаніе ихъ, или же мы будемъ стоять на почвѣ той доли внутренняго опыта, изъ которой строится этотъ такъ называемый внѣшній опытъ, — развитіе жизни намъ одинаково, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, является доступнымъ только съ чисто внѣшней стороны. Дѣло въ томъ, что если мы и допускаемъ, что ощущенія и представленія существу-

---

[1]) A. Fouillée. L'évolutionnisme des ideés-forces, стр. XLII, XLIII.

ютъ только въ нашемъ сознанія, а не могутъ существовать внѣ его, то все-таки они составляютъ внѣшнее для насъ, въ томъ смыслѣ, что они намъ какъ бы даются независимо отъ нашей воли. Истинно-внутреннимъ, подлиннымъ нашимъ „я" является наша воля, а ощущенія, представленія и понятія, все это составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ внѣшнее по отношенію къ ней, все это или матеріалъ для ея дѣятельности или продуктъ ея дѣятельности, но не сама та дѣятельность, которую мы называемъ волею...

Тутъ же мы должны обратить вниманіе и еще на одно важное обстоятельство: какъ бы ни было законно различеніе и разграниченіе опыта на внѣшній и внутренній, тѣмъ не менѣе это различеніе есть результатъ логической мысли и имѣетъ искусственный, а не естественный характеръ. Дѣйствительность этого разграниченія не знаетъ: въ дѣйствительной жизни мы всегда имѣемъ внѣшній опытъ одновременно съ внутреннимъ и внутренній опытъ одновременно съ внѣшнимъ, и гдѣ кончается одинъ опытъ и гдѣ начинается другой, сказать нѣтъ никакой возможности. Того рѣзкаго разграниченія субъекта и объекта, которое устанавливаетъ отвлеченная логика, отвлеченное человѣческое мышленіе, дѣйствительность совершенно не вѣдаетъ: то, что мы называемъ субъектомъ, на самомъ дѣлѣ есть „субъектъ-объектъ", а то, что мы называемъ объектомъ, въ дѣйствительности есть „объектъ-субъектъ"... Поэтому и то, что мы называемъ внѣшнимъ, объективнымъ опытомъ, является въ то же время и внутреннимъ, субъективнымъ опытомъ. Не лучше ли въ силу этого было бы говорить, что мы имѣемъ одинъ цѣльный неразрывный „опытъ жизни", который, смотря по преобладанію въ немъ субъективныхъ или объективныхъ элементовъ, человѣческая отвлеченная мысль различаетъ то как внутренній, то какъ внѣшній опытъ? Не лучше ли поэтому было бы говорить, что этотъ цѣльный опытъ жизни, въ которомъ внутренніе и внѣшніе элементы смѣшаны неразрывно въ одно цѣлое, принимаетъ для насъ характеръ или внутренняго или внѣшняго опыта, смотря по тому, на какіе его элементы мы сосредоточиваемъ свое вниманіе? Такимъ образомъ, и внѣшній и

внутренній опытъ предполагаютъ опредѣленнымъ образомъ направленное вниманіе, предполагаютъ апперцепцію, т.-е. волевую дѣятельность. Ни внѣшній, ни внутренній опытъ, взятые въ отдѣльности. не представляютъ намъ „чистаго опыта“, но—опытъ, видоизмѣненный волевою дѣятельностью. Въ „чистомъ опытѣ“ намъ дано нераздѣльное цѣлое,—въ опытѣ, видоизмѣненномъ апперцепціею, мы получаемъ отдѣльные элементы и стороны этого цѣлаго въ ихъ раздѣльности и обособленности. Такимъ образомъ, строго говоря, тотъ „внутренній“ и „внѣшній“ опытъ, который кладетъ въ свое основаніе наука, не есть „чистый опытъ“, но опытъ, преображенный нашимъ мышленіемъ, видоизмѣненный нашею волею. Въ этомъ опытѣ, даже въ самомъ фактѣ различенія внутренняго опыта отъ внѣшняго, человѣкъ можетъ видѣть отпечатокъ своей воли.

Если слѣдовать по тому пути, по которому насъ приглашаетъ слѣдовать Авенаріусъ въ своей полной глубокаго значенія книгѣ: „Мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей траты силы“ [1]), если обращаться къ „чистому опыту“, къ опыту свободному отъ всего „лишняго“, что само, въ свою очередь, не является опытомъ, къ опыту, изъ котораго исключено все то, что къ нему прибавляется путемъ нашей мыслительной дѣятельности и что намъ не дано самимъ предметомъ, если слѣдовать этому пути, то мы должны будемъ признать, что „чистый опытъ“ есть именно тотъ „цѣльный опытъ жизни“, о которомъ мы говоримъ. Пока мы трактуемъ о внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ, пока мы ихъ противополагаемъ другъ другу и считаемъ это противоположеніе реальнымъ, до тѣхъ поръ, собственно говоря, нѣтъ на лицо еще „чистаго опыта“. Въ тотъ чистый цѣльный опытъ жизни, который мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ, мы привносимъ раздѣльность и обособленіе, различеніе и разграниченіе, составляющія одно изъ основныхъ условій процесса логическаго мышленія, и это свойство и условіе логической мысли мы олицетворяемъ, объективируемъ и считаемъ однимъ изъ

---

[1]) R. Avenarius. Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses. Leipzig. 1876.

свойствъ и условій самого чистаго опыта. Въ чистый опытъ мы вкладываемъ то, что требуется только логическимъ процессомъ нашего мышленія.

Если, какъ показываютъ это Авенаріусъ, Герингъ и другіе представители „научной философіи“,—такія понятія, какъ „причинность“, „законъ природы“, „необходимость“ и т. д., которыя нашему мышленію приходится пускать въ ходъ для пониманія міра дѣйствительныхъ явленій, если эти понятія, хотя они и рождаются необходимо въ процессѣ логическаго мышленія, тѣмъ не менѣе не могутъ имѣть притязаній на объективное значеніе, если они не даны намъ, такъ сказать, въ „чистомъ опытѣ“, а только привносятся въ него со стороны мыслящаго субъекта, — то, подобно этому, мы могли бы сказать, что и то различеніе субъективнаго и объективнаго, внѣшняго и внутренняго опыта, составляя условіе нашего логическаго мышленія объ этомъ опытѣ, на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ самому чистому опыту, а только привносится въ него нами, хотя и необходимо, потому что иначе наше мышленіе объ этомъ опытѣ было бы невозможно.

Но пользуясь всѣми этими „вспомогательными понятіями“, дѣлающими возможнымъ наше мышленіе о чистомъ опытѣ, мы всегда должны помнить, что это не болѣе, какъ только „вспомогательныя понятія“, позволяющія намъ приблизиться къ познанію дѣйствительности, но что большаго значенія, кромѣ этого вспомогательнаго, они не имѣютъ, что правъ на объективную реальность они не могутъ предъявлять никакихъ. Авенаріусъ говоритъ, напр.: о предстоящемъ устраненіи изъ „чистаго опыта“ такого понятія, какъ „субстанція“, хотя указываетъ при этомъ на невозможность устранить его въ качествѣ вспомогательнаго понятія, дающаго намъ возможность мыслить абсолютно измѣненія. Подобно этому и раздробленіе цѣльной вещи на части, и различеніе этихъ частей другъ отъ друга составляетъ необходимую вспомогательную операцію для того, чтобы мы могли мыслить объ этой вещи, но ошибочно было бы думать, что эта цѣльная вещь въ дѣйствительности раздроблена на эти части... Такъ и цѣльный неразрывный единный чистый опытъ жизни для того,

чтобы онъ могъ стать орудіемъ нашего познанія, мы принуждены дробить на части и прежде всего на двѣ большія части, которыя мы различаемъ, какъ внѣшній и внутренній опытъ, но изъ этого мы еще отнюдь не должны заключать, чтобы это раздробленіе, которое требуется для плодотворной работы нашего мышленія, имѣло дѣйствительное, реальное, объективное значеніе. То, что наша мысль различаетъ, въ дѣйствительности можетъ составлять одно неразрывное цѣлое и потому надо остерегаться всегда отъ того, чтобы всѣмъ логическимъ различеніямъ придавать болѣе, чѣмъ логическое значеніе, надо остерегаться всегда отъ олицетворенія ихъ, отъ объективированія, отъ перенесенія ихъ во внѣ насъ, и прежде всего это надо сдѣлать по отношенію къ самому основному логическому различенію субъекта и объекта, внутренняго и внѣшняго опыта.

Многія мнимыя неразрѣшимыя задачи, надъ разгадкой которыхъ иногда тщетно бьется человѣческая мысль, рождаются только благодаря тому, что мы забываемъ объ условномъ вспомогательномъ значеніи нашихъ логическихъ различеній, что мы приписываемъ имъ объективную реальность, и понятно, что мы тогда напрасно пытаемся соединить то, что мы сами же разъединили, что мы тщетно стараемся примирить тѣ противорѣчія, которыя мы сами же создали. Мы сами создаемъ себѣ часто воображаемыя трудности и тратимъ усилія, которыя могли бы быть употреблены болѣе цѣлесообразнымъ образомъ для болѣе высокихъ и жизненныхъ задачъ, на ихъ преодолѣніе; мы сами часто воображаемъ себѣ неразрѣшимыя загадки тамъ, гдѣ въ дѣйствительности не существуетъ никакихъ загадокъ, проходя въ то же время мимо истинныхъ и дѣйствительныхъ проблемъ. Раздробивъ вселенную на рядъ отдѣльныхъ тѣлъ, на совокупность воображаемыхъ обособленныхъ атомовъ, отдѣливъ „духъ" отъ „матеріи", мы напрасно потомъ пытаемся изъ этой совокупности отдѣльныхъ атомовъ получить снова единую нераздѣльную вселенную, мы напрасно потомъ пытаемся связать духъ и матерію въ одно цѣлое.

Всѣ эти соображенія еще въ большей степени подтверждаютъ нашу мысль, что для полученія формулы развитія

жизни нѣтъ никакой возможности ограничиваться однимъ только внѣшнимъ опытомъ, а рядомъ съ этимъ внѣшнимъ опытомъ долженъ быть привлеченъ къ дѣлу и опытъ внутренній или, другими словами, для опредѣленія формулы развитія жизни мы должны пользоваться „полнымъ чистымъ опытомъ жизни".

V.

Что слѣдуетъ понимать подъ точкой зрѣнія цѣльнаго чистаго опыта жизни?

Но что такое мы должны понимать подъ „цѣльнымъ чистымъ опытомъ жизни"? Существуетъ ли такой опытъ? Не представляетъ ли онъ только фиктивное понятіе? И кромѣ того, что значитъ становиться на точку зрѣнія цѣльнаго чистаго опыта жизни? Чѣмъ эта точка зрѣнія будетъ отличаться отъ другихъ возможныхъ точекъ зрѣнія? Да и возможна ли еще сама эта точка зрѣнія? Вотъ вопросы, требующіе настоятельно своего разрѣшенія, прежде чѣмъ мы приступимъ къ непосредственному опредѣленію самой формулы развитія.

Несомнѣнно, что „цѣльный чистый опытъ жизни" имѣетъ реальное значеніе, и въ то же время столь же несомнѣнно, что этотъ „чистый опытъ" есть не болѣе, какъ одна фикція. Дѣло въ томъ, что, какъ невозможно чистое мышленіе, т.-е. мышленіе, лишенное всякаго эмпирическаго содержанія, мышленіе, чуждое всякаго опыта, такъ же точно не существуетъ и чистаго опыта, т.-е. опыта, который не былъ бы въ той или другой степени переработанъ нашимъ мышленіемъ. Въ этомъ смыслѣ Вундтъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что чистый опытъ и чистое мышленіе представляютъ фиктивныя понятія, которыя никогда не получаютъ своего осуществленія въ дѣйствительномъ опытѣ и въ дѣйствительномъ мышленіи [1]) Какъ всякій дѣйствительный опытъ является всегда синтезомъ опыта съ мышленіемъ, такъ и всякій актъ мышленія всегда представляетъ намъ синтезъ мышле-

---

[1]) W. Wundt. System der Philosophie, стр. 219.

нія съ опытомъ. Всякій „опытъ жизни“ постоянно преображается мышленіемъ и всякое мышленіе всегда опредѣляется опытомъ. И опытъ и мышленіе реальны только въ своей связи, въ своей кооперацiи, но не каждое въ отдѣльности. Отдѣлить опытъ отъ мышленія для философіи также невозможно, какъ невозможно напр.: для политической экономіи въ продуктѣ труда отдѣлить то, что приходится на долю силъ природы, отъ того, что обязано своимъ происхожденіемъ труду человѣка.

Спрашивается тогда, какой же смыслъ имѣетъ это различеніе чистаго опыта отъ чистаго мышленія? Къ чему могутъ послужить эти фиктивныя понятія? И однако же эти понятія имѣютъ величайшее реальное значеніе, таятъ въ себѣ глубокій жизненный смыслъ. Создавая ихъ, мышленіе какъ бы пытается отдать себѣ отчетъ въ своей собственной дѣятельности и сдѣлать эту дѣятельность болѣе плодотворной и цѣлесообразной. Естественная, безсознательная связь мышленія и опыта составляетъ исходную точку въ развитіи мышленія и самаго опыта; пытаясь отдать себѣ отчетъ въ этой связи, пытаясь опредѣлить то, что принадлежитъ ему и что опыту, мышленіе не имѣетъ въ виду обособить себя фактически отъ опыта, но—сдѣлать свою связь съ опытомъ сознательной и преднамѣренной. Естественный синтезъ мышленія и опыта, благодаря той критикѣ, которой мышленіе подвергаетъ свои отношенія къ опыту, благодаря тому анализу, посредствомъ котораго оно доходитъ до установленія понятій „чистаго опыта“ и „чистаго мышленія“,—становится синтезомъ сознательнымъ. Это превращеніе естественнаго синтеза въ синтезъ сознательный ведетъ къ большей гармоніи между мышленіемъ и опытомъ, къ устраненію между ними всякаго антагонизма и, слѣдовательно, къ наиболѣе плодотворной кооперацiи обоихъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о чистомъ опытѣ и о чистомъ мышленіи вытекаетъ изъ потребности установить между опытомъ и мышленіемъ наибольшую гармонію, при которой оба они могутъ развиваться безъ обоюдныхъ помѣхъ наиболѣе быстрымъ образомъ. Пониманіе жизни достигается при совмѣстномъ участіи двухъ факторовъ, „опыта жизни“, съ одной

стороны, и мышленія объ этомъ опытѣ, съ другой. Чтобы эта цѣль, т.-е. пониманіе жизни, достигалась наиболѣе цѣлесообразнымъ и успѣшнымъ образомъ, требуются два условія: во 1-хъ, чтобы „опытъ жизни" былъ свободенъ отъ всего лишняго, что не ведетъ къ пониманію жизни или даетъ ложное пониманіе этой жизни, и во 2-хъ, чтобы мышленіе совершалось наиболѣе правильнымъ образомъ, т.-е. „опытъ жизни" долженъ стать „чистымъ опытомъ жизни", а мышленіе должно стать чистымъ мышленіемъ или логическимъ. Вотъ два требованія, которыя могутъ быть поставлены для наиболѣе успѣшнаго достиженія наибольшаго возможнаго пониманія жизни. Требованіе чистоты мышленія находитъ свое удовлетвореніе при посредствѣ логики и давно уже обращало на себя вниманіе,—вопросъ же о чистотѣ опыта находитъ свое разрѣшеніе въ „критикѣ чистаго опыта" и въ настоящее время только впервые ставится. Посредствомъ попытки разрѣшенія этого вопроса человѣческая философская мысль пытается оріентироваться, отдать себѣ отчетъ въ самой себѣ, опредѣлить тотъ естественный путь, который ей предначертанъ природой самаго мышленія и условіями выпадающей на его долю задачи для того, чтобы сознательно, систематично и съ наиболѣе плодотворными результатами двигаться по этому пути, по которому ранѣе оно двигалось непроизвольно и безсознательно, а потому и не въ такой степени производительно, какъ это могло бы быть. Такъ мы понимаемъ смыслъ того движенія, которое получаетъ свое наиболѣе характерное выраженіе въ сочиненіяхъ Авенаріуса: „Мышленіе о мірѣ, согласно принципу наименьшей траты силы" и „Критика чистаго опыта"[1]. Весь вопросъ здѣсь идетъ объ установленіи наибольшей гармоніи между опытомъ и мышленіемъ, о наиболѣе успѣшной и производительной духовной работѣ человѣчества, вопросъ глубоко жизненный, глубоко важный и обсужденіе котораго несомнѣнно привлечетъ къ себѣ лучшіе умы и лучшія силы человѣчества.

---

[1]) См. по этому поводу сочиненіе В. Лесевича: Что такое научная философія?

Однако, что же все-таки слѣдуетъ разумѣть подъ чистымъ опытомъ жизни и какъ можно становиться на почву его, когда „чистый опытъ жизни“ есть не болѣе, какъ фиктивное понятіе? Это мы и попробуемъ сейчасъ выяснить.

Жизнь намъ открывается въ сознаніи двоякимъ образомъ: непосредственно или посредственно, въ воспріятіи или въ логическомъ мышленіи, прямо или при помощи знаковъ и символовъ, каковыми являются всѣ понятія. Жизнь, непосредственно переживаемая нами въ воспріятіи, обнаруживается или въ ощущеніяхъ и представленіяхъ, или въ чувствованіяхъ удовольствія и страданія, или въ совершаемыхъ нами актахъ волевой дѣятельности, однимъ словомъ, или какъ ощущеніе и представленіе жизни, или какъ чувствованіе жизни, или, наконецъ, какъ реализующаяся воля жизни. Всѣ эти моменты даны намъ всегда одновременно и въ каждомъ актѣ жизни: нѣтъ ощущенія и представленія жизни, которыя не были бы связаны съ чувствованіемъ и волею жизни, всѣ они нераздѣльно и неразрывно соединены между собою, и насколько жизнь обнаруживается намъ непосредственно въ сознаніи, она всегда обнаруживается во всѣхъ этихъ формахъ заразъ. Но между тѣмъ какъ чувствованіе и воля жизни намъ всегда открываются только, какъ факты внутренней жизни,—ощущенія и представленія намъ являются въ одно и то же время, какъ событія и внутренней и внѣшней жизни. Съ ощущеніями и представленіями связывается никогда неуничтожаемое сознаніе, что это есть фактъ жизни, имѣющій одновременно мѣсто и внѣ и внутри насъ, что это есть жизнь въ одно и то же время и внѣшняя и внутренняя.

Но это естественное единство внутренней жизни, т.-е. единство представленія, чувствованія и воли, точно такъ же, какъ и единство жизни внутренней и внѣшней, т.-е. единство представленія и объекта, тотчасъ же разрушается, какъ только оно становится предметомъ дѣятельности мышленія. Этотъ цѣльный чистый единый нераздѣльный опытъ жизни мышленіе разлагаетъ на составныя части и противополагаетъ эти составныя части другъ другу: представленіе и объектъ, которыя прежде соста-

вляли одно цѣлое, теперь ставятся другъ противъ друга, какъ двѣ совершенно самостоятельныя и различныя вещи. Естественный синтезъ внутренней и внѣшней жизни уничтожается, становясь предметомъ сознательной аналитической дѣятельности мышленія. Насколько мышленіе и опытъ намъ являются всегда въ связи и взаимодѣйствіи, насколько они намъ даны въ дѣйствительности, какъ проникающіе взаимно другъ друга, настолько этотъ цѣльный чистый опытъ жизни не можетъ быть нами показанъ ни въ какомъ единичномъ актѣ жизни и, однако же, долженъ быть предполагаемъ нами, какъ необходимая исходная точка, какъ тотъ естественный матеріалъ, съ котораго начинаетъ познаніе, разрушая это непосредственно намъ данное единство внутренней и внѣшней жизни, отдѣляя представленіе отъ объекта.

На первыхъ ступеняхъ начавшаго такимъ образомъ развиваться познанія жизни образуется взглядъ, что внѣ насъ существуютъ факты жизни, которые въ существенномъ сходны съ нашими ощущеніями и представленіями, и что эти внѣшніе факты жизни, дѣйствуя на насъ, порождаютъ не только похожія на нихъ представленія, но также чувствованія и волевые акты, при чемъ, однако, послѣдніе существуютъ только субъективно, т.-е. имѣютъ мѣсто исключительно лишь внутри насъ. „Такимъ образомъ, сопровождающія каждый актъ воспріятія чувствованія предполагаются только однажды, именно въ насъ, представленія же предполагаются дважды, именно, какъ въ насъ, такъ и внѣ насъ“ [1]). Но когда мы узнаемъ, что и представленія могутъ иногда существовать только въ насъ безъ соотвѣтствующихъ имъ внѣшнихъ объектовъ, и что, слѣдовательно, необходимы особенные признаки, по которымъ мы заключаемъ, что представленія, находимыя нами въ себѣ, соотвѣтствуютъ одновременно и объектамъ,—тогда возникаетъ дальнѣйшее раздѣленіе всѣхъ фактовъ воспріятія на непосредственно и посредственно данные. Какъ непосредственно данное, естественно тогда разсматривается все то, что мы вообще субъ-

[1]) W. Wundt. System der Philosophie, стр. 140.

ективно воспринимаемъ, безразлично, относится ли это къ какому-нибудь объекту или нѣтъ. „Какъ посредственно данное имѣютъ значеніе, напротивъ, только представленія, относимыя нами къ независимо отъ насъ данному объекту. „Соотвѣтственно этому, непосредственныя воспріятія называются также **субъективными**, посредственныя же— **объективными**“ [1]). Когда же, наконецъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія познанія, оказывается, что все содержаніе ощущеній и представленій можетъ быть нами относимо только къ одному субъекту, тогда представленія получаютъ объективное значеніе только еще какъ субъективные символы. Вмѣстѣ съ этимъ внутренній и внѣшній опытъ пріобрѣтаютъ признаки, черезъ посредство которыхъ они продолжаютъ впередъ быть логически раздѣленными. Все то, что намъ дано въ сознаніи, все то, что нами непосредственно воспринимается, все это составляетъ область внутренняго опыта. Что же касается внѣшняго опыта, имѣющаго своимъ предметомъ „объективный міръ“, то этотъ міръ можетъ быть нами только понятъ, но не непосредственно воспринятъ [2]). Такимъ образомъ, внѣшній опытъ становится вполнѣ сотканнымъ изъ понятій.

Внѣшній опытъ составляетъ тотъ матеріалъ, изъ котораго выростаетъ наука о природѣ, естествознаніе или физика въ широкомъ смыслѣ этого слова; внутренній опытъ ложится въ основаніе науки о духѣ или психологіи. Благодаря тому обстоятельству, что человѣкъ первоначально обращаетъ свое главное вниманіе на внѣшній опытъ, а не на внутренній, потому что, прежде чѣмъ онъ сдѣлается теоретикомъ, онъ долженъ быть практикомъ, такъ какъ наблюденія надъ окружающей его природой, надъ животными и людьми, надъ растеніями и неорганическими веществами, наблюденія астрономическія и географическія, все это въ борьбѣ за существованіе гораздо важнѣе, чѣмъ самонаблюденія,—благодаря всему этому внѣшній опытъ, наука о природѣ получаетъ значительное развитіе прежде, чѣмъ человѣкъ обратится къ

---

[1]) Тамъ же, стр. 140.
[2]) Тамъ же, стр. 145.

опыту внутреннему. „Только на болѣе высокой степени культуры можетъ быть высказана заповѣдь: „познай самого себя!" и этимъ самымъ открыта дорога для прямого психологическаго изслѣдованія" [1]). И такъ какъ разговорный языкъ развился подъ вліяніемъ вниманія, направленнаго на внѣшній міръ, то, поэтому, нечего удивляться, когда мы видимъ, что первоначально выраженія для обозначенія душевныхъ явленій берутся изъ области физическаго міра. „Внутренній міръ духа обозначается посредствомъ символовъ, которые заимствуются отъ внѣшняго міра пространства" [2]).

Это-то обстоятельство, т.-е. бо́льшее развитіе внѣшняго опыта по сравненію съ внутреннимъ, бо́льшее развитіе науки о природѣ по сравненію съ психологіей, и дѣлаетъ то, что обыкновенно физику, химію, физіологію, космологію представляютъ себѣ, какъ науки, болѣе чисто опытными, чѣмъ психологію. Но, на самомъ дѣлѣ, здѣсь имѣетъ мѣсто, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Фулье, какъ разъ обратное отношеніе. Науки о вещественномъ мірѣ всегда выходятъ изъ какого-нибудь предположенія, постулата, хотя бы, напр.: изъ постулата о самомъ существованіи вещественнаго міра, какъ отличнаго отъ насъ самихъ. Онѣ всѣ предполагаютъ субстанцію, которую онѣ снабжаютъ гипотетическими аттрибутами и свойствами, каковы, напр.: активность, постоянство, простота (въ смыслѣ недѣлимости атомовъ) и т. д. И если эта матеріальная субстанція, эти предполагаемые простые атомы съ прогрессомъ науки и могутъ составлять гипотезу все болѣе и болѣе способную отдать намъ отчетъ въ фактахъ внѣшняго опыта, то все-таки сама матеріальная субстанція, сами эти простые атомы никогда не могутъ быть предметами опыта и всегда сохраняютъ метафизическій характеръ.

Точно также и психофизика, которая занимается отношеніями духа и организма, имѣетъ все же еще надобность въ представленіи матеріальной субстанціи и способа ея связи съ фактами сознанія. „Только психологія въ

---

[1]) H. Höffding, Psychologie in Umrissen и т. д. стр. 2.
[2]) Тамъ же, стр. 2, 3.

собственномъ смыслѣ оказывается освобожденной отъ всякаго постулата, и отъ всякой метафизической гипотезы относительно субстанціи. Она не имѣетъ необходимости постулировать свой объектъ, т. е. факты сознанія: они даны прямо и непосредственно, а всѣ другіе факты могутъ быть даны только черезъ ихъ посредство". Она не имѣетъ болѣе необходимости предполагать позади внутреннихъ фактовъ какой-нибудь субстратъ, какую-нибудь субстанцію въ одно и то же время и гипотетическую и метафизическую. „Факты сознанія не представляютъ ни постулаты, ни гипотезы, ни видимости, ни символы, ни модусы субстанціи, ни „феномены какой-нибудь вещи въ себѣ"; они суть непосредственныя и дѣйствительныя данныя сознанія". Чистая психологія должна, прежде всего, констатировать и анализировать ихъ, какъ таковыя, что она можетъ сдѣлать безъ всякихъ напрасныхъ поисковъ позади ихъ какой-нибудь скрытой формы существованія, такъ какъ непосредственные факты сознанія не могутъ имѣть какого-либо особеннаго существованія „въ самихъ себѣ", отличнаго отъ ихъ существованія „въ насъ". Между тѣмъ какъ физическія науки, науки внѣшняго опыта стремятся стать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все менѣе и менѣе опытными и дать все болѣе широкую долю для построеній и выводовъ, въ которыхъ метафизика и математика играютъ все болѣе возрастающую роль, — „психологія, напротивъ, стремится стать все болѣе и болѣе опытной, въ томъ смыслѣ, что она стремится все болѣе и болѣе выдѣлить при посредствѣ анализа данныя сознанія, наиболѣе непосредственныя, наиболѣе прямыя, наиболѣе несводимыя" [1]). Въ этомъ смыслѣ психологія представляетъ первую науку, науку первоначальныхъ данныхъ и „идей", безъ которыхъ ничто не можетъ быть ни дано, ни постигнуто, и въ этомъ же смыслѣ „психологія есть единственная наука непосредственнаго и перваго опыта, который начинаетъ посредствомъ данныхъ безъ постулатовъ. Она наиболѣе прямая, наиболѣе непосредственная, наиболѣе достовѣрная и, наконецъ, въ наибольшей степени имѣетъ

[1]) A. Fouillée. L'évolutionnisme des idées-forces, стр. 29.

чисто опытный характеръ, чѣмъ всѣ остальныя опытныя науки" [1]).

Такимъ образомъ, начавъ первоначально съ преувеличеннаго значенія, которое придается внѣшнему опыту, развитіе науки приводитъ, въ концѣ концовъ, къ признанію первенства внутренняго опыта надъ внѣшнимъ; начавъ почти съ полнаго игнорированія психологіи, человѣчество приходитъ, наконецъ, къ признанію ея главенствующаго и центральнаго положенія; отъ исключительнаго обращенія вниманія только на внѣшній опытъ жизни, человѣкъ переходитъ къ пользованію для своихъ научныхъ и философскихъ построеній „полнымъ опытомъ жизни", въ которомъ внутренній опытъ занимаетъ свое надлежащее мѣсто.

Если прежде психологія развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ наукъ о природѣ, если прежде понятія, пригодныя въ области внѣшняго опыта, какъ напр.: понятіе субстанціи, съ котораго начинается проблема внѣшняго опыта, переносились безъ дальнихъ соображеній въ область опыта внутренняго,—то въ настоящее время начинаетъ имѣть мѣсто какъ разъ обратное отношеніе, естествознаніе все болѣе и болѣе будетъ преобразовываться подъ вліяніемъ психологіи. Механика, которой прежде придавалось такое огромное значеніе въ смыслѣ объясненія всѣхъ явленій природы и которая такъ гордо и самоувѣренно заявляла притязаніе даже на объясненіе процессовъ сознанія посредствомъ движенія молекулъ и атомовъ нервнаго вещества,—все болѣе утрачиваетъ это свое значеніе, и этотъ взглядъ, что всего знаменательнѣе, провозглашается именно тѣми, кто спеціально разрабатываетъ означенную науку. „Воззрѣніе, что механика должна быть разсматриваема", говоритъ Махъ, „какъ основаніе всѣхъ остальныхъ развѣтвленій физики, и что всѣ физическіе процессы должны быть объясняемы механически, мы считаемъ за одинъ предразсудокъ. Исторически болѣе древнее не всегда должно оставаться основаніемъ для пониманія того, что позднѣе найдено. По мѣрѣ того, какъ узнается и приводится въ порядокъ болѣе фактовъ,

[1]) Тамъ же, стр. 30.

могутъ получить мѣсто также совершенно новыя руководящія воззрѣнія. Мы не можемъ теперь еще совершенно знать, какія изъ физическихъ явленій лежатъ наиболѣе глубоко, не составляютъ ли механическія явленія именно наиболѣе поверхностныя, или, быть можетъ, всѣ физическія явленія лежатъ одинаково глубоко... Механическій взглядъ на природу является намъ, какъ исторически понятная, извиняемая, быть можетъ, даже временно полезная, но въ цѣломъ однако все-таки, какъ искусственная гипотеза" [1]).

Обыкновенно въ естествознаніи все дѣйствительно существующее опредѣляется, какъ совокупность матеріальныхъ атомовъ, приводимыхъ посредствомъ силъ въ движеніе, и которые съ необходимостью воздѣйствуютъ другъ на друга. Таковы самыя общія понятія о томъ, что естественныя науки разсматриваютъ, какъ данное намъ черезъ посредство опыта и заключеній изъ него. Въ своемъ сочиненіи „Мышленіе о мірѣ, согласно принципу наименьшей траты силы" Авенаріусъ подвергаетъ изслѣдованію этотъ отвѣтъ съ цѣлью опредѣлить, что здѣсь содержится изъ того, что дѣйствительно можетъ быть считаемо чистымъ опытомъ, и что можетъ быть отнесено на долю добавленій со стороны мыслящаго субъекта, и чтобы въ результатѣ такого раздѣленія получить то самое высокое и общее понятіе, которое можетъ служить для объединенія всей области внѣшняго опыта. Формулируемъ вкратцѣ результатъ, къ которому онъ такимъ образомъ приходитъ. Все существующее, по его мнѣнію, можетъ быть опредѣлено по своему содержанію, какъ ощущеніе, а по своей формѣ, какъ движеніе. Актъ воспріятія не является результатомъ взаимодѣйствія двухъ субстанцій, изъ которыхъ одна, внѣшняя, черезъ посредство распространенія отъ нея движенія вызываетъ въ другой субстанціи, нервномъ веществѣ, движенія молекулъ, послѣдствіемъ котораго и является ощущеніе. Существованіе субстанцій рѣшительнымъ образомъ должно быть отвергнуто,—въ дѣйствительности мы имѣемъ

---

[1]) E. Mach. Die Mechanik in ihrer Entwickelung historisch-kritisch dargestellt. Leipzig, 1883, стр. 467, 468.

только распространеніе изъ одного мѣста въ другое на ряду съ движеніемъ и ощущенія. Но было бы поспѣшнымъ изъ этого заключать, что субъективное ощущеніе совершенно подобно объективному, „такъ какъ именно координація движенія и ощущенія вмѣстѣ съ измѣненіемъ движенія, которое—согласно нашему теперешнему знанію — происходитъ въ актѣ воспріятія, будетъ представлять также и измѣненіе ощущенія“ [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Авенаріуса, не только внутренній, но и внѣшній міръ, насколько мы можемъ предполагать въ немъ еще что-либо, кромѣ механическаго движенія, является не чѣмъ-либо матеріальнымъ, но психическимъ по своему содержанію или, какъ говоритъ Авенаріусъ, есть по своему содержанію ощущеніе. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что естественно-научное міропониманіе въ ходѣ своего развитія приведетъ сначала къ признанію ощущающихъ субстанцій, или на языкѣ естественныхъ наукъ „сознательныхъ атомовъ“, а затѣмъ, въ концѣ концовъ, приведетъ и къ устраненію изъ образованнаго такимъ образомъ понятія о сознательныхъ атомахъ понятія субстанціи, чуждаго чистому опыту и не содержащагося въ немъ [2]).

То преобразующее вліяніе, которое психологія въ настоящее время вноситъ въ наше пониманіе природы, ясно здѣсь сказывается. Еще яснѣе оно сказывается во взглядахъ Вундта, согласно которому, „космическій механизмъ есть только внѣшняя оболочка, за которою скрывается духовное дѣйствованіе и творчество, стремленіе, чувствованіе и ощущеніе, подобныя тѣмъ, какія мы переживаемъ въ самихъ себѣ“, [3]) и міръ является ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью волевыхъ дѣятельностей, которыя взаимно опредѣляютъ другъ друга [4]). Въ этихъ взглядахъ внутренній и внѣшній опытъ выходятъ изъ стадіи своего обособленія и противоположенія и становятся взаимно опредѣляющими другъ друга составными частями одного цѣлаго; въ этихъ взглядахъ мы имѣемъ сознательный синтезъ внутренняго и внѣшняго опы-

---

[1]) R. Avenarius. Philosophie als Denken der Welt и т. д., стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 50.
[3]) W. Wundt. System der Philosophie, стр. 432.
[4]) Тамъ же, стр. 421.

та, безсознательный синтезъ которыхъ образуетъ исходную точку развитія познанія; здѣсь мы видимъ попытку возвращенія къ „чистому цѣльному опыту жизни", настолько, конечно, насколько для мышленія вообще возможно подобное возвращеніе, потому что, стремясь къ сознательному синтезу, оно не можетъ въ то же время перестать быть дѣятельностью анализа, тѣмъ болѣе, что самъ этотъ анализъ составляетъ необходимое условіе для предпринимаемаго мышленіемъ синтеза. Единство внутренней и внѣшней жизни, представленія, связаннаго неразрывно съ чувствованіемъ и волевою дѣятельностью, и объекта составляло естественную исходную точку въ развитіи познанія, теперь оно является, какъ конечная цѣль, какъ вѣчная задача, надъ которой должно работать мышленіе. Какъ предполагаемая нами исходная точка въ развитіи познанія, „цѣльный чистый опытъ жизни" есть не болѣе, какъ фиктивное понятіе, въ томъ смыслѣ, что, будучи мыслящими существами, мы нигдѣ его не можемъ показать эмпирически,—но, какъ послѣдняя цѣль, къ которой познаніе должно стремиться, безконечно приближаясь къ ней, хотя, однако, никогда ея, быть можетъ, вполнѣ не достигая, онъ имѣетъ высокое реальное значеніе въ смыслѣ руководящаго принципа въ сферѣ теоретической дѣятельности. Стремиться сознательно соединить въ одно гармоническое цѣлое, насколько это допускаетъ мышленіе, внѣшній и внутренній опытъ, науку о природѣ съ психологіей, и значитъ пытаться стать на точку зрѣнія „цѣльнаго чистаго опыта жизни".

Но, прежде чѣмъ становиться на точку зрѣнія такимъ образомъ синтетически связаннаго внутренняго и внѣшняго опыта и пытаться съ этой точки зрѣнія опредѣлить формулу развитія жизни, полезно стать послѣдовательно на каждую изъ обѣихъ соединяемыхъ здѣсь въ одно цѣлое точекъ зрѣнія и посмотрѣть, какъ представляется процессъ развитія жизни, если его разсматривать сначала исключительно только съ точки зрѣнія внутренняго опыта и затѣмъ въ такой же исключительной степени съ точки зрѣнія опыта внѣшняго. Добытыя такимъ образомъ заключенія намъ тогда останется только синтетически связать между собою.

VI.

Формула развитія съ точки зрѣнія внутренняго опыта.

Станемъ же, поэтому, временно на психологическую точку зрѣнія, отвлечемся отъ внѣшняго міра матеріи и движенія и предположимъ, что міръ весь исчерпывается только сознаніемъ и его различными состояніями. Мы поступимъ въ данномъ случаѣ какъ разъ обратно тому, какъ поступаютъ Спенсеръ, Фехнеръ и Петцольдтъ, которые при выводѣ формулы развитія совершенно отвлекаются отъ данныхъ внутренняго опыта и сосредоточиваютъ свое вниманіе почти исключительно на одномъ опытѣ внѣшнемъ.

Между тѣмъ какъ въ области естествознанія главную роль играютъ субстанціи, въ формѣ представленій объ отдѣльныхъ вещахъ, обладающихъ извѣстными свойствами, о матеріальныхъ атомахъ, изъ которыхъ состоятъ эти вещи и отъ сочетанія и относительнаго движенія которыхъ зависятъ всѣ свойства ихъ,—въ психологіи главную роль играетъ представленіе о процессахъ, настолько, конечно, насколько послѣдніе могутъ быть представленіями, могутъ получить въ представленіяхъ свое символическое выраженіе. Понятіе о субстанціи совершенно не можетъ найти себѣ приложенія въ мірѣ сознанія. Ощущенія, представленія, мысли, чувствованія, волевые акты составляютъ именно акты, процессы, дѣятельности и не могутъ быть уподоблены ничему вещественному, матеріальному, не могутъ быть сравнены, напр., съ химическими элементами, но скорѣе съ органическими функціями, какъ это совершенно вѣрно замѣчаетъ Гёффдингъ [1]). Нашъ духъ не представляетъ „какой-нибудь магазинъ или библіотеку, но есть совокупность дѣйствій и воздѣйствій, функцій и измѣненій“ [2]). Наше сознаніе совершенно тожественно съ тѣми процессами, которые имѣютъ въ немъ мѣсто и которые составляютъ его содержаніе.

Попытки отличить сознаніе отъ процессовъ, составляющихъ его содержаніе, основываются на олицетвореніи имени, ко-

---

[1]) H. Höffding. Psychologie in Umrissen и т. д., стр. 83.

[2]) A. Fouillée. L'évolutionnisme des idées forces, стр. 66.

торое обозначаетъ не что иное, какъ эти же самые процессы въ ихъ фактически данной связи. Много содѣйствуетъ этому и укрѣпляетъ такое олицетвореніе то обстоятельство, что въ теоріяхъ душевной жизни обыкновенно отдается предпочтительное вниманіе представленіямъ, къ психологическому объективированію которыхъ существуетъ большая склонность. На томъ основаніи, что представленія относятся нами всегда къ объектамъ, мы полагаемъ, что и они сами должны быть объектами, которые появляются и исчезаютъ, но никогда не перестаютъ существовать. На самомъ же дѣлѣ, какъ говоритъ Вундтъ, „представленія столь же мало, какъ и волевые акты, являются постоянными субстанціями (beharrende Substanzen), но представляютъ намъ дѣятельности. Какъ таковыя, разсматриваемыя съ общей точки зрѣнія нашего внутренняго переживанія, они являются актами сознанія, и если они перестаютъ быть послѣдними, то они и вообще перестаютъ существовать“ [1]).

Всѣ доктрины, которыя смотрятъ на представленія, какъ на какія-то пребывающія существованія, которыя вносятъ понятіе субстанціи въ область внутренней жизни, всѣ эти доктрины имѣютъ неоспоримо миѳологическій характеръ. Продолжаютъ существовать въ сознаніи только различные процессы и дѣятельности, изъ соединенія и сочетанія которыхъ и образуется вся жизнь сознанія. Эту динамическую точку зрѣнія, которой требуетъ сознаніе, мы должны твердо себѣ усвоить, и, приступая къ анализу явленій сознанія, мы должны стараться, насколько это возможно, отрѣшиться отъ всякихъ попытокъ къ фальшивымъ и ложнымъ олицетвореніямъ, должны совершенно отказаться отъ такъ называемой субстанціальной точки зрѣнія.

Но хотя мы и опредѣлили сознаніе, какъ совокупность различныхъ процессовъ, мы все-таки еще не дали полнаго понятія о томъ, что такое сознаніе, настолько, конечно, насколько можетъ быть рѣчь о такомъ опредѣленіи сознанія при посредствѣ понятій. Но здѣсь мы наталкиваемся на одно довольно существенное затрудненіе: сознаніе имѣетъ различныя степени, отъ наиболѣе яснаго сознанія до

[1]) W. Wundt. System der Philosophie, стр. 553.

наиболѣе темнаго существуетъ безчисленное множество переходовъ. Какимъ же образомъ возможно опредѣлить то, что имѣетъ такое безконечное множество различныхъ степеней? Остается только одно средство, а именно—опредѣлить, съ чѣмъ связанъ переходъ отъ меньшей сознательности къ большей, отъ неопредѣленнаго и неяснаго сознанія къ сознанію ясному и опредѣленному. То, что обусловливаетъ наибольшую степень сознанія, то, что обусловливаетъ подъемъ сознанія съ низшей ступени на высшую, то, очевидно, и составляетъ отличительное, характерное свойство самого сознанія. О другомъ опредѣленіи сознанія здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи, но это опредѣленіе сознанія будетъ въ то же время и опредѣленіемъ того, въ чемъ заключается развитіе сознанія и въ чемъ, слѣдовательно, заключается съ точки зрѣнія внутренняго опыта, если имѣть въ виду только одно сознаніе, процессъ развитія жизни.

Въ своей „Психологіи“ Гёффдингъ говоритъ, что съ сознаніемъ вообще дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ съ спеціальными формами или элементами сознанія (цвѣтами и звуками, напр.) въ частности: „описаніе или опредѣленіе послѣднихъ невозможно, такъ какъ они составляютъ основные факты, которые не могутъ быть сведены на что-либо еще болѣе простое и ясное. Это однако не исключаетъ выдѣленія самыхъ важныхъ признаковъ. Можно именно направить вниманіе на пограничные случаи, гдѣ сознаніе готово перейти въ безсознательныя состоянія; и можно обратить вниманіе на переходы изъ болѣе слабаго и болѣе темнаго сознанія въ болѣе сильное и ясное и изслѣдовать, чѣмъ обусловливаются болѣе высокія формы сознанія“ [1]).

Поступая такимъ образомъ, Гёффдингъ находитъ, что сознательная жизнь характеризуется слѣдующими тремя главными свойствами: прежде всего, для того, чтобы могло возникнуть ясное сознаніе, необходимо должны существовать измѣненія въ его состояніяхъ и нѣкоторая противоположность между послѣдними. „Вполнѣ однообразное и неизмѣнное состояніе имѣетъ тенденцію къ уничтоженію сознанія“ [2]).

---

[1]) H. Höffding. Psychologie in Umrissen, стр. 56.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

Но измѣненіе и противоположность сами по себѣ еще недостаточны—различные единичные элементы сознанія имѣютъ въ немъ мѣсто не изолированно, но всегда въ болѣе или менѣе твердой связи между собою. И подобная связь необходима для того, чтобы сами единичныя впечатлѣнія, каждое само по себѣ, могли получить въ сознаніи свое значеніе. Но для того, чтобы могли имѣть мѣсто связь и взаимодѣйствіе между различными элементами сознанія, для этого должно быть возможно сохраненіе или воспроизведеніе прежнихъ состояній. „Это подтверждается тѣмъ, что отсутствіе связи и недостатокъ во внутреннемъ обоюдномъ взаимодѣйствіи между элементами сознанія есть признакъ начинающагося разложенія сознательной жизни [1]),

Но и эти оба условія еще, однако, недостаточны для характеристики сознательной жизни Они могутъ одинаково хорошо оказываться пригодными и для жизни органической. „Способность къ сохраненію и воспроизведенію прежнихъ состояній находится также и въ безсознательной природѣ. Но, чего послѣдней недостаетъ, это—способности къ вторичному узнаванію (Wiedererkennen) воспроизведеннаго состоянія" [2]). Въ безсознательномъ существѣ одно мгновеніе всегда находится какъ бы внѣ другого, даже если то, что наполняетъ одно, наполняетъ также и другое. „Напротивъ, черезъ посредство узнаванія, различія во времени и въ пространствѣ уничтожаются, въ то время какъ то, что было пережито, въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, непосредственно соединяется другъ съ другомъ. Въ узнаваніи и въ воспоминаніи выражается внутреннее единство, для чего матеріальный міръ не представляетъ ничего соотвѣтствующаго" [3]).

Такимъ образомъ, это единство представляетъ дѣйствительно характерное и основное качество сознанія. Но оно можетъ выступать передъ нами въ различныхъ степеняхъ и мы никогда не имѣемъ его въ нашемъ психологическомъ опытѣ въ самой высшей мыслимой сте-

---

[1]) Тамъ же, стр. 57.
[2]) Тамъ же. стр. 58.
[3]) Тамъ же, стр. 58.

пени. „Подъ ясностью и связью въ нашемъ сознаніи всегда находится болѣе или менѣе темный хаосъ; первоначальные элементы (Urelemente) нашего сознанія постоянно должны возникать въ немъ, какъ нѣчто такое, что дается ему, какъ матеріалъ для его дѣятельности. Существуетъ, слѣдовательно, пассивная и активная сторона въ природѣ сознанія, первая, соотвѣтствующая множественности, разнообразію элементовъ, послѣдняя — единству и связи всего содержанія сознанія“ [1]). Энергія сознанія выражается намъ въ томъ способѣ, какъ единичные элементы соединяются между собою и приводятся во взаимодѣйствіе. Поэтому Геффдингъ приходитъ къ тому совершенно вѣрному заключенію, что синтезъ представляетъ основную форму всякаго сознанія. Но на какой бы ступени развитія сознательной жизни мы ни открывали синтезъ, онъ всегда предполагаетъ уже данное разнообразіе элементовъ сознанія. Синтезъ соединяетъ единичныя ощущенія въ воспріятія, изъ представленій образуетъ понятія и т. д., и подобная работа начинается тотчасъ же съ возникновеніемъ самого сознанія, что доказывается уже тѣмъ фактомъ, что сознаніе тѣмъ болѣе приближается къ безсознательности, чѣмъ болѣе оно приближается къ такой точкѣ, въ которой оно заключаетъ въ себѣ только одинъ единственный элементъ [2]).

Сходныя съ этимъ въ общемъ заключенія относительно природы сознанія мы встрѣчаемъ и въ книгѣ Пьера Жанэ „Психологическій автоматизмъ“. По мнѣнію Жанэ, вещи кажутся происходящими такимъ образомъ, какъ будто бы въ душѣ существовали двѣ различныя активности, которыя то дополняютъ другъ друга, то оказываютъ другъ другу противодѣйствіе. Первую активность онъ называетъ дѣйствующею, вторую же активность, которая находитъ свое выраженіе въ автоматизмѣ, — сохраняющею (conservatrice). Что касается первой активности, то вотъ что мы читаемъ у Жанэ относительно нея: „Какъ это говорили древніе философы, существовать значитъ дѣйствовать и творить, и сознаніе, которое

---

[1]) Тамъ же, стр. 59, 60.
[2]) Тамъ же, стр. 60.

представляетъ реальность въ самой высокой степени, есть, въ силу этого самаго, дѣйствующая активность. Эта активность, если мы попытаемся представить себѣ ея природу, есть прежде всего активность синтеза, которая соединяетъ данные феномены, болѣе или менѣе многочисленные, въ одинъ новый феноменъ, отличный отъ составляющихъ его элементовъ. Здѣсь мы имѣемъ истинное творчество, потому что, на какую бы точку зрѣнія мы не становились, множественность не содержитъ въ себѣ основанія для единства, и актъ, посредствомъ котораго разнородные элементы соединяются въ новую форму, намъ вовсе не данъ въ самихъ элементахъ... Сознаніе, такимъ образомъ, само по себѣ, съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ является активностью синтеза" [1]).

И совершенно невозможно сказать, каковы тѣ первые элементы, которые комбинируются такимъ образомъ сознаніемъ. Подобно тому, какъ физіологія находитъ уже организацію во всѣхъ элементахъ организованнаго тѣла, подобно этому и „психологія находитъ уже организацію и синтезъ во всѣхъ элементахъ сознанія, до которыхъ только она можетъ опуститься. Но достовѣрно, что существуютъ степени организаціи и синтеза все болѣе и болѣе сложныя. Небольшіе элементарные синтезы, безпрестанно повторяемые, становятся элементами другихъ синтезовъ, болѣе высокихъ... Будучи болѣе сложными, эти новые синтезы гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ предшествующіе" [2]). Мы удивляемся творческой активности духа въ созданіяхъ генія, „но природа сознанія всегда одна и та же, и ребенокъ, который въ первый разъ построилъ внутри себя самую слабую изъ художественныхъ или религіозныхъ эмоцій, одинаковымъ образомъ совершилъ за свой собственный счетъ открытіе и творчество" [3]).

Но въ человѣческомъ духѣ существуетъ еще другая активность, которую Жанэ называетъ сохраняющею. „Синтезы, одинъ разъ построенные, не уничтожаются; они продолжаются, они сохраняютъ свое единство, они сохраняютъ тотъ самый порядокъ въ своихъ элементахъ, который однажды былъ уста-

---

1) Pierre Janet. L'automatisme psychologique, стр. 483, 484.

2) Тамъ же, стр. 484.

3) Тамъ же, стр. 485.

новленъ“ [1]). „Подобно тому, какъ предшествующая активность стремилась творить, эта послѣдняя стремится сохранять, повторять. Наиболѣе важное обнаруженіе первой былъ синтезъ, наиболѣе важное качество послѣдней есть ассоціація идей и память“ [2]).

То различеніе и двойственность, которыя Жанэ устанавливаетъ въ сознаніи своимъ разграниченіемъ въ немъ двухъ родовъ активности, могущихъ иногда даже вступать въ противорѣчіе другъ съ другомъ, это различеніе, которое мы дѣйствительно и неизбѣжно должны признать, разъ мы стоимъ на почвѣ опыта,— кажется съ перваго взгляда совершенно уничтожающимъ надежду на опредѣленіе сознанія, которое было бы справедливо для всѣхъ случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, существуютъ два различные вида сознанія, которые характеризуются различными признаками и не могутъ быть сведены одно на другое. Но это только повидимому. То, что мы можемъ назвать „психологическимъ автоматизмомъ“, есть только болѣе низшая форма сознанія по сравненію съ активностью синтеза: это не есть другой видъ сознанія, это—то же самое сознаніе, которое обнаруживается передъ нами въ активности синтеза, но только сознаніе болѣе слабое, и слабое именно благодаря тому, что дѣятельность синтеза приближается въ немъ къ нулю. По нашему мнѣнію, между тѣмъ, что Жанэ называетъ „психологическимъ автоматизмомъ“, и тѣмъ, что онъ отличаетъ отъ него, какъ активность синтеза, существуетъ безчисленное множество промежуточныхъ ступеней. Существуютъ различныя степени автоматизма, и чѣмъ болѣе автоматизмъ, тѣмъ менѣе степень сознательности. Одинъ разъ совершенный синтезъ еще не становится тотчасъ же достояніемъ „психологическаго автоматизма“, онъ становится только отчасти автоматическимъ и лишь при многократномъ повтореніи дѣлается автоматичнымъ вполнѣ. Дѣло происходитъ такимъ образомъ, какъ будто бы активность синтеза не исчезаетъ сразу, а только постепенно, и мало-по-малу лишь уступаетъ свое

---

[1]) Тамъ же, стр. 485.
[2]) Тамъ же, стр. 486.

мѣсто „психологическому автоматизму“, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ „активность синтеза“ теряетъ свое значеніе и актъ становится все болѣе и болѣе автоматичнымъ, онъ становится также все менѣе и менѣе сознательнымъ. Такимъ образомъ, синтезъ, во всякомъ случаѣ, является самымъ характернымъ свойствомъ сознанія и тѣмъ отличительнымъ его качествомъ, по которому мы можемъ различать различныя его степени.

Такъ какъ вопросъ объ отношеніи автоматизма къ сознанію представляется намъ крайне важнымъ для опредѣленія самого сознанія, то мы, поэтому, остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Нѣкоторыя важныя для насъ мысли по этому поводу мы встрѣчаемъ въ 4-й части „Основаній психологіи“ Герберта Спенсера, гдѣ онъ говоритъ о развитіи психической дѣятельности. Общіе выводы, къ которымъ онъ приходитъ, могутъ быть нами формулированы слѣдующимъ образомъ. Различныя формы душевной дѣятельности, память, разумъ, чувство и воля, возникаютъ одновременно „тамъ, гдѣ автоматическое дѣйствіе становится сложнымъ, нечастымъ и колеблющимся... Переходя отъ органически-опредѣленныхъ психическихъ перемѣнъ, совершающихся съ чрезвычайною быстротою, къ тѣмъ психическимъ перемѣнамъ, которыя, не будучи органически опредѣленными, совершаются съ нѣкоторою обдуманностью, а слѣдовательно — сознательно, мы переходимъ къ тому роду душевной дѣятельности, который есть въ одно и то же время и память, и разумъ, и чувство, и воля, смотря потому, съ какой стороны мы смотримъ на него“ [1]). Если внутренняя связь психическихъ перемѣнъ организована, то мы имѣемъ передъ собою „дѣйствіе рефлективнаго порядка, или простого или сложнаго; во всякомъ случаѣ, тутъ не существуетъ ни одного изъ явленій сознанія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова“ [2]).

Рисуемое здѣсь Г. Спенсеромъ отношеніе сознанія къ автоматизму наводитъ насъ на нѣкоторыя поучительныя соображенія. Въ самомъ дѣлѣ, если сознаніе предполагаетъ отсут-

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основанія психологіи, II томъ, стр. 223.

[2]) Тамъ же, стр. 224.

ствіе органически опредѣленныхъ психическихъ перемѣнъ, если оно ослабляется въ той мѣрѣ, въ какой эти психическія перемѣны становятся все болѣе и болѣе организованными, то не внушаетъ ли это намъ ту мысль, что сознаніе какъ бы связано съ самимъ процессомъ организаціи психическихъ перемѣнъ и исчезаетъ, поэтому, или ослабляется тотчасъ же, какъ процессъ организаціи находитъ свое завершеніе, когда то, что было прежде раздѣлено и обособлено, теперь связано и соединено въ одно органическое цѣлое. Различные частные процессы, которые мы отличаемъ въ общемъ процессѣ сознанія и которые мы характеризуемъ, какъ какое-нибудь ощущеніе, представленіе, мысль, чувствованіе или актъ воли, тѣмъ въ большей степени являются, какъ сознательные процессы, чѣмъ въ большей степени они находятся въ процессѣ соединенія съ другими частными процессами сознанія, чѣмъ въ большей степени имѣетъ мѣсто процессъ реальнаго синтеза этихъ частныхъ процессовъ между собою въ болѣе общій процессъ. Пока эти частные процессы сознанія организуются въ болѣе общій процессъ сознанія, пока совершается реальный синтезъ ихъ съ другими частными процессами, до тѣхъ поръ они и существуютъ, какъ сознательные процессы, и они тотчасъ же исчезаютъ изъ сознанія или, по крайней мѣрѣ, становятся предметами меньшей сознательности, когда организація совершилась, когда синтезъ законченъ, когда связь ихъ другъ съ другомъ стала неразрывной, когда они окончательно слились въ одинъ общій процессъ. Этотъ болѣе общій процессъ сознанія можетъ войти, какъ элементъ, въ процессъ новаго синтеза, новой организаціи, и пока онъ будетъ участвовать въ этомъ процессѣ, пока новое органическое единство не будетъ установлено, пока новый болѣе широкій синтезъ не будетъ совершенъ, до тѣхъ поръ и этотъ общій процессъ будетъ являться составною частью сознанія и онъ тотчасъ же исчезнетъ изъ сознанія съ завершеніемъ новаго болѣе широкаго синтеза.

Ни абсолютная раздѣльность различныхъ элементарныхъ процессовъ, ни абсолютная, полная, неразрывная и тѣсная ихъ связь между собою не могутъ намъ дать

наибольшей степени сознанія; наоборотъ, сознаніе здѣсь стремится къ своему исчезновенію и уменьшенію. Наибольшее сознаніе мы имѣемъ тамъ, гдѣ раздѣльные различные элементарные процессы стремятся къ своему соединенію, къ связи, къ составленію одного цѣлаго,—тамъ, гдѣ еще существуетъ раздѣльность, но гдѣ въ то же время имѣетъ мѣсто уже реализирующійся синтезъ, организующееся единство, устанавливающаяся связь. Такимъ образомъ, мы можемъ опредѣлить сознаніе, какъ реализирующійся синтезъ раздѣльныхъ различныхъ элементарныхъ процессовъ сознанія въ одинъ общій болѣе широкій процессъ. Пока синтезъ совершается и реализируется, сознаніе существуетъ, и оно исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшается въ своей степени въ тотъ же моментъ, какъ синтезъ перестаетъ имѣть мѣсто, оно прекращается, слѣдовательно, въ тотъ самый моментъ, когда не существуетъ болѣе раздѣльныхъ элементарныхъ процессовъ, когда нечего болѣе связывать и соединять, когда старый синтезъ законченъ, а матеріаловъ для новаго синтеза нѣтъ на лицо. Дѣло не въ произведенномъ синтезѣ, а въ производящемся, дѣло не въ совершившейся организаціи, а въ совершающейся,—только здѣсь намъ открывается міръ сознанія въ своемъ полномъ блескѣ и полной силѣ.

Сознаніе продолжается и существуетъ только до тѣхъ поръ, пока продолжается и существуетъ эта непрерывная дѣятельность синтеза, задача которой заключается въ соединеніи разнообразныхъ элементовъ и состояній сознанія въ одно цѣлое единое сознаніе. Если въ психологическомъ отношеніи мы имѣемъ право вездѣ тамъ говорить о волѣ, гдѣ мы сознаемъ дѣятельность и гдѣ мы не чувствуемъ себя вполнѣ пассивными, то въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ полное право сказать также, что воля, понимаемая въ такомъ широкомъ значеніи, образуетъ постоянное основаніе сознанія, начиная отъ самыхъ низшихъ его ступеней и кончая высшими. „Само существованіе сознанія“, какъ говоритъ Геффдингъ, „предполагаетъ дѣятельность воли“ [1]), но эта воля

[1]) H. Höffding. Psychologie in Umrissen и т. д., стр 398.

въ то же время не есть что-либо, лежащее позади явленій сознанія, но есть активность, постоянно и непрерывно переживаемая нами въ сознаніи, которая вмѣстѣ съ сознаніемъ родится и вмѣстѣ съ сознаніемъ умираетъ. Понимая волю такимъ образомъ, можно сказать, „что вся жизнь сознанія собрана въ волѣ, какъ въ своемъ наиболѣе полномъ выраженіи“ [1]), и что акты ощущенія, воспріятія, представленія, мышленія и чувствованія, разсматриваемые съ одной стороны, „представляютъ выраженія воли“, понимаемой въ такомъ широкомъ смыслѣ [2]).

Мы можемъ утверждать, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, что сознаніе есть непрерывная дѣятельность воли и что сущность этой дѣятельности есть синтезъ. Но сказать, что сознаніе сводится къ дѣятельности синтеза, еще недостаточно: сознаніе есть не только синтезъ, это—творческій синтезъ. Сознаніе, по самому существу своему, есть сила творческая: пока оно существуетъ, до тѣхъ поръ въ міръ является вѣчно что-нибудь новое и въ созданіи этого „новаго“ и заключается сущность сознанія. Между тѣмъ какъ въ области механики мы всегда можемъ напередъ предсказать то результирующее движеніе, которое должно произойти изъ соединенія данныхъ элементарныхъ движеній, между тѣмъ какъ здѣсь общій результатъ сводится къ простому суммированію отдѣльныхъ частныхъ результатовъ,—въ области сознанія мы никогда не можемъ предсказать напередъ результатъ соединенія различныхъ элементарныхъ процессовъ въ одинъ общій процессъ, составляющій по отношенію къ первымъ всегда новое произведеніе, могущее, правда, разъ оно дано намъ, быть объясненнымъ изъ своихъ элементовъ, но не могущее, не будучи намъ напередъ извѣстнымъ, быть предсказаннымъ.

Этотъ фактъ уже давно обращалъ на себя вниманіе и нашелъ свое выраженіе въ сравненіи нѣкоторыхъ законовъ явленій души съ химическими законами [3]). Изъ ощущеній, составляющихъ чувственное воспріятіе, никогда нельзя вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 123.

[2]) Тамъ же, стр, 398.

[3]) См. Миллъ. Система логики, II т., стр. 402.

вести, какъ механическій результатъ, вытекающее изъ нихъ представленіе, потому что всякое представленіе заключаетъ въ себѣ новое еще не содержавшееся въ элементахъ качество, именно форму порядка послѣднихъ. Такъ никто не былъ бы въ состояніи напередъ предсказать, если бы ему были извѣстны въ отдѣльности всѣ составные тоны какого-нибудь звука, то поглощеніе обертоновъ основнымъ тономъ и ту особенность тембра, которая составляетъ специфическій характеръ отдѣльнаго звука. То же самое повторяется въ еще болѣе высокомъ размѣрѣ въ высшихъ областяхъ душевной жизни.

И было бы полнымъ незнаніемъ истиннаго характера душевныхъ событій, какъ думаетъ Вундтъ, если бы эту невозможность вывести изъ элементарныхъ процессовъ то, что является продуктомъ ихъ соединенія, мы хотѣли бы сваливать вообще на сложность и запутанность самихъ душевныхъ процессовъ. Дѣло заключается просто въ томъ глубокомъ различіи, которое существуетъ между механическими и психическими процессами. Между тѣмъ какъ въ области механическихъ отношеній причина качественно однородна со своимъ дѣйствіемъ, „при всякомъ духовномъ процессѣ отсутствуетъ эта однородность: дѣйствіе является качественно чѣмъ-либо новымъ по отношенію къ своимъ причинамъ“ [1]).

Механически, какъ совершенно вѣрно говоритъ Фулье, природа всегда повторяется и только духовно она продолжаетъ всегда измѣняться, и это подтверждается тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что, чѣмъ въ большей степени въ области сознанія начинаетъ имѣть мѣсто повтореніе, тѣмъ въ большей степени сознаніе начинаетъ приближаться къ автоматизму, тѣмъ въ большей степени сознательные процессы становятся механическими. „Всякое упражненіе“, представляющее повтореніе опредѣленныхъ актовъ, „состоитъ въ механизированіи волевыхъ дѣйствій, совершавшихся первоначально съ сознаніемъ“ [2]). Кажется, поэтому, что всякое событіе, которое превращаетъ первоначальныя сознательныя

---

1) W. Wundt. System der Philosophie, стр. 345.

2) Тамъ же, стр. 548.

дѣйствія въ механическія, въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ какомъ обогащаетъ физіологическій механизмъ,—отнимаетъ отъ психической жизни опредѣленныя, первоначально ей принадлежащія составныя части; дѣло имѣетъ здѣсь такой оборотъ, какъ будто бы психическія событія превращаются въ физическія. Но, разъ мы стоимъ на почвѣ сознанія, разъ мы считаемъ сознаніе за истинную и дѣйствительную реальность, то это превращеніе явится для насъ не болѣе, какъ одною только видимостью. Если сознаніе есть первоначальная реальность, то не можемъ ли мы смотрѣть на самый механизмъ, на физическое, какъ на продуктъ сознанія, какъ на кристаллизованное, воплощенное сознаніе, настолько, конечно, насколько можетъ быть рѣчь о такомъ воплощеніи, какъ на минимальное сознаніе, достигшее своего крайняго предѣла. Если матеріалисты могли смотрѣть на сознаніе, какъ на усложненный механизмъ, то, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе вѣроятенъ и гораздо болѣе допустимъ противоположный взглядъ, по которому самъ механизмъ есть не что иное, какъ упрощенное сознаніе.

Совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу Вундтъ, что, если психическое дѣйствіе не есть простое свойство матеріальныхъ элементовъ субстанціи (Substanzelemente), но, какъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ ученіе о познаніи, есть сама первоначальная реальность, то подобнаго рода переходъ съ духовной стороны на физическую можетъ имѣть значеніе всегда только, какъ внѣшняя форма обнаруженія вещей; какъ окончательное метафизическое предположеніе, онъ тѣмъ менѣе можетъ быть поддерживаемъ, что съ каждымъ подобнымъ механизированіемъ волевыхъ дѣйствій связано одновременно развитіе самой воли къ высшимъ формамъ [1]). При механизированіи, которое возникаетъ, благодаря повторенію однихъ и тѣхъ же процессовъ, сила сознанія какъ бы освобождается отъ своихъ старыхъ формъ для того, чтобы обратиться къ созданію и творчеству формъ новыхъ. Такимъ образомъ, повтореніе и механизированіе составляютъ даже одно изъ условій для безпредѣльнаго роста и развитія самого сознанія:

---

[1]) Тамъ же, стр. 549.

если бы не расширялась область механизма, то, вѣроятно, не расширялась бы и область сознанія, то, вѣроятно, прекратилось бы и созданіе новаго, прекратилось бы творчество, которое составляетъ истинную природу сознанія.

Если къ области механическихъ отношеній можетъ быть примѣненъ законъ сохраненія энергіи, то „надъ духовною жизнью, какъ въ экстенсивномъ, такъ и въ интенсивномъ отношеніи господствуетъ", напротивъ того, „законъ возрастанія энергіи": экстенсивно въ томъ отношеніи, что расширяется непрерывно разнообразіе духовныхъ развитій (Entwicklungen), интенсивно въ томъ отношеніи, что возрастаютъ по своей степени возникающія внутри этихъ развитій цѣнности (Werthe)" [1]). И этотъ законъ ясно передъ нами обнаруживаетъ, какъ духовное развитіе всего человѣчества, такъ и духовное развитіе отдѣльной личности и даже каждый отдѣльный актъ душевной жизни [2]). Что при этомъ не оказывается недостатка и въ регрессивныхъ духовныхъ образованіяхъ, что для нашего эмпирическаго наблюденія, по крайней мѣрѣ, духовные продукты могутъ уменьшаться въ своей цѣнности и даже исчезать, этого обстоятельства нельзя, безъ сомнѣнія, игнорировать. „Но эти случаи", говоритъ Вундтъ, „регулярно совпадаютъ съ тѣми другими случаями, въ которыхъ вообще непрерывность душевной жизни представляетъ прорѣхи, и гдѣ, слѣдовательно, наше эмпирическое связываніе психическихъ явленій, какъ причинъ и слѣдствій по отношенію другъ къ другу, совершенно обрывается". Здѣсь возникаетъ трансцендентная проблема, разрѣшеніе которой психологія должна предоставить метафизикѣ. Но именно поэтому также мы не имѣемъ права говорить, „что подобные перерывы эмпирическихъ рядовъ образуютъ исключенія, которыя противорѣчатъ принципу духовной причинности или даже обращаютъ содержаніе его, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ его противоположность" [3]). Если мы стоимъ на почвѣ психологіи, какъ эмпирической науки, которая ограничивается тѣми членами причинной по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 315.

[2]) Тамъ же, стр. 315.

[3]) Тамъ же, стр. 315.

слѣдовательности событій, тѣми причинами и слѣдствіями, которыя намъ даны въ опытѣ, „если мы ставимъ это необходимое условіе, то правило возрастанія духовной энергіи можетъ быть считаемо столь же свободнымъ отъ всякихъ исключеній, какъ и принципъ эквивалентности" въ отношеніи причинности явленій природы [1]).

Послѣ этихъ общихъ соображеній, относительно природы сознанія, обратимся теперь къ выясненію характерныхъ чертъ эволюціи, насколько мы стараемся понять послѣднюю съ психологической точки зрѣнія. Эволюція жизни, разсматриваемая съ внутренней ея стороны, есть развитіе сознанія, а потому намъ и придется далѣе отмѣчать тѣ черты которыя характеризуютъ развитіе самого сознанія.

Сознаніе, какъ мы видѣли, есть процессъ, есть дѣйствіе; слѣдовательно, чѣмъ шире процессъ, чѣмъ интенсивнѣе дѣйствіе, тѣмъ на высшей ступени развитія находится и сознаніе. Въ этомъ смыслѣ развитіе сознанія приводитъ все къ болѣе и болѣе возрастающему дѣйствію, т. е. другими словами развитіе сознанія стремится къ достиженію наибольшаго дѣйствія, наибольшей активности.

Мы видѣли далѣе, что сознаніе есть, по природѣ своей, реализирующійся синтезъ, что синтезъ составляетъ его основную форму, а синтезъ предполагаетъ индивидуальность. Физическій міръ не обнаруживаетъ намъ никакихъ дѣйствительныхъ индивидуальностей; таковыя знаетъ только психологическая точка зрѣнія, съ которой открываются внутреннія средоточія воспоминанія, дѣйствованія и страдательнаго состоянія. Если бы мы себѣ представили, что единичные духовные элементы (ощущенія, мысли, чувствованія и т. д.) могутъ быть замѣнены другими сочетаніями, подобно химическимъ атомамъ, то отсюда бы слѣдовало, что они могутъ имѣть существованіе внѣ опредѣленнаго индивидуальнаго сознанія" [2]), что, очевидно, безсмысленно. Это же подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что только въ той мѣрѣ, въ какой имѣетъ мѣсто синтезъ, только въ этой мѣрѣ су-

---

[1]) Тамъ же, стр. 316.

[2]) H. Höffding. Psychologie in Umrissen и т. д., стр. 83.

ществуетъ и сознаніе своего „я" и различныя психическія состоянія относятся нами къ этому „я". По мѣрѣ же того, какъ синтезъ утрачиваетъ свое значеніе, какъ дѣятельность синтеза ослабляется, по мѣрѣ этого и сознаніе своего „я" становится все слабѣе, и если мы предположимъ почти полное отсутствіе дѣятельности синтеза, то мы получимъ безличныя психическія состоянія. Чѣмъ сильнѣе единичныя ощущенія и представленія каждое само по себѣ, и чѣмъ въ меньшей степени они связываются другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе на задній планъ отступаетъ дѣятельность воли, съ которой неразрывно связано сознаніе своего „я", своей личности. Индивидуальность тогда почти не существуетъ. И наоборотъ, чѣмъ значительнѣе дѣятельность синтеза, чѣмъ она шире, чѣмъ болѣе психическихъ элементовъ она захватываетъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ развито сознаніе своего „я", своей личности, тѣмъ въ большей степени бываетъ выработана и индивидуальность. Только съ психологической точки зрѣнія, только стоя на почвѣ внутренняго опыта или сознанія, можно считать, подобно Гефдингу, прогрессирующее индивидуализированіе, какъ общій признакъ развитія во всѣхъ его формахъ [1]).

Но если развитіе намъ является, какъ все болѣе возрастающее дѣйствіе, какъ стремленіе къ наибольшей активности, слѣдовательно, къ активности наименѣе ограниченной, наименѣе стѣсненной, потому что полнота дѣйствія можетъ быть достигнута только при этомъ условіи,—то, съ этой стороны, развитіе намъ представится, какъ возрастающая независимость, какъ прогрессирующая свобода. Не зависѣть ни отъ кого, кромѣ самого себя, дѣйствовать не подъ давленіемъ внѣшнихъ вліяній, не подъ гнетомъ внѣшней необходимости, но слѣдуя необходимости внутренней, которая опредѣляется самою природою нашей активности, нашей воли,—такова идеальная свобода, къ которой человѣкъ стремится и которая съ развитіемъ сознанія и воли все болѣе и болѣе будетъ находить свое осуществленіе. Когда мы мыслимъ объ активности, мы ее обыкновенно

---

[1]) Тамъ-же, стр. 106.

олицетворяемъ, объективируемъ, представляемъ какъ какой-нибудь опредѣленный объектъ, опредѣленную вещь, какъ нѣчто напередъ намъ данное и всецѣло обусловленное всѣмъ, кромѣ самой себя, всецѣло подчиняющуюся какимъ-то внѣшнимъ, независимо отъ нея родившимся законамъ, всецѣло опредѣляемую внѣшнимъ порядкомъ вещей и событій, въ установленіи котораго она не имѣетъ никакого значенія. Мы забываемъ при этомъ, что активность не есть опредѣленный объектъ, что она не можетъ быть нами представлена, что она не есть нѣчто напередъ данное, но — становящееся, не есть нѣчто опредѣленное, но—опредѣляющееся.

Если мы будемъ имѣть въ виду это обстоятельство, то намъ тогда станетъ яснымъ, что сама активность можетъ являться источникомъ законовъ, создательницей опредѣленнаго внѣшняго порядка вещей, что и законъ и внѣшній порядокъ, опредѣляющіе активность, могутъ въ свою очередь, являться результатомъ самой активности, ея продуктомъ, а не только чѣмъ-то предшествующимъ ей. Старая ложная метафизика, по которой явленія природы опредѣляются законами, стремится все болѣе дать мѣсто научному воззрѣнію, согласно которому, наоборотъ, сами „законы опредѣляются явленіями" [1]). Даже относительно области внѣшняго опыта, области природы и предполагаемой въ ней матеріи начинаетъ въ современной наукѣ господствовать тотъ взглядъ, „что всякая матерія, одушевленная и неодушевленная, всюду находится въ состояніи самопроизвольной дѣятельности— словомъ, жизни... и что движенія матеріи не подчинены законамъ, но суть самопроизвольныя дѣйствія силъ", взглядъ, который уже очень давно высказывалъ Льюисъ въ своемъ изложеніи системы Огюста Конта и относительно котораго онъ предсказывалъ тогда, что „это же воззрѣніе скоро усвоитъ и современная наука" [2]). Если же этотъ взглядъ

[1]) См. Д. Г. Льюисъ, „Вопросы о жизни и духѣ", т. I, стр. 293, гдѣ Льюисъ показываетъ, что „такъ называемые законы природы суть не объективныя существа, а субъективныя отвлеченія,—формулы, въ которыхъ разнообразныя явленія теряютъ свое разнообразіе и приводятся къ единству".

[2]) Льюисъ и Милль. Огюстъ Контъ и положительная философія, стр. 63.

относительно законовъ природы можетъ быть справедливъ въ области внѣшняго опыта, то тѣмъ въ большей степени онъ можетъ найти свое приложеніе на почвѣ внутренняго опыта, на точку зрѣнія котораго мы пока временно становимся и на почвѣ котораго даже этотъ взглядъ только и можетъ возникнуть. Но если все это такъ, то въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что развитіе сознанія съ означенной стороны есть все большее возрастаніе его законодательной роли: сознаніе все въ большей степени является источникомъ „общихъ правилъ", творцомъ „законовъ", создателемъ извѣстнаго „опредѣленнаго порядка вещей", оно все въ большей степени начинаетъ овладѣвать и господствовать надъ ранѣе созданнымъ имъ, надъ своими прежними продуктами, и пользоваться ими, какъ исходною точкою, для новыхъ формъ и новыхъ продуктовъ, или, выражаясь иначе, сознаніе, не уничтожая „детерминизма", который есть результатъ его, все болѣе и болѣе овладѣваетъ имъ и дѣлаетъ его все болѣе и болѣе „податливымъ".

Сознаніе переработываетъ и видоизмѣняетъ природу и обращаетъ ее все въ большей степени въ удобное и благопріятное условіе для осуществленія нравственныхъ задачъ человѣка; сознаніе видоизмѣняетъ и совершенствуетъ самый организмъ человѣка и дѣлаетъ его все въ болѣе значительной степени пригоднымъ являться носителемъ и орудіемъ безпредѣльно развивающихся духовныхъ цѣлей; сознаніе, наконецъ, перерабатываетъ общественную культуру и реформируетъ общественныя формы, дѣлая ихъ все болѣе и болѣе совершеннымъ воплощеніемъ великихъ нравственныхъ идеаловъ и источникомъ все болѣе быстраго историческаго прогресса человѣчества. Только съ психологической точки зрѣнія можно признавать за личностью такое громадное значеніе въ дѣлѣ общественнаго развитія и въ тѣхъ историческихъ преобразованіяхъ, которыя переживаетъ человѣчество,—можно считать значительной ту роль, которую играетъ личная иниціатива въ исторіи, и можно считать самой совершенной формой общественнаго устройства, къ которой приведетъ, въ концѣ концовъ, теченіе историческаго процесса,—систему свободнаго договора. Если съ есте-

ственно-научной точки зрѣнія является склонность разсматривать общество, какъ „организмъ“, какъ „естественный продуктъ“, то съ психологической точки зрѣнія общество является, наоборотъ, какъ „произведеніе искусства“, какъ „продуктъ практическаго творчества мысли“ [1]); если съ первой точки зрѣнія является склонность утверждать, что личность существуетъ для общества, то со второй точки зрѣнія, напротивъ того, получается взглядъ, что всякое политическое учрежденіе „должно служить индивидуальной жизни какъ единственной самодостаточной дѣйствительности“. [2]) Только становясь на психологическую точку зрѣнія можно сомнѣваться въ законности устраненія телеологическаго элемента изъ соціологическихъ изслѣдованій—можно сомнѣваться въ томъ, способенъ ли „объективный методъ“ дать въ соціологіи благіе результаты, и утверждать, напротивъ того, что здѣсь „мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполнѣ сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т.-е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, перечувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданіями, проплачетъ его слезами“ [3]).

Но, кромѣ того, только на почвѣ психологическаго опыта можетъ итти рѣчь о дѣйствительномъ нравственномъ развитіи человѣчества. Съ естественно-научной точки зрѣнія можно говорить о „физикѣ нравовъ“, объ „органической нравственности“, но не о развитіи въ человѣчествѣ дѣйствительной, истинной нравственности. Понятія о „человѣческомъ достоинствѣ“, объ „убѣжденіи“, о „нравственной обязанности“ съ объективной точки зрѣнія механическаго міросозерцанія являются не чѣмъ инымъ, какъ иллюзіей, и послѣдовательный натурализмъ въ области нравственности неизбѣжно приходитъ къ ихъ исключенію, если не сознательному, на что часто у него не хватаетъ смѣлости, то, по крайней мѣрѣ, фактическому. Между тѣмъ какъ для естествоиспытателя

---

[1]) О методѣ въ соціологіи. П. М-ва. Знаніе 1874 г. № 1. стр. 13.

[2]) E. Dühring. Cursus der Philosophie, стр. 320.

[3]) Н. Михайловскій. Что такое прогрессъ? Отеч. Зап. 1869 г. № 2, стр. 275.

процессъ нравственнаго развитія человѣчества представляется какъ все болѣе прогрессирующая выработка инстинктивной органической нравственности,—для психолога онъ является все болѣе и болѣе совершенной выработкой нравственности свободной, сознательной.

Въ области нравственности, какъ и вообще въ области всего духовнаго развитія, имѣетъ значеніе весьма важный принципъ, впервые формулированный Вундтомъ и который онъ называетъ „принципомъ гетерогоніи цѣлей". „Этимъ названіемъ мы хотимъ обозначить", говоритъ онъ, „то общее явленіе, замѣчаемое во всей произвольной дѣятельности, по которому воля всегда проявляется такъ, что результаты поступковъ болѣе или менѣе далеко выходятъ за предѣлы первоначальныхъ мотивовъ воли; благодаря этому, возникаютъ для будущихъ поступковъ новые мотивы, которые, въ свою очередь, производятъ неожиданные результаты съ подобными же послѣдствіями. Этотъ законъ гетерогоніи цѣлей, главнымъ образомъ, объясняетъ намъ то возрастающее богатство нравственныхъ воззрѣній на жизнь, въ нарожденіи котораго проявляется нравственное развитіе... Этотъ законъ бросаетъ, однако, свой свѣтъ не только на лежащее позади насъ, но и на будущее развитіе нравственной жизни... Давая возможность смотрѣть на каждую ступень, какъ на необходимую подготовку къ слѣдующей, онъ въ то же время не позволяетъ полагать будущимъ событіямъ какой бы то ни было границы на основаніи только нашихъ теперешнихъ понятій. Дѣйствительность всегда богаче теоріи. Здѣсь дозволительно развѣ только догадываться въ общихъ чертахъ о томъ пути, по которому пойдетъ будущее. Такъ какъ мы въ этомъ случаѣ сознаемъ себя самодѣятельными, то легко впадаемъ въ ошибку, не замѣчая, что всѣ конечныя цѣли, ради которыхъ мы работаемъ, остаются для насъ сокрытыми. Такимъ образомъ, въ упомянутомъ законѣ заключается уже ясное указаніе на то, что мы не должны вообще заключать свои нравственныя цѣли въ узкія границы непосредственно стоящихъ передъ нами желаній и надеждъ. Каждый хочетъ, чтобы его считали „sub specie aeternitatis". Однако, несомнѣнно, мы не должны

вмѣстѣ съ философомъ, высказавшимъ это изреченіе, смотрѣть на безконечность, какъ на нѣчто данное и потому способное быть охваченнымъ нами въ непосредственномъ понятіи о ней. Наоборотъ, мы должны смотрѣть на нее, какъ на нѣчто будущее, какъ на безконечную задачу, разрѣшая которую, мы узнаемъ только ея части" [1]).

Такимъ образомъ, такъ какъ правило „умноженія цѣлей" (Vervielfältigung der Zwecke), устанавливаемое Вундтомъ, имѣетъ значеніе не только въ отношеніи нравственнаго развитія въ узкомъ смыслѣ этого слова, но въ отношеніи всего психическаго развитія вообще, то въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что развитіе жизни, разсматриваемое съ точки зрѣнія внутренняго опыта, есть прогрессирующее возрастаніе преслѣдуемыхъ цѣлей. Человѣчество и все живое стремится въ своемъ развитіи къ наибольшей возможной для нихъ суммѣ цѣлей. Этотъ принципъ умноженія цѣлей стоитъ въ тѣсной и непосредственной связи съ господствующимъ надъ всею психическою жизнью закономъ возрастанія духовной энергіи и существенную роль въ этомъ возрастаніи цѣлей играетъ также то обстоятельство, что достиженіе прежнихъ цѣлей съ теченіемъ времени становится все болѣе механическимъ, требуетъ все меньшей психической работы, такъ что психическая энергія какъ бы освобождается отъ старыхъ менѣе цѣнныхъ по своему значенію цѣлей для того, чтобы устремиться къ достиженію новыхъ цѣлей, болѣе цѣнныхъ и высокихъ.

Кромѣ того, съ дальнѣйшимъ психическимъ развитіемъ живыхъ существъ, принципъ гетерогоніи цѣлей не только не теряетъ свое значеніе, но, напротивъ того, „расширяетъ только сферу своего дѣйствія" [2]). Существенный признакъ болѣе высокихъ психическихъ дѣйствій заключается прежде всего въ томъ, что они никогда не остаются въ границахъ индивидуальнаго сознанія, но распространяются также на ту общественную группу, къ которой единичная личность принадлежитъ. „Каждый стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкото-

---

[1]) В. Вундтъ. Этика, стр. 282, 283.

[2]) W. Wundt. System der Philosophie, стр. 347.

рыхъ, большею же частью въ многочисленныхъ,— частью концентрически охватывающихъ другъ друга, частью перекрещивающихся между собою,—жизненныхъ кругахъ, отъ которыхъ онъ воспринимаетъ вліянія для того, чтобы, въ свою очередь, оказать на нихъ подобныя вліянія" [1]). Нѣтъ надобности думать, что это имѣетъ мѣсто только по отношенію къ необыкновеннымъ умамъ или къ людямъ, занимающимъ выдающееся жизненное положеніе,—всякая даже самая обыкновенная личность данной общественной группы не чужда этого вліянія. Но „всѣ эти передачи (Übertragungen) отъ одного къ другому, изъ которыхъ слагается общая духовная жизнь, представляютъ столько же источниковъ умноженія и роста духовныхъ силъ. Духовное пріобрѣтеніе никогда не можетъ остаться индивидуальною собственностью. Но въ то время, какъ оно переходитъ къ другимъ, оно остается однако сохраненнымъ для своего первоначальнаго обладателя, и при подобномъ переходѣ умножается не только его первоначальное содержаніе, но оно въ состояніи также во всякомъ, кому оно бываетъ сообщено, возбудить новыя духовныя двигательныя силы (Triebkräfte)" [2]).

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни и расширеніемъ ея, а также вмѣстѣ съ психическимъ развитіемъ входящихъ между собою въ психическое общеніе индивидуумовъ, не только совершается уже прежде указанный процессъ возрастанія цѣлей, но самый этотъ процессъ идетъ со все болѣе и болѣе возрастающей скоростью. Если уже сама природа, развитіе органической жизни не представляетъ намъ простой системы повторенія однѣхъ и тѣхъ же формъ, если мы уже тамъ наблюдаемъ рядъ измѣненій, которыя ведутъ къ новымъ образованіямъ, къ развитію новыхъ видовъ, новыхъ формъ органической жизни, то все это въ еще большей степени обнаруживается передъ нами въ области духовнаго развитія человѣчества. Но, что особенно характерно, такъ это то, что способность и быстрота въ созданіи новыхъ формъ все болѣе возрастаетъ по мѣрѣ того,

---

[1]) Тамъ же, стр. 347.
[2]) Тамъ же, стр. 347, 348.

какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ органическаго развитія и затѣмъ продолжаемъ такимъ же образомъ подниматься по лѣстницѣ развитія психическаго. „Промежутки времени, въ которые обнаруживается какое-нибудь творческое измѣненіе, становятся,“ какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Дюрингъ, „все менѣе и менѣе, и когда мы достигаемъ до самого человѣка, то мы видимъ, что въ немъ именно способность духовнаго творчества (die geistige Gestaltungsfähigkeit) есть та, въ которой прогрессъ и повороты на новый путь совершаются скорѣе всего, по сравненію съ другими измѣненіями его природы“ [1]). Если въ области органической жизни приспособленіе къ новымъ жизненнымъ условіямъ совершается долгимъ и медленнымъ путемъ естественнаго подбора, то мы видимъ за то, наоборотъ, что по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ къ органическимъ существамъ, у которыхъ сознаніе становится однимъ изъ дѣятельныхъ факторовъ приспособленія, что у нихъ и самое приспособленіе къ новымъ условіямъ становится все болѣе и болѣе быстрымъ.

„Идеалъ для человѣка“, говоритъ Гюйо, „не заключается въ приспособленіи разъ навсегда къ средѣ“, приспособленіи, которое привело бы къ автоматизму и безсознательности; напротивъ того, идеалъ человѣка заключается „въ возрастающей легкости переприспособленія къ измѣненіямъ среды“, которое связано „со все болѣе совершеннымъ сознаніемъ“. „Если, въ самомъ дѣлѣ, приспособленіе къ вещамъ есть дѣло безсознательной привычки, то постоянное переприспособленіе составляетъ характеристическую черту сознательнаго интеллекта и воли... И идеалъ заключается не въ томъ, чтобы уничтожить это переприспособленіе къ средѣ, но—въ томъ, чтобы сдѣлать его непрерывнымъ посредствомъ сознательнаго предвидѣнія тѣхъ измѣненій, которыя должна привести за собою двойная эволюція человѣка и міра. Это сознательное предвидѣніе уничтожитъ столкновенія (chocs), неожиданности, страданія, не посредствомъ увеличенія доли автоматизма, но увеличивая долю разума (intelligence): одинъ разумъ можетъ насъ подготовить для бу-

[1]) E. Dühring. Cursus der Philosophie, стр. 299.

дущаго, приспособить насъ къ тому, что намъ неизвѣстно еще во времени и пространствѣ (nous adapter a l'inconnu partiel du temps et de l'espace). Это неизвѣстное, хотя еще и не присутствующее передъ нами, мы воображаемъ себѣ посредствомъ идей, посредствомъ чувствъ (sentiments); отсюда получается нѣкотораго рода нравственная и интеллектуальная среда, среда сознательная, которой мы не можемъ избѣгнуть, и которая насъ будетъ всегда гарантировать противъ автоматизма“ [1]).

Можно сказать, что въ этомъ отношеніи человѣчество все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ такому состоянію, при которомъ наиболѣе глубокіе и наиболѣе обширные перевороты будутъ совершаться наиболѣе быстрымъ и легкимъ способомъ. Что касается, напр., общественныхъ формъ, то надъ нами будетъ все въ меньшей степени тяготѣть „воля предковъ“, воплощенная въ общественныхъ учрежденіяхъ,—между формами наличнаго общежитія и потребностями и идеалами составляющихъ его личностей все менѣе будетъ существовать дисгармонія, а та дисгармонія, которая существуетъ, будетъ устраняться все въ болѣе и болѣе короткій срокъ посредствомъ соотвѣтственнаго измѣненія общественной организаціи. Человѣчество все въ большей степени будетъ овладѣвать процессомъ своей исторіи, и прогрессъ изъ безсознательнаго и стихійнаго, прерываемаго часто шагами вспять и имѣющаго до нѣкоторой степени случайный характеръ, станетъ все болѣе сознательнымъ, разумнымъ и систематичнымъ, станетъ все въ болѣе значительной степени зависимъ отъ коллективной воли составляющихъ человѣчество личностей, для которыхъ исторія явится не чѣмъ инымъ, какъ бодрымъ, неутомимымъ сознательнымъ осуществленіемъ самыхъ высокихъ нравственныхъ идеаловъ, самыхъ совершенныхъ общественныхъ формъ.

Сознаніе несетъ въ себѣ преобразующее, реформаціонное начало, и оно все болѣе стремится принять этотъ реформаціонный характеръ по мѣрѣ своего развитія. Въ противоположность системѣ двигающихся матеріальныхъ тѣлъ, въ ко-

[1]) M. Guyau. Education et hérédité, стр. 214.

торой мы открываемъ тенденцію въ смыслѣ все большаго приближенія къ устойчивому состоянію,—система сознаній, по мѣрѣ своего развитія, все болѣе и болѣе удаляется отъ такого устойчиваго состоянія: если тамъ замѣчается возрастающее приближеніе къ равновѣсію, то здѣсь, наоборотъ, чѣмъ выше поднимается развитіе сознанія, тѣмъ далѣе оно находится отъ состоянія устойчиваго равновѣсія. Это—вѣчно нарушенное равновѣсіе и тѣмъ болѣе легко нарушаемое, чѣмъ выше степень сознанія.

Такимъ образомъ, если имѣть въ виду только сознаніе, если становиться исключительно только на точку зрѣнія внутренняго опыта, то развитіе жизни опредѣлится для насъ, какъ все болѣе возрастающая степень сознанія, и слѣдовательно, какъ стремленіе къ наибольшему дѣйствію, къ наибольшей активности, къ наибольшему индивидуализированію жизни, къ наибольшей независимости и свободѣ, къ наибольшему творчеству, къ наибольшей суммѣ цѣлей, какъ стремленіе къ состоянію наибольшихъ и наиболѣе быстрыхъ измѣненій, наиболѣе обширныхъ и наиболѣе скорыхъ переворотовъ, или другими словами, какъ стремленіе къ состоянію наибольшей неустойчивости.

VII.

Формула развитія съ точки зрѣнія внѣшняго опыта.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію формулы развитія жизни съ болѣе широкой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта жизни, въ которой одинаково находитъ свое признаніе какъ внѣшній, такъ и внутренній опытъ, въ которой естественно-научная и психологическая точки зрѣнія сливаются въ одно гармоническое цѣлое,—прослѣдимъ шагъ за шагомъ каждое изъ добытыхъ нами заключеній, при выясненіи процесса развитія съ точки зрѣнія живого конкретнаго сознанія, непосредственнаго психологическаго опыта, и сопоставимъ ихъ съ параллельными заключеніями, которыя получаются, если пытаться взглянуть на процессъ развитія исключительно только съ естественно-научной точки зрѣнія,

типичнымъ примѣромъ чего является намъ грандіозная система Герберта Спенсера и приведенныя нами выше воззрѣнія Фехнера и Петцольдта.

Если на почвѣ внутренняго опыта намъ открывалось дѣйствіе, активность, процессъ, непрерывный потокъ измѣняющихся и неразрывно связанныхъ между собою внутреннимъ образомъ событій, то на почвѣ внѣшняго опыта, наоборотъ, мы имѣемъ передъ собою относительно постоянныя эмпирическія вещи, непроницаемыя другъ для друга, рѣзко другъ отъ друга отдѣляющіяся и связанныя только чисто внѣшнимъ образомъ. Если внутренній опытъ ведетъ къ образованію понятія объ абсолютномъ измѣненіи, то внѣшній опытъ приводитъ, въ концѣ концовъ, къ понятію объ абсолютно постоянномъ или о субстанціи. Въ естественныхъ наукахъ эта субстанція получаетъ наименованіе матеріи, какъ субстрата, лежащаго въ основаніи всѣхъ естественныхъ процессовъ; по отношенію къ душевнымъ событіямъ она является какъ духъ, будто бы находящійся позади явленій сознанія. И матеріализмъ и спиритуализмъ, оба стоятъ одинаково на субстанціальной точкѣ зрѣнія.

Субстанція, которая, такимъ образомъ, является основнымъ понятіемъ внѣшняго опыта, представляетъ намъ понятіе объ абсолютно неизмѣнномъ, абсолютно инертномъ, пассивномъ и недѣятельномъ. Сама по себѣ субстанція не можетъ измѣняться, но только благодаря внѣшнему вліянію со стороны другихъ субстанцій, и притомъ это измѣненіе не есть внутреннее измѣненіе субстанціи, но лишь внѣшнее измѣненіе ея отношеній къ другимъ субстанціямъ, качественно же она остается всегда одною и тою же. Такимъ образомъ на почвѣ внѣшняго опыта необходимо рождается понятіе о каждой отдѣльной вещи, какъ объ измѣняющейся, только благодаря внѣшнему дѣйствію на нее другихъ вещей, и совершенно неспособной являться источникомъ своего собственнаго измѣненія; рождается понятіе о дѣйствіи вещей другъ на друга, понятія связи, зависимости, взаимодѣйствія, къ которымъ необходимо приводитъ логическая обработка внѣшняго опыта и безъ которыхъ

наше мышленіе объ этомъ опытѣ было бы невозможно. Поэтому и развитіе на почвѣ внѣшняго опыта необходимымъ образомъ явится намъ, какъ результатъ взаимодѣйствія.

Если мы будемъ разсматривать весь міръ съ механической стороны, т. е. какъ систему двигающихся атомовъ, между которыми взаимодѣйствіе устанавливается черезъ посредство повсюду распространенныхъ силъ притяженія и отталкиванія, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ, который говоритъ, что „матерію нельзя представить себѣ иначе, какъ обнаруживающею силы притяженія и отталкиванія“ [1]),—то тогда развитіе намъ представится, какъ результатъ взаимнаго дѣйствія атомовъ другъ на друга черезъ посредство этихъ силъ. Если мы будемъ обращать вниманіе на развитіе органической жизни, то развитіе намъ представится, какъ результатъ взаимодѣйствія между организмомъ и средой, какъ установленіе соотвѣтствія между внутренними и внѣшними отношеніями. И какъ въ механическомъ, такъ и въ біологическомъ отношеніи, развитіе міровой жизни должно явиться намъ, какъ все болѣе и болѣе возрастающее въ своей степени взаимодѣйствіе, какъ все болѣе прогрессирующая связь и зависимость. Въ первомъ случаѣ, какъ прогрессирующая интеграція вещества и какъ все болѣе устанавливающееся равновѣсіе нерастраченнаго движенія (какъ мы знаемъ, съ интеграціей вещества связана, согласно Спенсеру, „растрата движенія“); во второмъ случаѣ, какъ прогрессирующая и все болѣе совершенная организація, какъ все болѣе полное и болѣе широкое соотвѣтствіе и взаимное приспособленіе между внутренними и внѣшними отношеніями.

Но если развитіе есть возрастающее взаимодѣйствіе, прогрессирующая связь и зависимость, то, въ этомъ смыслѣ, развитіе міровой жизни есть стремленіе міра къ тому, чтобы составить все въ большей степени одну систему, одно тѣсно и неразрывно связанное внутри себя цѣлое. Такія

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основныя начала. Т. II. Глава IX. Направленіе движенія.

понятія, какъ взаимодѣйствіе, связь, зависимость и система предполагаютъ другъ друга, какъ мы говорили объ этомъ уже ранѣе. Но такая механическая система, всѣ части которой являются по отношенію другъ къ другу обоюдно и причиной и слѣдствіемъ, всѣ части которой связаны тѣсными узами самаго широкаго взаимодѣйствія, такая система есть то, что составляетъ организмъ. Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, что развитіе міровой жизни стремится къ тому, чтобы сдѣлать міръ одним ъ организмомъ. Такъ представляется дѣло необходимо съ точки зрѣнія внѣшняго опыта. Вотъ почему, напр., тѣ мыслители, которые при изслѣдованіи общественныхъ явленій стоятъ на строго объективной точкѣ зрѣнія внѣшняго опыта и отрицаютъ всякую законность субъективнаго метода въ соціологіи, такъ склонны бываютъ отождествлять общество съ организмомъ, какъ это мы видимъ у Спенсера, соціологическіе взгляды котораго находятся въ полной гармоніи съ остальными.

Но пойдемъ дальше... На почвѣ внѣшняго опыта, какъ мы это видѣли уже ранѣе, развитіе есть такой процессъ, который въ своемъ теченіи стремится къ извѣстному концу, къ опредѣленному постоянному состоянію, въ которомъ онъ находитъ свое завершеніе. Эту мысль Фехнеръ выразилъ въ своемъ „принципѣ стремленія къ устойчивости". Наиболѣе устойчивое и, слѣдовательно, наиболѣе долговременное и прочное состояніе, таковъ предѣлъ развитія.

Взаимодѣйствіе, какъ мы указывали уже ранѣе, приводитъ къ круговороту, къ возвращенію къ опредѣленной точкѣ уже пройденнаго пути, съ которой этотъ путь начинаетъ проходиться какъ бы снова; приводитъ къ повторенію старыхъ формъ, приводитъ къ опредѣленному, постоянному, правильному порядку. Это объясняетъ намъ, почему, стоя на почвѣ внѣшняго опыта, мы придаемъ такое громадное значеніе въ области органическаго развитія явленіямъ наслѣдственности, въ области психическаго развитія—инстинктамъ, привычкамъ и законамъ непроизвольной ассоціаціи психическихъ состояній; наконецъ, въ области развитія общественнаго—традиціоннымъ формамъ культуры и соціальной организаціи. Это объясняетъ намъ, почему тѣ мыслители, которые стоятъ строго

на почвѣ внѣшняго опыта, при изслѣдованіи нравственныхъ явленій приходятъ къ теоріямъ „органической нравственности“, почему нравственность для нихъ является только дѣломъ инстинкта, дѣломъ „органической структуры“ нашего мозга, унаслѣдованной нами отъ цѣлаго длиннаго ряда нашихъ предковъ, и почему то обстоятельство, что нравственность есть также дѣло нашего разума, нашей мысли, нашей воли, нашей свободной, самоопредѣляющейся, независимой личности, почему это обстоятельство почти совершенно упускается ими изъ виду. Въ области этихъ теорій мы являемся главнымъ образомъ только продуктами прошлаго міра, рабами наслѣдственности, но не свободными творцами и причиной новаго міра, составляющаго результатъ нашей индивидуальной измѣнчивости, нашего особеннаго индивидуальнаго существованія. Этими недостатками и характеризуется этическая теорія Спенсера.

Если на почвѣ внутренняго опыта развитіе намъ представлялось, какъ прогрессирующее индивидуализированіе, какъ возрастающее въ своей степени порожденіе индивидуальнаго, частнаго, особеннаго, новаго, — съ точки зрѣнія внѣшняго опыта оно явится намъ, наоборотъ, какъ прогрессирующее обобществленіе (универсализированіе) жизни, какъ приближеніе къ опредѣленнымъ, неизмѣннымъ, постоянно повторяющимся формамъ, а постоянно — повторяющееся и не есть ли именно универсальное, общее, старое?..

Достиженіе полной устойчивости, какъ говоритъ Фехнеръ, будетъ достиженіемъ состоянія наибольшаго соотвѣтствія различныхъ элементарныхъ процессовъ между собою, „и почему бы“, прибавляетъ онъ при этомъ, „наиболѣе соотвѣтствующее (Passendste) не должно было вѣчно повторяться, если само вѣчное повтореніе было бы наиболѣе соотвѣтствующимъ“ [1]). Но это вѣчное повтореніе, это наибольшее соотвѣтствіе частей между собою является не чѣмъ инымъ, какъ наиболѣе совершенной организаціей, — міръ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ своихъ составныхъ частяхъ, стремится

---

[1]) 9. T. Fechner. Einige Ideen zur Schöpfungs — und Entwickelungsgeschichte der Organismen, стр. 90.

стать въ наибольшей степени организованнымъ. И если всякій фактъ сознанія предполагаетъ несовершенство, недостатокъ организаціи, то можно сказать, что съ распространеніемъ вездѣ и повсюду совершенной организаціи, съ достиженіемъ такого состоянія, когда міръ и въ цѣломъ и въ своихъ частяхъ станетъ вполнѣ совершенно организованнымъ, должно также совершенно исчезнуть изъ міра и сознаніе: міръ, какъ цѣлое и въ своихъ составныхъ частяхъ, станетъ безсознательнымъ автоматомъ, станетъ чудесно устроеннымъ механизмомъ, который, лишенный всякаго присутствія мысли, чувства и воли, будетъ безъ конца разыгрывать одинъ и тотъ же неизмѣнно повторяющійся мотивъ. Ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго, если нѣкоторые писатели находятъ, что нашъ идеалъ человѣка есть „безсознательный автоматъ“, „что наиболѣе высокая степень совершенства для человѣка, слѣдовательно, наиболѣе совершенный нравственный идеалъ и предѣлъ воспитанія есть состояніе полнаго автоматизма, гдѣ интеллектуальные процессы и чувствованія наиболѣе сложныя будутъ одинаково сведены къ рефлексамъ“ [1]). Развитіе міра, съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, представляется, какъ стремленіе къ состоянію наименьшей сознательности, наибольшаго автоматизма.

Далѣе, насколько мы въ мірѣ замѣчаемъ стремленіе къ состоянію наибольшей организаціи, какъ въ отношеніи отдѣльныхъ составныхъ частей міра, такъ и въ отношеніи міра, какъ цѣлаго, настолько же мы замѣчаемъ въ немъ стремленіе къ такому состоянію, при которомъ данныя задачи достигаются съ наименьшею тратою силы. Наибольшее совершенство всякаго органа заключается въ томъ, что онъ съ наибольшею легкостью и быстротою исполняетъ свою функцію, точно также какъ и наибольшее совершенство организма связано съ наиболѣе легкимъ и быстрымъ исполненіемъ всѣхъ тѣхъ функцій, совокупность которыхъ образуетъ жизнь организма. Та-

---

[1]) См. по этому поводу M. Guyau. Éducation et hérédité, стр. 213 слѣд.

кимъ образомъ, „принципъ наименьшей затраты силы“ (Princip des kleinsten Kraftmasses), который, какъ мы видимъ, съ точки зрѣнія внѣшняго опыта, царитъ надъ развитіемъ жизни, ничего намъ не говоритъ о расширеніи самихъ цѣлей или задачъ жизни; онъ говоритъ намъ только о томъ, что повсюду господствуетъ стремленіе, чтобы данныя задачи, насколько онѣ остаются постоянными, достигались все въ большей и большей степени посредствомъ наименьшей затраты необходимыхъ для ихъ достиженія силъ. Но вопросъ о расширеніи самихъ цѣлей и задачъ жизни, насколько послѣднія не даны намъ, а создаются нами, не можетъ быть поставленъ, если стоять только на почвѣ внѣшняго опыта.

Если съ точки зрѣнія внутренняго опыта развитіе намъ представлялось, какъ постоянное расширеніе цѣлей и задачъ жизни, то съ точки зрѣнія внѣшняго опыта оно намъ представится, какъ стремленіе къ состоянію наименьшей траты силы для достиженія какихъ бы то ни было данныхъ задачъ и цѣлей. Но наименьшая трата силы неразрывно связана съ инстинктивнымъ, привычнымъ, потому что инстинктивное и привычное дѣйствіе представляютъ намъ какъ разъ такія дѣйствія, которыя совершаются съ наибольшей быстротой и съ наименьшимъ сопротивленіемъ и затратой силы. Въ области интеллектуальной, въ сферѣ теоретическаго пониманія „принципъ наименьшей траты силы“ сказывается напр.: въ употребленіи для цѣлей пониманія „привычныхъ“ и „извѣстныхъ“ намъ представленій, въ „систематизированіи“, которое заключается въ „организаціи“ всѣхъ представленій посредствомъ одного понятія объ „абсолютно простомъ“ и „абсолютно всеобщемъ“ и т. д. Но это „абсолютно простое“ и „абсолютно всеобщее“, какъ встрѣчающееся во всѣхъ частныхъ опытахъ и, слѣдовательно, повторяющееся наиболѣе часто, есть также и наиболѣе намъ „извѣстное“ и „привычное“. И „принципъ наименьшей траты силы“, который играетъ такую значительную роль въ организаціи того, что намъ уже дано въ опытѣ, въ приведеніи всего извѣстнаго намъ опыта въ одну систему,—совершенно не имѣетъ примѣненія къ опыту возможному, совершенно ничего не говоритъ намъ о расширеніи самаго опыта. При

организаціи извѣстнаго намъ опыта мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ общими и простыми понятіями, которыя, какъ общія и простыя, намъ наиболѣе привычны и извѣстны и, слѣдовательно, дозволяютъ намъ съ наименьшей тратой силы объединить въ одну стройную систему то, что уже достигнуто знаніемъ, но расширеніе самого опыта намъ всегда открываетъ новые сложные факты, новыя неизвѣстныя намъ событія.

Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: на почвѣ внѣшняго опыта развитіе жизни необходимо представляется, какъ результатъ неизмѣнныхъ безсознательныхъ стихійныхъ законовъ, какъ неумолимая непреклонная необходимость, какъ детерминизмъ, въ которомъ нѣтъ никакого мѣста для свободы. Все есть результатъ „внѣшней необходимости", все объясняется внѣшними обстоятельствами и условіями, а для „внутренней необходимости", о которой можетъ быть рѣчь только на почвѣ внутренняго опыта, нѣтъ мѣста съ этой точки зрѣнія.

Пока внутренній опытъ нами игнорируется, пока психологія не имѣетъ почти никакого значенія, пока мы пытаемся понять человѣка по аналогіи съ природой, однимъ словомъ, пока мы стоимъ исключительно на почвѣ внѣшняго опыта,—до тѣхъ поръ и тѣ „общія понятія", черезъ посредство которыхъ намъ можетъ быть доступенъ внѣшній опытъ, объективируются и олицетворяются нами. Эти общія понятія, выражающія отношенія различныхъ объектовъ внѣшняго опыта (потому что эти объекты могутъ быть нами поняты только въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу)—овеществляются нами, какъ „объективно необходимая причинная связь событій природы", какъ „законы природы", которые управляютъ и господствуютъ надъ всѣми отдѣльными явленіями, какъ слѣпая всевластная необходимость, которая надо всѣмъ царитъ и которой подчинена всецѣло даже сама воля человѣка, не могущая уклониться отъ нея ни въ какую сторону ни въ малѣйшей степени.

Только тогда, когда мы приступаемъ къ „очищенію" внѣшняго опыта и слѣдовательно, собственно говоря, отъ исключительной точки зрѣнія внѣшняго опыта, отъ естественныхъ наукъ,

обращаемся къ опыту внутреннему, къ психологіи и теоріи познанія, только тогда разсѣиваются передъ нами тѣ призраки и иллюзіи, которые неизбѣжно вырастаютъ на почвѣ исключительнаго внѣшняго опыта. Тогда мы открываемъ, „что въ понятіи причинности не можетъ быть найдено... никакой другой необходимости, кромѣ той, которая существуетъ для логически мыслящаго человѣка, согласно которой повсюду тамъ, гдѣ онъ принимаетъ причину, онъ принимаетъ также и слѣдствіе, и наоборотъ". [1]) Тогда мы открываемъ, что не законъ природы господствуетъ надъ единичными случаями и есть реальная причина того, что дѣйствительно наступаетъ данный единичный фактъ, что, напротивъ того, гораздо скорѣе самый законъ природы, насколько онъ можетъ претендовать на объективное значеніе, „вполнѣ зависимъ отъ единичныхъ случаевъ; потому что онъ до тѣхъ поръ только имѣетъ значеніе, пока единичные случаи находятся съ нимъ въ соотвѣтствіи". [2]) Мы находимъ тогда, однимъ словомъ, что „необходимость не существуетъ, какъ объективная сила внѣ человѣка" [3]), исключающая всякую свободу воли; что существуетъ необходимость чисто психологическая, обоснованная въ самой человѣческой природѣ, данная намъ въ ощущеніяхъ и имѣющая мѣсто по отношенію ко всѣмъ тѣмъ фактамъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, которые человѣкъ хотѣлъ бы измѣнить посредствомъ своей воли, но не можетъ; и наконецъ, что эта чисто психологическая необходимость можетъ быть вполнѣ совмѣстима съ человѣческой свободой [4]).

Но, чтобы сдѣлать эти открытія, повторимъ это еще разъ, надо было стать на точку зрѣнія внутренняго опыта, надо было обратиться къ психологіи и теоріи познанія, а пока мы становимся исключительно на точку зрѣнія внѣшняго опыта, какъ это мы поставили своей временной задачей, до тѣхъ поръ развитіе жизни необходи-

[1]) C. Göring. Über die menschliche Freiheit und Zurechnungsfähigkeit. Leipzig. 1876. стр. 39.

[2]) Тамъ же, стр. 39.

[3]) Тамъ же, стр. 53.

[4]) Тамъ же, стр. 53.

мо должно являться какъ результатъ неизмѣнныхъ, независящихъ отъ сознательной воли, законовъ природы, какъ результатъ безсознательной внѣшней необходимости, но не какъ продуктъ свободной воли, которая слѣдуетъ своей внутренней необходимости и въ безпрепятственномъ осуществленіи этой необходимости находитъ свою свободу, но не какъ продуктъ сознательной активности, стремящейся освободиться отъ всякихъ преградъ и этимъ путемъ достигнуть наибольшаго возможнаго дѣйствія.

Это объясняетъ намъ, почему на почвѣ внѣшняго опыта, при изслѣдованіи вопросовъ общественнаго и историческаго развитія, вырабатываются взгляды, которые считаютъ ходъ историческаго развитія фатально предопредѣленнымъ, которые отрицаютъ всякое значеніе личности въ дѣлѣ измѣненія общественныхъ формъ, которые не признаютъ никакой роли за личной иниціативой въ исторіи. Это объясняетъ намъ также, почему мыслители, стоящіе на точкѣ зрѣнія внѣшняго опыта, какъ, напр., Спенсеръ, съ такимъ жаромъ высказываются противъ всякой искусственной системы общественнаго устройства, противъ сознательнаго регулированія общественныхъ отношеній, и защищаютъ такой общественный порядокъ, который устанавливается самъ по себѣ, безъ всякой преднамѣренности и воли со стороны составляющихъ общество личностей. Общество должно являться не „результатомъ свободнаго договора личностей“, но „организмомъ“, не плодомъ творчества, но естественнымъ продуктомъ, не реализаціей идеальнаго будущаго, но исторической необходимостью прошедшаго, — а общественная солидарность не есть солидарность, которая получаетъ свое выраженіе въ сознательной кооперацiи свободныхъ личностей, въ сознательномъ коллективномъ воплощеніи нравственныхъ идеаловъ въ общественныхъ формахъ, въ сознательно регулируемомъ и направляемомъ общею волею всего человѣчества процессѣ историческаго развитія, — та солидарность, о которой можетъ быть рѣчь на почвѣ внѣшняго опыта, есть только безсознательная солидарность органовъ одного организма или колесъ и винтиковъ одной сложной машины. Въ этомъ смыслѣ, насколько мы съ точки зрѣнія внѣшняго опыта представляемъ

себѣ развитіе міра, какъ стремленіе къ такому состоянію, при которомъ весь міръ станетъ однимъ организмомъ, въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что развитіе есть прогрессирующій ростъ безсознательной органической солидарности.

VIII.

Синтезъ полученныхъ результатовъ.

Намъ остается теперь только стать на точку зрѣнія „полнаго чистаго опыта жизни“, въ которомъ внутренній и внѣшній опытъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, тогда мы и получимъ тѣ заключенія, которыя явятся примиреніемъ этихъ двухъ, повидимому, непримиримыхъ рядовъ заключеній? Спѣшимъ прибавить, что съ логической точки зрѣнія эти противоположныя заключенія непримиримы... Разъ мы логически раздѣляемъ внутренній опытъ отъ внѣшняго, то соединить ихъ потомъ и примирить мы не можемъ: внутренній и внѣшній опытъ составляютъ одно органическое неразрывное цѣлое,—если вы нарушили это органическое единство, если вы раздробили это цѣлое на части, то вы не получите этого цѣлаго снова, прикладывая части другъ къ другу. Раздѣлите животное на отдѣльные органы—мозгъ, сердце, мускулы и т. д., вы уже послѣ не составите изъ этихъ органовъ оживленнаго органическаго существа,—можно ли по этому поводу говорить, что всѣ эти органы несовмѣстимы другъ съ другомъ и не могутъ намъ дать одно живое цѣлое?!.. Изъ этого слѣдуетъ только то, что анатомъ изъ отдѣльныхъ органовъ и элементовъ живого тѣла никогда не составитъ живого организма, точно такъ же какъ и логикъ или отвлеченный мыслитель никогда не соединитъ въ одно живое цѣлое тѣ составныя части дѣйствительной жизни, которыя онъ отдѣлилъ другъ отъ друга острымъ ножомъ логическаго анализа. Эти составныя части въ дѣйствительной жизни и даны нераздѣльными и остаются нераздѣльными и, въ строгомъ смыслѣ слова, не являются даже составными частями, потому что, если ихъ отдѣлить другъ отъ друга, то изъ нихъ нельзя составить цѣлаго, подобно тому, какъ

органы болѣе чѣмъ составныя части организма, такъ какъ изъ соединенія органовъ никогда не составишь живого организма.

Для логическаго мышленія субъектъ и объектъ, внутренній и внѣшній опытъ, всегда останутся раздѣленными другъ отъ друга непроходимою бездною, всегда будутъ представлять двойственность, несводимую къ единству, всегда будутъ представлять неразрѣшимое съ логической точки зрѣнія противорѣчіе. Фактъ этой двойственности является для логической мысли послѣднимъ фактомъ; она можетъ только констатировать, что субъектъ и объектъ въ дѣйствительности соединены въ одно неразрывное цѣлое, но понять и объяснить это соединеніе логическое мышленіе не въ состояніи и должно исключить изъ своихъ задачъ. Оно можетъ только констатировать, что внутренній и внѣшній опытъ сливаются въ одинъ „цѣльный опытъ жизни", но какимъ образомъ они составляютъ этотъ цѣльный опытъ жизни, эта задача превышаетъ компетенцію мышленія. Мысль должна только констатировать единство субъекта и объекта, внутренняго и внѣшняго опыта, во всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ формахъ, въ какихъ это единство передъ нами обнаруживается,—но должна отказаться объяснить его, должна отказаться отъ попытки показать, какъ оно на самомъ дѣлѣ совершается; она должна лишь признать, что противорѣчіе субъекта и объекта, внутренняго и внѣшняго опыта есть только мнимое противорѣчіе, которое мысль создала себѣ сама и которое въ дѣйствительности совершенно не существуетъ, что тратить силы надъ логическимъ разрѣшеніемъ этого противорѣчія непроизводительно и безполезно. Тотъ, кто пытается разрѣшить его, тотъ лишь объективируетъ, олицетворяетъ то различеніе, котораго реальная жизнь вовсе не знаетъ и которое требуется только природою нашего мышленія объ этой жизни.

Лучше всего этотъ фактъ неразрывнаго единства внутренняго и внѣшняго опыта, субъекта и объекта, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что при всемъ нашемъ желаніи стать исключительно на ту или другую точку зрѣнія, это оказывается для насъ всегда совершенно невозможнымъ, обстоятельство, подтвержденіе которому внима-

тельный читатель не замедлилъ, конечно, усмотрѣть на предыдущихъ страницахъ, гдѣ мы пытались взглянуть послѣдовательно съ этихъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія на природу развитія жизни. Хорошо эту мысль выражаетъ Спенсеръ, когда говоритъ: „мы не можемъ думать о веществѣ иначе, какъ въ терминахъ духа. Мы не можемъ думать о духѣ иначе, какъ въ терминахъ вещества. Когда мы доводимъ наши изслѣдованія вещества до самыхъ крайнихъ ихъ предѣловъ, то мы оказываемся вынужденными обратиться за самыми послѣдними отвѣтами въ область духа. При изслѣдованіи же духа, мы вынуждены, дойдя до послѣднихъ вопросовъ, вернуться за разрѣшеніемъ ихъ назадъ, въ область вещества“ [1]).

Сдѣлавши эту оговорку, обратимся теперь къ формулированію того, какъ представляется процессъ развитія съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта жизни, въ которомъ внутренній и внѣшній опытъ находятъ свое фактическое примиреніе. Отъ логическаго примиренія внутренняго и внѣшняго опыта мы отказались, такъ какъ съ логической точки зрѣнія это примиреніе невозможно, но, что оно имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, это—фактъ, констатированіе различныхъ сторонъ котораго и составитъ теперь нашу задачу.

Основнымъ, исходнымъ пунктомъ на почвѣ „цѣльнаго опыта жизни“ является жизнь, не сознаніе или область духа и не движеніе вещества или область матеріи, но реальный синтезъ того и другого, синтезъ, который мы называемъ жизнью, и который составляетъ для насъ послѣдній фактъ, доступный намъ непосредственно, непосредственно нами переживаемый, но недоступный для логическаго мышленія, могущаго дѣйствовать только посредствомъ разложенія этого факта, посредствомъ расчлененія его на составныя части, но при этомъ сама жизнь перестаетъ быть жизнью: подъ анализомъ отвлеченнаго мыслителя дыханіе жизни замираетъ, остается только ея скелетъ — логическая формула, остаются только ея блѣдныя тѣни и призраки — понятія. Наука, философія или, вообще говоря, отвлеченное мышленіе вполнѣ сотканы изъ понятій и ихъ взаимнаго со-

---

[1]) Г. Спенсеръ. Основанія психологіи т. II, стр. 366, 367.

отношенія между собою; поэтому, по самому существу своему, они являются царствомъ призраковъ и блѣдныхъ тѣней дѣйствительной полной жизни и только въ той мѣрѣ таятъ еще въ себѣ элементы жизни, насколько сами эти призраки являются составными частями дѣйствительной жизни и насколько, слѣдовательно, послѣднимъ можетъ быть приписана нѣкоторая самостоятельная жизнь.

Но, будучи, по самому существу своему, только блѣднымъ отраженіемъ дѣйствительной жизни, дѣйствительнаго существованія, отвлеченное мышленіе должно стремиться къ тому, чтобы это блѣдное отраженіе сдѣлать болѣе яркимъ, въ той степени, въ какой это допускается только его природой, отвлеченное мышленіе должно стремиться къ тому, чтобы полнота жизни нашла въ немъ свое выраженіе, въ той мѣрѣ, въ какой это только возможно. Въ отдѣльныхъ наукахъ мы видимъ отраженіе отдѣльныхъ сторонъ и частей дѣйствительной жизни,—живой реальный синтезъ этихъ отдѣльныхъ наукъ, который можетъ быть названъ философіей, долженъ намъ дать хотя бы и блѣдное отраженіе, но всей жизни, всей полноты существованія. Постулатами отдѣльныхъ наукъ служатъ отдѣльныя, отмѣчаемыя логическимъ мышленіемъ въ формѣ понятій, стороны или предполагаемыя составныя части жизни, таковы напр.: въ области наукъ о природѣ предположенія о существованіи матеріи, отдѣльныхъ вещей и т. д., — постулатомъ философіи должна являться не та или другая часть или сторона жизни, но *цѣльная жизнь, не раздробленная на части и въ которой всѣ стороны являются намъ въ живомъ реальномъ единствѣ*.

Это понятіе или, вѣрнѣе, „*идею жизни*“,—такъ какъ она служитъ для объединенія всего нашего знанія,—должна класть въ свое основаніе философія, и мы видимъ, что философія стремится къ тому, чтобы все въ большей степени приблизиться къ осуществленію этой идеи, чтобы все въ большей мѣрѣ стать „*философіей жизни*“, т.-е. единственной дѣйствительной, истинной и законной философіей. Въ основаніе отдѣльныхъ наукъ легли отдѣльные частные опыты, въ основаніе философіи ложится „*полный цѣльный опытъ жизни*“, какъ онъ намъ данъ, т.-е. цѣльный и

единый, нераздробленный на части, во всей своей полнотѣ и неприкосновенности, — таковъ идеалъ, къ которому философія стремится и должна стремиться, и это должно выразиться прежде всего въ томъ, что она открыто сдѣлаетъ своимъ основнымъ и руководящимъ началомъ „идею жизни“, что она цѣльную, нераздробимую, неразрывную жизнь сдѣлаетъ своимъ постулатомъ, своею исходною точкою и своею конечною цѣлью. Что же этотъ постулатъ въ себѣ заключаетъ и какіе выводы влечетъ за собой „идея жизни“? Такъ какъ мы здѣсь не задаемся цѣлью начертать общія начала „философіи жизни“, то мы ограничимся только краткимъ формулированіемъ того, что намъ существенно необходимо для опредѣленія формулы развитія и для яснаго пониманія ея смысла.

Наука разбиваетъ цѣльную жизнь, какъ она намъ представляется пространственно, на рядъ отдѣльныхъ существованій, какъ она намъ представляется во времени, на рядъ отдѣльныхъ послѣдовательныхъ моментовъ. Но вѣдь въ дѣйствительности и это раздробленіе въ пространствѣ и это раздробленіе во времени составляютъ только искусственные пріемы отвлеченной логики и, кромѣ того, только результатъ несовершенства человѣческой мысли, — „философія жизни“ исходитъ изъ понятія непрерывности жизни, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Это понятіе пространственной и временнóй непрерывности она ставитъ своимъ постулатомъ и указываетъ на него отдѣльнымъ наукамъ, какъ на идеальную цѣль, къ которой онѣ должны стремиться. Пустые промежутки между звеньями существованій въ пространствѣ и событій во времени все болѣе и болѣе заполняются, — дѣйствительная жизнь представляетъ для науки все менѣе и менѣе пустотъ, между извѣстными намъ отдѣльными вещами и событіями все болѣе вставляется промежуточныхъ членовъ, открываемыхъ наукой. Жизнь непрерывна пространственно и непрерывна во времени, — таково первое важное для насъ качество жизни. Существуетъ одна цѣльная жизнь, одинъ міръ, а—не много жизней, не много міровъ, — много жизней и много міровъ существуетъ только для насъ, для нашего ограниченнаго мыш-

ленія, которое встрѣчаетъ столько мнимыхъ пустотъ въ этомъ мірѣ, но которое, по мѣрѣ открытія новыхъ фактовъ, по мѣрѣ прогресса научнаго изслѣдованія, все болѣе и болѣе сводитъ эти пустоты къ минимуму и все болѣе этотъ множественный, раздѣленный міръ, какимъ онъ представляется наукѣ, стремится сдѣлать единымъ непрерывнымъ міромъ. Жизнь представляетъ реальный синтезъ въ пространствѣ и во времени: сосуществующіе элементы и послѣдовательные моменты жизни синтетически всѣ связаны и связываются постоянно неразрывно между собою.

Жизнь явилась намъ, какъ одно непрерывное въ пространствѣ и во времени. Эта „идея непрерывности" влечетъ за собою дальнѣйшія важныя заключенія. То, что мы отличаемъ, какъ отдѣльные элементы жизни въ пространствѣ и какъ отдѣльные моменты жизни во времени, будучи непрерывно между собою связаны, должны, очевидно, имѣть между собою что-либо общее, ибо безъ этого „общаго" не могло бы быть непрерывной связи, должны имѣть нѣчто „постоянное", но это „постоянное", которое прежде пытались представить, какъ что-то инертное, мертвое, неподвижное, какъ какую-то матерію, или субстанцію, или какъ „постоянство непознаваемой силы", которой только обнаруженія доступны для нашего сознанія, — это постоянство есть не что иное, какъ только постоянство извѣстныхъ формъ жизни. Жизнь въ извѣстномъ отношеніи представляетъ постоянный характеръ, и насколько она представляетъ этотъ постоянный характеръ, настолько она намъ кажется какъ бы остановившейся и принявшей предметный, субстанціальный видъ. Объяснимъ нашу мысль примѣромъ. Представьте себѣ, что какая-нибудь свѣтящаяся точка очень быстро описываетъ круговую линію, — вмѣсто свѣтящейся точки мы тогда увидимъ огненный кругъ... Если бы мы не видали, какъ эта свѣтящаяся точка начала двигаться, и если бы эта точка продолжала такимъ образомъ непрерывно и постоянно двигаться, то мы считали бы этотъ огненный кругъ реально существующимъ предметомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь имѣла бы мѣсто только извѣстная по-

стоянная форма дѣйствія. Быть можетъ, такимъ же образомъ и то, что мы называемъ и считаемъ опредѣленными предметами, есть не что иное, какъ только извѣстная постоянная форма жизни. Нѣтъ матеріи, нѣтъ силы, отдѣльныхъ отъ жизни, и то, что мы называемъ матеріей и силой, есть сама жизнь, есть только постоянный характеръ жизни, который мы окрещиваемъ этими именами.

Но жизнь, наряду съ постоянствомъ, обнаруживаетъ также непрерывное измѣненіе. Рядъ разнообразныхъ событій, на которыя мы разлагаемъ посредствомъ логическаго мышленія это непрерывно измѣняющееся теченіе жизни, мы отмѣчаемъ, какъ рядъ причинъ и слѣдствій. „Философія жизни“ находитъ искусственнымъ такое раздѣленіе, которое невольно наводитъ на мысль, будто бы причина есть нѣчто отдѣльное и внѣшнее по отношенію къ своему слѣдствію. Эти понятія должны быть замѣнены понятіемъ о различныхъ фазисахъ самопроизвольно измѣняющейся жизни, при чемъ слова „причина“ и „слѣдствіе“ могутъ имѣть временно значеніе только для обозначенія того мѣста, которое тотъ или другой фазисъ занимаетъ въ ряду развертывающихся процессовъ жизни по отношенію къ тѣмъ или другимъ событіямъ. Причина одного событія есть, въ свою очередь, слѣдствіе другого, а каждое слѣдствіе само въ то же время является причиной для послѣдующаго событія. По необходимой ограниченности своего сознанія, индивидуумъ произвольно обрываетъ эту цѣпь причинъ и слѣдствій, но въ дѣйствительности она можетъ быть безпредѣльна.

Съ точки зрѣнія „философіи жизни“ мы можемъ разсматривать каждое событіе, какъ живую связь прошлыхъ событій съ событіями, имѣющими быть, можемъ смотрѣть на настоящее, какъ на реализующійся синтезъ прошедшаго съ будущимъ. А насколько мы имѣемъ основаніе предполагать зависимость между всѣми событіями, которыя имѣютъ одновременно мѣсто въ какой либо данный моментъ міроваго развитія, настолько мы можемъ считать также каждое событіе, какъ живую связь всѣхъ одновременно съ нимъ сосуществую-

щихъ событій. Такимъ образомъ, съ этой стороны каждое событіе является намъ, какъ *выраженіе живого реальнаго синтеза всего міра, какъ онъ существуетъ въ данный моментъ*.

Эти же самыя мысли могутъ быть выражены нами и въ другихъ терминахъ, еще болѣе уясняющихъ ихъ истинный смыслъ. Жизнь, разсматриваемая нами, какъ она открывается въ данный моментъ, какъ она непосредственно нами переживается, есть *дѣятельность*. Если мы размышляемъ о томъ, что предшествовало этой дѣятельности, то та же самая жизнь является намъ, какъ *дѣятель*. И, наконецъ, если мы обращаемъ вниманіе на то, что слѣдуетъ за этой дѣятельностью, то въ насъ возникаетъ идея о *результатѣ дѣятельности*. Однимъ словомъ, все здѣсь зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія мы разсматриваемъ жизнь: въ зависимости отъ различныхъ точекъ зрѣнія, одна и та же жизнь является для насъ совершенно различнымъ образомъ.

Если жизнь разсматривается нами непосредственно, какъ она намъ дана, безъ соображеній о томъ, что предшествуетъ ей и что слѣдуетъ за нею, то мы имѣемъ жизнь въ собственномъ смыслѣ этого слова. Если же мы на эту же самую жизнь смотримъ, какъ на источникъ послѣдующей жизни, или смотримъ на нее, какъ на результатъ предыдущей жизни, то она намъ является, какъ „сила“, „причина“, „субстанція“, или какъ „слѣдствіе“ и „цѣль“. Первая точка зрѣнія увлекаетъ насъ въ область метафизики, вторая—въ область эмпирическаго знанія и практической жизни. Точка зрѣнія непосредственно-разсматриваемой жизни, какъ она намъ дана, является примиреніемъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. *Дѣйствіе является связующимъ началомъ между дѣятелемъ и результатомъ дѣятельности*. Насколько можетъ итти рѣчь о „дѣятеляхъ“ и о „результатахъ дѣятельности“,—они являются намъ въ дѣйствіи въ живомъ реальномъ единствѣ.

Дѣйствіе, такимъ образомъ, *есть живой реальный синтезъ дѣятеля съ результатомъ дѣятельности, внутренней жизни съ жизнью внѣшнею*.

Но, въ сущности говоря, такъ какъ реально только дѣйствіе, а понятіе о „дѣятелѣ“ и о „результатѣ дѣятельности“ получается только при условіи разсматриванія дѣйствія подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, то мы можемъ сказать, что настоящее дѣйствіе есть живой реальный синтезъ прошедшаго дѣйствія съ дѣйствіемъ будущимъ или, выражаясь иначе, что жизнь даннаго момента есть живой реальный синтезъ жизни прошедшей съ жизнью будущей. Точно такъ же, какъ жизнь, имѣющая мѣсто въ какой-либо опредѣленной точкѣ пространства, есть живой реальный синтезъ той жизни, которая распространена кругомъ нея. Однимъ словомъ, жизнь, имѣющая мѣсто въ какомъ-либо опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени есть живой реальный синтезъ всей остальной жизни. Каждый элементарный процессъ жизни есть связующее звено для жизни всей вселенной даннаго момента, точно такъ же, какъ для ея прошедшей и будущей жизни. Всѣ эти соображенія окажутся очень полезными намъ при дальнѣйшемъ уясненіи формулы развитія жизни, къ общей характеристикѣ которой мы теперь и обращаемся.

Каковъ же характеръ этого развитія, если выходить изъ „идеи жизни“, выражающей собою фактъ цѣльности и непрерывности жизни?

Развитіе жизни на почвѣ внутренняго опыта намъ являлось, какъ прогрессирующее индивидуализированіе жизни, на почвѣ внѣшняго опыта оно являлось намъ, какъ прогрессирующее обобществленіе (универсализированіе) ея,—на почвѣ цѣльнаго опыта жизни оно намъ явится, какъ прогрессирующій синтезъ возрастающихъ въ своей степени и широтѣ процессовъ индивидуализированія жизни съ процессами обобществленія ея. Жизнь ведетъ въ своемъ развитіи къ наибольшему подъему и выработкѣ индивидуальной стороны жизни и въ то же время къ наибольшему подъему и выработкѣ ея универсальной стороны. Индивидуумъ, какъ самостоятельное, независимое цѣлое, все въ большей степени становится частью и представителемъ того всеобщаго цѣлаго, въ составъ котораго онъ входитъ, не переставая въ то же время быть въ

наибольшей степени индивидуумомъ, т.-е. самостоятельнымъ и независимымъ; и индивидуумъ, какъ нѣчто своеобразное, отличное отъ другихъ, оригинальное, частное, особенное, все въ большей степени начинаетъ имѣть общаго, тожественнаго со всѣми другими существованіями, не переставая въ то же время въ наибольшей степени вырабатывать свой специфическій оригинальный характеръ. Въ этомъ смыслѣ развитіе жизни все въ большей и большей степени ведетъ къ синтезу, къ гармоніи индивидуальнаго съ универсальнымъ, понимая индивидуальное въ смыслѣ независимаго цѣлаго и въ смыслѣ „особеннаго", „специфическаго" и, понимая универсальное въ смыслѣ системы, соединяющей части въ одно цѣлое, и въ смыслѣ „общаго", что находится одинаково во всѣхъ частяхъ.

Далѣе, на почвѣ внутренняго опыта развитіе намъ являлось, какъ возрастающее дѣйствіе, какъ стремленіе къ состоянію наиболѣе безграничной активности, а слѣдовательно, наибольшей свободы и независимости; на почвѣ внѣшняго опыта оно намъ являлось, какъ возрастающее взаимодѣйствіе, а слѣдовательно, какъ стремленіе къ состоянію наиболѣе ограниченной активности, наибольшей зависимости и солидарности;—на почвѣ цѣльнаго опыта жизни это развитіе намъ представится, какъ возрастающій синтезъ наибольшаго дѣйствія съ наибольшимъ взаимодѣйствіемъ, наиболѣе безграничной активности съ наибольшимъ ограниченіемъ ея, наибольшей независимости съ наибольшей зависимостью, наибольшей свободы съ наибольшей органической солидарностью.

На почвѣ внутренняго опыта развитіе намъ представлялось, какъ стремленіе къ состоянію наибольшихъ и наиболѣе быстрыхъ измѣненій, наибольшихъ и наиболѣе скорыхъ переворотовъ, наиболѣе легкаго и быстраго творчества новыхъ формъ, какъ стремленіе къ состоянію наибольшей неустойчивости; на почвѣ внѣшняго опыта оно намъ являлось, наоборотъ, какъ стремленіе къ наиболѣе постоянному и наиболѣе опредѣленному порядку, къ неизмѣнно повторяющемуся круговороту старыхъ формъ, какъ стремленіе къ состоянію

наибольшей устойчивости;—теперь на почвѣ цѣльнаго опыта жизни оно должно явиться намъ, какъ возрастающій синтезъ наибольшихъ измѣненій съ наибольшимъ постоянствомъ, наибольшихъ и наиболѣе легкихъ переворотовъ съ наибольшимъ и наиболѣе твердымъ порядкомъ, наибольшей неустойчивости съ наибольшей устойчивостью.

Наконецъ, развитіе на почвѣ внутренняго опыта намъ являлось, какъ все болѣе возрастающее сознаніе, какъ непрерывный безконечный духовный всеобщій прогрессъ, такъ какъ сознаніе находится вездѣ, гдѣ только находится жизнь; на почвѣ внѣшняго опыта оно намъ являлось, какъ все болѣе прогрессирующее механизированіе жизни, какъ все бо̀льшая организація ея, какъ стремленіе къ состоянію наибольшаго автоматизма; теперь, съ точки зрѣнія цѣльнаго опыта жизни развитіе намъ представится, какъ возрастающій синтезъ наибольшей сознательности, наибольшаго и наиболѣе быстраго духовнаго прогресса съ наибольшимъ механизированіемъ, съ наибольшей организаціей жизни, съ наибольшимъ автоматизмомъ ея.

Таковъ характеръ развитія, какъ оно открывается намъ на почвѣ цѣльнаго опыта жизни. Остановимся теперь болѣе подробно на нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ нами сторонъ его.

Развитіе жизни, какъ мы сказали, есть прогрессирующій и все болѣе возрастающій въ своей степени синтезъ индивидуальнаго съ универсальнымъ... Но что такое — „индивидуальное", что такое—„универсальное?" существуетъ ли отдѣльный обособленный индивидуумъ? существуетъ ли „цѣлое", независимо отъ составляющихъ его индивидуумовъ?

Строго говоря, и „индивидуальное" и „универсальное", это не болѣе, какъ только наши относительныя понятія. Отдѣленіе индивидуума отъ остальнаго міра, который мы можемъ разсматривать, какъ совокупность существъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ жизни и связанныхъ между собою въ одно цѣлое, или, другими словами, какъ громадное всемірное общество,—это отдѣленіе есть не болѣе, какъ только продуктъ аналитической дѣятельности нашего мышленія. Дѣй-

ствительная жизнь не знаетъ такого отдѣленія человѣческой личности [1]) отъ остальныхъ людей и міра, самостоятельнаго индивидуума отъ всего человѣчества и отъ „всемірнаго общества“ (выраженіе, которымъ мы будемъ здѣсь замѣнять слово „міръ“). Человѣкъ живетъ одною общею жизнью съ человѣчествомъ и составляетъ невыдѣлимый членъ всемірнаго общества. Анализъ, предпринимаемый мышленіемъ, не можетъ уничтожить этого естественнаго единства: отвлеченное мышленіе можетъ отдѣлить другъ отъ друга понятіе объ отдѣльной личности отъ понятія объ обществѣ, о человѣчествѣ, о мірѣ,—но оно безсильно отдѣлить личность отъ общества, человѣчества и міра. Тѣмъ не менѣе этотъ анализъ можетъ имѣть высокое жизненное значеніе, будучи подготовительною ступенью для сознательнаго синтеза личности съ человѣчествомъ и всемірнымъ обществомъ: естественное единство, которое заключаетъ въ себѣ часто антагонизмъ между индивидуальнымъ и универсальнымъ началомъ, человѣческая воля, руководимая разумомъ, пытается замѣнить единствомъ сознательнымъ, которое исключило бы всякій антагонизмъ и явилось бы самой совершенной гармоніей.

Истинная роль всѣхъ различеній, предпринимаемыхъ нами въ мышленіи, заключается не въ томъ, чтобы переносить ихъ въ практику жизни и пытаться осуществить въ дѣйствительности, не въ томъ, чтобы стараться разрѣшить неразрѣшимую задачу раздробленія согласно нашимъ фиктивнымъ понятіямъ нераздробимой и цѣльной жизни,—а въ томъ, чтобы естественное единство жизни преобразовать въ другую болѣе совершенную форму, чтобы анализъ сдѣлать орудіемъ болѣе совершеннаго синтеза, чтобы систему рѣзко отдѣляющихся другъ отъ друга понятій сдѣлать средствомъ реализаціи наиболѣе гармонической и совершенной связи соотвѣт-

---

[1]) Это же самое справедливо и по отношенію ко всякому индивидууму, но мы здѣсь говоримъ о человѣкѣ только потому, что онъ для насъ представляетъ наибольшій интересъ.

ствующихъ имъ вещей. Человѣкъ долженъ освободиться изъ-подъ владычества имъ же самимъ созданныхъ понятій, не дѣлать изъ нихъ идоловъ, перестать ради нихъ калѣчить и уродовать жизнь и низвести ихъ до простой, но великой служебной роли, которая имъ выпадаетъ на долю въ дѣлѣ облагороженія жизни и поднятія ея съ низшей ступени на высшую. Какъ въ области экономическихъ отношеній машины, это великое средство облегченія труда работника, могутъ стать на извѣстной стадіи экономическаго развитія орудіемъ угнетенія этого самаго работника и его обезличенія,— такъ и въ области духовнаго развитія можетъ быть позабыто объ истинномъ назначеніи „міра понятій", и человѣкъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться ими для поднятія жизни въ ея цѣнности, будетъ разбивать свою жизнь и уничтожать свою личность ради этихъ продуктовъ своего же собственнаго творчества.

Не мало вреда принесли въ этомъ отношеніи понятія о реальномъ существованіи „отдѣльной, обособленной личности" и о реальномъ существованіи „общества, человѣчества, міра, независимо отъ составляющихъ ихъ индивидуумовъ". Здѣсь не мѣсто затрогивать вопросъ объ этомъ вредѣ, а потому мы его касаться въ настоящее время не будемъ, а только укажемъ кратко, почему означенныя понятія являются не чѣмъ инымъ, какъ фикціей.

Если мы стоимъ на субстанціальной точкѣ зрѣнія, то тогда, дѣйствительно, отдѣльная личность принимаетъ для насъ характеръ самостоятельнаго, замкнутаго въ самомъ себѣ атома, непроницаемаго для другихъ подобныхъ же атомовъ и могущаго быть связаннымъ съ ними только чисто внѣшнимъ образомъ. Тогда понятно существованіе „отдѣльной личности" и тогда можетъ быть понята также возможность отдѣльнаго существованія общества, помимо существованія составляющихъ его индивидуумовъ: общество здѣсь, дѣйствительно, находится внѣ послѣднихъ, потому что оно является въ данномъ случаѣ только, какъ результатъ внѣшней связи не могущихъ быть связанными внутренно отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Не такъ представляется дѣло, если мы становимся на точку зрѣнія „философіи жизни". Тогда личность принимаетъ для

насъ характеръ не вещи, не субстанціи, не атома, но—жизни, дѣйствія, дѣятельности. Индивидуумъ есть тогда не что иное, какъ обладающая извѣстнымъ относительнымъ постоянствомъ совокупность дѣйствій. И, какъ совокупность дѣйствій, онъ не можетъ представлять изъ себя нѣчто замкнутое, подобно матеріальному атому. Каждое дѣйствіе встрѣчается постоянно съ другими дѣйствіями на своемъ пути и сплавляется съ ними внутреннимъ образомъ въ одно общее дѣйствіе. Будучи совокупностью дѣйствій, индивидуумъ непрерывно вторгается во внѣшній міръ и сливается нераздѣльно съ нимъ въ одно цѣлое. Однимъ словомъ, индивидуумъ съ динамической точки зрѣнія жизни представляетъ не что иное, какъ связанную внутри себя совокупность дѣйствій, являющуюся въ то же время однимъ изъ связующихъ звеньевъ въ общей совокупности всѣхъ міровыхъ дѣйствій. И такимъ образомъ, индивидуальная жизнь намъ является, какъ связующее начало универсальной жизни, и индивидуумъ уже самъ по себѣ есть не что иное, какъ синтезъ „индивидуальнаго“ съ „универсальнымъ“.

Реальна не отдѣльная обособленная личность, но и не общество, не міръ, какъ цѣлое, независимо отъ составляющихъ его индивидуумовъ, — единственно реальное составляетъ живая кооперація отдѣльной личности съ міромъ и человѣчествомъ, живой синтезъ индивидуальнаго со всеобщимъ, который постоянно и непрерывно имѣетъ мѣсто, пока только продолжается и будетъ продолжаться жизнь. Поэтому, и индивидуумъ и цѣлое только въ той мѣрѣ реальны, въ какой они являются уже каждое само по себѣ живымъ реальнымъ синтезомъ индивидуальнаго съ универсальнымъ, они реальны, такъ сказать, только въ коопераціи перваго съ послѣднимъ. Безъ этой коопераціи индивидуальной жизни съ универсальной немыслимо было бы существованіе ни той, ни другой.

Кооперація, синтезъ, это—всеобщій законъ жизни, всеобщій законъ существованія и развитія. Настоящее человѣка кооперируетъ съ его прошлымъ и съ его будущимъ, съ тѣмъ, что было

и что живетъ еще только въ его памяти, и съ тѣмъ, что еще только будетъ и что имѣетъ мѣсто въ сознаніи человѣка, какъ идеальная цѣль. Мысль человѣка кооперируетъ съ чувствомъ, духовная сторона его природы съ физической или матеріальной. Человѣкъ, поскольку онъ разсматривается, какъ опредѣленное существо, кооперируетъ съ остальными людьми, со всѣмъ человѣчествомъ, съ цѣлымъ міромъ. Каждый актъ жизни есть актъ коопераціи. Каждая болѣе сложная мысль есть результатъ коопераціи болѣе простыхъ мыслей; каждое болѣе сложное чувство есть результатъ коопераціи чувствъ болѣе простыхъ. Ни въ жизни отдѣльнаго человѣка, ни въ жизни какого бы то ни было живого существа нельзя найти ни одного момента, когда бы они не кооперировали съ кѣмъ-нибудь. Чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ развитія, тѣмъ шире и тѣмъ болѣе становится эта кооперація, тѣмъ глубже и тѣмъ обширнѣе дѣлается синтезъ, который имѣетъ здѣсь мѣсто.

Насколько мы можемъ судить на основаніи фактовъ, доставляемыхъ намъ органическою эволюціею на нашей землѣ и процессомъ историческаго развитія человѣчества,— развитіе жизни все въ большей и большей степени ведетъ къ синтезу, къ гармоніи индивидуальнаго съ универсальнымъ. Но нигдѣ такъ ясно это не обнаруживается, какъ по отношенію къ теоретической дѣятельности нашего разума и по отношенію къ практической дѣятельности его, когда онъ принимаетъ на себя руководящую роль въ области нравственности. Чтобы сдѣлать еще болѣе понятнымъ смыслъ установленной нами формулы развитія, остановимся на этомъ хотя кратко.

Нѣкоторые мыслители полагаютъ, что только „всеобщее“ и „безличное“ можетъ удовлетворить разумъ въ его упражненіи. Съ этимъ положеніемъ, взятымъ въ такой его исключительности, врядъ ли можно вполнѣ согласиться. Не „безличное“ и „всеобщее“, но безконечно множественное, разнообразное и индивидуальное, связанное въ одно гармоническое цѣлое,—такова задача, къ которой стремится, по нашему мнѣнію, разумъ, насколько онъ дѣйствуетъ въ сферѣ познанія. Онъ стремится къ тому, чтобы система

всего человѣческаго знанія замыкалась бы въ нѣкоторое единство, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремится также къ непрерывному расширенію нашего познанія; онъ стремится къ тому, чтобы объединить наше знаніе, при посредствѣ общихъ, абстрактныхъ идей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ столь же постоянно и неуклонно стремится къ открытію новыхъ конкретныхъ фактовъ. Только безличное и только всеобщее такъ же мало можетъ удовлетворить разумъ въ его упражненіи, какъ мало его можетъ удовлетворить и только личное, частное, особенное, составляющее предметъ непосредственнаго воспріятія. Разумъ можетъ отвлечься отъ частнаго и индивидуальнаго, но не въ этомъ отвлеченіи заключается его основная задача, если мы имѣемъ въ виду, конечно, не разумъ школьной логики, а разумъ живого человѣка. Пониманіе индивидуальнаго и особеннаго въ такой же мѣрѣ составляетъ задачу разума, какъ и отысканіе безличнаго и всеобщаго. Отъ частностей разумъ поднимается до всеобщаго, отъ всеобщаго онъ снова опускается къ частностямъ,—такова его постоянная двойная работа.

Такимъ образомъ, разумъ можетъ удовлетворить только живая связь индивидуальнаго съ универсальнымъ, частнаго со всеобщимъ, личнаго съ безличнымъ. Только постоянный переходъ отъ личнаго къ безличному и отъ безличнаго къ личному, отъ индивидуальнаго къ универсальному и отъ универсальнаго къ индивидуальному, отъ частнаго и особеннаго къ всеобщему и отъ всеобщаго къ частному и особенному, — только такой постоянный переходъ и составляетъ истинное естественное содержаніе дѣятельности живого человѣческаго разума. Задача развивающагося разума въ томъ только и заключается, чтобы этотъ переходъ совершался легко и быстро и постоянно въ этихъ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, которыя объединялись бы между собою синтетически въ живую подвижную постоянно расширяющуюся гармонію. Развитіе теоретическаго мышленія все болѣе ведетъ къ гармоніи разума съ жизнью, отвлеченнаго размышленія съ непосредственнымъ воспріятіемъ, абстрактнаго понятія съ конкретнымъ воззрѣніемъ.

Становясь практическимъ, т.-е. дѣлаясь руководящимъ

началомъ воли и орудіемъ развивающейся нравственности, разумъ продолжаетъ дѣйствовать все въ томъ же направленіи. Измѣняется и расширяется только поле его дѣятельности, но сущность дѣятельности остается одна и та же. Если въ области познанія, выражаясь по терминологіи Канта, разумъ постепенно производитъ связь чувственныхъ впечатлѣній въ явленія, явленій въ опыты, опытовъ въ единую науку,— то въ сферѣ нравственной жизни разумъ будетъ производить связь отдѣльныхъ сторонъ и моментовъ человѣческой жизни въ цѣльную единую жизнь, отдѣльныхъ индивидуальныхъ жизней въ жизнь соціальную, общечеловѣческую или даже общеміровую. И тамъ и тутъ задачей разума останется стремленіе къ единству и связи, стремленіе къ синтезу и гармоніи; только единство и связь, къ которымъ разумъ, въ силу своей природы, будетъ стремиться въ сферѣ нравственности, облекутся для него здѣсь въ форму идеала братства и всеобщей человѣческой и міровой солидарности. Работа надъ созданіемъ такого братства и такой солидарности, которыя охватили бы собой все человѣчество и даже все живущее,— такова задача, надъ которой будетъ трудиться разумъ, когда онъ станетъ двигательной силой въ области нравственнаго развитія.

Но эта задача явится передъ разумомъ не только, какъ отвлеченный идеалъ, но какъ живая действительность. Фулье придаетъ громадное значеніе тому факту что мы можемъ думать не только о себѣ, но и о другомъ, о человѣчествѣ, даже о цѣломъ мірѣ [1]). Однако, этотъ фактъ не получилъ бы такого важнаго значенія, если бы онъ только этимъ однимъ исчерпывался. Важное нравственное значеніе послѣдняго факта заключается не въ томъ только, что я могу думать о другомъ, о человѣчествѣ, о цѣломъ мірѣ, а въ томъ также, *что я могу эту мысль о другомъ и о человѣчествѣ связать съ мыслью о себѣ*, что я, *когда мыслю объ этомъ внѣшнемъ для меня мірѣ*, то *устанавливаю между*

[1]) A. Fouillée. Critique des systèmes de morale contemporains. Paris. 1883, стр. 18.

этимъ внѣшнимъ міромъ и самимъ собою живую гармоническую связь. Когда я думаю о васъ, я произвожу синтезъ вашей личности со своею, я объединяю васъ съ самимъ собой въ одно цѣлое, я устанавливаю между вами и собой полную гармонію въ понятіи человѣка или вообще живого существа. Мыслить о другомъ нельзя иначе, какъ только связывая всего себя или часть своего „я" съ этимъ другимъ въ одно гармоническое цѣлое.

Въ этомъ именно и заключается высокое нравственное значеніе мысли самой по себѣ, независимо даже отъ предмета своего содержанія. Такъ какъ мысль, по своему существенному характеру, является установленіемъ единства и связи, то мыслить, значитъ въ то же время воспитывать въ себѣ стремленіе къ этому единству и связи, которое, перенесенное изъ теоретической сферы познанія въ область практической жизни, станетъ стремленіемъ ко всеобщему братству и къ безпредѣльной широкой солидарности всего живущаго между собою.

Такимъ образомъ, и нравственность есть не что иное, какъ стремленіе къ установленію и расширенію гармоніи между индивидуальнымъ и всеобщимъ, и прежде всего, къ установленію этой гармоніи между самимъ собой, между своимъ „я", такимъ, какимъ оно дано, съ человѣчествомъ и міромъ, стремленіе къ тому, чтобы наше „я" составило со всѣмъ человѣчествомъ и міромъ одно живое гармоническое цѣлое. Всѣ эти мысли, намѣченныя нами здѣсь только кратко, болѣе подробно развиты въ послѣдующихъ статьяхъ,—пока же мы пользуемся ими только для того, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ смыслъ установленной нами формулы развитія.

Спрашивается далѣе, какъ мы должны понимать „синтезъ наибольшаго дѣйствія съ наибольшимъ взаимодѣйствіемъ, наиболѣе безграничной активности съ наибольшимъ ограниченіемъ ея, наибольшей независимости съ наибольшей зависимостью, наибольшей свободы съ наибольшей органической солидарностью"? Можетъ ли даже быть синтезъ между такими противоположными и, повидимому, совершенно исключающими другъ друга сторонами развитія?

Начнемъ, прежде всего, съ понятій дѣйствія и взаимодѣйствія. Что касается понятія „дѣйствія", то оно, представляя для

насъ конечный фактъ, не подлежитъ, конечно, дальнѣйшему опредѣленію. Но что такое мы должны понимать подъ словомъ „взаимодѣйствіе“? Если, для представленія себѣ дѣйствія, мы можемъ ограничиться однимъ предметомъ, однимъ событіемъ, какъ напр.: представляя себѣ движеніе матеріальной точки черезъ пространство, то для представленія взаимодѣйствія намъ необходимо, по меньшей мѣрѣ, два предмета и два событія. Во взаимодѣйствіи мы имѣемъ не просто дѣйствіе, но дѣйствіе одного предмета на другой; отъ дѣйствія самого по себѣ мы здѣсь отвлекаемся и разсматриваемъ его только въ той мѣрѣ, въ какой оно обнаруживается передъ нами въ томъ измѣненіи, которое оно производитъ въ предметѣ, подвергающемся дѣйствію.

Такимъ образомъ, говоря о взаимо дѣйствіи, мы склонны бываемъ каждое измѣненіе предмета разсматривать, какъ результатъ дѣйствія внѣшнихъ силъ, какъ результатъ внѣшней необходимости. Съ точки зрѣнія „взаимодѣйствія“, все представляется измѣняющимся подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, подъ давленіемъ внѣшней необходимости, все можетъ быть только источникомъ измѣненій въ другомъ, но не въ самомъ себѣ. Совершенно противоположнымъ образомъ представляется намъ дѣло съ точки зрѣнія „дѣйствія“, согласно которой всякое измѣненіе есть результатъ внутреннихъ силъ, внутренней необходимости.

Но и та, и другая точка зрѣнія справедлива только отчасти, потому что и та, и другая разсматриваетъ дѣйствительность не въ ея полномъ видѣ: въ одномъ случаѣ, за самостоятельнымъ дѣйствіемъ каждаго предмета мы забываемъ о его дѣйствіи на другіе предметы, въ другомъ случаѣ, за дѣйствіемъ каждаго предмета на другіе предметы мы проглядываемъ какъ бы совершенно самостоятельное дѣйствіе каждаго изъ нихъ. Въ дѣйствительности же и то, и другое существуетъ неразрывно, и взаимодѣйствіе и дѣйствіе тѣсно сплетены другъ съ другомъ въ одно цѣлое: каждое измѣненіе, которое мы наблюдаемъ, есть одновременно результатъ и внѣшней и внутренней необходимости, кооперація или синтезъ и той, и другой. Однако, не всегда бываетъ

возможно опредѣлить, что приходится на долю внѣшней необходимости и что приходится на долю внутренней, въ иныхъ случаяхъ эта задача даже почти совершенно для насъ неразрѣшима. Но если бы даже и было возможно теоретически, при помощи понятій, отдѣлить внутреннюю необходимость отъ внѣшней, то практически это совершенно невозможно: въ дѣйствительной жизни онѣ всегда составляютъ одно нераздѣльное цѣлое.

Однако, хотя каждое измѣненіе, каждый актъ жизни, каждый частный жизненный процессъ есть всегда результатъ одновременно и внутренней и внѣшней необходимости, тѣмъ не менѣе внутренняя и внѣшняя необходимость не всегда дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, но часто въ направленіяхъ совершенно противоположныхъ. *Устранить антагонизмъ между внѣшней и внутренней необходимостью, установить между ними гармонію и заставить ихъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи,—такова задача, къ осуществленію которой стремится развитіе.* И только при этомъ условіи, т. е. только при гармоніи внутренней и внѣшней необходимости, каждая изъ нихъ пріобрѣтаетъ свое наибольшее значеніе, потому что, только при этомъ условіи, ни одна изъ нихъ не парализуетъ дѣйствія другой и, слѣдовательно, только при этомъ условіи можетъ быть достигнута полнота дѣйствія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ.

Поэтому для насъ и становится теперь вполнѣ понятнымъ, отчего состояніе наиболѣе безграничной активности, т. е. наиболѣе безпрепятственное слѣдованіе внутренней необходимости, будетъ связано съ наибольшимъ ограниченіемъ ея, т. е. съ наибольшимъ подчиненіемъ ея необходимости внѣшней, почему состояніе наибольшей независимости индивидуума отъ цѣлаго будетъ связано съ состояніемъ наибольшей зависимости его отъ этого цѣлаго, почему наибольшее развитіе индивидуализма въ общественной жизни будетъ связано съ наибольшимъ подъемомъ самой общественности, почему наибольшая свобода будетъ соединена съ наибольшею солидарностью.

Общество въ своемъ развитіи все болѣе и болѣе стремится стать системою договора, но оно въ то же время стремится сдѣлаться въ наибольшей степени и подобнымъ организму. Системой договора оно стремится стать именно въ той степени, въ какой каждая индивидуальная личность получаетъ въ общественной жизни все болѣе и болѣе значенія въ качествѣ дѣятельной силы, поддерживающей и преобразующей наличныя общественныя формы; организмомъ оно имѣетъ тенденцію сдѣлаться въ той степени, въ какой общество все въ большей мѣрѣ начинаетъ дѣйствовать въ истинномъ смыслѣ, какъ одно цѣлое. Однимъ словомъ, общество въ своей высшей формѣ стремится стать въ одно и то же время и сознательной, предпамѣренной и естественной, непроизвольной гармоніей составляющихъ его индивидуальныхъ воль, стремится стать, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, общей волей, которая дѣйствуетъ и осуществляется, какъ одна воля, но которая предполагаетъ въ то же время внутри себя много сознательно соединенныхъ между собою индивидуальныхъ воль.

Отдѣльная личность будетъ сознавать себя тогда въ наивысшей степени свободной, въ наивысшей степени способной къ самоопредѣленію и самоутвержденію и въ то же время будетъ въ наименьшей степени отдѣлять себя отъ другихъ людей, и напротивъ того, будетъ связывать себя и сознательно и инстинктивно съ этими другими людьми въ одно гармоническое цѣлое. Наибольшее развитіе индивидуализма въ общественной жизни здѣсь будетъ связано съ наибольшимъ подъемомъ самой общественности, наибольшая свобода будетъ соединена съ наибольшею солидарностью. Ни та точка зрѣнія, которая находитъ, что общество существуетъ только для личности, что общество играетъ только чисто служебную роль; ни та другая точка зрѣнія, которая, наоборотъ, находитъ, что личность должна существовать для общества и въ случаѣ надобности быть безжалостно приносима въ жертву на алтарѣ общественной пользы, не можетъ тогда найти своего примѣненія. Девизомъ той общественной формы, къ которой стремится развитіе, будетъ: личность для общества и общество для личности, или, другими словами,

общество и личность другъ для друга! И что касается человѣческаго рода, то развитіе его до тѣхъ поръ не достигнетъ своего предѣла, пока все человѣчество не станетъ однимъ широкимъ союзомъ всѣхъ людей, не станетъ одною общею, исключающею всякое противорѣчіе внутри себя волею, пока отдѣльный человѣкъ и все человѣчество не сольются воедино.

Организованная воля всего человѣчества, которая дѣйствуетъ и обнаруживается, какъ одна воля, но въ которой въ то же время находитъ свое свободное и безпрепятственное осуществленіе индивидуальная воля каждаго человѣка,—таковъ конечный предѣлъ, къ которому стремится эволюція рода человѣческаго, и таковъ пока конечный предвидимый нами нравственный идеалъ, надъ осуществленіемъ котораго придется работать, быть можетъ, еще длинному ряду послѣдовательныхъ поколѣній. Достигнувъ его, объединенное человѣчество поставитъ себѣ новыя цѣли, новыя задачи, болѣе широкія, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы теперь помышляемъ, и которыя составятъ конечный предѣлъ новой, еще болѣе глубокой по своему значенію и по своему смыслу, эволюціи. Но и съ достиженіемъ этихъ новыхъ цѣлей, общій процессъ эволюціи жизни не достигнетъ своего предѣла, а будетъ продолжать впередъ свое неутомимое шествіе. Всякія рамки и всякіе предѣлы, которые мы ставимъ этому процессу эволюціи, искусственны и произвольны, представляютъ плодъ или недостаточности нашихъ знаній или односторонности нашихъ взглядовъ.

Но вѣдь и вы, скажетъ мнѣ читатель, не можете доказать безпредѣльность эволюціи, не можете доказать того, что эта эволюція не будетъ когда-нибудь имѣть свой конецъ... Совершенно вѣрно,—но мы и не претендуемъ на такое доказательство. Все, что мы хотимъ доказать, такъ это только то, что эволюція не заключаетъ въ себѣ необходимо представленія о какомъ-нибудь концѣ, о какомъ-нибудь предѣлѣ, что она можетъ быть представлена неопредѣленно продолжающейся, никогда не получающей своего завершенія, что она можетъ быть нами мыслима, какъ вѣчная неутомимая работа, для которой каждая ступень есть уже и

достигнутая цѣль, и которая сама въ себѣ несетъ свое удовлетвореніе и сама по себѣ, какъ неустанное стремленіе впередъ, заключаетъ въ себѣ величайшую прелесть. Зачѣмъ произвольно ограничивать то, что, по существу своему, быть можетъ, безгранично, зачѣмъ напередъ ставить предѣлы тому, что, быть можетъ, не имѣетъ никакихъ предѣловъ? И если человѣку нужно выбирать между этими двумя противоположными воззрѣніями, то перспектива безпредѣльнаго прогресса можетъ его гораздо болѣе удовлетворить, чѣмъ стремленіе къ какому бы то ни было устойчивому состоянію, которое положитъ конецъ эволюціи. Только „та творческая дѣятельность", говоритъ Дюрингъ, „черезъ посредство которой не только вновь воспроизводятся старыя отношенія, но въ прежнее сцѣпленіе вещей (Zusammenhang) вносятся новые элементы и образованія,—одна въ состояніи постоянно сообщать существованію свѣжую прелесть и возбуждать силы къ сознательной работѣ, образующей исторію (geschichtsgestaltenden). Какъ повсюду, точно также и здѣсь, созданіе новаго и творчество приносятъ вмѣстѣ съ собою наиболѣе повышенныя чувства жизни, такъ что, если цѣль исторіи есть жизнь, то сущность исторіи можетъ лежать только въ произведеніи различій и измѣненій, въ которыхъ стремящееся существо, будетъ ли это человѣкъ или духовно одаренное созданіе какого-нибудь другого міроваго тѣла, находитъ удовлетвореніе посредствомъ все новыхъ испытываній (Erprobungen) и обогащеній своей природы" [1]).

Въ заключеніе мы должны остановиться еще на одной сторонѣ эволюціи, которая содержитъ въ себѣ, быть можетъ, и единственное возможное доказательство ея безпредѣльности, если только это доказательство можетъ быть считаемо за таковое. Развитіе есть безпредѣльное возрастаніе преслѣдуемыхъ цѣлей и въ то же время есть стремленіе къ такому состоянію, при которомъ данныя цѣли достигаются съ наименьшею затратою силы. Эти оба теченія неразрывно связаны между собою: „принципъ наименьшей траты силы" является условіемъ „принципа наиболь-

[1]) E. Dühring. Cursus der Philosophie, стр. 299.

шей суммы цѣлей". Каждое повторенное осуществленіе цѣли достигается все съ меньшимъ и меньшимъ расходомъ психической энергіи, и такимъ образомъ освобожденная психическая энергія постоянно устремляется къ достиженію все новыхъ и новыхъ цѣлей. Предположите, что количество психической энергіи не уменьшается въ своей величинѣ,— то тогда неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого долженъ явиться безпредѣльный ростъ преслѣдуемыхъ цѣлей, такъ какъ прежнія цѣли, если только онѣ продолжаютъ быть цѣлями, достигаются все съ меньшимъ усиліемъ и потому постоянно увеличиваются присоединеніемъ къ нимъ все новыхъ и новыхъ цѣлей. Такимъ образомъ, насколько мы имѣемъ право считать, что количество психической энергіи въ мірѣ не уменьшается и не можетъ уменьшаться, настолько мы имѣемъ полное право также считать, что сумма цѣлей, преслѣдуемыхъ въ мірѣ, возрастаетъ и будетъ всегда возрастать, и что, слѣдовательно, духовный прогрессъ, который и есть, въ сущности, не что иное, какъ этотъ прогрессивный ростъ преслѣдуемыхъ цѣлей,—не имѣетъ конца и не имѣетъ предѣла.

Но развитіе есть не только все болѣе возрастающій ростъ цѣлей, оно есть также прогрессирующая гармонія цѣлей между собою. Какъ цѣли, ставимыя отдѣльнымъ индивидуумомъ, такъ и цѣли, ставимыя обществомъ, все болѣе стремятся составить, и вмѣстѣ, и въ отдѣльности, одну систему цѣлей, гармонически между собою связанныхъ и чуждыхъ всякихъ противорѣчій другъ другу,—такъ какъ эта гармонія цѣлей, въ свою очередь, способствуетъ освобожденію психической энергіи, которая прежде пропадала безполезно при взаимномъ противодѣйствіи однѣхъ цѣлей другимъ и которая теперь можетъ устремиться на достиженіе новыхъ цѣлей болѣе высокаго порядка. Безконечное расширеніе сферы цѣлей и неутомимое постоянное стремленіе установить между всѣми цѣлями гармонію, образовать изъ нихъ одну систему,—такова задача, надъ разрѣшеніемъ которой непрерывно работаетъ и будетъ про-

должать работать естественная эволюція жизни,—насколько жизнь является не только однимъ механизмомъ, но и сознаніемъ,—и таковъ же высшій нравственный идеалъ человѣка, высшій законъ его воли, какъ это подробно обосновано нами въ слѣдующей статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности“.

О высшемъ принципѣ нравственности[1]).

Что написано—написано;
О, если бы оно было лучше.
Байронъ.

I.

Природа воли, понятіе цѣли, естественный процессъ развитія воли. Какъ отсюда выводится принципъ гармоніи цѣлей.

Центральнымъ, основнымъ вопросомъ въ области этики или науки о нравственности является вопросъ о высшей цѣли человѣческихъ дѣйствій. Какъ должно жить? чѣмъ мы должны наполнить нашу жизнь? что мы должны въ теченіе ея совершить? къ чему мы должны стремиться?—вотъ въ разныхъ формахъ тотъ же самый вопросъ, который ставитъ себѣ и каждый человѣкъ, который хоть сколько-нибудь возвысился надъ уровнемъ слѣпой инстинктивной жизни и механическаго подчиненія независимо отъ него установленнымъ формамъ общественнаго быта. Какимъ путемъ возможно опредѣлить эту высшую цѣль, не опираясь ни на какія произвольныя, фантастическія предположенія, но основываясь только на томъ, что можетъ быть научно провѣрено и доказано? Какимъ образомъ выяснить эту цѣль съ такою очевидностью, чтобы для каждаго человѣка она могла явиться какъ необходимый предметъ его стремленій и дѣйствій, какъ нравственная необходимость, отъ которой не можетъ уклониться тотъ, кто дѣйствительно хочетъ стать существомъ

---

[1]) Статья эта была напечатана въ журналѣ „Образованіе" за 1902 г., №№ 2, 3, 5—6; здѣсь она воспроизводится съ небольшими добавленіями.

нравственнымъ? Какъ доказать человѣку то, что онъ необходимо долженъ стремиться выработать изъ себя нравственное существо? Да и имѣются ли еще такого рода доказательства, и если имѣются, то гдѣ ихъ искать?

Въ статьѣ „Формула развитія жизни" мною было показано, что задача, надъ разрѣшеніемъ которой работаетъ и будетъ продолжать работать естественная эволюція жизни, насколько жизнь является не только однимъ механизмомъ, но и сознаніемъ,—заключается въ безконечномъ расширеніи сферы цѣлей и неутомимомъ постоянномъ стремленіи установить между всѣми цѣлями гармонію, образовать изъ нихъ одну систему. И тамъ же мною было прибавлено, что „таковъ же высшій нравственный идеалъ человѣка, высшій законъ его воли". Настоящая статья и ставитъ своею задачею послѣдовательно и систематически обосновать принципъ гармоніи цѣлей и доказать, что онъ есть тотъ высшій принципъ нравственности, который естественно вытекаетъ изъ природы самой воли.

Для того, чтобы вполнѣ правильно понимать природу воли, надо имѣть постоянно въ виду, что воля не есть что-либо раздѣльное отъ волевой дѣятельности, но есть только имя, которое мы связываемъ съ этою дѣятельностью, разсматривая ее какъ одно цѣлое. Эта дѣятельность свойственна человѣку, а можетъ быть и нѣкоторымъ изъ высшихъ животныхъ, и совершается не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ опредѣленной средѣ. Волевая дѣятельность представляетъ одинъ изъ факторовъ приспособленія между организмомъ и окружающей его средой. Что же собственно выражаетъ собою понятіе „приспособленія"? Что значитъ, когда говорятъ, что такой-то организмъ приспособился къ своей средѣ? Что вообще выражаетъ собою актъ приспособленія и въ чемъ заключается своеобразный характеръ волевой дѣятельности, какъ приспособительнаго процесса, въ отличіе отъ другихъ приспособительныхъ процессовъ? Вотъ вопросы, на которые мы прежде всего должны отвѣтить.

Понятіе „приспособленія" всегда предполагаетъ, въ скрытой или явной формѣ, ту или другую цѣль, въ виду которой должно совершиться приспособленіе. Такъ, говоримъ ли мы,

напримѣръ, объ организмѣ, что онъ приспособился къ новой средѣ, при этомъ подразумѣвается, что или въ немъ самомъ, или въ его образѣ жизни произошли такія измѣненія, которыя сдѣлали возможнымъ его существованіе въ новой средѣ. Такимъ образомъ, сохраненіе даннаго организма или даннаго вида организмовъ всегда предполагается, когда говорится объ ихъ приспособленіи въ средѣ, и самый процессъ приспособленія выражаетъ рядъ тѣхъ измѣненій, которыя совершаются въ организмахъ, чтобы ихъ существованіе могло продолжаться въ новой средѣ. Или, напримѣръ, возьмемъ актъ зрѣнія. Всякому извѣстны различные приспособительные процессы, которые при этомъ имѣютъ мѣсто. Глазъ приспособляется къ различнымъ степенямъ свѣта путемъ суженія и расширенія зрачка, а также къ различнымъ степенямъ отдаленности предметовъ при посредствѣ измѣненія выпуклости хрусталика. При этомъ опять-таки подразумѣвается опредѣленная цѣль, которою въ данномъ случаѣ является нормальное выполненіе акта зрѣнія, ясное, отчетливое различеніе окружающихъ предметовъ. Въ виду правильнаго выполненія функціи зрѣнія въ глазу постоянно происходятъ различные приспособительные процессы, соотвѣтственно тѣмъ измѣненіямъ, которыя имѣютъ мѣсто въ окружающей средѣ и благодаря этимъ приспособительнымъ процессамъ, несмотря ни на какія измѣненія въ средѣ, актъ зрѣнія выполняется нами всегда правильно и надлежащимъ образомъ, т.-е. глазъ въ каждую минуту находится на высотѣ своей функціи. Этотъ приспособительный процессъ имѣетъ чисто рефлективный характеръ и онъ выработался въ теченіе длиннаго послѣдовательнаго ряда поколѣній. Правильное выполненіе функціи составляетъ здѣсь какъ бы цѣль, и актъ приспособленія выражаетъ собою рядъ тѣхъ измѣненій въ органѣ, которыя совершаются, чтобы функція продолжала выполняться въ надлежащей формѣ и въ надлежащей степени.

Возьмемъ теперь волевой актъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Воля есть тоже извѣстная опредѣленная функція. Каково содержаніе и характеръ этой функціи? Чѣмъ эта функція разнится отъ другихъ функцій организма въ родѣ зрѣнія, слуха и т. д.? Функція воли—творчество цѣлей и

ихъ реализація. Въ зрѣніи, слухѣ и другихъ функціяхъ подобнаго же рода уже имѣется напередъ данная цѣль, какъ бы предопредѣленная самимъ устройствомъ того органа, который выполняетъ функцію, что же касается воли, то здѣсь цѣлью является самая постановка цѣлей. Ставить цѣль значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремиться и къ ея осуществленію и потому въ понятіи о постановкѣ цѣлей уже необходимо заключается предположеніе и о стремленіи къ ихъ реализаціи Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы допустили, что подобное стремленіе къ реализаціи отсутствуетъ, то мы имѣли бы передъ собою не цѣль, а простое представленіе или совокупность представленій, такъ какъ цѣль, будучи совокупностью представленій, тѣмъ именно и отличается отъ простой совокупности представленій, что здѣсь привходитъ элементъ стремленія къ реализаціи послѣднихъ. Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ можно было бы даже сказать, что функція воли есть постановка или творчество цѣлей.

Теперь посмотримъ, что собственно выражаетъ собою волевой актъ. Волевой актъ является тоже актомъ приспособленія, но какого характера это приспособленіе, въ чемъ его сущность? Оно значительно отличается отъ того приспособленія, которое, напримѣръ, имѣетъ мѣсто при актѣ зрѣнія. Въ актѣ зрѣнія процессъ приспособленія выразился въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ самомъ органѣ зрѣнія. Здѣсь, наоборотъ, мы имѣетъ процессъ приспособленія, который получаетъ свое выраженіе въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто внѣ органа, являющагося источникомъ воли. Это—измѣненія въ органахъ нашего тѣла—рядъ движеній ихъ, а также измѣненія, произведенныя нами въ окружающей средѣ при посредствѣ этихъ движеній. Такимъ образомъ волевой актъ заключаетъ въ себѣ приспособленіе нашего организма всего въ его цѣломъ, а также окружающей насъ среды къ функціи постановки или творчества цѣлей. Это приспособленіе имѣетъ непрерывно мѣсто, пока дѣйствуетъ воля, подобно тому, пока функціонируетъ органъ зрѣнія, непрерывно совершаются приспособительные процессы расширенія зрачка и измѣненія выпуклости хрусталика, и эти процессы составляютъ одинъ изъ существенныхъ

элементовъ акта зрѣнія. Но не они, конечно, выражаютъ его сущность. Сущность акта зрѣнія въ самомъ зрѣніи. Подобно тому и сущность воли въ творчествѣ цѣлей, въ обращеніи просто представленій въ рядъ тѣхъ или другихъ цѣлей.

Когда мы останавливаемся на какой-нибудь цѣли, мы говоримъ „я такъ хочу". Что выражаетъ это „я хочу"? Оно означаетъ, что представленіе или совокупность представленій получили наше утвержденіе, что мы какъ бы наложили на нихъ штемпель цѣли, изъ роли простыхъ представленій придали имъ значеніе представленій о цѣли. „Я хочу"— это есть актъ нашего одобренія, нашего согласія на то, чтобы опредѣленныя представленія стали нашею цѣлью.

Что же выражаетъ наше согласіе? Почему одни представленія мы утверждаемъ въ качествѣ цѣли, а другія отвергаемъ? почему въ одномъ случаѣ мы соглашаемся, а въ другомъ—нѣтъ? одно одобряемъ, а другому отказываемъ въ своемъ одобреніи? Вотъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ, разрѣшеніе котораго дастъ ключъ къ пониманію вопроса и о постановкѣ цѣлей. Соглашаемся ли мы что-либо признать цѣлью потому, что это ведетъ къ нашему самосохраненію или потому, что это ведетъ къ нашему счастью, или еще по какимъ-нибудь другимъ подобнымъ же основаніямъ? Нѣтъ, ни самосохраненіе, ни счастье, ни другая какая-нибудь подобнаго же рода опредѣленная цѣль не даютъ намъ ключа къ пониманію вопроса о постановкѣ цѣлей. Они сами еще нуждаются въ объясненіи. Можно поставить вопросъ, почему самосохраненіе и счастье въ тѣхъ или другихъ случаяхъ являются нашею цѣлью, тѣмъ болѣе, что иногда человѣкъ можетъ стремиться не къ сохраненію жизни, а къ уничтоженію ея, не къ увеличенію своего счастья, а къ уменьшенію его, налагать на себя всякаго рода жертвы, лишенія, подвергать себя добровольно всякаго рода истязаніямъ и мученіямъ. Основаніе для постановки цѣлей должно намъ дать ключъ къ пониманію возможности и такого рода уклоняющихся отъ обычнаго цѣлей.

Итакъ, гдѣ же и въ чемъ мы будемъ искать основанія для нашего согласія на признаніе тѣхъ или другихъ представленій нашей цѣлью? Помочь намъ распутаться въ этомъ

вопросѣ можетъ разрѣшеніе аналогичнаго вопроса въ интеллектуальной области. Спрашивается, какія сужденія въ теоретической области познанія получаютъ наше одобреніе, на какія мы выражаемъ свое согласіе, внутренно говоря себѣ: „да, это такъ, это—истина“? Какія, наоборотъ, мы отвергаемъ какъ ложныя, какъ несогласныя съ истиной? Основанія, почему мы одобряемъ ту или другую цѣль и говоримъ „эту цѣль должно преслѣдовать“ и почему мы одобряемъ то или другое сужденіе, и говоримъ себѣ „это—истина“, въ существѣ дѣла одни и тѣ же.

Что же заставляетъ насъ признать истинность или ложность того или другого научнаго положенія, того или другого сужденія, высказаннаго въ обыденной жизни? Отвергаемъ ли мы какое-либо сужденіе или признаемъ его истиннымъ— зависитъ отъ того, насколько оно гармонируетъ со всѣми остальными нашими мыслями; если оно стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ другими нашими мыслями, то мы его отвергаемъ какъ ложное. Гармонія съ остальными мыслями, которыя уже получили наше одобреніе и которыя сохраняются въ нашей памяти, является для насъ фактически послѣднимъ критеріемъ истинности, послѣднимъ основаніемъ, почему мы то или другое считаемъ истиною, и это одинаково какъ въ научномъ и философскомъ мышленіи, такъ и въ мышленіи обыденнаго, заурядпаго человѣка. Вся разница только въ широтѣ примѣненія этого принципа. Строй мыслей, между которыми философъ и ученый устанавливаетъ гармонію, очень великъ, онъ охватываетъ въ своемъ полетѣ самыя различныя стороны міровой жизни, тогда какъ строй мышленія обыденнаго человѣка очень ограниченъ и узокъ и простирается только на близъ лежащее, обнимаетъ только нѣкоторыя стороны жизни и то далеко не въ полномъ размѣрѣ. Расширьте кругозоръ мышленія обыденнаго человѣка и старыя истины имъ будутъ отвергнуты, онъ признаетъ ихъ за грязную тряпку, которую надо выбросить, потому что онѣ будутъ нарушать теперь гармонію того болѣе широкаго строя мыслей, которыя онъ себѣ усвоилъ.

Подобно этому и наша воля выражаетъ свое согласіе на признаніе тѣхъ или другихъ представленій своею цѣлью,

смотря по тому, въ какой мѣрѣ они гармонируютъ съ тѣми цѣлями, которыя уже раньше получили со стороны воли свое одобренiе, на которыя уже раньше она выразила свое согласiе. Если эти представленiя стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчiи съ прежде ставившимися цѣлями, то они отвергаются и не признаются нами какъ цѣль, которую должно преслѣдовать. Слѣдовательно, послѣднимъ основанiемъ для постановки всякой новой цѣли служитъ ея гармонiя со всѣми другими цѣлями, представленiе о которыхъ сохранила наша память. Отъ широты самой системы цѣлей будетъ зависѣть, примется ли та или другая новая цѣль нами, или отвергнется. То, что при узкой системѣ цѣлей можетъ заслужить наше одобренiе, то при болѣе широкой системѣ будетъ отвергнуто какъ „заблужденiе воли", подобно тому, какъ истина, считавшаяся нами непреложной при ограниченномъ горизонтѣ нашихъ мыслей, будетъ отброшена нами какъ „заблужденiе ума", когда горизонтъ нашихъ мыслей значительно расширится. Этимъ и объясняется все то широкое разнообразiе нравственныхъ правилъ, которое мы наблюдаемъ въ историческомъ развитiи человѣчества, а также и постепенный ростъ болѣе правильнаго пониманiя задачъ нравственности.

Это пониманiе растетъ вмѣстѣ съ расширенiемъ системы цѣлей человѣческой жизни. Чѣмъ шире система цѣлей, которая вообще преслѣдуется данною личностью, тѣмъ болѣе правильнымъ съ этической точки зрѣнiя будетъ являться отношенiе воли ко всякой новой возможной цѣли, ея одобренiе или неодобренiе, ея утвержденiе или отрицанiе. Совершенно такъ же, какъ съ расширенiемъ въ области познанiя системы нашихъ понятiй и сужденiй возрастаетъ степень истинности тѣхъ новыхъ понятiй и сужденiй, которыя мы включаемъ въ эту систему.

Прекрасно, скажутъ намъ, все это объясняетъ, почему мы останавливаемся на той или другой цѣли, почему наша воля утверждаетъ опредѣленное представленiе въ качествѣ цѣли, разъ на-лицо имѣется уже извѣстная совокупность цѣлей, прежде ставившихся нами,—но какъ объяснить себѣ созданiе этой совокупности? Здѣсь мы подходимъ къ вопросу

вообще о началѣ дѣятельности, сообразно съ извѣстными цѣлями, къ вопросу о происхожденіи волевой дѣятельности въ узкомъ значеніи этого слова, т.-е. понимаемой не въ смыслѣ активности вообще, но въ смыслѣ активности, которая направляется яснымъ представленіемъ имѣющихъ быть достигнутыми цѣлей. Эта форма активности представляетъ вѣнецъ развитія человѣка, и она не можетъ находиться въ самой начальной стадіи этого развитія. Эта высшая форма активности постепенно вырабатывается и создается изъ низшихъ формъ ея. Какимъ образомъ? И каковы тѣ низшія формы активности, которыя составляютъ фундаментъ для развитія воли?

Прежде чѣмъ дѣятельность человѣка начнетъ носить вполнѣ сознательный характеръ преднамѣренныхъ поступковъ, она носитъ характеръ безсознательный или полусознательный. Первоначально человѣкъ, да и вообще всякое живое существо, дѣйствуетъ потому, что въ его тѣлѣ существуетъ запасъ энергіи, который требуетъ своего разряженія, запасъ живой силы, которая такъ или иначе должна быть израсходована. И эта энергія проявляется въ формѣ самыхъ безпорядочныхъ движеній всѣхъ частей тѣла. Посмотрите, какъ маленькій ребенокъ одного-двухъ мѣсяцевъ двигаетъ безпрестанно своими ручками и ножками, и вы будете имѣть передъ собою образецъ этой самопроизвольной дѣятельности, не руководимой никакими цѣлями, никакими ясными представленіями. Здѣсь дѣятельность—результатъ избытка силъ, просящихся наружу и направляющихся самопроизвольно по тому пути, по которому они встрѣчаютъ наименьшее препятствіе.

Кромѣ этой самопроизвольной дѣятельности, существуетъ еще дѣятельность, носящая такой же автоматическій характеръ, и гдѣ дѣйствіе вызывается раздраженіемъ со стороны окружающей среды. Это—рефлексъ. Ступенью выше мы имѣемъ дѣятельность инстинктивнаго характера и, наконецъ, дѣятельность на основаніи тѣхъ или другихъ слѣпо дѣйствующихъ въ насъ побужденій. Во всѣхъ этихъ родахъ дѣятельности еще нѣтъ сознательной постановки цѣли, одобренія ея, и сознательнаго устремленія къ ея достиженію. Даже въ

дѣятельности на основаній побужденій это отсутствуетъ: хотя здѣсь и есть сознаніе цѣли, но эта цѣль какъ бы навязывается намъ, овладѣваетъ нами какъ бы помимо нашей воли, направляетъ насъ къ дѣятельности, даже не дождавшись нашего согласія или одобренія, а часто даже несмотря на явное отрицаніе ея волею, въ томъ случаѣ, если воля въ человѣкѣ уже развилась, но недостаточно еще сильно, чтобы быть въ состояніи бороться съ побужденіями.

Но спрашивается, какимъ образомъ развивается воля изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ видовъ дѣятельности, обнаруживаемыхъ человѣкомъ? Для развитія воли требуется извѣстная степень развитія въ насъ способности представленія, такъ какъ воля есть способность руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ представленіями. И притомъ среди этихъ представленій въ волевомъ актѣ большую роль играетъ представленіе о самомъ нашемъ „я“, какъ дѣйствующемъ и порождающемъ кругомъ себя или въ самомъ себѣ тѣ или другія измѣненія. Какимъ образомъ можетъ родиться это представленіе о „я“, какъ о дѣйствующемъ?

Мы видѣли, что прежде чѣмъ дѣйствовать вполнѣ сознательно и преднамѣренно, человѣкъ дѣйствуетъ безсознательно или полусознательно и непреднамѣренно. Ему приходится видѣть и наблюдать себя дѣйствующимъ подобнымъ образомъ, приходится видѣть также и наблюдать тѣ результаты, которые получаются изъ его дѣятельности. Опытъ подобнаго рода дѣятельности растетъ, а изъ него вырастаетъ и пониманіе своей личности какъ источника тѣхъ или другихъ перемѣнъ въ окружающемъ или въ самомъ себѣ.

Когда это представленіе о самомъ себѣ, какъ о дѣйствующемъ, получитъ руководящее значеніе въ дѣятельности человѣка, когда, однимъ словомъ, возникнетъ волевая дѣятельность, въ узкомъ смыслѣ этого слова, на какія цѣли она направится? Каковы будутъ тѣ первыя цѣли, которыя она поставитъ самой себѣ? Когда въ человѣкѣ родится воля, то она уже находитъ цѣлый рядъ результатовъ, которыхъ человѣкъ достигаетъ при помощи своей самопроизвольной, инстинктивной дѣятельности или дѣятельности на основаніи побужденій. Эти результаты дѣятельности человѣка уже получили

какъ бы свою санкцію; если не въ видѣ цѣли, то въ видѣ того, что фактически достигается человѣкомъ. Въ нихъ дано для воли руководство и въ ея дѣятельности. Первые шаги воли поэтому будутъ заключаться въ томъ, что эти результаты будутъ возведены ею на степень цѣли, т. е., другими словами, то, что прежде было непреднамѣреннымъ объективнымъ результатомъ дѣятельности человѣка, то станетъ сознательною цѣлью его воли. Содержаніе первыхъ цѣлей человѣка будетъ обусловлено тѣмъ, на какіе предметы ранѣе непроизвольно устремлялась его дѣятельность. Вотъ почему для воспитанія воли въ ребенкѣ такъ важно съ самаго начала надлежащимъ образомъ направить его полу-сознательную дѣятельность.

Первоначальное содержаніе сознательной, преднамѣренной дѣятельности человѣка обусловливается тѣмъ, на что раньше устремлялась его безсознательная или полу-сознательная дѣятельность. Постараемся теперь ближе опредѣлить характеръ этой послѣдней, для того, чтобы быть въ состояніи лучше понять проявленія воли въ ея первыхъ шагахъ. Особенно значительную роль здѣсь играетъ дѣятельность на основаніи побужденій или влеченій. На ней мы и остановимся главнымъ образомъ.

Чѣмъ дѣятельность по влеченію разнится отъ волевой дѣятельности? Въ дѣятельности по влеченію мы сознаемъ цѣль, на которую устремляется наша дѣятельность, но эта цѣль еще не есть, въ собственномъ и полномъ смыслѣ этого слова, цѣль. Здѣсь нѣтъ сознательной постановки цѣли: цѣль здѣсь не ставится, а какъ бы дается намъ извнѣ, приходитъ къ намъ неизвѣстно откуда и овладѣваетъ всецѣло нами, порабощаетъ насъ. Мы здѣсь скованы, несвободны. Цѣль въ дѣятельности по влеченію какъ какой-то повелительный голосъ толкаетъ насъ въ извѣстную опредѣленную сторону, какъ бы мы ни противились этому. Трудно противостоять своему влеченію, это всякій знаетъ; здѣсь дѣло не обходится иногда безъ самой жестокой борьбы, въ особенности, если наши влеченія сталкиваются съ лучшими нашими стремленіями какъ разумныхъ существъ. Въ дѣйствіи по влеченію человѣкъ видитъ, куда направлена его дѣятельность, но это

не онъ собственно идетъ къ цѣли, это—цѣль непреодолимо влечетъ его къ себѣ.

Въ дѣятельности по влеченію человѣкъ устремляется къ тому, что непосредственно овладѣваетъ его вниманіемъ, приковываетъ это вниманіе къ себѣ и неудержимо влечетъ. Что же это будетъ такое? Это будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ природы самого человѣка. Различныя органическія потребности, періодически возникающія въ человѣкѣ, принимаютъ въ немъ характеръ влеченій. Особенное развитіе того или другого органа, долгая вынужденная бездѣятельность какого-нибудь органа и происшедшее благодаря этому большое скопленіе въ немъ скрытой энергіи, не находящей себѣ выхода наружу, могутъ послужить условіемъ для возникновенія тѣхъ или другихъ сильныхъ влеченій. Влеченіе—это есть требованіе нашей природной организаціи, это есть голосъ природы въ насъ, повелительно требующій своего удовлетворенія. Какъ бы высоко ни поднималось влеченіе по своему характеру, какія бы возвышенныя и благородныя формы оно ни принимало, оно всегда связано съ усиленнымъ развитіемъ тѣхъ или другихъ органовъ нашего тѣла, требующихъ благодаря именно этому особенному и чрезмѣрному развитію такъ повелительно своего упражненія. Будетъ ли это влеченіе музыканта къ творчеству гармоническихъ звуковъ, художника—къ созданію картинъ, ученаго—къ наблюденію и накопленію фактовъ, — всѣ эти разнородные виды влеченія, носящіе такой благородный характеръ, имѣютъ свою органическую основу и какъ бы предопредѣлены въ физической организаціи человѣка. Но и влеченіе любящаго сердца расточать кругомъ ласку, любовь и нѣжность не составляетъ отсюда исключенія: оно также имѣетъ свою органическую основу.

Можно сказать, какова природа человѣка, таковы будутъ и его влеченія, и съ развитіемъ и измѣненіемъ этой природы, которое совершается въ теченіе долгихъ вѣковъ, измѣняется и характеръ влеченій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только сравнить природу современнаго цивилизованнаго человѣка и природу первобытнаго дикаря. Но даже незачѣмъ ходить и такъ далеко, чтобы понять тѣсную

зависимость влеченій человѣка отъ его природной организаціи—стоитъ только сравнить влеченія одного и того же человѣка въ различные періоды его жизни. Сообразно съ тѣми рѣзкими измѣненіями, которыя происходятъ въ организмѣ человѣка, измѣняется рѣзко и характеръ его влеченій. Напр., какъ значительно измѣняется характеръ влеченій въ юношескомъ возрастѣ, когда происходитъ такая большая перемѣна во всемъ организмѣ человѣка. Поучительны также примѣры измѣненія влеченій, связанные съ различными патологическими процессами, происходящими въ нашемъ организмѣ. Здѣсь безчисленное множество фактовъ мы можемъ почерпнуть изъ области психіатріи.

Остановимся теперь болѣе подробно на вопросѣ, въ какомъ отношеніи наша волевая дѣятельность стоитъ къ дѣятельности по влеченію. Содержаніе тѣхъ первыхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ начинающая развиваться воля, опредѣляется характеромъ влеченій человѣка. То, что человѣкъ дѣлалъ прежде только по влеченію, то онъ начинаетъ дѣлать преднамѣренно въ силу сознательной воли. Необходимость въ этомъ возникаетъ тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе возрастанія сложности житейскихъ отношеній, вслѣдствіе вообще постоянныхъ измѣненій, происходящихъ въ окружающей средѣ, удовлетвореніе влеченій затрудняется и задерживается, промежутокъ между возникновеніемъ влеченія и его удовлетвореніемъ все болѣе удлиняется. Для того, чтобы достигнуть удовлетворенія влеченія, благодаря возрастающей сложности среды, начинаетъ требоваться болѣе длинный рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій и притомъ каждый разъ приноровленныхъ къ измѣняющимся обстоятельствамъ. Влеченіе порывисто устремляется на свой предметъ. Когда оно однимъ взмахомъ не можетъ достигнуть своего предмета, когда оно натыкается на препятствія и терпитъ задержку, тогда приводится въ дѣйствіе воля, тогда начинаетъ требоваться сознательная, преднамѣренная дѣятельность, чтобы обойти эти препятствія, чтобы приспособиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ и дать возможность влеченію достигнуть до своего предмета, дать ему возможность, однимъ словомъ, получить удовлетвореніе. Первоначально влеченія очень про-

сты, и удовлетворенiе ихъ можетъ достигаться быстро и непосредственно, но съ усложненiемъ жизни это все болѣе и болѣе становится невозможнымъ, да и самыя влеченiя принимаютъ все болѣе сложный характеръ, благодаря которому и ихъ удовлетворенiе становится все болѣе затруднительнымъ.

Такимъ образомъ, первоначальный толчокъ для развитiя воли даютъ влеченiя. Воля на первыхъ ступеняхъ своего развитiя является покорною слугою влеченiй; она работаетъ для этихъ своихъ владыкъ, чтобы ихъ утишить и успокоить, чтобы дать имъ возможно болѣе быстрое и полное удовлетворенiе.

Возникновенiе воли здѣсь тѣсно связано съ возникновенiемъ и развитiемъ и самого интеллекта или ума, что, конечно, и слѣдовало ожидать, такъ какъ воля есть дѣятельность сообразно съ извѣстными представленiями и, слѣдовательно, развитiе воли идетъ параллельно съ развитiемъ способности представленiя и безъ развитой способности представленiя воля не можетъ достигнуть своего совершенства. Тѣ же влеченiя, которыя даютъ толчокъ для развитiя воли, даютъ толчокъ и для развитiя нашего ума. Они приводятъ умъ нашъ въ дѣйствiе, они заставляютъ его работать, отыскивать средства для ихъ удовлетворенiя. И умъ нашъ первоначально находится въ полномъ порабощенiи увлеченiй. Все содержанiе его дѣятельности, все направленiе его работы всецѣло обусловлено влеченiями.

Влеченiя первоначально безраздѣльно владѣютъ всею жизнью нашего сознанiя, отъ ихъ капризной смѣны зависитъ почти все остальное содержанiе его. Но будетъ ли такъ продолжаться и далѣе? Не наступитъ ли, наконецъ, такой моментъ, когда умъ и воля, развившись и окрѣпши и прiобрѣтя прочное мѣсто въ духовной жизни, свергнутъ своего незаконнаго владыку и вмѣсто того, чтобы подчиняться ему и слушаться его предписанiй, сами будутъ надъ нимъ господствовать, сами будутъ руководить и направлять его въ надлежащую сторону. Такой моментъ, если только психическое развитiе идетъ правильнымъ образомъ, неизбѣжно долженъ въ концѣ концовъ наступить. Съ развитiемъ психи-

ческой жизни все болѣе и болѣе возрастаетъ тотъ запасъ представленій и различныхъ ихъ сочетаній другъ съ другомъ, который играетъ такую важную роль при успѣшномъ удовлетвореніи нашихъ влеченій и тѣмъ болѣе важную, чѣмъ сложнѣе окружающая среда и чѣмъ большимъ видоизмѣненіямъ она подвержена; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ также по своимъ размѣрамъ и та сумма волевыхъ дѣйствій, которыя мы бываемъ вынуждены совершать для удовлетворенія влеченій. Ростъ и расширеніе этихъ сторонъ психической жизни, которые являются, какъ мы видѣли, неизбѣжными, приводитъ къ тому, что они завоевываютъ все болѣе и болѣе самостоятельную роль въ духовной жизни, пока, наконецъ, не овладѣваютъ тѣми психическими процессами, которые дали имъ начало.

Въ чемъ же теперь будетъ заключаться этотъ обратный процессъ подчиненія нашихъ влеченій развившимся благодаря имъ уму и волѣ? Наша умственная жизнь и наша волевая дѣятельность представляютъ высшія формы сознательной дѣятельности и имѣютъ свои особыя задачи, которыя съ необходимостью вытекаютъ изъ ихъ природы. Чѣмъ болѣе самостоятельное мѣсто будутъ получать они въ духовной жизни человѣка, тѣмъ болѣе будутъ выдвигаться на первый планъ и эти задачи, а когда умъ и воля займутъ первенствующее мѣсто, то влеченія станутъ играть по отношенію къ нимъ чисто служебную роль, станутъ орудіемъ, матеріаломъ, средствомъ для выполненія высшихъ задачъ ума и воли.

Но существуютъ ли такія задачи, которыя вытекали бы изъ самой природы ума и воли, а не были бы случайно и произвольно имъ навязаны, которыя имѣлись бы въ виду въ каждомъ мыслительномъ и волевомъ актѣ человѣка, даже въ томъ случаѣ, если онѣ не сознаются вполнѣ отчетливо и ясно? Намъ кажется, что такія задачи существуютъ, и для опредѣленія ихъ достаточно обратиться къ анализу самихъ процессовъ умственной и волевой дѣятельности человѣка.

Возьмемъ прежде всего процессъ мышленія. Всякій процессъ мышленія сводится къ ряду тѣхъ или другихъ умозаключеній, это—цѣлая цѣпь умозаключеній, а каждое умоза-

ключеніе представляетъ совокупность сужденій. Каждое суждение разлагается на рядъ понятій. Каковъ законъ, охватывающій процессъ мышленія въ его цѣломъ и примѣнимый къ каждому его отдѣльному моменту, какимъ мы можемъ считать сужденіе? Какова вообще природа этой дѣятельности? Основнымъ закономъ здѣсь является единство всего этого ряда мыслей, взаимная ихъ гармонія другъ съ другомъ, взаимная согласованность, отсутствіе всякихъ противорѣчій. Рядъ умозаключеній долженъ представлять одну цѣльную систему мыслей, въ которой одно умозаключеніе съ необходимостью влечетъ и требуетъ за собой другое, въ которой ни одно не можетъ быть исключено и выброшено, не нарушивъ гармоніи цѣлаго. Точно такъ же, если мы возьмемъ каждое умозаключеніе въ отдѣльности, мы можемъ сказать, что необходимымъ условіемъ его правильности является гармонія составляющихъ его сужденій, отсутствіе между ними противорѣчій, единство. Наконецъ, взявъ каждое сужденіе въ отдѣльности, мы увидимъ, что и здѣсь при правильной работѣ ума, при работѣ, соотвѣтствующей его природѣ, въ такъ называемомъ логическомъ мышленіи, требуется, чтобы понятія, изъ соединенія которыхъ составляется сужденіе, представляли одно гармоническое цѣлое, чтобы здѣсь было полное единство и отсутствіе противорѣчій. Можно было бы пойти еще дальше и сказать, что тотъ же самый законъ опредѣляетъ и нашу мысль о каждомъ понятіи, входящемъ въ извѣстное опредѣленное сужденіе. И здѣсь для мыслимости того или другого понятія требуется гармонія тѣхъ признаковъ, которые мы въ немъ отмѣчаемъ. Эти мыслимые нами признаки должны опять-таки соединяться въ одно единое гармоническое цѣлое.

Такимъ образомъ, вотъ законъ, управляющій всею нашею умственною дѣятельностью, господствующій надъ нею во всемъ ея цѣломъ и въ каждомъ изъ ея отдѣльныхъ моментовъ, настолько, конечно, насколько она совершается правильно, т. е. сообразно своей природѣ, это — единство, гармонія, цѣльность, отсутствіе противорѣчій между нашими мыслями или элементами ихъ. Эта гармонія, цѣльность и единство мыслей есть задача, вытекающая изъ самой при-

роды нашего ума и не навязанная намъ извнѣ случайно или произвольно чѣмъ-либо другимъ, чуждымъ самому уму.

Подобно этому, если мы обратимся къ анализу волевой дѣятельности человѣка, то мы увидимъ, что и самый сложный волевой актъ, охватывающій большой промежутокъ времени и разлагающійся на рядъ болѣе простыхъ волевыхъ дѣйствій, и каждое изъ этихъ болѣе простыхъ дѣйствій подчиняются закону цѣльности, гармоніи и единства, только вся разница заключается въ томъ, что въ области умственной дѣятельности дѣло шло о гармоніи мыслей и ихъ сочетаній другъ съ другомъ, здѣсь же дѣло идетъ о гармоніи дѣйствій, подразумѣвающей вмѣстѣ съ тѣмъ и гармонію цѣлей человѣческой дѣятельности. Возьмемъ, напримѣръ, такую сложную форму волевой дѣятельности, когда человѣкъ составляетъ себѣ планъ на значительный промежутокъ времени и приводитъ его затѣмъ постепенно въ исполненіе. Что представляетъ собою этотъ планъ? Это не болѣе не менѣе какъ умственное воспроизведеніе извѣстнаго согласованнаго внутри себя ряда дѣйствій, какъ установленіе гармоніи между рядомъ цѣлей, а затѣмъ дѣятельность сообразно этому плану есть рядъ взаимно согласованныхъ волевыхъ актовъ, составляющихъ одно гармоническое цѣлое, если, конечно, только дѣятельность воли нормальна, т. е. совершается правильно, сообразно ея природѣ. Возьмемъ каждый отдѣльный поступокъ воли, требующій ряда небольшого количества дѣйствій, мы увидимъ, что и тутъ дѣло сведется къ установленію гармоніи между этими дѣйствіями, и если мы даже возьмемъ самый элементарный волевой актъ, который сводится только къ одному единственному дѣйствію и не допускаетъ дальнѣйшаго разложенія, мы увидимъ, что и здѣсь цѣльность, гармонія и единство являются основнымъ закономъ. Самая элементарная цѣль должна быть такова, чтобы не заключать въ самой себѣ противорѣчія, чтобы характеристическія свойства ея взаимно не исключали другъ друга. Только при условіи быть согласной съ собою самой она можетъ быть нами поставлена въ качествѣ цѣли, и только благодаря своей цѣльности или гармоніи, т. е. единству всѣхъ его составляющихъ фазъ или моментовъ даже самое элемен-

тарное волевое дѣйствіе носитъ волевой характеръ. Здѣсь это единство сводится къ единству поставленной цѣли и того односложнаго движенія, которое выполняется для ея достиженія.

Такимъ образомъ, законъ гармоніи, единства, цѣльности всецѣло управляетъ и всею нашею волевою дѣятельностью, насколько эта послѣдняя совершается правильно, сообразно своей природѣ, насколько дѣйствіе приближается по своему характеру къ этическому дѣйствію. Какъ логическое мышленіе есть только мышленіе наиболѣе согласное съ природою мыслительнаго процесса, такъ и нравственная дѣятельность есть только дѣятельность наиболѣе согласная съ природою нашей воли. Это не есть что-либо такое, что надо было бы еще искусственнымъ образомъ привить человѣку, а напротивъ — самое природное и естественное, чему надо только помочь развиться изъ нѣдръ душевной жизни человѣка, что глубоко тамъ заложено какъ основной законъ его воли, который только нужно сознать вполнѣ ясно, чтобы онъ могъ пріобрѣсти надлежащее широкое развитіе и примѣненіе, чтобы человѣкъ получилъ возможность подняться до самыхъ высокихъ ступеней нравственности, до которыхъ онъ только можетъ достигнуть.

Когда умъ и воля получатъ господство въ духовной жизни человѣка, то какое это вліяніе окажетъ на его дѣятельность, поскольку послѣдняя обусловливается тѣми или другими влеченіями? Мы видѣли, въ чемъ заключается основной законъ какъ мыслительной, такъ и волевой дѣятельности. Это—законъ цѣльности, гармоніи, единства. Нѣтъ сомнѣнія, что когда умъ и воля получатъ преобладающее значеніе въ нашей духовной жизни, они подчинятъ этому закону и нашу дѣятельность сообразно тѣмъ или другимъ влеченіямъ. Въ сущности говоря, это даже законъ не одной только мыслительной и волевой дѣятельности. Онъ относится къ жизни и развитію сознанія вообще и только достигаетъ въ процессахъ мышленія и воли своего наиболѣе яркаго и полнаго выраженія и потому черезъ посредство именно этихъ функцій получаетъ свое надлежащее примѣненіе и къ остальнымъ сторонамъ духовной жизни, къ которымъ онъ до тѣхъ

поръ находилъ неполное и несовершенное примѣненіе. Воля, достигшая господства въ жизни личности, вноситъ гармонію и въ міръ ея влеченій, устраняетъ между послѣдними противорѣчія и создаетъ изъ нихъ нѣчто цѣльное и единое. Дѣятельность наша по влеченію получаетъ единство, котораго она до той поры была лишена, такъ какъ влеченія въ безпорядкѣ смѣняли другъ друга и часто находились между собою въ антагонизмѣ.

Гармонія влеченій—это первый важный результатъ господства воли въ жизни сознанія, это — первое важное послѣдствіе подчиненія остальной духовной жизни ея основнымъ задачамъ, вытекающимъ необходимо изъ ея природы и даже изъ природы сознанія вообще, высшимъ выраженіемъ котораго она служитъ. Другимъ не менѣе важнымъ результатомъ является установленіе гармоніи между нашими влеченіями и нашими волевыми актами. Если прежде волевая дѣятельность являлась орудіемъ для удовлетворенія тѣхъ или другихъ влеченій, то теперь, наоборотъ, сами влеченія являются орудіемъ въ рукахъ развивающейся воли для лучшаго достиженія ея цѣлей. Развившаяся воля нисколько не устраняетъ необходимости дѣятельности по влеченію. Влеченія всегда имѣли и всегда будутъ имѣть большое значеніе въ жизни человѣка, въ его духовномъ развитіи. Они являются громадной двигательной силой. Ихъ надо не устранить, но гармонизировать, внести въ нихъ порядокъ и единство и подчинить высшимъ цѣлямъ духовнаго развитія, и тогда они явятся незамѣнимыми помощниками этого развитія и получатъ то громадное, плодотворное значеніе, которое они могутъ имѣть, будучи надлежащимъ образомъ направлены. Воля дѣлаетъ влеченія орудіемъ установленія наибольшей гармоніи, какъ въ области индивидуальнаго сознанія, такъ и въ области тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются между индивидуальными сознаніями. Она пользуется, въ концѣ концовъ, влеченіями какъ орудіемъ для наиболѣе широкаго гармонизированія жизни всего человѣчества.

Итакъ, развитіе воли означаетъ не устраненіе влеченій изъ нашей духовной жизни, такъ какъ они составляютъ ея вѣчную, неизгладимую основу, оно означаетъ только ихъ

постепенную гармонизацію, объединеніе въ одно цѣлое. Первоначально это объединеніе совершается только частично и охватываетъ только небольшіе промежутки времени, прерывающіеся болѣе значительными промежутками, въ которые это объединеніе отсутствуетъ, — но мало-по-малу промежутки времени, на которые распространяется объединеніе, становятся все больше и больше, гармонизація влеченій дѣлается все шире, охватывая все большее число ихъ. Въ конечномъ предѣлѣ она должна охватить всѣ влеченія человѣка, внести единство въ послѣдовательную смѣну ихъ въ теченіе всей его жизни. Тогда мы будемъ имѣть передъ собою волю въ ея наивысшей полнотѣ развитія; но этотъ конечный предѣлъ никогда не можетъ быть достигнутъ, онъ представляетъ тотъ пунктъ, въ направленіи котораго движется развитіе воли, постепенно все болѣе и болѣе къ нему приближаясь, не будучи однако въ состояніи никогда вполнѣ достигнуть его, потому что чѣмъ болѣе подвигается воля въ своемъ развитіи, тѣмъ шире разрастается и та система влеченій, которая должна быть гармонизирована. Но какъ бы тамъ ни было, эта идея о гармонизированіи всѣхъ нашихъ влеченій въ теченіе всей нашей жизни пріобрѣтаетъ мало-по-малу все болѣе руководящее значеніе въ волевой дѣятельности. Воля въ той мѣрѣ, въ какой она, при выполненіи того или другого ограниченнаго ряда дѣйствій, руководится этой идеей о безграничномъ объединеніи всей жизни, становится тѣмъ, что могло бы быть названо разумной волей или еще лучше нравственной волей, такъ какъ волевая дѣятельность, руководящимъ началомъ которой сталъ разумъ, и есть нравственная дѣятельность въ истинномъ смыслѣ этого слова. Основою этой дѣятельности является влеченіе къ активной гармоніи съ возможно болѣе широкимъ рядомъ живыхъ существъ или безгранично развивающееся чувство дѣятельной симпатіи. Только это влеченіе къ активной гармоніи со всѣмъ человѣчествомъ дастъ возможность установить гармонію и въ предѣлахъ индивидуальной жизни, такъ какъ эта жизнь въ каждомъ своемъ шагѣ нерасторжимо связана съ жизнью всего человѣчества.

II.

Психологическія условія, дѣлающія возможнымъ нравственное поведеніе. Отношеніе между истиной, красотой и нравственностью.

Высшая форма воли, это — рѣшеніе; оно опредѣляется извнутри всей духовной природой человѣка, а не тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ ощущеніемъ или представленіемъ, какъ это имѣетъ мѣсто при влеченіи. Это обстоятельство и даетъ ему такую силу и устойчивость и позволяетъ въ борьбѣ съ влеченіями одерживать надъ послѣдними побѣду. Рѣшеніе только тогда, впрочемъ, является полнымъ выраженіемъ нашей духовной природы, если ему предшествовалъ достаточно продолжительный процессъ обдумыванія, взвѣшиванія и выбора, въ продолженіе котораго каждая изъ сторонъ нашей психической жизни имѣла возможность заявить свои притязанія и права. И только тогда, когда всѣ эти притязанія были приняты во вниманіе въ должной степени, можно сказать, что и рѣшеніе въ полномъ размѣрѣ является выраженіемъ нашей личности, нашего „я“. Но это бываетъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ и только у очень ничтожнаго меньшинства людей. У большинства людей процессъ обдумыванія и выбора не настолько продолжителенъ, чтобы при этомъ имѣла возможность оказать вліяніе вся ихъ психическая природа, поэтому и рѣшенія ихъ не обладаютъ достаточной силой и устойчивостью, поэтому они такъ часто измѣняютъ своимъ рѣшеніямъ и уклоняются отъ того пути, который ихъ слабая, несовершенная воля начертала для ихъ дѣятельности. Сильнаго влеченія, внезапно вспыхнувшаго въ нихъ, достаточно, чтобы обратить въ ничто рѣшеніе ихъ воли.

Отсюда мы видимъ, что рѣшеніе имѣетъ различныя степени, смотря по той полнотѣ, въ которой въ немъ нашла свое выраженіе наша духовная природа. Оттого-то большинство людей такъ часто и мѣняетъ свои рѣшенія въ жизни; хотя эти рѣшенія и явились результатомъ обдумыванія и выбора, но это обдумываніе и выборъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ слишкомъ поспѣшны, а потому поверхностны, и рѣ-

шеніе служитъ скорѣе выраженіемъ случайной группы влеченій, овладѣвшихъ нашими сознаніемъ, чѣмъ всей нашей духовной природы въ ея цѣломъ. Отъ рѣшенія, служащаго дѣйствительно высшимъ выраженіемъ воли, до рѣшенія, обусловленнаго минутнымъ влеченіемъ, опредѣляющимся только однимъ представленіемъ, которое въ настоящій данный моментъ завладѣло всѣмъ нашимъ вниманіемъ, существуетъ безчисленное множество переходныхъ ступеней, сообразно тому, въ какомъ размѣрѣ въ принятомъ нами рѣшеніи имѣли возможность проявиться остальныя стороны нашей природы.

Рѣшенія, которыя принимаетъ человѣкъ въ своей жизни, имѣютъ различную степень широты, сложности и отвлеченности. Какая, напримѣръ, разница между рѣшеніемъ отдать всю свою жизнь на служеніе правдѣ и рѣшеніемъ дать проходящему мимо нищему двѣ копѣйки. Первое рѣшеніе опредѣляетъ или должно опредѣлять всю мою жизнь, второе же только одинъ мой поступокъ. Первое имѣетъ въ высшей степени общій, отвлеченный и неопредѣленный характеръ, второе есть вполнѣ опредѣленная совокупность представленій. Между этими двумя крайними случаями, между рѣшеніями такого общаго характера и въ которыхъ имѣется въ виду вся жизнь и рѣшеніями, ограничивающимися только опредѣленнымъ поступкомъ, существуетъ безчисленное множество переходныхъ ступеней, существуютъ рѣшенія самыхъ различныхъ степеней широты и отвлеченности.

Возьмемъ первый взятый нами примѣръ, т.-е. рѣшеніе человѣка всю жизнь свою посвятить на служеніе правдѣ. Это рѣшеніе должно вызвать не одинъ поступокъ съ моей стороны, а цѣлый рядъ такихъ поступковъ, болѣе того, всѣ мои поступки, согласно этому рѣшенію, должны быть имъ обусловлены. Чтобы это было возможно, я, слѣдовательно, долженъ постоянно удерживать его въ своей памяти, во всѣ моменты моей жизни оно должно присутствовать во мнѣ и опредѣлять каждый изъ моихъ конкретныхъ поступковъ, для совершенія которыхъ потребуется болѣе опредѣленное и конкретное рѣшеніе, но это вполнѣ опредѣленное рѣшеніе будетъ обусловлено тѣмъ общимъ и неопредѣлен-

нымъ рѣшеніемъ, которое я когда-то сдѣлалъ. Чѣмъ болѣе развитъ человѣкъ въ духовномъ отношеніи, тѣмъ болѣе у него такого рода общихъ рѣшеній, играющихъ руководящую роль при составленіи тѣхъ частныхъ конкретныхъ рѣшеній, которыя онъ принимаетъ для совершенія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ поступковъ. При рѣшеніяхъ такого общаго характера волевое усиліе выражается въ томъ, чтобы постоянно удерживать въ сознаніи эти общія рѣшенія и заставлять ихъ такимъ образомъ оказывать вліяніе при принятіи нами другихъ рѣшеній болѣе частнаго и спеціальнаго характера. Нравственность необходимо требуетъ такихъ общихъ рѣшеній, и безъ нихъ она невозможна. Быть нравственнымъ значитъ постоянно помнить тѣ общія задачи, достиженія которыхъ требуетъ высшій нравственный идеалъ, и каждое конкретное рѣшеніе нашей воли постановлять, имѣя въ виду ея общее рѣшеніе — осуществленіе нравственнаго идеала.

Каждое рѣшеніе должно удерживаться въ сознаніи столь долго, на какой промежутокъ времени оно простирается. Если мое рѣшеніе имѣетъ въ виду всю жизнь, то я и долженъ его помнить всю жизнь, чтобы оно явилось опредѣляющимъ моментомъ при совершеніи мною тѣхъ или другихъ поступковъ. Если я его забуду, если оно, хотя бы въ скрытой формѣ, не будетъ присутствовать въ моей духовной природѣ, то оно перестанетъ опредѣлять мои поступки, и эти послѣдніе рискуютъ пойти вразрѣзъ съ тѣмъ общимъ рѣшеніемъ, которое я принялъ. Мы часто, напримѣръ, видимъ, какъ человѣкъ, рѣшившій посвятить всю жизнь свою на служеніе ближнимъ, временами забываетъ объ этомъ своемъ рѣшеніи и совершаетъ такіе поступки, которые могутъ быть названы не служеніемъ ближнимъ, а порабощеніемъ ихъ, эксплоатаціей или другими подобными именами. Въ такія минуты принятое человѣкомъ общее рѣшеніе воли перестаетъ оказывать вліяніе на его дѣйствія, и послѣднія совершаются подъ вліяніемъ другихъ побужденій, воздѣйствовавшихъ на принятое даннымъ человѣкомъ частное рѣшеніе къ совершенію опредѣленнаго поступка. Нравственное паденіе, отступленіе отъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ встрѣ-

чается очень часто, чуть что не на каждомъ шагу, потому что очень трудно постоянно удерживать въ своемъ сознанiи рѣшенiе быть нравственнымъ человѣкомъ; только у очень немногихъ людей это рѣшенiе господствуетъ съ непреодолимой силой въ теченiе всей ихъ жизни. Но даже и у этихъ людей при внимательномъ изслѣдованiи можно было бы отыскать минуты забвенiя ими своихъ нравственныхъ идеаловъ.

Разсмотримъ теперь болѣе подробно, какимъ образомъ тѣ общiя рѣшенiя, которыя мы составляемъ въ своей жизни, прiобрѣтаютъ достаточную степень силы и устойчивости, чтобы быть въ состоянiи опредѣлять тѣ болѣе частныя рѣшенiя, которыя мы принимаемъ при совершенiи тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ поступковъ. Разрѣшенiе этого вопроса представляется для насъ особенно важнымъ, такъ какъ съ нимъ тѣсно связанъ и отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ можетъ быть обезпечено непрерывное влiянiе на каждый нашъ отдѣльный поступокъ за нашимъ общимъ рѣшенiемъ воплотить въ своей жизни нравственность. Попробуемъ сдѣлать одновременно и то и другое, взявъ послѣднюю задачу въ качествѣ конкретнаго примѣра для разрѣшенiя болѣе общаго вопроса.

Итакъ, предположимъ, что у данной личности составилось рѣшенiе быть всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни нравственной личностью, т. е. каждое свое дѣйствiе, каждый свой поступокъ направлять сообразно съ тѣми требованiями, которыя ставитъ высшiй нравственный идеалъ. Какъ сдѣлать такъ, чтобы это рѣшенiе не покидало ее ни на одно мгновенiе, чтобы она его всегда помнила или по крайней мѣрѣ могла всегда, когда это понадобится, и вовремя вызвать въ своей памяти, и чтобы оно притомъ обладало достаточной силой для оказанiя противодѣйствiя всякому сильному минутному влеченiю, случайно овладѣвшему ея сознанiемъ и толкающему ее непреодолимо къ совершенiю такого поступка, который противорѣчитъ требованiямъ нравственности? Какъ это сдѣлать, что для этого требуется? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ ключъ къ пониманiю, въ чемъ заключается сила, устойчивость и степень влiянiя общихъ рѣшенiй на нашу дѣятельность.

Чтобы всегда помнить рѣшеніе быть нравственнымъ, дѣйствовать сообразно нравственному идеалу—надо чувствовать влеченіе къ идеѣ нравственной дѣятельности, надо, чтобы нравственный идеалъ настолько намъ являлся привлекательнымъ, что мы стремились бы его постоянно удерживать въ своемъ сознаніи, потому что человѣкъ всегда стремится удержать въ своемъ сознаніи то представленіе, которое наполняетъ его душу радостью, и отклоняетъ свое вниманіе отъ всякихъ представленій, которыя его заставляютъ страдать, причиняютъ ему боль. Если иногда и кажется, что бываетъ наоборотъ, что человѣкъ любитъ растравлять свои старыя раны, вызывать, напримѣръ, въ своей памяти печальныя воспоминанія о прошломъ горѣ, о погибшихъ друзьяхъ, то это опять таки потому, что въ этихъ воспоминаніяхъ о горѣ скрыта радость и утѣшеніе, которыя и заставляютъ насъ, какъ говорится, „нянчиться со своимъ горемъ". Если бы этого не было, то мы и не стремились бы такъ удерживать въ своей душѣ печальные образы воспоминанія. Но они являются для насъ также источникомъ свѣтлой радости и потому мы часто такъ и рвемся къ нимъ неудержимо.

Итакъ, мысль о нравственномъ идеалѣ должна наполнять нашу душу самою свѣтлою и чистою радостью, мы должны чувствовать постоянно неудержимое влеченіе къ нему, только тогда въ ясной или скрытой формѣ онъ будетъ присутствовать въ нашемъ сознаніи и направлять какъ теченіе нашихъ мыслей, такъ и нашу практическую дѣятельность. Мысль, которая направляется постоянно живымъ образомъ нравственнаго идеала, бываетъ всецѣло устремлена на отысканіе тѣхъ средствъ, которыя помогли бы идеалу стать реальною дѣйствительностью. Общимъ и неопредѣленнымъ идеямъ она стремится придать конкретную форму и перекинуть мостъ между ними и дѣйствительностью, найти рядъ посредствующихъ звеньевъ, которыя сдѣлали бы дѣйствительность воплощеніемъ идеала. Если образъ нравственнаго идеала всецѣло увлекъ наше сознаніе, то вся работа мысли направляется и регулируется имъ, мышленіе пріобрѣтаетъ этическій характеръ—всѣ силы мысли концентрируются и

направляются на одну точку— на приданіе все болѣе и болѣе конкретной формы нашему нравственному идеалу и на все болѣе и болѣе детальное уясненіе той системы дѣйствій, до мельчайшихъ ея подробностей, благодаря которой нравственность изъ простого умственнаго образа можетъ стать дѣйствительнымъ фактомъ. При посредствѣ этой громадной и непрерывной умственной работы нравственный идеалъ начинаетъ направлять и нашу практическую дѣятельность, которая такимъ образомъ получаетъ высшій нравственный характеръ, какой она только можетъ пріобрѣсти.

Итакъ, для того, чтобы наше рѣшеніе быть нравственными, сдѣлать всю свою жизнь постепеннымъ приближеніемъ къ нравственному идеалу было твердо и устойчиво и могло быть нами проведено во всемъ рядѣ нашихъ поступковъ, несмотря ни на какія противодѣйствующія ему сильныя страсти и влеченія, которыя увлекають насъ въ противоположную сторону,—оно должно опираться на сильное и живое влеченіе къ идеѣ нравственности, къ нравственному идеалу, влеченіе, всегда и съ непреодолимой силой владѣющее всѣмъ нашимъ сознаніемъ. Безъ наличности такого сильнаго влеченія никакое общее рѣшеніе, а въ томъ числѣ и рѣшеніе быть нравственнымъ человѣкомъ, не можетъ быть проведено. Надо, чтобы человѣкъ чувствовалъ ненасытимые „голодъ и жажду“ къ нравственной дѣятельности, и чтобы эти голодъ и жажда, чѣмъ болѣе онъ пытается ихъ утолять, тѣмъ становились бы ненасытнѣе, и чтобы подобно тому какъ дѣйствительный голодъ, ощущаемый нами въ желудкѣ, неудержимо насъ влечетъ къ пищѣ, такъ и здѣсь ненасытимое влеченіе къ нравственности непреодолимо влекло бы насъ на путь добра и правды. Но въ то время, какъ пища несетъ утоленіе нашему голоду, здѣсь происходитъ наоборотъ: каждый нравственный поступокъ дѣлаетъ только еще болѣе ненасытнымъ наше влеченіе къ нравственности. Такимъ образомъ, это влеченіе, при частомъ своемъ обнаруженіи, можетъ изъ искры разрастись въ пламя, и это пламя можетъ охватить жизнь всего нашего сознанія и каждый уголокъ его озарить своимъ заревомъ.

Ключъ къ пониманію той силы, какую влеченіе къ нрав-

ственности принимаетъ у нѣкоторыхъ лицъ, если только оно вообще получаетъ господство въ жизни личности, заключается въ томъ, что это влеченіе по своей природѣ принадлежитъ къ числу ненасытимыхъ и даже болѣе того, тѣмъ труднѣе насытимыхъ, чѣмъ большую силу оно пріобрѣтаетъ. Каждое его удовлетвореніе приводитъ къ еще большей его неудовлетворенности; каждый хорошій поступокъ, каждое нравственное дѣйствіе еще болѣе раскрываетъ наши глаза на широту и безпредѣльность нравственной задачи; чѣмъ больше дѣлаешь въ области нравственности, тѣмъ больше сознаешь то, что еще не сдѣлано, но что должно быть сдѣлано. Нравственная задача все болѣе выростаетъ вмѣстѣ съ постепеннымъ ея разрѣшеніемъ, и возрастающая широта и безпредѣльность этой задачи все болѣе захватываютъ насъ, очаровываютъ и непреодолимо влекутъ къ себѣ. Если первоначальное рѣшеніе быть нравственнымъ опирается и на слабое влеченіе и потому часто и не выдерживаетъ борьбы съ тѣми дурными побужденіями, которыя въ насъ дремлютъ, то падать духомъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Не надо только упускать ни одного случая приводить свое рѣшеніе въ исполненіе, надо пользоваться тѣми моментами, когда сильныя и дурныя побужденія въ насъ дремлютъ, и въ эти моменты наше рѣшеніе быть нравственными проводить съ особенною настойчивостью. Тогда слабое влеченіе къ нравственному идеалу и нравственной дѣятельности будетъ разгораться все сильнѣе, и такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ оно будетъ становиться все ненасытимѣе и въ этомъ смыслѣ все напряженнѣе и повелительнѣе, то, въ концѣ концовъ, долженъ наступить такой моментъ, когда оно будетъ въ состояніи выдержать борьбу и съ самыми сильными побужденіями нашей природы.

Итакъ, для проведенія общихъ рѣшеній въ нашей жизни требуется, чтобы они опирались на сильныя влеченія, но если даже первоначально они опираются и на слабыя влеченія, мы можемъ эти влеченія усилить, пользуясь всякимъ моментомъ, когда наше рѣшеніе безъ особенной борьбы можетъ быть приведено нами въ исполненіе. Такимъ путемъ влеченіе, развившись, сообщитъ и нашему рѣшенію достаточную силу и устойчивость. Остановимся теперь болѣе

подробно на развитіи въ насъ того влеченія, которое предполагаетъ рѣшеніе быть нравственнымъ.

Каковъ характеръ этого влеченія? Что это вообще за влеченіе и въ силу чего именно оно является такимъ ненасытимымъ и тѣмъ болѣе разгорается, чѣмъ большее получаетъ удовлетвореніе? Мы видѣли, что нравственность есть установленіе гармоніи между всѣми цѣлями нашей жизни, объединеніе ихъ въ одну систему, въ одно цѣлое, причемъ однако и сама эта система цѣлей безпредѣльно расширяется. Если это такъ, то рѣшеніе быть нравственнымъ предполагаетъ влеченіе къ установленію гармоніи между нашими цѣлями. Это—естественное влеченіе человѣка, потому что оно вытекаетъ изъ природы самой воли и даже имѣетъ свои глубокіе корни въ природѣ самого сознанія; въ большей или меньшей степени оно обнаруживается у всѣхъ людей, хотя не у всѣхъ получаетъ надлежащую степень широты и развитія и надлежащее господство въ ихъ духовной жизни. Влеченіе къ гармоніи между цѣлями жизни только у немногихъ лицъ достигаетъ той высоты и силы, благодаря которымъ они представляютъ намъ наиболѣе совершенные образцы нравственнаго типа, возможные для даннаго времени.

У большинства людей это влеченіе къ гармоніи, къ цѣльности, къ единству нашей волевой дѣятельности, нашихъ цѣлей, нашихъ влеченій, нашихъ дѣйствій легко побѣждается тѣми или другими отдѣльными, изолированными влеченіями. Не влеченіе къ объединенію всѣхъ влеченій между собой, но отдѣльныя влеченія попеременно одерживаютъ побѣду въ сознаніи, опредѣляютъ ихъ духовную жизнь и ихъ практическую дѣятельность. Но тѣмъ не менѣе влеченіе къ объединенію, цѣльности и гармоніи дѣйствуетъ; если оно и побѣждается другими отдѣльными влеченіями, то все же вся его сила и превосходство въ томъ, что оно дѣйствуетъ непрерывно, такъ какъ оно вытекаетъ изъ природы самого сознанія. Въ этомъ лежитъ залогъ той побѣды, которую оно должно впослѣдствіи, въ концѣ концовъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, одержать. Каждое изъ влеченій временно покоряетъ себѣ сознаніе и затѣмъ, получивъ свое удовлетвореніе, до поры до времени исчезаетъ изъ него; влеченіе къ

объединенію, цѣльности, гармоніи никогда вполнѣ не исчезаетъ, хотя оно и не сознается нами всегда вполнѣ ясно и отчетливо.

Это влеченіе находитъ себѣ работу въ сколько-нибудь широкой степени первоначально тамъ, гдѣ сила отдѣльныхъ влеченій является относительно слабой, гдѣ страсти молчатъ, т. е. въ области теоретической, познавательной дѣятельности или въ области художественнаго творчества и наслажденія красотой. Что движетъ ученаго или философа въ ихъ работахъ, какъ не глубокое стремленіе къ установленію гармоніи между своими мыслями? Что является потребностью ученаго, какъ не объединеніе накопленнаго имъ запаса фактовъ и наблюденій въ одну стройную систему научнаго знанія? Къ чему стремится философъ, какъ не къ созданію стройной, гармоничной системы нашихъ понятій, какъ не къ цѣльному воззрѣнію на міръ и на жизнь, въ которомъ въ гармоническомъ соединеніи нашла бы свое выраженіе полнота всего существующаго? А что заставляетъ художника создавать прекрасную картину или музыканта — симфонію — какъ не стремленіе сочетать различные цвѣта, различныя степени свѣта и тѣней или различной высоты и силы и различнаго тембра звуки въ одно гармоническое цѣлое, называемое нами именно въ силу этой цѣльности, гармоніи и единства—прекраснымъ. И когда мы наслаждаемся красотой, то именно потому, что наше влеченіе къ гармоніи получаетъ здѣсь свое удовлетвореніе.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ влеченіе къ гармоніи получитъ свое широкое примѣненіе къ области практической жизни, къ жизни человѣка во всемъ ея цѣломъ, гдѣ приходятъ въ столкновеніе такія жгучія страсти, гдѣ приходится бороться съ такими сильными влеченіями нашей животной природы, оно находитъ свое удовлетвореніе въ интеллектуальной и эстетической сферѣ. Но, найдя себѣ удовлетвореніе тамъ, оно мало по малу настолько окрѣпнетъ и разовьется, что будетъ въ состояніи одержать побѣду и надъ тѣми сильными побужденіями, которыя мѣшаютъ ему на первыхъ порахъ найти себѣ полное и широкое примѣненіе къ практической жизни человѣка, т. е. къ дѣятельности его

воли въ области реальной жизни, и тогда оно поможетъ этой волѣ стать нравственной волей. Этимъ ясно отмѣчена та важность, которую имѣетъ въ области нравственнаго воспитанія интеллектуальное и эстетическое развитіе и ихъ роль въ этомъ воспитаніи.

Но влеченіе къ гармоніи, цѣльности, единству вырабатывается, развивается и крѣпнетъ не только въ области теоретическаго познанія или въ области художественнаго творчества, это влеченіе развивается также прямо и непосредственно и въ самой области практической жизни, которая, какія бы узкія задачи она ни ставила первоначально, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ развитію влеченія къ гармоніи, которое незамѣтно и постепенно, такимъ образомъ, растетъ и крѣпнетъ и выводитъ человѣка за предѣлы этихъ узкихъ задачъ. Задачи практической жизни благодаря этому все болѣе и болѣе расширяются. Получивъ болѣе широкое поле для своего примѣненія, влеченіе къ гармоніи еще болѣе усиливается и ведетъ къ еще большему расширенію задачъ жизни и т. д. безъ конца. Посмотримъ ближе на весь этотъ процессъ.

Каждая практическая дѣятельность—возьмемъ ли мы дѣятельность купца, занимающагося торговлей, или фабриканта, руководящаго какимъ-нибудь промышленнымъ предпріятіемъ, возьмемъ ли мы дѣятельность занятыхъ у этихъ лицъ приказчиковъ и рабочихъ—представляетъ извѣстную совокупность согласованныхъ внутри себя дѣйствій, и поскольку она не носитъ вполнѣ автоматическаго характера, предполагаетъ и согласованіе ряда соотвѣтствующихъ этимъ дѣйствіямъ цѣлей. Чтобы исполнить какое бы то ни было практическое дѣло, какъ бы ни были узки его задачи, и притомъ успѣшно, необходимо предварительно ясно представить себѣ весь тотъ кругъ дѣйствій, который требуется для приведенія этого дѣла въ исполненіе, слѣдуетъ намѣтить рядъ послѣдовательныхъ цѣлей, установить ихъ необходимый порядокъ такъ, чтобы достиженіе предшествующихъ цѣлей обусловливало и облегчало достиженіе всѣхъ послѣдующихъ вплоть до самой послѣдней, которая и есть не что иное какъ осуществленіе задуманнаго предпріятія.

Необходимъ, выражаясь кратко, планъ, и этотъ планъ есть не болѣе не менѣе, какъ согласованная гармонически система послѣдовательныхъ цѣлей.

Всякая практическая дѣятельность, если только дѣйствующая личность хочетъ, чтобы она была успѣшной (а она не можетъ этого не хотѣть, такъ какъ не даромъ успѣшность считается высшимъ выраженіемъ практичности), необходимо предполагаетъ составленіе плана, т.-е. предварительное установленіе въ сознаніи гармоніи между извѣстною болѣе или менѣе ограниченною совокупностью цѣлей. Такимъ образомъ всякая практическая дѣятельность, упражняя насъ въ составленіи плановъ, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ въ насъ способность къ составленію плановъ, а слѣдовательно и влеченіе къ подобному составленію плановъ или, что одно и то же, къ установленію гармоніи между опредѣленнымъ кругомъ цѣлей. Чѣмъ болѣе развивается эта способность, тѣмъ въ болѣе широкомъ полѣ она нуждается для своего примѣненія. Планы для прежняго небольшого круга цѣлей начинаютъ составляться все съ большею и съ большею легкостью: чтобы быть на высотѣ развитія нашей способности къ составленію плановъ, самыя практическія задачи должны быть расширены, и способность къ составленію плановъ, если не найдетъ этихъ болѣе широкихъ задачъ въ дѣйствительной жизни, создастъ ихъ сама себѣ искусственно. Разъ развившись, влеченіе къ гармоніи цѣлей въ области практической жизни не можетъ молчать, а необходимо вмѣстѣ со своимъ ростомъ будетъ искать себѣ все болѣе и болѣе широкаго удовлетворенія и будетъ находить его или въ сферѣ реальной жизни, въ области болѣе широкой практической дѣятельности, или въ какой-либо искусственно созданной сферѣ.

Если влеченіе къ гармоніи цѣлей настолько расширится, что для удовлетворенія его понадобится самая широкая возможная для насъ практическая задача—прожить всю свою жизнь такимъ образомъ, чтобы она имѣла возможно болѣе плодотворное значеніе для человѣчества—тогда мы станемъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ, чего требуетъ отъ насъ высшій нравственный идеалъ. Тогда пона-

добится составленіе самаго широкаго плана, такъ какъ этотъ планъ долженъ быть установленіемъ гармоніи между всѣми цѣлями всей нашей жизни. Такимъ образомъ, незамѣтно узкая практическая дѣятельность, дѣятельность какого-нибудь купца, фабриканта, рабочаго и т. д. путемъ цѣлаго ряда постепенныхъ и послѣдовательныхъ метаморфозъ можетъ перейти въ ту широкую практическую дѣятельность, которую мы называемъ реализаціей въ жизни высшихъ нравственныхъ идеаловъ. Здѣсь разница не по существу, а только въ степени и широтѣ: и тамъ и тутъ стоитъ задача гармоніи цѣлей—но въ одномъ случаѣ мы имѣемъ узкій, ограниченный рядъ цѣлей, а въ другомъ—этотъ рядъ является настолько безграничнымъ, уходящимъ въ безконечность, что едва можетъ быть уловленъ нашей мыслью.

Значитъ ли это, что мы унизили нравственность, если показали ея зародыши въ такой узко практической и мелочной дѣятельности, какъ дѣятельность какого-нибудь, напримѣръ, купца? Нисколько, этимъ мы только усиливаемъ вѣру въ окончательное торжество нравственности. Если каждая сознательная, преднамѣренная дѣятельность, какой бы узкій характеръ она не носила, содержитъ ее въ зародышѣ, то это только даетъ намъ надежду на то, что этотъ зародышъ разовьется, выростетъ, окрѣпнетъ и что та высшая нравственность, которая родится изъ него, одержитъ побѣду надъ всѣми низшими, узкими и ограниченными формами человѣческой дѣятельности, гармонически ихъ сливъ въ одной широкой, безграничной нравственной работѣ, которой будетъ наполнена вся жизнь будущаго нравственнаго человѣка и нравственно-просвѣтленнаго человѣчества. Уже въ самомъ купцѣ, фабрикантѣ, рабочемъ—скрыта та сила, которая, когда выростетъ, хлынетъ могучимъ потокомъ, размоетъ всѣ перегородки, раздѣляющія людей, вырветъ людей изъ узкихъ сферъ ихъ дѣятельности, въ которыхъ они взаимно не понимаютъ другъ друга и даже, болѣе того, враждуютъ между собою, и поставитъ ихъ на путь широкой общей работы для достиженія безпредѣльно расширяющихся общечеловѣческихъ цѣлей. Даже эксплоататоры, даже поработители, сами того не замѣчая, воспитываютъ въ са-

михъ себѣ эту силу, которая въ концѣ-концовъ должна положить предѣлъ ихъ дѣлу порабощенія другихъ людей, угнетенія человѣческой личности и безнаказаннаго пользованія ея трудомъ. Залогъ побѣды добра надъ зломъ лежитъ въ томъ, что зло хотя и поддерживаетъ зло, но для обезпеченія своего торжества не можетъ обойтись безъ того, что является добромъ. Такимъ образомъ зло противъ своей воли способствуетъ развитію добра, т.-е. развитію того, что въ концѣ концовъ должно положить конецъ и самому злу. Между тѣмъ добро, въ истинномъ смыслѣ этого слова, порождаетъ только одно добро. Злые люди, хотя и не желая этого, все же служатъ добру и подготовляютъ, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ добрыми его окончательное торжество въ мірѣ.

Итакъ, всякая практическая дѣятельность, какой бы узкой она не являлась, способствуетъ развитію влеченія къ установленію гармоніи между цѣлями, но ни въ одной изъ формъ послѣдней это не дѣлается въ такой широкой степени, какъ въ тѣхъ, которыя носятъ соціальный характеръ, въ которыхъ цѣли другихъ существъ дѣлаются нашими цѣлями, становятся предметомъ нашихъ стремленій. Въ этихъ формахъ дѣятельности цѣли другихъ существъ объединяются съ цѣлями нашей жизни и потому онѣ способствуютъ развитію влеченія къ гармоніи въ усиленной, расширенной степени. Всѣ эти формы дѣятельности имѣютъ въ своей основѣ дѣятельную симпатію человѣка къ человѣку или активный альтруизмъ который, по мѣрѣ своего практическаго обнаруживанія, все болѣе расширяется и углубляется и въ которомъ влеченіе къ гармоніи цѣлей получаетъ свое наиболѣе полное и широкое выраженіе.

Симпатическое отношеніе къ мыслямъ другихъ людей, обусловливающее все болѣе расширяющійся обмѣнъ мыслей среди людей, ведетъ къ объединенію нашихъ мыслей съ мыслями другихъ въ одно цѣлое, причемъ однако личная оригинальность индивидуальнаго мышленія нисколько не уничтожается, но, съ развитіемъ стремленія къ творческой работѣ въ области мысли у единичной личности, у ней вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе возрастаетъ и принимаетъ все болѣе широкій характеръ влеченіе къ объединенію своихъ мыслей

съ тѣми мыслями другихъ, на которыхъ лежитъ печать истинности. Симпатическое отношеніе къ переживаемымъ другими чувствованіямъ ведетъ къ созданію все болѣе широкой эмоціональной связи среди людей и, развивая все въ возростающемъ размѣрѣ сердечность и интимность эмоціональной жизни у отдѣльной личности, въ то же время развиваетъ все въ болѣе широкой степени и влеченіе къ дѣятельному объединенію своей эмоціональной жизни съ эмоціональной жизнью другихъ людей. Наконецъ, симпатическое отношеніе къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуютъ другіе люди, къ тѣмъ идеаламъ, которые они создаютъ, порождаетъ общую коллективную дѣятельность, основанную на объединеніи цѣлей жизни многихъ личностей въ одно цѣлое, и не уничтожая свободной, творческой постановки цѣлей у отдѣльной личности, ведетъ къ развитію все болѣе расширяющагося влеченія къ гармоніи цѣлей индивидуальной жизни съ цѣлями остальныхъ людей, съ цѣлями всего общества. Въ конечномъ предѣлѣ само общество, цѣли котораго объединяются съ цѣлями жизни индивидуальной личности, расширяется до предѣловъ всего человѣчества.

Выше мы говорили о томъ важномъ значеніи, которое имѣетъ область научнаго и философскаго познанія и художественнаго творчества для развитія въ человѣкѣ влеченія къ гармоніи. Остановимся теперь болѣе подробно на отношеніи этихъ областей къ области нравственности, такъ какъ ничто не проливаетъ такого яркаго свѣта на все значеніе принципа гармоніи цѣлей, какъ именно разрѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи истины, красоты и нравственности.

И расширеніе области научнаго знанія, и расширеніе области художественнаго творчества, и усвоеніе уже добытой истины, и наслажденіе уже созданными продуктами прекраснаго—все это невозможно безъ дѣятельнаго участія нашей воли, и въ этомъ смыслѣ все это является или однимъ изъ нашихъ влеченій, или одною изъ цѣлей нашей жизни. А такъ какъ задача нравственности—установленіе гармоніи между всѣми нашими влеченіями, между всѣми цѣлями нашей жизни и, что само собою подразумѣвается, между связанными съ этими послѣдними нераздѣльно дѣйствіями, то отсюда неиз-

бѣжно слѣдуетъ, что задача расширенія области истины и ея усвоенія, задача творчества прекраснаго и наслажденія имъ— обѣ эти задачи являются вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственными задачами, насколько онѣ занимаютъ надлежащее мѣсто въ общей системѣ цѣлей человѣческой жизни, насколько онѣ не нарушаютъ гармоніи и единства цѣлаго. Истинное и прекрасное есть только одна изъ цѣлей человѣческой жизни, нравственное охватываетъ всю жизнь, имѣетъ въ виду совокупность всѣхъ цѣлей, а такъ какъ цѣлое больше каждой изъ своихъ частей, потому что въ себѣ ее заключаетъ, то отсюда становится понятнымъ, что нравственность выше истины и красоты, но не въ томъ смыслѣ, чтобы здѣсь могла быть рѣчь о какомъ-нибудь противопоставленіи и предпочтеніи, а въ томъ, что нравственность представляетъ нѣчто болѣе широкое, самое широкое, что только существуетъ для человѣка, и что всегда и необходимо заключаетъ въ себѣ и стремленіе къ истинѣ и красотѣ во всѣхъ видахъ и формахъ. Я говорю—необходимо, потому что исканіе истиннаго и прекраснаго составляетъ одну изъ цѣлей человѣческой жизни, къ которой человѣкъ будетъ неуклонно стремиться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится его духовная природа. Высшая нравственная цѣль въ числѣ другихъ задачъ, которыя она ставитъ человѣку, требуетъ также, чтобы онъ стремился къ истинѣ и искалъ прекраснаго. И эти задачи она считаетъ особенно важными въ числѣ другихъ задачъ, такъ какъ онѣ служатъ подготовительною школою и средствомъ воспитанія для другихъ болѣе широкихъ задачъ: гармонія въ области мыслей и образовъ подготовляетъ путь къ установленію болѣе широкой гармоніи въ области реальной жизни. Исканіе истины и поиски прекраснаго незамѣтно воспитываютъ насъ и для нравственности, дѣлаютъ насъ все въ большей степени пригодными для осуществленія высшихъ требованій нравственности. Для кого сдѣлалось второю натурою искать гармоніи въ области мыслей или въ области образовъ, тотъ съ большею легкостью будетъ стремиться и къ установленію гармоніи между собой и человѣчествомъ, подразумѣвающемъ установленіе гармоніи въ области своей жизни и установленіе гармоніи въ средѣ самого человѣчества.

Отношеніе между истиною, красотою и нравственностью я хочу разсмотрѣть еще съ нѣсколькихъ другихъ сторонъ, чтобы уяснить этотъ интересный вопросъ по возможности полно.

Нравственность есть установленіе гармоніи между цѣлями человѣческой жизни, и эта задача не произвольно выдумана нами, но естественно вытекаетъ изъ природы самой воли человѣка и даже имѣетъ свои корни въ природѣ самого сознанія. Когда мы впервые сознаемъ эту задачу въ ясной формѣ, этимъ самымъ расширяется область познанной нами истины. Разница только въ томъ, что эта истина есть истина практическая, она имѣетъ отношеніе къ нашей волѣ, къ нашей дѣятельности и этимъ глубоко разнится отъ всѣхъ истинъ теоретическаго порядка, которыя не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ волѣ и дѣятельности, въ которыхъ формулируется только то, что есть, но не то, что должно быть.

Однако, несмотря на это, тѣ требованія, которыя ставитъ нравственность, обладаютъ всѣми признаками истинности, они въ полномъ размѣрѣ могутъ быть отнесены къ категоріи истинъ, хотя и истинъ особеннаго, своеобразнаго рода. Требованія нравственности — истина, потому, что они вытекаютъ изъ природы самой воли и самого сознанія, они такимъ образомъ не могутъ быть по произволу выдуманы человѣкомъ изъ своей головы, они заложены въ его духовной природѣ и они могутъ быть только познаны имъ. Постепенно съ развитіемъ мыслительной дѣятельности человѣка они и познаются все въ болѣе и болѣе широкомъ размѣрѣ. Область сознанной и понятой практической истины все болѣе и болѣе расширяется, требованія нравственности все болѣе уясняются не только въ своихъ общихъ чертахъ, но и въ своихъ конкретныхъ подробностяхъ.

Что же будетъ представлять собою въ такомъ случаѣ, съ этой точки зрѣнія нравственность? Нравственность разсматриваемая съ этой стороны, можетъ быть нами опредѣлена, какъ воплощеніе въ жизни нѣкоторой доли познанной человѣкомъ истины, которую мы назвали истиной практическою. Реализація этой практической истины—вотъ высшая задача прав-

ственности. Съ расширеніемъ области познанной нами практической истины и успѣшности ея реализаціи возростаетъ и то, что мы называемъ нравственностью. Надо къ этому прибавить, что познаніе практической истины не можетъ быть расширено безъ дѣйствія, направленнаго на ея реализацію: только путемъ обнаруженія воли въ дѣятельности познается ея природа и тѣ идеальныя требованія нравственности, которыя вытекаютъ изъ этой природы. Если теоретическое познаніе не можетъ быть расширено безъ его провѣрки путемъ опыта, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, то практическое познаніе тѣмъ въ большей степени и тѣмъ въ большемъ размѣрѣ требуетъ провѣрки дѣйствіемъ. Въ области практическаго познанія безъ дѣйствія не можетъ быть полнаго и совершеннаго познанія. Предметомъ познанія здѣсь служитъ дѣйствующая воля, и дѣйствительная природа этой воли можетъ быть познана только въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, практическое познаніе необходимо всегда подразумѣваетъ при этомъ и дѣятельность.

Итакъ мы видимъ, какимъ образомъ нравственность можетъ быть нами включена въ область познанія истины, какимъ образомъ „нравственное" можетъ быть нами подведено подъ категорію „истиннаго", какимъ образомъ, хотя исканіе истины и является однимъ изъ составныхъ элементовъ нравственности, но въ то же время и сама нравственность есть не болѣе, какъ одна изъ формъ исканія истины.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ нравственность можетъ быть понята, какъ одна изъ формъ стремленія къ прекрасному, какимъ образомъ „нравственное" можетъ быть подведено нами подъ категорію „красоты". Если нравственный дѣятель можетъ быть уподобленъ искателю истины, то онъ въ равной мѣрѣ можетъ быть уподобленъ и художнику, творящему прекрасное произведеніе. Чѣмъ разнится творчество Гёте, создавшаго своего Фауста, или Бехтовена, сочинившую девятую симфонію, или Рафаэля, нарисовавшаго Мадонну, отъ дѣятельности нравственнаго героя, каковымъ, напр., является Христосъ? Она разнится только по тѣмъ матеріаламъ, которыми они пользовались для своего творчества, но сущность дѣятельности оставалась одна и та

же, и въ результатѣ ея получилось то, что мы называемъ прекраснымъ. Прекрасенъ „Фаустъ“, прекрасна девятая симфонія, прекрасна рафаэлевская Мадонна, но прекрасна и вся жизнь Христа, и развѣ она вся въ ея цѣломъ не можетъ быть разсматриваема какъ художественное твореніе, какъ результатъ высшаго искусства, искусства нравственной жизни. Развѣ созерцаніе жизни Христа не даетъ намъ впечатлѣнія какой-то высшей неземной красоты?!

Нравственность необходимо входитъ въ область прекраснаго. Это есть созданіе прекраснаго изъ всей нашей жизни. Нравственный человѣкъ творитъ это прекрасное не изъ образовъ своей фантазіи, не изъ звуковъ и красокъ, онъ творитъ его изъ своихъ дѣйствій, изъ обнаруженій своей воли, изъ всей своей жизни, насколько онъ направляетъ ее сообразно съ высшими требованіями нравственности. Къ безконечной области продуктовъ художественнаго творчества онъ прибавляетъ тоже продуктъ—свою жизнь, красота которой превосходитъ красоту всего прочаго, что творятъ поэты, художники, музыканты. Изъ всѣхъ симфоній въ мірѣ лучше всего та, въ которой звучитъ жизнь нравственно-совершеннаго человѣка, гдѣ каждый поступокъ, какъ гармоническій аккордъ, входитъ въ стройную связь цѣлаго. Изъ всѣхъ поэмъ лучше всего та, которой является жизнь великаго героя нравственности, въ которой отдѣльные моменты жизни, какъ стройные ряды строфъ, риѳмующихъ между собою, нанизываются одна на другую. Изъ всѣхъ картинъ лучше всего та, которая рисуется на полотнѣ жизни хорошимъ человѣкомъ не мертвыми масляными красками, а живыми подвигами любви къ человѣчеству.

Такимъ образомъ, „нравственное“ можетъ быть подведено и подъ категорію „прекраснаго“. Это есть одинъ изъ своеобразныхъ видовъ красоты, которая тѣмъ разнится отъ всѣхъ другихъ видовъ, что ея элементами являются дѣятельныя состоянія самаго творящаго человѣка, а не его страдательныя состоянія въ видѣ переживаемыхъ имъ образовъ и не мертвая, безжизненная природа, въ которую и при помощи которой онъ воплощаетъ эти образы. Здѣсь матеріалъ для творчества и творящее начало совпадаютъ, здѣсь художникъ

и художественное произведеніе отожествляются. Нравственный человѣкъ творитъ изъ самого себя, изъ своей жизни то высшее произведеніе искусства, которое мы называемъ нравственностью. Свѣтомъ этого высшаго искусства, озаряются и всѣ другіе виды и формы искусства, и если онъ привходитъ въ нихъ элементомъ, то сообщаетъ художественнымъ произведеніямъ изъ области всѣхъ другихъ искусствъ особенное значеніе, одухотворяетъ ихъ, даетъ имъ нравственный смыслъ, который безмѣрно увеличиваетъ ихъ цѣнность.

Итакъ нравственность входитъ и въ эстетическую область искусствъ, и съ этой точки зрѣнія она можетъ быть охарактеризована, какъ исканіе прекраснаго, какъ стремленіе создать ту высшую живую красоту, которой исполнена жизнь нравственныхъ героевъ человѣчества. Я не безъ умысла употребилъ здѣсь слово „живая красота", потому что всѣ продукты такъ называемаго художественнаго творчества—красота мертвая, безжизненная. Это—красота холоднаго мрамора, засохшихъ красокъ, здѣсь не бьетъ пульсъ жизни въ истинномъ смыслѣ слова. Статуя мертва, она не можетъ говорить, но нравственно прекрасное это—сама жизнь въ ея наивысшемъ выраженіи, въ ея наиболѣе могучемъ проявленіи, это—наиболѣе совершенная воля въ неистощимомъ рядѣ ея усилій водворить гармонію между цѣлями человѣческой жизни, воля, громко и краснорѣчиво говорящая своими дѣйствіями, своими поступками, Хотя исканіе прекраснаго и входитъ, какъ одна изъ цѣлей, въ область нравственной дѣятельности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видимъ, и сама нравственность можетъ быть разсматриваема, какъ одна изъ формъ исканія прекраснаго, какъ одинъ изъ видовъ стремленія къ созданію красоты.

III.

Что является основаніемъ нравственной оцѣнки?

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о томъ отношеніи, въ какомъ „этика гармоніи цѣлей" находится къ другимъ эти-

ческимъ системамъ, мы должны произвести анализъ понятій „цѣнности“, „оцѣнки“, такъ какъ эти понятія играютъ большую роль въ области этики. Что собственно слѣдуетъ подразумѣвать подъ цѣнностью? Что является мѣриломъ для измѣренія цѣнностей? Что въ частности можетъ служить мѣриломъ для нравственной оцѣнки? Вотъ рядъ очень интересныхъ вопросовъ, которые мы постараемся хотя въ общихъ чертахъ освѣтить.

Легче всего эти вопросы намъ будетъ разрѣшить, если мы возьмемъ область экономическихъ отношеній, гдѣ понятіе цѣнности играетъ особенно важную роль. Цѣнность составляетъ одно изъ центральныхъ понятій политической экономіи. Что же разумѣется въ политической экономіи подъ этимъ понятіемъ? Въ политической экономіи различаютъ цѣнность двоякаго рода: потребительную и мѣновую. Потребительную цѣнность какого-нибудь продукта составляетъ его способность удовлетворять тѣмъ или другимъ потребностямъ человѣка. Чѣмъ сильнѣе потребности, чѣмъ больше количество ихъ, которое можетъ удовлетворять данный продуктъ, тѣмъ выше и его потребительная цѣнность. Что касается мѣновой цѣнности, то главнымъ опредѣляющимъ факторомъ для нея является количество труда, необходимое для производства продукта. Трудъ и потребности—вотъ два главныя основанія, которыми мы руководимся при экономической оцѣнкѣ вещей.

Но чѣмъ мы руководимся при нравственной оцѣнкѣ? Предметомъ нравственной оцѣнки можетъ быть только поведеніе человѣка и притомъ только въ той мѣрѣ, въ какой оно имѣетъ сознательный, волевой характеръ, въ какой оно является результатомъ сознательной воли человѣка. Нравственную оцѣнку нельзя производить вещамъ: про вещи нельзя говорить, что онѣ нравственны или безнравственны. Вещи могутъ быть только полезны или вредны, пригодны для тѣхъ или другихъ цѣлей или ни для чего непригодны, красивы или безобразны, но не нравственны или безнравственны. Нравственной цѣнности прямо и непосредственно онѣ не имѣютъ и могутъ получить ее только косвеннымъ образомъ, поскольку принимается при этомъ въ расчетъ

ихъ отношеніе къ волевому поведенію человѣка. Когда говорятъ: „какая безнравственная картина!“, то это имѣетъ только тотъ смыслъ, что или она свидѣтельствуетъ о безнравственной волѣ создавшаго ее художника, или же при этомъ подразумѣвается, что она можетъ оказать дурное вліяніе на поведеніе тѣхъ людей, которые на нее смотрятъ, — но сама по себѣ картина не можетъ быть безнравственной.

Итакъ нравственную цѣнность имѣетъ только волевое поведеніе человѣка и лишь въ переносномъ смыслѣ можно говорить о нравственной цѣнности вещей. Точно также только въ переносномъ смыслѣ можно говорить о нравственной цѣнности такихъ человѣческихъ дѣйствій, которыя являются выраженіемъ не сознательной воли человѣка, а совершаются имъ или въ безсознательномъ состояніи, или помимо воли. Нельзя оцѣнивать съ нравственной точки зрѣнія дѣйствія какого-нибудь лунатика или дѣйствія сумасшедшаго.

Но чѣмъ же нравственная оцѣнка разнится отъ оцѣнокъ всякаго другого рода? Всякая оцѣнка, какую бы мы ни взяли, имѣетъ относительный характеръ, только нравственная оцѣнка имѣетъ безусловный характеръ. Такъ, напр., взятая нами раньше для примѣра экономическая оцѣнка вещей имѣетъ въ виду ихъ относительное значеніе по отношенію къ потребностямъ и труду человѣка, но не ихъ значеніе само по себѣ. Между тѣмъ какъ нравственная цѣнность волевого поведенія выражаетъ его безусловную цѣну, не то значеніе, которое оно имѣетъ по отношенію къ чему-нибудь другому, находящемуся внѣ его, но то значеніе, которое оно имѣетъ само по себѣ. Если мы будемъ оцѣнивать волевое человѣческое поведеніе не само по себѣ, а по отношенію къ чему бы то ни было другому, такъ или иначе связанному съ нимъ, то мы будемъ производить какую угодно оцѣнку этого поведенія, но только не нравственную.

Итакъ нравственная оцѣнка есть оцѣнка безусловная и ей подлежитъ только волевое поведеніе человѣка, но гдѣ же мы будемъ искать мѣрила для нея? Мы должны искать его въ самомъ поведеніи, а не внѣ его. Какъ выйти изъ этого затрудненія? Разрѣшить это затрудненіе мы можетъ только въ томъ случаѣ, если будемъ разсматривать человѣческое

поведеніе не какъ рядъ отдѣльныхъ изолированныхъ волевыхъ актовъ, но какъ одно цѣлое. Въ такомъ случаѣ это цѣлое поведеніе явится для насъ тѣмъ мѣриломъ, которое будетъ намъ служить при оцѣнкѣ того или другого волевого акта съ нравственной точки зрѣнія. Поведеніе здѣсь будетъ измѣряться поведеніемъ: мѣриломъ для каждой отдѣльной части поведенія, отдѣльнаго поступка, будетъ служить все поведеніе въ его цѣломъ, и нравственная цѣнность поступка будетъ измѣряться его значеніемъ для цѣлаго поведенія. Цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше гармоніи, цѣльности и единства между его частями. Слѣдовательно, чѣмъ въ большей степени отдѣльный поступокъ содѣйствуетъ единству, цѣльности и гармоніи всего поведенія въ его цѣломъ, тѣмъ выше его нравственная цѣнность, или, другими словами, чѣмъ больше данный поступокъ находится въ гармоніи со всѣми другими поступками, тѣмъ выше его нравственный характеръ. Наоборотъ, всякій поступокъ, который нарушаетъ цѣльность, гармонію и единство цѣлаго поведенія, вноситъ въ него диссонансъ, противорѣчіе, раздвоенность или вообще дѣлаетъ его раздробленнымъ и несвязнымъ — всякій такой поступокъ съ нравственной точки зрѣнія имѣетъ отрицательную цѣнность, которая тѣмъ выше, чѣмъ рѣзче дисгармонія, порождаемая подобнымъ поступкомъ.

Но здѣсь возникаетъ новое затрудненіе: что понимать подъ цѣлымъ поведеніемъ? Прежде всего это есть поведеніе цѣлой жизни человѣка. Но и этого еще мало. Отдѣльный человѣкъ есть часть болѣе или менѣе широкаго общественнаго цѣлаго и его поведеніе входитъ, какъ элементъ, въ поведеніе этого цѣлаго. Такимъ образомъ, мѣриломъ при нравственной оцѣнкѣ должно быть поведеніе всей той общественной группы, частью которой личность является, включая сюда и поведеніе ея самой въ теченіе всей жизни. Гармонія, цѣльность и единство этого общественнаго поведенія является высшимъ критеріемъ для измѣренія нравственной цѣнности того или другого поступка отдѣльной личности, живущей въ обществѣ. Что это такъ — въ этомъ нетрудно убѣдиться, потому что и ходячая нравственность представляетъ намъ примѣненіе того же принципа, хотя ложное и

неправильное. Съ точки зрѣнія ходячей нравственности нравственными считаются поступки, наиболѣе согласные съ установившимися обычаями и законами въ данной общественной группѣ, т.-е. наиболѣе согласные съ поведеніемъ того общественнаго цѣлаго, къ которому данная личность принадлежитъ. Это правильно, что надо сообразоваться съ поведеніемъ того общественнаго цѣлаго, къ которому мы принадлежимъ, но не въ смыслѣ подчиненія установленному кодексу нравственности, который часто служитъ живымъ воплощеніемъ разлада, борьбы и антагонизма людей между собою, а въ томъ смыслѣ, чтобы каждый нашъ поступокъ сдѣлался содѣйствующимъ факторомъ въ установленіи истинно гармоничнаго общественнаго поведенія. Антагонизмъ личностей ошибочно принимается здѣсь за ихъ гармонію и эта мнимая гармонія является высшимъ мѣриломъ при нравственной оцѣнкѣ до тѣхъ поръ, пока по тѣмъ или другимъ причинамъ иллюзія не разрушится. Такимъ образомъ, и эта неправильно производимая людьми нравственная оцѣнка подтверждаетъ тотъ взглядъ, что при нравственной оцѣнкѣ высшимъ мѣриломъ является гармонія, цѣльность и единство всего поведенія въ его цѣломъ.

Поведеніе должно оцѣниваться поведеніемъ, отдѣльный волевой поступокъ цѣлою совокупностью ихъ—все это прекрасно, но развѣ не можетъ при этомъ производиться оцѣнка съ точки зрѣнія того значенія, которое поведеніе имѣетъ въ смыслѣ уменьшенія человѣческихъ страданій и увеличенія человѣческихъ удовольствій, и развѣ эта оцѣнка не является вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственной? Подобная оцѣнка можетъ производиться и она вполнѣ законна, потому что уменьшеніе страданій и увеличеніе удовольствій является одною изъ цѣлей человѣческой дѣятельности, но тѣмъ не менѣе эта оцѣнка вполнѣ относительна, не имѣетъ безусловнаго характера и въ этомъ смыслѣ не является и нравственной оцѣнкой въ собственномъ смыслѣ этого слова. Сами удовольствія и страданія подлежатъ еще нравственной оцѣнкѣ. Всегда еще остается разрѣшить вопросъ—таковы ли эти удовольствія, которыхъ слѣдуетъ добиваться, и таковы ли эти страданія, которыхъ слѣдуетъ избѣгать. Нравствен-

ность можетъ требовать, чтобы мы избѣгали удовольствій какого-нибудь опредѣленнаго рода, и въ тѣхъ или другихъ случаяхъ она можетъ налагать на насъ страданія и безусловныя жертвы. Удовольствіе не только наше, но и какого бы то ни было другого существа отнюдь не есть такой высшій критерій, сообразно съ которымъ мы опредѣляемъ нравственную цѣнность того или другого поступка. Ученіе о счастьѣ человѣка и человѣчества можетъ и должно быть разрабатываемо, но это отнюдь не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ученіе о нравственности. Ученіе о нравственности имѣетъ другія болѣе широкія основы: оно обнимаетъ область всѣхъ цѣлей человѣческой жизни, тогда какъ ученіе о счастьѣ интересуется только одной категоріей ихъ. Этика, которая занимается только вопросомъ о счастьѣ, не можетъ даже въ строгомъ смыслѣ этого слова быть названа этикой, такъ какъ то, что является этическимъ въ истинномъ смыслѣ, оставляется ею внѣ своего круга.

IV.

Отношеніе „этики гармоніи цѣлей“ къ гедонизму, утилитаризму, морали благополучія, этикѣ категорическаго императива, эволюціонной этикѣ и „морали жизни“ Гюйо.

Для того, чтобы въ полной мѣрѣ оправдать принципъ гармоніи цѣлей, слѣдуетъ показать въ какомъ отношеніи онъ находится къ другимъ принципамъ, которые играли и до сихъ поръ продолжаютъ играть роль основныхъ принциповъ въ системахъ этики. Прежде всего здѣсь передъ нами выступаетъ такъ сильно распространенная теорія, которая кладетъ въ основу нравственности удовольствіе, для которой увеличеніе суммы удовольствій и уменьшеніе суммы страданій является высшею нравственною цѣлью. Эта теорія извѣстна подъ именемъ гедонизма. Въ самой своей первоначальной формѣ, какую она приняла у Аристиппа, эта теорія отстаиваетъ удовольствіе минуты. Для Аристиппа одно мгновеніе не должно приноситься въ жертву другому или подчиняться ему. Порхай какъ бабочка отъ одного удовольствія къ дру-

гому, слѣдуя каждому вспыхнувшему въ тебѣ влеченію и не сообразуясь съ тѣмъ, что отъ этого послѣдуетъ для другихъ влеченій—для остальной твоей жизни, вотъ къ чему сведется высшее предписаніе этой морали. Здѣсь единичныя мгновенія жизни стоятъ изолированно другъ отъ друга, здѣсь нѣтъ и рѣчи о ихъ согласованіи другъ съ другомъ, объ установленіи между ними хотя какой нибудь гармоніи. По мѣткому выраженію Гефдинга, мы имѣемъ здѣсь „господство мгновенія". Принципу гармоніи цѣлей здѣсь абсолютно нѣтъ никакого мѣста, такъ какъ ни одна цѣль здѣсь не сравнивается съ другой, а слѣдовательно не можетъ итти рѣчь и объ установленіи между ними какого бы то ни было соотношенія, о какомъ нибудь полномъ, или хотя бы частичномъ согласованіи. Каждая цѣль господствуетъ здѣсь сама по себѣ, независимо отъ другихъ, имѣетъ самодовлѣющее значеніе. „Въ этическомъ отношеніи, это—самая радикальнѣйшая точка зрѣнія, какую только можно себѣ представить", говоритъ Гефдингъ, и далѣе вполнѣ справедливо онъ самъ же прибавляетъ, „что она устраняетъ всякую этику, такъ какъ исключаетъ всякую оцѣнку" [1]).

Въ болѣе совершенной формѣ принципъ удовольствія выступаетъ передъ нами въ тѣхъ теоріяхъ, которыя провозглашаютъ его подъ формулой „наибольшаго счастья наибольшаго числа людей" — въ такъ называемой утилитарной доктринѣ; здѣсь просто удовольствіе фигурируетъ передъ нами подъ именами счастья, пользы. Принципъ пользы или счастія стоитъ выше уже того принципа, въ которомъ имѣется въ виду только удовольствіе минуты и выше именно потому, что здѣсь уже рѣчь идетъ о сравненіи удовольствій между собою, о ихъ соподчиненіи другъ съ другомъ, объ образованіи изъ нихъ нѣкоторой гармонической системы, которую мы называемъ счастьемъ. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное удовольствіе становится здѣсь цѣлью только въ той мѣрѣ, въ какой оно гармонизировано съ остальными удовольствіями, въ какой оно способно войти въ систему удовольствій, называемую счастьемъ. Просто удовольствіе уже перестаетъ здѣсь

---

[1]) Г. Гефдингъ. Этика, стр. 20.

быть самодовлѣющею цѣлью, и является таковою только въ той мѣрѣ, въ какой оно подчинено принципу цѣльности, единства и гармоніи. Этимъ самымъ, хотя и косвеннымъ путемъ, признается превосходство принципа гармоніи надъ принципомъ простого удовольствія.

Но и само понятіе счастья въ формулѣ „наибольшаго счастья наибольшаго числа людей" косвеннымъ образомъ подчиняется принципу гармоніи. Если высшею цѣлью нравственности является наибольшее счастіе наибольшаго числа людей, то, слѣдовательно, не всякое счастіе здѣсь можетъ быть оправдано съ этической точки зрѣнія, а только такое, которое находится въ гармоніи со счастіемъ наибольшаго числа людей. Счастье каждаго единичнаго человѣка здѣсь должно не только находиться въ возможно меньшемъ противорѣчіи со счастіемъ другихъ людей, оно должно находиться съ ихъ счастіемъ въ возможно болѣе совершенной гармоніи— только тогда и оно, какъ элементъ, имѣетъ право войти въ общую систему наибольшаго счастія наибольшаго числа людей. Счастіе отдѣльной личности только при условіи гармонизаціи со счастьемъ другихъ людей получаетъ здѣсь свое этическое оправданіе. Все это хотя и не формулируется открыто въ принципѣ „наибольшаго счастія", теоріи такъ называемаго альтруистическаго утилитаризма, однако предполагается въ немъ скрытымъ образомъ. Только принципъ гармоніи даетъ намъ руководящее начало для выбора между тѣмъ или другимъ видомъ счастья или между счастьемъ той или другой отдѣльной, личности. Счастіе такимъ образомъ фактически не является здѣсь самодовлѣющею цѣлью, а только въ той мѣрѣ, въ какой оно подчинено принципу гармоніи, цѣльности, единства. Въ этомъ отношеніи, чтобы еще болѣе выяснить, что удовольствіе, подъ какими бы именами оно ни выступало, подъ своимъ ли собственнымъ или подъ названіемъ „пользы", „счастья" и т. д., не можетъ быть верховнымъ принципомъ этики, полезно остановиться на той наиболѣе совершенной формѣ утилитарной доктрины, которую она приняла у Гефдинга.

Гефдингъ слова „польза" и „счастье" замѣняетъ словомъ „благополучіе". Но и въ этой новой одеждѣ только въ еще

болѣе отчетливой формѣ вырисовывается передъ нами то громадное значеніе, которое принципъ гармоніи имѣетъ въ области этики. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ тому, что понимаетъ Гефдингъ подъ словомъ „благополучіе". „Подъ словомъ благополучіе", говоритъ онъ, „я подразумѣваю все, что служитъ удовлетворенію человѣческой природы въ ея цѣломъ" [1]). И что особенно заставляетъ его предпочитать слово благополучіе всѣмъ другимъ словамъ, которыя предлагались утилитаристами, это то, что существуетъ одна сторона дѣла, которая выражается словомъ „благополучіе" яснѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ. „Благополучіе", говоритъ Гефдингъ, „обозначаетъ именно состояніе цѣльности. Мгновенныя чувствованія страданія и удовольствія не даютъ критерія для цѣльнаго состоянія... Изъ единичныхъ изолированныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія нельзя вывести ничего точнаго; столь же мало можетъ насъ привести къ цѣли простое складываніе ихъ. Нужно, наоборотъ, изслѣдовать взаимную связь между отдѣльными чувствованіями и общимъ характеромъ сознанія, которому они принадлежатъ, т.-е. дѣйствительнымъ единствомъ его. Точно также удовольствіе и страданіе единичнаго индивидуума должно быть разсмотрѣно въ связи съ цѣлымъ общественнымъ состояніемъ" [2]).

Все это совершенно справедливо, но все это въ то же время говоритъ и противъ самаго Гефдинга, противъ того, чтобы считать благополучіе высшею цѣлью нравственной дѣятельности, противъ того, чтобы утверждать, что „послѣднимъ масштабомъ оказывается... удовольствіе и страданіе какого-нибудь болѣе или менѣе сознательнаго существа" [3]). Если нужно изслѣдовать связь между отдѣльными чувствованіями и общимъ характеромъ сознанія или сознаніемъ, взятымъ въ его цѣломъ, то слѣдовательно этотъ общій характеръ сознанія или цѣлое сознаніе является здѣсь главнымъ опредѣляющимъ факторомъ. Это цѣлое сознаніе, имѣетъ большее

---

[1]) Тамъ же, стр. 30.
[2]) Тамъ же, стр. 30.
[3]) Тамъ же, стр. 81.

значеніе, чѣмъ тѣ или другія отдѣльныя чувствованія удовольствія и неудовольствія, возникающія въ немъ. А кромѣ этихъ чувствованій удовольствія и неудовольствія мы открываемъ въ этомъ сознаніи другіе элементы, имѣющіе большое значеніе въ психической жизни человѣка и обладающіе цѣнностью, которая не уступитъ цѣнности чувствованій удовольствія. Я говорю объ элементахъ воли и познанія, которые психологическій анализъ вынужденъ признать въ качествѣ своеобразныхъ элементовъ психической жизни, не могущихъ быть сведенными къ чувствованіямъ удовольствія и неудовольствія, хотя всегда и нерасторжимо связанныхъ съ ними.

Итакъ, если общій характеръ сознанія является тѣмъ, что опредѣляетъ значеніе для нашей жизни тѣхъ или другихъ единичныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія, если при оцѣнкѣ этихъ послѣднихъ мы должны принимать во вниманіе цѣлое сознаніе, то на какомъ основаніи мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что послѣднимъ масштабомъ оказывается удовольствіе, на какомъ основаніи верховною цѣлью этики мы ставимъ благополучіе, подъ которымъ Гефдингъ понимаетъ „истинное" счастіе или „истинную" пользу. Въ дѣйствительности послѣднимъ масштабомъ оказывается цѣлое сознаніе, общій характеръ его, а высшею цѣлью гармонія всѣхъ цѣлей, но отнюдь не благополучіе, которое является только одной изъ цѣлей человѣческой дѣятельности, даже если мы и расширимъ понятіе благополучія до такой степени, что оно начинаетъ заключать въ себѣ болѣе того, что обыкновенно связывается съ этимъ названіемъ.

Гефдингъ остановился на полдорогѣ и не сдѣлалъ того послѣдняго шага, который еще оставалось сдѣлать, чтобы принципъ гармоніи цѣлей былъ признанъ во всей своей силѣ и яркости. Признавъ единство сознанія, общій характеръ его, имѣющими такое большое значеніе, Гефдингъ тѣмъ не менѣе его, а чувствованія удовольствія или страданія выставляетъ, какъ послѣдній масштабъ. Ставя, наоборотъ, цѣлое сознаніе высшимъ масштабомъ, мы будемъ признавать не только за чувствованіями удовольствія, но и за всякимъ другимъ психическимъ содержаніемъ, будетъ ли оно намъ являться въ формѣ элементовъ познанія или воли, право играть роль

одной изъ цѣлей нашей жизни, если только при постановкѣ этой цѣли принято во вниманіе все сознаніе въ его цѣломъ, въ гармонической связи всѣхъ его элементовъ.

Понятіе цѣнности или оцѣнки отпюдь не связано съ чувствованіями удовольствія или неудовольствія, а съ тѣмъ мѣстомъ, которое тотъ или другой психическій элементъ занимаетъ въ цѣломъ сознаніи, съ его способностью содѣйствовать связи, гармоніи, цѣльности сознанія или наоборотъ нарушать эту связь, цѣльность и гармонію. Высшею цѣнностью въ психическомъ отношеніи обладаетъ все то, что ведетъ къ наибольшей гармоніи, цѣльности и связанности сознанія, и все это встрѣчаетъ съ нашей стороны наибольшее одобреніе въ качествѣ цѣли нашей дѣятельности. Если это намъ и не всегда бываетъ вполнѣ отчетливо ясно, то фактически это всегда бываетъ такъ.

Удовольствіе и страданіе ошибочно могли быть приняты за окончательную цѣль нашихъ дѣйствій, за послѣднее основаніе при выборѣ нашемъ между тѣми или другими поступками потому, что они являются показателями гармоніи или дисгармоніи жизни сознанія. Какъ термометръ насъ извѣщаетъ о состояніи теплоты, въ которомъ находится данное тѣло, такъ они насъ увѣдомляютъ о нарушенной или возстановленной гармоніи нашего сознанія. Но когда мы нагрѣваемъ тѣло и измѣряемъ это термометромъ, мы нагрѣваемъ его не для того, чтобы термометръ поднялся до извѣстной точки, а для того, чтобы нагрѣлось само тѣло, и по показаніямъ термометра судимъ, имѣетъ ли это мѣсто или нѣтъ. Такъ и дѣйствуя, въ дѣйствительности, мы не ищемъ только тѣхъ или другихъ удовольствій и не стараемся только избѣжать тѣхъ или другихъ страданій. Сознаніе, которое находитъ свое выраженіе въ волевой дѣятельности, ищетъ только согласія съ самимъ собою, цѣльности, гармоніи, а удовольствіе или страданіе, какъ термометръ, только показываютъ ему, достигнута ли эта гармонія или нѣтъ. Вслѣдствіе естественной иллюзіи мы сосредоточиваемъ все свое вниманіе на показателѣ и считаемъ его за главную цѣль и эту иллюзію поддерживаетъ то обстоятельство, что удовольствіе, будучи однимъ изъ психическихъ элементовъ, какъ таковой обладаетъ из-

вѣстною внутреннею цѣнностью. Играя большую роль въ психической жизни, ярко выступая въ извѣстные моменты на общемъ фонѣ сознанія, оно привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе и мы совсѣмъ почти забываемъ объ этомъ общемъ фонѣ сознанія, въ которомъ и заключается вся суть дѣла.

Остановимся еще болѣе подробно на тѣхъ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ, которыя Гефдингъ связываетъ со словомъ „благополучіе". „Благополучіе", говоритъ онъ, „было бы иллюзіей, если бы подъ этимъ словомъ понимать пассивное, навсегда созданное положеніе. Благополучіе должно состоять въ дѣятельности, въ работѣ... Однако, несмотря на это, мы не откажемся отъ нашего первоначальнаго опредѣленія благополучія, какъ прочнаго, длящагося состоянія удовольствія. Нужно только отбросить мысль о пассивномъ состояніи" [1]). Мы видимъ, что здѣсь въ понятіе благополучія вводится одинъ очень важный элементъ,—дѣятельность, работа, активное состояніе, однимъ словомъ воля въ рядѣ ея обнаруженій, но этотъ элементъ въ концѣ концовъ оказывается тоже подчиненнымъ удовольствію, т.-е. является только средствомъ для „прочнаго длящагося состоянія удовольствія", а не поставленъ съ удовольствіемъ на одну ногу и не признанъ въ качествѣ возможной цѣли, независимо даже отъ связанныхъ съ нимъ чувствованій удовольствія.

Вотъ почему если взять слово благополучіе даже въ такомъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ беретъ его здѣсь Гефдингъ, то и оно не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя можетъ себѣ ставить человѣкъ, потому что и въ этой формѣ оно является только тѣмъ же удовольствіемъ, какимъ оно являлось и во всѣхъ другихъ утилитарныхъ системахъ, только одѣтымъ въ болѣе дорогіе и богатые наряды. Но суть дѣла здѣсь осталась одна и та жа. Высшая цѣнность признается только за одной изъ формъ психической жизни, а именно за чувствованіями удовольствія, а остальное содержаніе сознанія лишено самостоятельнаго значенія, и играетъ по отношенію къ этимъ чувствованіямъ только чисто служебную роль.

---

[1]) Тамъ же, стр. 84.

Взглядъ этотъ глубоко противорѣчитъ мыслямъ, которыя Гефдингъ развиваетъ въ своей „Психологіи“ о равноцѣнномъ значеніи элементовъ познанія, чувствованія и воли въ области душевной жизни, о ихъ несводимости другъ на друга и о томъ, что изъ всѣхъ элементовъ психической жизни первенство принадлежитъ волѣ, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ активности вообще. Воля можетъ хотѣть самое себя, т.-е. хотѣть дѣйствовать не ради связанныхъ съ этимъ чувствованій удовольствія, но и ради самой себя, хотѣть дѣятельности ради дѣятельности или лучше ради того, что это связано съ наибольшей цѣльностью, гармоніей и единствомъ сознанія. Воля въ ея болѣе узкомъ пониманіи, т.-е. въ смыслѣ дѣятельности, сообразно тѣмъ или другимъ напередъ поставленнымъ цѣлямъ, есть высшая форма сознанія вообще, форма, въ которой сознаніе достигаетъ своей наивысшей гармоніи, цѣльности и единства. Такимъ образомъ дѣятельность ради осуществленія тѣхъ или другихъ цѣлей сама есть высшая цѣль, потому что эта цѣль въ наибольшей степени содѣйствуетъ объединенію, цѣльности и гармоніи сознанія и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше сама она руководится принципомъ объединенія, цѣльности и гармоніи, т.-е. чѣмъ болѣе эта дѣятельность имѣетъ въ виду объединеніе ряда послѣдовательно ставимыхъ цѣлей въ одну гармоническую систему цѣлей. При этой формѣ дѣятельности, принявшей характеръ установленія гармоніи между цѣлями, и сознаніе достигаетъ своей высшей возможной для него цѣльности, гармоніи и единства. Удовольствіе, счастіе, польза, благополучіе, какое широкое пониманіе не соединялось бы съ этимъ послѣднимъ словомъ, не являются послѣднею, конечною цѣлью; такою цѣлью можетъ быть только общая система всѣхъ цѣлей человѣческой жизни, безпредѣльно расширяющаяся, и только эта общая система цѣлей, гармонически связанныхъ между собою, можетъ послужить оправданіемъ для постановки удовольствія, счастія, пользы, благополучія, или чего бы то ни было другого, какими хотите назовите именами, въ качествѣ одной изъ цѣлей человѣческой дѣятельности.

Мнѣ предстоитъ теперь довольно трудная и сложная за-

дача — показать, въ какомъ отношеніи принципъ гармоніи цѣлей стоитъ къ понятію безусловнаго долга и вообще къ этикѣ категорическаго императива, формулированной Кантомъ.

Въ этикѣ Канта центральнымъ является понятіе „доброй воли". Добра только та воля, которая согласна съ своимъ истиннымъ назначеніемъ, которая исполняетъ свою обязанность и притомъ исполняетъ свою обязанность ради самой обязанности, безъ всякихъ другихъ какихъ либо постороннихъ видовъ и соображеній. Только такая воля добра сама въ себѣ. Обязанность есть законъ. Истинно добрая воля исполняетъ законъ только изъ уваженія къ закону. Правило истинно добраго поступка должно согласоваться съ закономъ. Законъ въ строгой всеобщности приложимъ къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ. Слѣдовательно правило поступка бываетъ добрымъ, „когда я могу желать, чтобы мое правило сдѣлалось всеобщимъ закономъ". Остановимся пока на этихъ мысляхъ Канта и посмотримъ, въ какой онѣ находятся связи и отношеніи къ тѣмъ мыслямъ, которыя я здѣсь развиваю. Этика Канта тоже содержитъ въ себѣ зародышъ, изъ котораго можетъ быть развита „этика гармоніи цѣлей" и показать это тѣмъ болѣе важно, что тѣмъ ярче обрисуется все значеніе „этики гармоніи цѣлей", къ которой неизбѣжно приводятъ столь различныя направленія въ этическихъ ученіяхъ, какъ, напримѣръ, утилитаризмъ и мораль безусловнаго долга.

Въ самомъ дѣлѣ, мы охотно признаемъ основныя посылки Канта и готовы вмѣстѣ съ нимъ исходить изъ понятія „доброй воли". Итакъ добрая воля только та, которая согласна со своимъ назначеніемъ, которая исполняетъ свою обязанность. Но въ чемъ же состоитъ назначеніе воли? Какова ея обязанность? Эта обязанность должна вытекать изъ природы самой воли, а не быть извнѣ навязана ей; если она будетъ извнѣ навязана, то она будетъ имѣть произвольный характеръ, будетъ чужда самой волѣ и не будетъ соотвѣтствовать ея назначенію.

Но какова же природа воли? Мы видѣли, что воля есть постановка цѣлей, что постановка каждой цѣли въ отдѣльности предполагаетъ объединяющую дѣятельность сознанія

и что чѣмъ выше поднимается развитіе воли, тѣмъ больше эта объединяющая дѣятельность отъ одной цѣли распространяется на все бо́льшую и бо́льшую совокупность ихъ. Назначеніе воли, которое вытекаетъ изъ ея природы, а не навязывается ей извнѣ, объединеніе того міра цѣлей и связанныхъ съ ними дѣйствій, которому она даетъ начало. Это—высшая, самая первоначальная и основная обязанность воли всѣ остальныя обязанности ея уже только вытекаютъ изъ этой послѣдней.

Первоначальная обязанность воли—стремиться къ гармоніи, цѣльности и единству между тѣми цѣлями, которыя она ставитъ, и эту обязанность она должна исполнять ради самой обязанности, а не ради какой-либо другой посторонней цѣли. Потому что ни одна цѣль, отдѣльно взятая, не можетъ быть больше всей системы цѣлей и должна войти въ нее только какъ отдѣльная составная часть. Не она служитъ оправданіемъ для всей системы цѣлей, а вся система цѣлей служитъ оправданіемъ для нея. Но сама система цѣлей, если только она не входитъ какъ часть въ другую болѣе широкую систему цѣлей, есть нѣчто безусловное, что имѣетъ значеніе само по себѣ, что есть добро само по себѣ, что не нуждается ни въ какомъ оправданіи.

Гармонія цѣлей есть законъ, законъ самой воли, вытекающій изъ ея природы, и истинно добрая воля исполняетъ этотъ законъ изъ уваженія къ самому закону, изъ уваженія къ самой себѣ, потому что этотъ законъ служитъ выраженіемъ ея истинной сущности, потому что возможно болѣе совершенное исполненіе этого закона, есть вмѣстѣ съ этимъ достиженіе и самою волею возможно болѣе полнаго совершенства. Правило истинно добраго поступка должно согласоваться съ этимъ закономъ гармоніи цѣлей. Истинно добрымъ поступкомъ является тотъ, цѣль котораго представляетъ одинъ изъ составныхъ элементовъ гармонической системы цѣлей. Правиломъ истинно добраго поступка является его гармонизированіе со всѣмъ безпредѣльнымъ рядомъ нашихъ другихъ поступковъ.

Этотъ законъ гармоніи цѣлей въ строгой всеобщности приложимъ къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ.

При своемъ приложенiи къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ онъ принимаетъ самую широкую форму, какую онъ только можетъ принять. Разъ мы приходимъ къ идеѣ закона, который могъ бы стать всеобщимъ закономъ, мы тѣмъ самымъ приходимъ къ идеѣ всеобщаго союза разумныхъ существъ, въ которомъ наша воля, какъ и воля всякаго другого разумнаго существа, перестаетъ себя разсматривать изолированно, и разсматриваетъ себя только какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ этой общей воли всѣхъ разумныхъ существъ. Но тогда и система цѣлей нашей индивидуальной жизни входитъ только какъ часть въ болѣе широкую систему цѣлей, которую долженъ себѣ ставить гармоническій союзъ разумныхъ существъ или, можно сказать, что система нашихъ цѣлей безпредѣльно расширяется, включая въ себя и тѣ цѣли, которыя ставятъ или могутъ ставить другія разумныя существа. И если мы при совершенiи нашихъ поступковъ руководимся идеей о гармонiи такой безпредѣльно расширенной системы цѣлей, то можно въ полномъ смыслѣ этого слова сказать, что законъ нашей воли въ строгой всеобщности приложимъ къ каждой волѣ, ко всѣмъ разумнымъ существамъ.

Примѣненiе этой идеи, конечно, можетъ быть только далеко неполное и несовершенное, что будетъ зависѣть отъ степени развитiя самой личности и всего человѣчества. Къ ея осуществленiю, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и все человѣчество только постепенно приближается, не будучи однако никогда въ состоянiи ее достигнуть вполнѣ. Эта идея только указываетъ то направленiе, въ которомъ должно совершаться развитiе нравственности, даетъ возможность только намѣтить послѣдовательныя ступени въ этомъ развитiи, но на верхнюю ступень человѣкъ никогда не поднимется, потому что, чѣмъ выше онъ поднимается, тѣмъ болѣе выростаетъ и та лѣстница, по которой онъ поднимается; но нравственность заключается не въ томъ, чтобы достигнуть вершины, а чтобы, руководясь свѣтлымъ огонькомъ, свѣтящимъ на этой вершинѣ, сдѣлавъ его своей путеводной звѣздой, непрерывно подниматься отъ одной ступени къ другой, все выше и выше, не жалѣя своихъ усилiй.

Расширять сферу своихъ цѣлей до предѣловъ возможнаго и стараться внести въ эту сферу возможно больше цѣльности, единства и гармоніи — вотъ высшая нравственность доступная человѣку. Въ конечномъ предѣлѣ сфера цѣлей отдѣльной личности должна стать такой широкой, чтобы совпасть со сферой цѣлей всего человѣчества. Въ направленіи ко все большему и большему совпаденію этихъ сферъ и идетъ нравственное развитіе человѣка, какъ его приходится наблюдать въ историческомъ развитіи человѣчества. Но будетъ ли достигнуто полное совпаденіе? Кто знаетъ? Это такая безпредѣльная задача. Но если даже мы и предположимъ, что оно будетъ достигнуто, то все же лѣстница, по которой поднимался человѣкъ, выростетъ еще выше и на самой верхней ея ступени заблеститъ еще болѣе яркій огонь: система цѣлей человѣчества, какъ составная часть, войдетъ въ какую-нибудь другую еще болѣе широкую систему цѣлей...

Этика гармоніи цѣлей тѣмъ выгодно отличается отъ этики категорическаго императива или безусловнаго долга, что это не есть только формальная этика, какою является этика Канта. Форма и содержаніе въ ней тѣсно сливаются въ одномъ гармоническомъ единствѣ и равно приняты во вниманіе при формулированіи основного принципа нравственности. Не пустой формѣ здѣсь придано главное значеніе, при чемъ все богатое содержаніе реальной жизни является какъ бы не имѣющимъ существеннаго значенія для задачъ нравственности; нѣтъ, и форма и содержаніе здѣсь выражены въ равной мѣрѣ въ ихъ значеніи для нравственности. Мы не скажемъ, вмѣстѣ съ Кантомъ, что „моральную цѣну придаетъ поступку не содержаніе его, а только форма“, что „моральный принципъ есть не матеріальный, а формальный“. Подобный выводъ получился у Канта потому, что онъ бралъ понятіе воли, забывая о содержащемся въ немъ понятіи цѣли. Но понятіе цѣли необходимо включается въ понятіе воли. И если разсуждать о волѣ, не принимая этого во вниманіе, то можно прійти къ ложнымъ и одностороннимъ выводамъ.

Вѣдь воля и есть не что иное, какъ цѣлепоставляющая дѣятельность, и если исключить изъ понятія воли все то

безграничное богатство цѣлей, которое она въ себѣ содержитъ, то мы и придемъ къ понятію „чистой воли", т.-е. къ формѣ, лишенной всякаго содержанія. Но это не болѣе какъ безжизненный призракъ, который получился только потому, что съ реальной жизни мы совлекли ея плоть и кровь; и такимъ образомъ остался одинъ скелетъ, едва уловимый въ своихъ очертаніяхъ. Защищая принципъ гармоніи цѣлей, какъ высшій принципъ нравственности, мы имѣемъ въ виду не чистую волю Канта, не волю, изъ которой исключены всѣ эмпирическія цѣли, всѣ эмпирическія побужденія, т.-е. все, что составляетъ реальное содержаніе воли. Мы беремъ волю, какъ она существуетъ въ дѣйствительности, въ ея нераздѣльной связи съ вѣчной постановкой эмпирическихъ цѣлей. Мы видимъ волю только тамъ, гдѣ ставятся какія бы то ни было опредѣленныя цѣли, и если постановка такого рода эмпирическихъ цѣлей прекратилась, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и то, что можетъ быть еще называемо волей въ узкомъ значеніи этого слова. Безпредѣльно расширяющійся рядъ цѣлей составляетъ здѣсь содержаніе, а гармонія, цѣльность, единство—представляютъ намъ ту форму которая должна быть придана этому содержанію, тотъ законъ, которымъ дѣятельность воли должна направляться, если только воля хочетъ слѣдовать своему естественному назначенію, вытекающему изъ ея природы, а не навязанному ей извнѣ.

Для чего собственно Канту понадобилась чистая или только формальная воля? Установленіемъ этого понятія онъ хотѣлъ спасти то, что придаетъ нравственности ея высшее значеніе, т.-е. ея абсолютный, безусловный характеръ. Нравственное дѣйствіе предполагаетъ абсолютную цѣль, между тѣмъ, какъ каждая эмпирическая цѣль есть цѣль относительная и, слѣдовательно, если мы погружаемся въ этотъ міръ относительныхъ цѣлей, если мы имѣемъ дѣло съ эмпирической волей, мы не найдемъ тамъ ничего такого, что бы могло имѣть безусловный и абсолютный характеръ, не найдемъ тамъ никакой цѣли, которая не была бы чѣмъ-нибудь обусловлена. Но въ такомъ случаѣ мы не найдемъ тамъ и нравственности. Значитъ нравственность, если имѣть въ

виду только эмпирическую волю, представится не болѣе, какъ иллюзіей, лишенной всякаго значенія. Если нравственность еще гдѣ-либо существуетъ и возможна, то это только при одномъ условіи, что кромѣ эмпирической воли, которая себѣ ставитъ только эмпирическія цѣли, возможна еще чистая воля, воля свободная отъ всякихъ эмпирическихъ побужденій, и надъ такой-то только волей и можетъ имѣть силу безусловная цѣль, для такой только воли можетъ быть возможна нравственность.

Такимъ образомъ, идея чистой воли нужна для того, чтобы сохранить безусловный характеръ нравственности, чтобы защитить ее, какъ абсолютную цѣль. Но нуждается ли нравственность въ подобной защитѣ и развѣ нѣтъ возможности спасти абсолютный характеръ нравственности и не выходя за предѣлы дѣйствительной, реальной, эмпирической воли, не создавая фиктивнаго понятія чистой воли, которое не можетъ быть реализовано въ нашемъ сознаніи никакимъ усиліемъ мысли? Это оказывается вполнѣ возможнымъ и именно при принятіи принципа гармоніи цѣлей, въ которомъ въ слитной формѣ получаетъ свое полное выраженіе какъ абсолютный, такъ и относительный характеръ нравственности.

Каждая цѣль въ отдѣльности имѣетъ условное и относительное значеніе, но вся система цѣлей, взятая какъ одно единое гармоническое цѣлое, имѣетъ безусловное значеніе; она, какъ безусловная цѣль, служитъ оправданіемъ и для каждой отдѣльной относительной цѣли, которую мы ставимъ въ нашей жизни. И въ той мѣрѣ, въ какой при постановкѣ той или другой отдѣльной эмпирической цѣли принята во вниманіе вся гармонически связанная внутри себя система цѣлей, въ той мѣрѣ и эта эмпирическая цѣль принимаетъ безусловный характеръ, т.-е. характеръ нравственной цѣли. И въ этомъ смыслѣ каждая эмпирическая цѣль можетъ принять такой характеръ, т.-е. получить значеніе нравственной цѣли, а вся дѣятельность человѣка — характеръ нравственной дѣятельности. И такимъ образомъ относительное и абсолютное здѣсь сливаются въ одно цѣлое; будучи относительной, каждая цѣль въ то же время можетъ

имѣть и абсолютный характеръ, если только она одновременно является, какъ членъ всей системы гармонически между собою связанныхъ цѣлей.

Абсолютное здѣсь не можетъ быть иначе реализовано, какъ только при посредствѣ относительнаго, нравственная воля не можетъ получить своего выраженія иначе, какъ только въ эмпирической волѣ. Только будучи эмпирической, она можетъ быть въ то же время и нравственной: внѣ эмпирической воли нѣтъ никакой нравственности. Нравственность не по ту сторону жизни, но въ самой жизни, въ самомъ процессѣ ея, это—высшее выраженіе, котораго процессъ жизни достигаетъ, будучи гармонизированъ непрерывной дѣятельностью разумной воли, т.-е. воли, дѣйствующей подъ вліяніемъ идеи цѣльности, гармоніи и единства всей системы цѣлей человѣческой жизни. И все это вполнѣ согласуется съ тѣмъ пониманіемъ безусловнаго или абсолютнаго, какое придаетъ ему Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума" въ примѣненіи къ области теоретическаго познанія.

Безусловное тамъ у него обозначаетъ направляющую идею, т.-е. идею, сообразно которой должно развиваться наше опытное знаніе. Оно обозначаетъ границу или цѣль, къ которой опытъ долженъ стремиться, но которой онъ, какъ опытъ, никогда не можетъ достигнуть и не долженъ достигнуть. Если бы существовалъ безусловный или послѣдній принципъ опыта, полагаетъ Кантъ, то въ этомъ принципѣ всѣ опытныя сужденія имѣли бы свою общую основу, и въ такомъ случаѣ всѣ опытныя науки составляли бы только одну науку, и система человѣческаго знанія замыкалась бы въ нѣкоторое единство. Опытъ долженъ стремиться къ этой цѣли, т.-е. долженъ расширяться и при томъ расширяться постоянно. Опытъ никогда не можетъ и не долженъ достигнуть этой цѣли, т.-е. онъ не можетъ никогда закончиться, не можетъ дойти въ своемъ постепенномъ ходѣ до такого пункта, гдѣ бы онъ прекратился, какъ довершенный. Если же, такимъ образомъ, опытъ долженъ постоянно расширяться, не будучи никогда въ состояніи закончиться, то ясно, что царство и непрерывность опыта безграничны, какъ время и пространство. Опытъ

долженъ стремиться къ этой недостижимой цѣли, т.-е. при всякомъ расширеніи онъ долженъ имѣть въ виду единство своихъ познаній и постоянно стараться соединить всѣ свои части въ одно цѣлое науки. Эта идея цѣлаго или разумнаго единства составляетъ цѣль, стоящую передъ опытною наукою,—цѣль, къ которой она стремится, но которой никогда не достигаетъ; цѣль, которая требуетъ постояннаго расширенія нашего эмпирическаго знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же постояннаго соединенія эмпирическаго познанія въ одно правильно связанное цѣлое.

Вотъ великія и глубоко вѣрныя мысли, которыя развиваетъ Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума", и намъ остается только примѣнить ихъ не къ области теоретическаго познанія, а къ области практическаго дѣйствія, и мы тогда неизбѣжно придемъ къ принципу цѣльности, единства и гармоніи цѣлей, какъ къ той безусловной цѣли, которая должна руководить насъ въ области чисто практической дѣятельности, которая должна быть высшимъ закономъ нашей воли.

Безусловная цѣль и въ области нравственности можетъ обозначать только направляющую идею, т.-е. идею, сообразно которой должна развертываться наша практическая дѣятельность. Она обозначаетъ границу, къ которой наша практическая дѣятельность должна стремиться, но которой она никогда не можетъ достигнуть. Если бы возможно было достигнуть безусловной цѣли нашей дѣятельности, осуществить практически послѣдній принципъ ея, то въ такомъ случаѣ всѣ отдѣльныя, частныя, опредѣленныя, особенныя, относительныя цѣли, всѣ наши эмпирическія цѣли составили бы одну гармоническую систему цѣлей. Наша практическая дѣятельность должна стремиться къ этому, т.-е. должна расширяться и притомъ постоянно расширяться, чтобы захватывать въ свою область всѣ тѣ отдѣльныя цѣли, которыя только находятся въ предѣлахъ силъ человѣка, на которыя простирается могущество его воли. И этотъ процессъ расширенія человѣческой дѣятельности, расширенія системы цѣлей человѣческой жизни никогда не можетъ дойти до такой точки, гдѣ бы онъ прекратился, какъ законченный и довершенный. Царство цѣлей и непрерывный рядъ ихъ также

безграничны, какъ пространство и время. Но, несмотря на то, что дѣятельность человѣка и область его цѣлей, такимъ образомъ, непрерывно расширяется, при всякомъ своемъ расширеніи разумная человѣческая дѣятельность должна имѣть въ виду единство своихъ дѣйствій, гармонію цѣлей, которыя предполагается достигнуть при посредствѣ этого ряда дѣйствій, должна постоянно стараться соединить всѣ цѣли въ одно гармоническое цѣлое. Эта идея цѣльности, гармоніи, единства безпредѣльно расширяющагося царства цѣлей составляетъ высшую, безусловную цѣль, стоящую передъ человѣческой дѣятельностью, цѣль, къ которой она должна постоянно стремиться, не будучи, однако, никогда въ состояніи ея достигнуть вполнѣ. И въ той мѣрѣ, въ какой эта цѣль постоянно имѣется въ виду отдѣльной личностью въ ея дѣятельности, дѣятельность этой личности пріобрѣтаетъ нравственный характеръ. Тогда каждая относительная цѣль является вмѣстѣ съ тѣмъ и отблескомъ абсолютной цѣли и тѣмъ самымъ на нее какъ бы налагается печать нравственности.

Вотъ путь, который мнѣ представлялся бы наиболѣе правильнымъ и естественнымъ, съ точки зрѣнія самого Канта, въ вопросѣ объ опредѣленіи абсолютной цѣли и который неизбѣжно приводитъ насъ къ принципу гармоніи и единства цѣлей, какъ верховному принципу нравственности. Но Кантъ избралъ здѣсь другой путь и взялъ понятіе абсолютнаго въ совершенно другомъ смыслѣ, въ которомъ оно заводитъ насъ въ цѣлую сѣть противорѣчій и приводитъ къ одностороннимъ и ложнымъ выводамъ, стоящимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ міромъ дѣйствительной жизни.

Вмѣсто того, чтобы разсматривать абсолютную цѣль, какъ направляющую идею, какъ границу, къ которой стремится постоянно развитіе воли, не будучи однако никогда въ состояніи ее достигнуть, какъ идеальное требованіе, которое мы въ качествѣ разумныхъ существъ предъявляемъ себѣ,— онъ придалъ ей значеніе дѣйствительности; вмѣсто того, чтобы видѣть абсолютное въ никогда не завершающемся единствѣ всѣхъ безпредѣльно расширяющихся цѣлей человѣческой жизни, онъ придалъ значеніе абсолютнаго только

нѣкоторымъ изъ этихъ цѣлей. Такимъ образомъ, онъ пришелъ, какъ это совершенно вѣрно замѣчаетъ Іодль, къ немыслимому понятію „цѣли самой по себѣ"; хотя эта цѣль необходимо желаема всякимъ, но при этомъ существованіе ея съ точки зрѣнія результата не имѣетъ для насъ никакой цѣны, и именно поэтому она одна, какъ „абсолютная цѣнность" только и можетъ служить общимъ практическимъ закономъ [1]). Всѣ остальныя цѣли являются относительными: онѣ представляютъ собою нѣчто цѣлесообразное, полезное, приложимое, онѣ имѣютъ значеніе средства. Напротивъ, та цѣль, которая по природѣ своей никогда не бываетъ средствомъ, а всегда только цѣлью, будетъ въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ абсолютною.

Такимъ образомъ, абсолютная цѣль получила здѣсь значеніе, какъ одна изъ возможныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ человѣкъ въ ряду другихъ цѣлей жизни. Что же, по мнѣнію Канта, является такою абсолютною цѣлью? Нѣтъ ни средствъ, ни относительныхъ цѣлей безъ поставляющаго цѣли существа, т.-е. безъ воли или практическаго разума. Разумное существо есть лицо. Лицо есть принципъ всѣхъ относительныхъ цѣлей, условіе, при которомъ только и возможны средства. Поэтому лицо никогда не бываетъ средствомъ, а всегда есть цѣль, абсолютная цѣль, само себѣ цѣль: лицо, какъ разумное существо, слѣдовательно человѣкъ, насколько онъ лицо, или способенъ быть лицомъ, слѣдовательно каждый человѣкъ. Лицо имѣетъ значеніе само по себѣ, его цѣна состоитъ въ самомъ существованіи его, а не въ той пользѣ, которую оно приноситъ другимъ: эта чисто моральная стоимость есть достоинство лица, человѣческое достоинство.

Съ точки зрѣнія такого понятія объ абсолютной цѣли нравственный законъ принимаетъ у Канта форму такого предписанія: „поступай такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, служило тебѣ не средствомъ только, а вмѣстѣ и цѣлью!" Эта формула нравственности представляетъ, по мнѣнію Іодля, такую же дву-

---

[1]) Ф. Іодль. Исторія этики въ новой философіи, томъ II, стр. 16.

смысленную пустоту, какъ и другая формула нравственнаго предписанія, данная Кантомъ: „поступай такъ, какъ если бы правило твоего дѣйствія должно было стать всеобщимъ закономъ природы“. Принципъ, данный въ этой формулѣ, „теряетъ всякое реальное основаніе, если отвлечься отъ того, какое значеніе нарушеніе его могло бы имѣть для общихъ и необходимо желаемыхъ цѣлей человѣчества,—т.-е. для его благополучія и совершенствованія“ [1]).

Остановимся болѣе подробно на всей этой цѣпи разсужденій у Канта, которую мы привели выше, и посмотримъ въ какихъ она нуждается поправкахъ съ точки зрѣнія этики гармоніи цѣлей. Мы уже выяснили, въ какомъ значеніи этика гармоніи цѣлей принимаетъ понятіе объ абсолютной цѣли. Исходя изъ этого понятія, эта этика считаетъ невозможнымъ, то понятіе объ абсолютной цѣли, которое придаетъ ему Кантъ, и то, что онъ въ ряду другихъ цѣлей человѣческой жизни отличаетъ, какъ абсолютную цѣль, она считаетъ такою же относительною и эмпирическою цѣлью, какъ и всѣ прочія цѣли и въ равной мѣрѣ, какъ и всѣ прочія, подлежащею оцѣнкѣ и обусловленною идеею о гармонической совокупности всѣхъ цѣлей человѣческой жизни.

Но признавая въ этомъ смыслѣ ея относительный характеръ, она тѣмъ не менѣе считаетъ полезнымъ и необходимымъ выдѣлить эту цѣль изъ области всѣхъ другихъ цѣлей, какъ обладающую особенно важнымъ и огромнымъ значеніемъ по сравненію со всѣми другими цѣлями человѣческой жизни, какъ такую относительную цѣль, которая стоитъ выше всѣхъ другихъ относительныхъ цѣлей. И съ этой точки зрѣнія она считаетъ полезнымъ то разграниченіе, которое Кантъ дѣлаетъ въ области цѣлей. Но однако и здѣсь она принуждена внести поправки и дополненія, чтобы избѣжать той „двусмысленной пустоты“, которою страдаютъ формулы Канта.

Очевидно, что изъ всѣхъ цѣлей человѣческой жизни наибольшее значеніе должны имѣть тѣ, въ которыхъ имѣется въ виду самъ человѣкъ, какъ разумное существо, какъ лицо, какъ практическій разумъ или воля, какъ источникъ поста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 16.

новки цѣлей и ихъ гармоническаго соединенія въ одно цѣлое. Эта цѣль, входя въ общую систему цѣлей и опредѣляясь ею, цѣлостностью и гармоніей этой системы, изъ всѣхъ отдѣльныхъ цѣлей представляется самой важной, такъ какъ она является главнымъ основнымъ средствомъ къ расширенію самой системы цѣлей и къ установленію въ этой системѣ наибольшей гармоніи.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія принципа гармоніи цѣлей изъ всѣхъ эмпирическихъ и относительныхъ цѣлей должно быть отдано предпочтеніе развитію воли, какъ все расширяющейся способности къ постановкѣ все болѣе и болѣе широкаго ряда цѣлей, а также какъ способности къ объединенію этого ряда цѣлей все въ большей и большей степени въ одно гармоническое цѣлое. Воля, эмпирическая воля, которая постоянно обнаруживается въ жизни, со всѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ заключающихся въ ней цѣлей, а не „чистая воля" въ смыслѣ Канта, „которая собственно ничего не хочетъ, не имѣетъ никакихъ цѣлей, кромѣ той, чтобы ея правило стало общимъ правиломъ" [1]), является одною изъ первыхъ цѣлей человѣческой жизни. Эту волю мы должны развивать, какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ каждомъ другомъ человѣкѣ, въ которомъ только она можетъ быть развита, потому что, чѣмъ больше воля будетъ развита въ насъ и во всѣхъ другихъ людяхъ, тѣмъ шире будетъ царство цѣлей и тѣмъ больше въ немъ будетъ цѣльности, единства и гармоніи. Нравственная личность, есть личность, въ которой воля развита въ наибольшей возможной степени, которая ставитъ наибольшее возможное количество цѣлей, связывая ихъ въ одно гармоническое цѣлое. Развитіе подобной личности есть эмпирическая цѣль, которая не можетъ сравниться по своему значенію ни съ какими другими эмпирическими цѣлями, она глубоко и неизмѣримо ихъ превосходитъ. Существованіе такой личности означаетъ ея непрерывную дѣятельность надъ расширеніемъ царства цѣлей и установленіемъ въ этомъ царствѣ гармоніи; внѣ дѣятельности, внѣ цѣлей, которыя личность

---

[1]) Іодль, т. II, стр. 16.

сама себѣ ставитъ, она не имѣетъ еще какого-либо другого существованія, которое обладало бы еще какою-нибудь цѣнностью.

Если понимать нравственную личность такъ, т.-е. со всѣмъ тѣмъ богатствомъ цѣлей, которое она въ себѣ заключаетъ, со всѣмъ тѣмъ вліяніемъ, которое она оказываетъ на себя и другихъ, то можно признать, что она имѣетъ абсолютную цѣну. Но эту абсолютную цѣну она имѣетъ именно, какъ живое, непрерывное осуществленіе великаго нравственнаго закона гармоніи цѣлей, который неизгладимыми буквами начертанъ въ волѣ человѣка. Поднимаясь по все выростающей и выростающей лѣстницѣ, до верхнихъ ступенекъ этой послѣдней, въ направленіи къ безусловному, человѣческая личность все въ большей степени начинаетъ озаряться тѣмъ уходящимъ въ даль огонькомъ, который горитъ на самой послѣдней ступени. И чѣмъ ярче она озарется этимъ огнемъ, тѣмъ болѣе безусловную цѣну она получаетъ.

Понятіе объ абсолютной цѣнности нравственной личности есть опять-таки не болѣе, какъ направляющая идея, т.-е. идея, которая указываетъ, въ какомъ направленіи должно совершаться развитіе личности, чтобы она могла пріобрѣсти безусловную цѣнность, при чемъ однако эта безусловная цѣнность не можетъ быть никогда осуществлена: въ направленіи къ ней можно безконечно приближаться, никогда однако ее не достигая. Безусловную цѣнность личность могла бы пріобрѣсти только въ томъ случаѣ, если бы она могла безконечно расширить область своихъ цѣлей и въ этой области установить полную гармонію, если бы она могла хотѣть все то, что хотятъ другія разумныя существа, т.-е. все человѣчество ставшее разумнымъ, и даже всѣ другія разумныя созданія въ мірѣ, если только они существуютъ, если бы она могла сдѣлать цѣли всего человѣчества и вообще цѣли всемірнаго союза всѣхъ разумныхъ существъ своими цѣлями и въ этой безпредѣльно расширенной сферѣ цѣлей установить цѣльность, единство и гармонію, тогда бы личность пріобрѣла и безусловную цѣнность. Но это только путеводная звѣзда, въ направленіи которой должно совершаться развитіе нравствен-

ной личности. Такимъ образомъ, нравственный законъ мы формулируемъ въ нѣсколько иныхъ словахъ, чѣмъ это дѣлаетъ Кантъ. Мы бы выразили его такъ: „Стремись объединиться съ возможно большимъ количествомъ разумныхъ существъ въ одно цѣлое, такъ, чтобы цѣли этихъ существъ стали и цѣлями твоей жизни, развивай волю въ себѣ и въ возможно большемъ количествѣ другихъ живыхъ существъ, стремись къ тому, чтобы человѣчество составило одно цѣлое и чтобы воля всего человѣчества и твоя воля слились въ одномъ гармоническомъ единствѣ; работай надъ расширеніемъ въ средѣ человѣчества и вообще въ мірѣ царства цѣлей и надъ установленіемъ въ этомъ послѣднемъ все большей цѣльности, единства и гармоніи!"

Намъ осталось еще сказать нѣсколько словъ о томъ отношеніи, въ какомъ этика гармоніи цѣлей стоитъ къ эволюціонной этикѣ. Этика гармоніи цѣлей вполнѣ согласуется съ эволюціонной этикой въ признаніи той истины, что нравственность есть результатъ развитія и находится въ непрерывномъ процессѣ развитія. Отъ эволюціонной этики, какъ она выступаетъ въ ученіяхъ Дарвина, Спенсера, Лесли Стефена, она отличается тѣмъ, что въ противоположность этимъ ученіямъ, въ которыхъ главную роль въ развитіи нравственности играютъ факторы біологическаго порядка, въ ней, наоборотъ, первостепенная роль принадлежитъ факторамъ психологическаго и соціологическаго порядка, развитію сознанія, а также того взаимодѣйствія между сознаніями, къ которому существеннымъ образомъ сводится процессъ общественной жизни. Но она близко подходитъ къ ученію эволюціонной школы, какъ оно выступаетъ въ ученіи Александера въ его сочиненіи „Нравственный порядокъ и прогрессъ" (Moral Order and Progress), который стремится охватить факты нравственной жизни съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ системахъ предшествующихъ мыслителей.

Если у Спенсера и у Лесли Стефена мы видимъ полное господство естественно-научной и біологической точки зрѣнія, если Спенсеръ обращаетъ свое главное вниманіе на тѣ свойства и стороны, которыя являются въ поведеніи че-

ловѣка общими съ поведеніемъ всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ, то здѣсь, наоборотъ, мы встрѣчаемъ попытку отмѣтить своеобразный характеръ человѣческаго поведенія, со всѣми вытекающими изъ него слѣдствіями, здѣсь мы встрѣчаемъ болѣе глубокій психологическій анализъ самаго человѣческаго поведенія. По мнѣнію Александера, употребленіе слова „поведеніе"—безразлично какъ для обозначенія дѣйствій человѣка, такъ и животныхъ—способствовало тому, что было упущено изъ виду различіе нравственности отъ всѣхъ другихъ формъ и видовъ жизни, какъ это мы и находимъ у Спенсера въ его „Данныхъ науки о нравственности." Поведеніе есть терминъ, который относится собственно къ волевымъ дѣйствіямъ, свойственнымъ спеціально человѣку, и его распространеніе на остальной животный міръ является нѣкоторымъ родомъ антропоморфизма. Дѣло этики стараться дать полное выраженіе для подобныхъ различій, но не стирать и не уничтожать ихъ. „Поведеніе человѣка отлично отъ поведенія амёбы именно потому, что оно поведеніе человѣка, а не амёбы" [1]).

И по мнѣнію Александера, настаивать на своеобразномъ характерѣ человѣческаго поведенія отнюдь не значить вступать въ противорѣчіе съ эволюціонной теоріей, съ вѣрой въ то, что нравственное поведеніе представляетъ только наиболѣе развитую форму поведенія вообще. На самомъ дѣлѣ это значитъ только въ полномъ размѣрѣ признавать идею развитія. Если идея развитія имѣетъ разумный смыслъ, то мы должны обращать вниманіе не только на непрерывность, на постепенный послѣдовательный переходъ однѣхъ формъ въ другія по лѣстницѣ развитія,—мы должны также отдавать должное и тѣмъ различіямъ, которыя существуютъ между этими послѣдовательными формами. Стоя на этой точкѣ зрѣнія и разсматривая характерныя особенности человѣческаго поведенія, слѣдуетъ признать, что сознаніе своей цѣли является отличительнымъ, характернымъ признакомъ воли и если упустить это изъ виду, то и са-

---

[1]) S. Alexander. Moral Order and Progress. An analysis of ethical conceptions, p. 62.

мый предметъ этики утрачиваетъ то значеніе, которое онъ долженъ имѣть.

Нравственнымъ поведеніемъ, по мнѣнію Александера, обыкновенно считаютъ только такое поведеніе, которое является результатомъ нашей воли. Нравственность начинаетъ существовать только съ того момента, когда впервые возникаетъ воля. Специфическая характерная черта подобнаго поведенія заключается въ томъ, что оно подразумѣваетъ сознаніе своей цѣли, и эта черта рѣзко отдѣляетъ явленія нравственности отъ другихъ низшихъ формъ жизни. Добро означаетъ не что иное какъ равновѣсіе, существующее между различными элементами поведенія. Отдѣльный единичный актъ поведенія или личность оцѣниваются нами при посредствѣ опредѣленнаго мѣрила или критерія поведенія, называемаго нравственнымъ идеаломъ. Этотъ нравственный идеалъ представляетъ собою такое поведеніе, въ которомъ согласованы и приведены въ равновѣсіе различные борющіяся между собою наклонности. Добро и есть не что иное, какъ это взаимное приспособленіе частей въ уравновѣшенномъ цѣломъ; въ отдѣльномъ индивидуумѣ оно получаетъ свое выраженіе въ равновѣсіи различныхъ способностей, наклонностей и потребностей индивидуума, а въ обществѣ — въ равновѣсіи различныхъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ данное общество.

Высшею цѣлью или высшимъ критеріемъ нравственнаго поведенія не является, по мнѣнію Александера, ни удовольствіе, ни совершенство, ни наибольшая сумма жизненности, но *само хорошее поведеніе вообще, опредѣленное выше какъ равновѣсіе между отдѣльными составными частями этого поведенія.* Эта цѣль выше другихъ потому, что она содержитъ ихъ въ себѣ и въ то же время заключаетъ въ себѣ элементы, безъ которыхъ эти другія цѣли являлись бы недостаточнымъ опредѣленіемъ нашихъ нравственныхъ стремленій. Такъ, не всякое удовольствіе признается нами, какъ достойный предметъ нашихъ стремленій, оправдываемый съ нравственной точки зрѣнія: среди всѣхъ удовольствій, доступныхъ человѣку, только тѣ удовольствія, которыя согласуются съ нравствен-

нымъ идеаломъ уравновѣшеннаго поведенія, могутъ занять мѣсто въ человѣческой жизни, какъ одинъ изъ ея элементовъ.

Точно такъ же и совершенство еще не обозначаетъ само по себѣ нравственности. Нѣтъ ничего нравственнаго въ томъ, что мы обладаемъ совершенной физической организаціей или, что процессъ мышленія совершается въ насъ наиболѣе совершеннымъ образомъ. Дѣйствіе различныхъ нашихъ способностей, о совершенствѣ которыхъ можетъ итти рѣчь, если онѣ разсматриваются каждая сама по себѣ, находится вполнѣ за предѣлами нравственности. Наоборотъ, до какихъ предѣловъ совершенства каждая изъ нашихъ способностей можетъ быть упражняема, опредѣляется именно только критеріемъ хорошаго или уравновѣшеннаго поведенія.

Такимъ образомъ ни удовольствіе, ни совершенство не опредѣляютъ высшей цѣли нравственнаго поведенія, какъ только въ той мѣрѣ, въ какой утверждается, что это удовольствіе и это совершенство именно таковы, какъ это требуется критеріемъ равновѣсія.

Съ другой стороны, само хорошее поведеніе, кромѣ того, что оно подразумѣваетъ это равновѣсіе, заключаетъ въ себѣ въ качествѣ цѣлей и удовольствіе, и совершенство. Удовольствіе, какъ составной элементъ, включается въ хорошее поведеніе необходимо потому, что хорошее поведеніе всегда является сознательнымъ, преднамѣреннымъ результатомъ нашей воли, а всякое обнаруживаніе воли въ дѣятельности связано постоянно и неразрывно съ самыми живыми чувствованіями удовольствія. Эти удовольствія, съ которыми связана волевая дѣятельность, самый процессъ достиженія цѣли, Александеръ обозначаетъ какъ этическія удовольствія, противополагая имъ всѣ остальныя удовольствія, какъ „патологическія“. Совершенство, какъ цѣль, включается въ хорошее поведеніе потому, что это послѣднее можетъ быть само разсматриваемо въ идеалѣ, какъ совершенство въ смыслѣ полной гармоніи своихъ составныхъ частей, какъ наиболѣе совершенная ихъ комбинація.

Наконецъ, критерій уравновѣшеннаго поведенія согласуется также и съ критеріемъ наибольшей жизненности по-

тому, что жизненность означаетъ не что иное, какъ состояніе равновѣсія жизненныхъ функцій, свойственныхъ данному организму. Но жизненность сама по себѣ еще не можетъ служить достаточнымъ опредѣленіемъ для высшей нравственной цѣли. Главный вопросъ заключается въ томъ, о равновѣсіи какихъ именно элементовъ или функцій, гармоническое сочетаніе которыхъ связано съ наибольшею жизненностью, идетъ дѣло. Критерій уравновѣшеннаго поведенія ясно и опредѣленно указываетъ, что таковыми элементами являются волевые акты человѣка, совершаемые имъ съ сознаніемъ ихъ значенія.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Александеръ и приходитъ къ тому выводу, что идеалъ уравновѣшеннаго поведенія составляетъ наиболѣе широкое, полное и исчерпывающее опредѣленіе для высшей нравственной цѣли.

Спрашивается теперь, въ какомъ отношеніи „этика гармоніи цѣлей" стоитъ къ „морали жизни" въ той ея формѣ, въ какой она развита у Гюйо и подробное критическое изслѣдованіе которой было помѣщено въ началѣ этой книги. Этика гармоніи цѣлей разсматриваетъ, подобно Гюйо, жизнь, какъ верховную цѣль нравственности, если только подъ этимъ разумѣть не одну индивидуальную жизнь, но и жизнь соціальную, общечеловѣческую и даже общеміровую. Въ такомъ случаѣ понятія гармонизированной жизни и гармоніи цѣлей совпадутъ другъ съ другомъ, такъ какъ каждая цѣль есть ни болѣе ни менѣе какъ, идеальное представленіе будущей жизни. Что же касается причины нравственности, то источникомъ ея этика гармоніи цѣлей, въ противоположность „морали жизни", видитъ не жизнь вообще, но только сознаніе и спеціально ту концентрированную форму сознанія, какой является воля въ ея высшемъ развитіи. Понятіе жизни слишкомъ широко и оно опять-таки заводитъ насъ въ область біологіи. Въ этомъ смыслѣ ученіе Гюйо имѣетъ чрезмѣрно физіологическій характеръ, онъ занимается по преимуществу изслѣдованіемъ физіологическихъ условій нормальной нравственной дѣятельности человѣка. Этика гармоніи цѣлей разсматриваетъ нравственность не какъ результатъ жизни вообще, но какъ результатъ психической жизни, и хотя понятіе жиз-

ни покрываетъ тѣ цѣли, которыя ставятся личностью, но среди этихъ цѣлей наиболѣе основными являются тѣ, какія подводятся подъ названіе психической жизни. Остальныя цѣли играютъ по отношенію къ цѣлямъ этого порядка служебную роль. Богатство и полнота психической жизни, въ ея ли индивидуальной или коллективной формѣ, сохраненіе ея и безпредѣльное развитіе въ смыслѣ увеличенія широты, сложности и внутренней согласованности различныхъ психическихъ состояній между собою—вотъ что составляетъ самую важную цѣль среди другихъ цѣлей человѣческой жизни. Вообще говоря, этика гармоніи цѣлей, въ противоположность „морали жизни“ Гюйо, выводитъ нравственность, въ истинномъ значеніи этого слова, не изъ природы жизни вообще, но изъ природы человѣческой воли въ частности.

IV.

Расширеніе системы цѣлей, какъ процессъ необходимо обусловливаемый природой самой воли.

Прежде чѣмъ кончить настоящую статью, мы считаемъ необходимымъ остановиться болѣе подробно еще на самомъ процессѣ расширенія системы цѣлей и на доказательствѣ того, что это расширеніе постоянно и необходимо совершается, такъ какъ оно обусловливается природою самой воли. Принципъ гармоніи цѣлей только тогда можетъ быть правильно понимаемъ, если постоянно имѣется въ виду этотъ непрерывный процессъ расширенія самой системы цѣлей.

Всякое волевое дѣйствіе въ истинномъ смыслѣ этого слова всегда отличается характеромъ новизны. Оно, какъ это прекрасно показываетъ Пьеръ Жанэ, и какъ это подробно изложено нами въ другомъ мѣстѣ (см. статьи „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія“ и „Формула развитія жизни“), представляетъ своего рода актъ творчества. Первая стадія въ этомъ актѣ творчества есть объединеніе или синтезъ, выражаясь научнымъ языкомъ, извѣстной совокупности образовъ (представленій), соотвѣтствующихъ тому, что должно быть исполнено нами или достигнуто нами, т.-е.

представляющихъ воспроизведеніе въ сознаніи ряда тѣхъ дѣйствій, которыя мы должны совершить, и того конечнаго состоянія, которымъ долженъ завершиться этотъ рядъ. Все это есть не что иное, какъ представленіе цѣли. За этимъ уже слѣдуетъ вторая стадія, т.-е. совершеніе всего того ряда дѣйствій, который мы себѣ представляли.

Въ волевомъ актѣ самой важной является первая стадія, т.-е. постановка цѣли или образованіе той объединенной совокупности образовъ (синтеза ихъ), которая служитъ для ея выраженія, и сосредоточеніе всѣхъ силъ сознанія на ясномъ, отчетливомъ представленіи этой цѣли. Усиліе воли должно быть затрачено именно въ этой области. Волевой актъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, является актомъ внутреннимъ и заключается въ томъ, чтобы создать цѣль и удержать ее въ ясной, отчетливой формѣ въ сознаніи, не давъ другимъ представленіямъ оттѣснить ее на задній планъ. Для этого требуется большое усиліе и это усиліе и есть собственно усиліе воли. Что же касается самаго выполненія цѣли, т.-е. совершенія того ряда дѣйствій, который мы себѣ представляемъ, то оно носитъ механическій характеръ и должно быть отнесено не столько къ области воли въ собственномъ смыслѣ, сколько къ области психологическаго автоматизма. Этотъ рядъ дѣйствій развертывается самъ собою, если только цѣль въ ясной, отчетливой, опредѣленной формѣ удерживается нами въ сознаніи.

Выполненіе этого ряда дѣйствій покоится на томъ законѣ, что всякій образъ, всякое представленіе имѣетъ тенденцію выразиться въ соотвѣтствующемъ ему движеніи, всякая идея дѣйствія самопроизвольно стремится перейти въ соотвѣтствующее дѣйствіе. Такого рода дѣйствія называются идеомоторными и они имѣютъ вполнѣ автоматическій характеръ. Попробуйте сосредоточить все свое вниманіе на мысли о какомъ-нибудь движеніи, напримѣръ на мысли о томъ, что ваша правая рука сгибается, и вы увидите, что рука дѣйствительно начнетъ сама собою сгибаться. Вся трудность волевого акта заключается именно въ постановкѣ цѣли и въ сосредоточеніи вниманія на ней, а остальное все является второстепеннымъ. Если бы даже движеніе и не послѣдовало

по тѣмъ или другимъ причинамъ, напримѣръ, вслѣдствіе какихъ-нибудь разстройствъ въ двигательномъ механизмѣ, то все-таки про человѣка, который обладаетъ способностью ставить цѣль и концентрировать на ней всю силу своего сознанія, т.-е. сосредоточивать на ней все свое вниманіе, мы скажемъ, что онъ обладаетъ сильной волей.

Итакъ истинно труднымъ и самымъ важнымъ является въ волевомъ процессѣ актъ постановки цѣли и сосредоточенія на ней всѣхъ силъ сознанія. Постановка цѣли есть, какъ мы видѣли, творчество цѣли. Волевой актъ является волевымъ только вслѣдствіе своей новизны, только новое сочетаніе образовъ, новый синтезъ ихъ требуетъ затраты той психической энергіи, которую мы называемъ волевымъ усиліемъ и чѣмъ новѣе это сочетаніе, тѣмъ съ бо̀льшимъ трудомъ оно можетъ быть создано и удержано въ сознаніи, тѣмъ напряженнѣе должно быть усиліе воли. Если сочетаніе образовъ является старымъ, если оно уже было создано нами ранѣе, то дѣйствіе утрачиваетъ свой волевой характеръ и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ чаще это сочетаніе образовъ, эта цѣль, въ связи съ слѣдующимъ за ней рядомъ дѣйствій, возникала въ сознаніи. И такимъ образомъ то, что прежде являлось результатомъ воли, впослѣдствіи становится результатомъ психологическаго автоматизма, а волевое усиліе затрачивается на образованіе новыхъ психическихъ сочетаній, новыхъ цѣлей.

Изъ природы самой воли вытекаетъ необходимость возникновенія новыхъ цѣлей, т.-е. цѣлей, которыя хотя бы въ какомъ-нибудь отношеніи имѣли характеръ новизны. Если мы предположимъ, что это творчество новыхъ цѣлей изсякло и прекратилось, то мы въ сущности предположимъ не что иное какъ исчезновеніе самой воли. Но, пока воля существуетъ, необходимо должны возникать все новыя и новыя цѣли и такимъ образомъ расширяться сфера того, что человѣкъ достигаетъ при посредствѣ своей дѣятельности.

Эти новыя цѣли будутъ становиться все болѣе и болѣе сложными. Это обусловлено тѣмъ, что въ качествѣ элементовъ ихъ могутъ войти психическія сочетанія, соотвѣтствующія старымъ цѣлямъ и принявшія автоматическій характеръ.

Чтобы понять вполнѣ ясно этотъ процессъ усложненія цѣлей достаточно взять въ качествѣ примѣра процессъ обученія какому-нибудь искусству, напримѣръ, игрѣ на рояли, и прослѣдить, что при этомъ происходитъ. Когда ребенокъ учится играть на рояли, ему приходится первоначально затрачивать громадныя усилія воли, чтобы произвести опредѣленный ударъ тѣмъ или другимъ пальцемъ по клавишѣ, чтобы отыскать на клавіатурѣ ту или другую ноту, изображенную на нотной бумагѣ. Затѣмъ каждая нота имъ легко разыскивается, не требуется больше особенныхъ усилій и для того, чтобы произвести тѣмъ или другимъ пальцемъ надлежащій ударъ; эти дѣйствія принимаютъ автоматическій характеръ. И чѣмъ болѣе они принимаютъ этотъ автоматическій характеръ, тѣмъ болѣе дѣлается возможнымъ для воли перейти къ другимъ болѣе сложнымъ задачамъ. Ребенокъ, уже не думая о каждой нотѣ въ отдѣльности и о каждомъ пальцѣ, учится исполнять сначала несложныя сочетанія звуковъ, которыя очень часто встрѣчаются въ музыкальныхъ произведеніяхъ. Скоро исполненіе и этихъ сочетаній становится автоматическимъ. Гаммы, аккорды, арпеджіо и т. д. исполняются легко и безъ особеннаго усилія воли и тогда волевое усиліе уже можетъ быть направлено на исполненіе пьесъ, трудность и сложность которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Сравните теперь цѣли, если только спеціально имѣть въ виду игру на рояли, того, кто только еще начинаетъ учиться и того, кто достигъ въ этомъ искусствѣ такого совершенства, что съ легкостью исполняетъ самыя трудныя сонаты Бетховена, и вы увидите, какое здѣсь получается неизмѣримое разстояніе въ отношеніи сложности, широты и количества цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. И все это благодаря тому, что волевое дѣйствіе, вслѣдствіе частаго повторенія, становится автоматическимъ, все болѣе легкимъ и быстрымъ, требуетъ все меньшей и меньшей затраты психической энергіи. Усиліе воли, которое прежде затрачивалось на это, получаетъ возможность перейти къ новымъ болѣе широкимъ и сложнымъ цѣлямъ, такъ какъ прежнія цѣли, достиженіе которыхъ совершается все съ большею и

большею легкостью, могутъ войти какъ элементы въ цѣли болѣе широкаго и сложнаго порядка. Механизированіе волевыхъ дѣйствій, увеличеніе области психологическаго автоматизма съ необходимостью влечетъ за собою также и усложненіе волевыхъ дѣйствій, усложненіе цѣлей, обогащеніе системы цѣлей цѣлями болѣе сложными и широкими.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе и еще на одно обстоятельство, которое съ необходимостью тоже обусловливаетъ процессъ расширенія системы цѣлей. Чѣмъ больше устанавливается гармоніи между всѣми цѣлями человѣка, тѣмъ больше является возможности и для расширенія самой системы цѣлей. Потому что, чѣмъ больше гармонія цѣлей и связанныхъ съ ними дѣйствій, тѣмъ меньше психической энергіи пропадаетъ безплодно. Если цѣли противорѣчатъ другъ другу, то каждая изъ нихъ достигается въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ, чѣмъ это могло бы быть въ томъ случаѣ, когда цѣли соотвѣтствовали бы другъ другу: то, что достигается однимъ волевымъ дѣйствіемъ, то до нѣкоторой степени уничтожается другимъ. Если это противорѣчіе будетъ устранено, то понадобится меньшее волевое усиліе на достиженіе старой системы цѣлей и, такимъ образомъ, воля можетъ направиться на расширеніе самой этой системы. Это все равно какъ если бы мы уменьшили треніе между частями какой-нибудь машины, мы тѣмъ самымъ увеличили бы ея продуктивность, потому что часть силы, которая пропадала прежде безплодно при треніи, пошла бы на производительную работу, для совершенія которой построена данная машина. Такъ и всякое установленіе гармоніи между нашими дѣйствіями, между цѣлями нашей жизни, уменьшаетъ треніе между ними, ведетъ къ сбереженію и экономіи того запаса волевой энергіи, который находится у человѣка, и даетъ возможность затратить ее болѣе производительнымъ образомъ, соотвѣтственно ея назначенію, т.-е. на творчество новыхъ цѣлей, болѣе сложныхъ и широкихъ. Какое значеніе въ этомъ процессѣ расширенія системы цѣлей играетъ окружающая человѣка среда, изложено нами подробно въ статьѣ „Среда какъ факторъ нравственнаго воспитанія“ и мы здѣсь касаться этого вопроса не будемъ, такъ какъ онъ

не имѣетъ существеннаго значенія для основной задачи этой статьи, заключающейся въ обоснованіи принципа гармоніи цѣлей, какъ верховнаго принципа нравственности, а въ данномъ мѣстѣ намъ важно было только показать необходимость расширенія самой системы цѣлей, но мы вовсе не имѣли въ виду прослѣдить этотъ процессъ расширенія во всемъ его объемѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще слѣдующее. Принципъ гармоніи цѣлей есть не только принципъ, которымъ мы должны руководиться въ нашей практической дѣятельности, это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ, которому суждено сыграть великую роль и въ теоретической разработкѣ науки о нравственности. Онъ указываетъ намъ тотъ путь, на которомъ должна совершаться эта разработка. Это—путь экспериментальнаго и точнаго изученія тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ человѣкъ, тѣхъ взаимныхъ отношеній, которыя существуютъ между цѣлями, тѣхъ измѣненій, которыя совершаются въ системѣ цѣлей, какъ въ предѣлахъ жизни индивидуальнаго человѣка, такъ и въ теченіе историческаго развитія человѣчества. Такимъ образомъ можно будетъ прослѣдить какъ выработку нравственности въ предѣлахъ индивидуальной жизни, такъ и прогрессивную ея выработку среди человѣчества, и намѣтить тѣ дальнѣйшія ступени, по которымъ человѣку еще предстоитъ взбираться. Принципъ гармоніи цѣлей есть, слѣдовательно, принципъ, который можетъ имѣть очень плодотворное значеніе въ развитіи науки о нравственности.

Общій очеркъ ученія о нравственности [1].

I.

Краткій обзоръ результатовъ, добытыхъ въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности".

Въ настоящей статьѣ мы предполагаемъ дать краткій общій систематическій очеркъ ученія о нравственности. Но, прежде чѣмъ приступить къ своей задачѣ, намъ слѣдуетъ выяснить ту точку зрѣнія, съ которой этотъ очеркъ будетъ сдѣланъ.

Ученіе о нравственности, которое мы развиваемъ здѣсь, построено цѣликомъ на природѣ воли, какъ ее открываетъ намъ современная научная психологія. Исходя изъ установленнаго психологіей понятія воли и изучая процессъ ея возникновенія и развитія, мы пришли въ предыдущей статьѣ („О высшемъ принципѣ нравственности") къ тому заключенію, что высшій законъ, опредѣляющій развитіе нравственной воли, высшая нравственная цѣль не есть какая-либо опредѣленная цѣль въ ряду другихъ цѣлей человѣческой жизни, но вся система цѣлей человѣческой жизни, ея гармонія, цѣльность и единство. Напомнимъ вкратцѣ результаты, добытые въ этой статьѣ, такъ какъ они служатъ исходными пунктами для тѣхъ мыслей, которыя мы развиваемъ въ настоящей.

Воля въ широкомъ смыслѣ слова означаетъ активность вообще. Вездѣ, гдѣ сознаніе не находится въ пассивномъ состояніи, вездѣ, гдѣ оно такъ или иначе самостоятельно

---

[1]) Статья эта была напечатана въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія" за 1902 г., №№ 8, 9.

реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія, мы имѣемъ право говорить о волѣ. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ни одного акта психической жизни, который не предполагалъ бы участія воли, потому что даже простое ощущеніе, простое воспріятіе внѣшнихъ предметовъ не являются пассивными отраженіями, но предполагаютъ активную дѣятельность сознанія.

Но кромѣ этого широкаго значенія, которое придается слову воля, она можетъ быть понимаема и въ болѣе узкомъ смыслѣ. Въ этомъ узкомъ смыслѣ она означаетъ сознательную дѣятельность, опредѣляемую представленіемъ цѣли. Понятіе о волѣ, какъ о цѣлепоставляющей дѣятельности, и играетъ основную, первостепенную роль въ обоснованіи этики.

Воля въ смыслѣ сознательной цѣлепоставляющей дѣятельности представляетъ высшую форму активности, которая постепенно вырабатывается изъ низшихъ формъ ея. Прежде, чѣмъ человѣкъ научится дѣйствовать вполнѣ сознательно и преднамѣренно, онъ дѣйствуетъ безсознательно или полусознательно и непреднамѣренно, онъ дѣйствуетъ, повинуясь инстинктамъ и непреодолимо дѣйствующимъ влеченіямъ. Первоначально влеченія очень просты, и удовлетвореніе ихъ можетъ достигаться быстро и непосредственно, но съ усложненіемъ жизни это все болѣе и болѣе становится невозможнымъ, да и самыя влеченія принимаютъ все болѣе сложный характеръ. Тогда является необходимой сознательная, обдуманная цѣлепоставляющая дѣятельность. Такимъ образомъ первый толчекъ для развитія воли даютъ влеченія, и на первыхъ ступеняхъ своего развитія она является покорною слугою влеченій. Но мало-по-малу съ усложненіемъ окружающей среды и происходящимъ параллельно съ этимъ развитіемъ психической жизни, все болѣе возрастаетъ по своимъ размѣрамъ та сумма волевыхъ дѣйствій, которыя человѣкъ бываетъ вынужденъ совершать для удовлетворенія влеченій. Неизбѣжный ростъ и расширеніе этой стороны психической жизни приводятъ къ тому, что она завоевываетъ все болѣе и болѣе самостоятельную роль въ духовной жизни, пока, наконецъ, не овладѣваетъ тѣми психическими процессами, которые дали ей начало. Тогда начи-

нается обратный процессъ подчиненія влеченій человѣка развившейся благодаря имъ сознательной цѣлепоставляющей дѣятельности, тѣмъ задачамъ, которыя естественно вытекаютъ изъ природы послѣдней.

Чтобы опредѣлить, каковы эти задачи, слѣдуетъ только обратиться къ анализу волевой дѣятельности человѣка. Если мы возьмемъ, напримѣръ, такую сложную форму волевой дѣятельности, когда, человѣкъ составляетъ себѣ планъ на значительный промежутокъ времени и приводитъ его затѣмъ въ исполненіе, то мы увидимъ, что этотъ планъ представляетъ собою не болѣе не менѣе, какъ умственное воспроизведеніе извѣстнаго согласованнаго внутри себя ряда дѣйствій, какъ установленіе гармоніи между рядомъ цѣлей, а затѣмъ дѣятельность сообразно этому плану, есть рядъ взаимно согласованныхъ волевыхъ актовъ, составляющихъ одно гармоническое цѣлое, если только, конечно, дѣятельность воли нормальна, т.-е. совершается правильно, сообразно ея природѣ. Возьмемъ ли мы каждый отдѣльный поступокъ воли, требующій ряда небольшого количества дѣйствій, мы увидимъ, что и тутъ дѣло сведется къ установленію гармоніи между этими дѣйствіями, и если мы даже возьмемъ самый элементарный волевой актъ, который сводится только къ одному единственному дѣйствію и не допускаетъ дальнѣйшаго разложенія, мы увидимъ, что и здѣсь цѣльность, гармонія и единство являются основнымъ закономъ. Самая элементарная цѣль должна быть такова, чтобы не заключать въ самой себѣ противорѣчія, чтобы характеристическія свойства ея взаимно не исключали другъ друга. Только при условіи быть согласной сама съ собой она можетъ быть нами поставлена въ качествѣ цѣли. Такимъ образомъ законъ гармоніи, единства, цѣльности всецѣло управляетъ всею нашею волевою дѣятельностью, насколько эта послѣдняя совершается правильно, сообразно своей природѣ, насколько дѣйствіе приближается по своему характеру къ этическому дѣйствію. Какъ логическое мышленіе есть только мышленіе, наиболѣе согласное съ природою мыслительнаго процесса, такъ и нравственная дѣятельность есть только дѣятельность наиболѣе согласная съ природою нашей воли.

Пріобрѣтеніе волей господства надъ другими нашими формами активности означаетъ только подчиненіе этихъ послѣднихъ первой, но отнюдь не устраненіе ихъ изъ области душевной жизни. Такъ развившаяся воля нисколько не устраняетъ необходимости дѣятельности по влеченію. Влеченія всегда имѣли и всегда будутъ имѣть большое значеніе въ жизни человѣка, въ его духовномъ развитіи. Ихъ надо не устранить, но гармонизировать, внести въ нихъ порядокъ и единство и подчинить высшимъ цѣлямъ духовнаго развитія, и тогда они явятся незамѣнимыми помощниками этого развитія и получатъ то громадное плодотворное значеніе, которое они могутъ имѣть, будучи надлежащимъ образомъ направлены. Это и является одною изъ первыхъ основныхъ задачъ развивающейся воли.

Современная научная психологія показываетъ, что степень развитія сознанія тѣмъ выше, чѣмъ больше цѣльности, гармоніи и единства между его предполагаемыми элементами и послѣдовательными моментами его. Въ волѣ эта гармонія, цѣльность и единство сознательной жизни получаютъ свое наиболѣе полное и широкое выраженіе; здѣсь объединеніе, концентрація сознанія достигаютъ своей наивысшей степени. И вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь естественный законъ самого сознанія становится нравственнымъ закономъ воли, т.-е. получаетъ свое послѣдовательное и систематическое примѣненіе ко всей области сознательной жизни, какъ къ той, въ которой мы имѣемъ дѣло съ процессами, происходящими въ индивидуальномъ сознаніи, такъ и къ той, въ которой дѣло идетъ о психическомъ взаимодѣйствіи между индивидуальными сознаніями,—между тѣмъ какъ раньше онъ находилъ примѣненіе только частичное, неполное и несовершенное.

Высшій принципъ нравственности, вытекающій естественно изъ понимаемой такимъ образомъ природы воли, есть гармонія, цѣльность и единство безпредѣльно расширяющейся системы цѣлей, ставимыхъ себѣ отдѣльнымъ человѣкомъ и той общественной группой, въ составъ которой онъ входитъ и которая въ конечномъ предѣлѣ должна расшириться до границъ всего человѣчества.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ мысли, которыя были развиты нами въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности", и исходя изъ которыхъ мы хотимъ попытаться дать общій очеркъ ученія о нравственности, этики гармоніи цѣлей.

II.

Ученіе о цѣляхъ жизни.

Когда мы разсуждаемъ о сознательной волѣ человѣка, то при этомъ мы можемъ становиться на три различныя точки зрѣнія, взаимно дополняющія другъ друга и вмѣстѣ взятыя дающія намъ полное представленіе о ней. Мы можемъ сосредоточить все свое вниманіе или на тѣхъ цѣляхъ, которыя воля себѣ ставитъ, или на тѣхъ качествахъ, которыя характеризуютъ волю, разсматриваемую какъ источникъ постановки цѣлей, или на тѣхъ результатахъ, которые достигаются волевою дѣятельностью человѣка. Изслѣдованіе о волѣ, имѣющее въ виду только тѣ цѣли, которыя она себѣ ставитъ, могло бы быть названо ученіемъ о цѣляхъ.

Но такъ какъ цѣль есть не что иное, какъ идеальное требованіе, которое воля предъявляетъ себѣ, такъ какъ въ этомъ смыслѣ, разъ поставленная волею цѣль, принимаетъ для нея обязательный характеръ и этотъ обязательный характеръ становится тѣмъ сильнѣе, цѣль тѣмъ повелительнѣе требуетъ своей реализаціи, чѣмъ яснѣе сознается соотвѣтствіе цѣли съ природою самой воли, т.-е. чѣмъ болѣе цѣль является какъ составной элементъ гармонической системы цѣлей,—то можно сказать, что ученіе о цѣляхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ученіе объ обязанностяхъ. Нарисовать гармоническую систему цѣлей, имѣя въ виду современныя условія жизни и современнаго человѣка, — значитъ въ сущности не что иное, какъ дать картину тѣхъ обязанностей, которыя ложатся на современнаго человѣка. Это, конечно, можетъ быть выполнено только въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ эти цѣли являются общими для всѣхъ людей, какъ людей, или для извѣстныхъ опредѣленныхъ характеристическихъ группъ ихъ, но не можетъ быть сдѣлано для каждаго индивидуальнаго человѣка въ отдѣльности. Къ цѣлямъ общаго характера при

соединяются здѣсь болѣе индивидуализированныя цѣли, которыя могутъ быть опредѣлены каждымъ человѣкомъ только для самого себя и которыя составляютъ кругъ обязанностей, имѣющихъ значеніе только для данной личности. О такого рода обязанностяхъ мы не будемъ здѣсь говорить, мы будемъ имѣть въ виду только обязанности общаго характера.

Какъ мы видѣли выше, высшая цѣль есть установленіе гармоніи между всѣми цѣлями человѣческой жизни и расширеніе самой системы цѣлей до предѣловъ возможнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть также и высшая обязанность человѣка. Всѣ остальныя обязанности имѣютъ уже производное значеніе и естественнымъ образомъ вытекаютъ изъ этой основной. Можно даже сказать, что всѣ остальныя обязанности только въ той мѣрѣ и являются нравственными обязанностями, въ какой онѣ связаны съ этой послѣдней, такъ какъ каждая цѣль, только занявъ опредѣленное мѣсто въ гармонической системѣ цѣлей, пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и этическое значеніе: только какъ одинъ изъ факторовъ гармоніи цѣлей она дѣлается нравственною цѣлью. Счастье, напримѣръ, само по себѣ не есть нравственная цѣль, но какъ составной элементъ гармонической системы цѣлей, оно можетъ пріобрѣсти всѣ характеристическія черты нравственной цѣли.

Обозрѣвая всѣ тѣ цѣли, которыя ставитъ себѣ отдѣльная личность, мы замѣчаемъ прежде всего, что онѣ могутъ быть раздѣлены на два большіе класса: на тѣ цѣли, предметомъ которыхъ является сама индивидуальная личность, и на тѣ, предметъ которыхъ находится внѣ данной личности. Задача установленія гармоніи между всѣми цѣлями человѣческой жизни получаетъ такимъ образомъ для насъ болѣе конкретный характеръ: она сводится къ задачѣ установленія гармоніи между тѣми цѣлями, центромъ которыхъ является сама дѣйствующая личность, и тѣми, которыя лежатъ за предѣлами ея. Эти два большіе класса цѣлей должны быть связаны въ одно гармоническое цѣлое. Но это невозможно, если только въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ классовъ цѣлей не будетъ установлено гармоніи, если каждый изъ нихъ не бу-

детъ объединенъ въ одно цѣлое. Такимъ образомъ первоначальная основная обязанность установленія гармоніи между всѣми цѣлями жизни, сохраняя свое вѣчное, непреходящее значеніе, приводитъ насъ естественнымъ путемъ къ двумъ, вытекающимъ изъ нея, хотя и менѣе широкимъ обязанностямъ, изъ которыхъ первую мы формулировали бы такъ: „стремись внести единство въ сферу тѣхъ цѣлей, предметомъ которыхъ является твоя индивидуальная личность!“ А вторая могла бы быть выражена въ слѣдующей формулѣ: „стремись объединить въ одно гармоническое цѣлое всѣ тѣ цѣли, предметъ которыхъ лежитъ за предѣлами твоей личности!“

Остановимся теперь болѣе подробно на каждой изъ этихъ группъ цѣлей и посмотримъ, какія новыя задачи или обязанности вырастаютъ изъ обязанности внесенія единства и гармоніи въ предѣлахъ каждой группы. Обратимся прежде всего къ цѣлямъ, предметомъ которыхъ является сама дѣйствующая личность. Какія категоріи цѣлей болѣе частнаго характера мы могли бы здѣсь отмѣтить?

Индивидуальная личность представляетъ, съ одной стороны, физическій организмъ, съ другой — извѣстное опредѣленное психическое содержаніе. Поэтому дѣятельность человѣка въ этой области можетъ имѣть въ виду или физіологическіе процессы, совершающіеся въ его организмѣ, или различные психическіе процессы, происходящіе въ его сознаніи. Между этими двумя группами процессовъ и въ предѣлахъ каждой изъ нихъ должно быть установлено гармоническое единство и притомъ, такъ какъ психическіе процессы являются наиболѣе цѣнными и важными для человѣка, такъ какъ въ нихъ для него таится истинный смыслъ и значеніе жизни, то забота о физическомъ организмѣ должна быть подчинена заботѣ о нашей духовной личности. Мы должны заботиться о сохраненіи, развитіи и совершенствованіи нашей физической организаціи въ той степени, въ какой это необходимо для сохраненія, развитія и совершенствованія въ насъ психической жизни, въ какой это не противорѣчитъ цѣлямъ достиженія этой послѣдней наиболѣе высокихъ ступеней.

Оставляя въ сторонѣ ту широкую группу цѣлей, въ которой имѣется въ виду сохраненіе, развитіе и совершенство-

ваніе нашей физической организаціи и дальнѣйшія подраздѣленія внутри которой могутъ быть почерпнуты изъ области гигіены, обратимся къ дѣятельности личности, въ которой цѣлью являются различные психическіе процессы, въ ней происходящіе. Основной задачей или обязанностью здѣсь будетъ объединеніе психической жизни въ одно гармоническое цѣлое, а также расширеніе ея въ возможно большей степени въ смыслѣ наиболѣе богатаго ея содержанія. Психическіе процессы раздѣляются на процессы познавательнаго характера (процессы ощущенія, представленія и т. д.), на процессы переживанія тѣхъ или другихъ чувствованій и процессы волевой дѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Всѣ эти процессы должны быть гармонизированы между собою: умъ, чувство и воля должны составить единое цѣлое. Личность должна стремиться къ тому, чтобы быть цѣльною личностью. Такова обязанность, которая ложится на нее въ этой области. Но такъ какъ воля въ смыслѣ активности вообще есть наиболѣе основная и существенная функція, такъ какъ само сознаніе обязано своимъ существованіемъ волѣ, какъ это показываетъ Гефдингъ въ своей „Психологіи“ [1]), то въ гармоническомъ сочетаніи психическихъ процессовъ всѣ остальные процессы, т.-е. умъ и чувство, должны быть подчинены волѣ. Умъ и чувство должны быть развиваемы только до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ это не отражается вредно на активности человѣка.

Не будемъ останавливаться на болѣе подробномъ опредѣленіи тѣхъ цѣлей, къ которымъ приводятъ общія задачи развитія ума и чувства, такъ какъ мы имѣемъ въ виду не столько дать полный исчерпывающій очеркъ всѣхъ обязанностей, ложащихся на человѣка, сколько познакомить съ методомъ опредѣленія ихъ, и обратимся къ той дѣятельности индивидуальной личности, задачей которой является развитіе воли.

Что касается воли въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е понимаемой какъ активность вообще, то мы вскорѣ замѣ-

---

1) Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ, 3-е изд. 1898 г., стр. 265.

чаемъ, что здѣсь существуютъ самыя различныя степени развитія этой активности, начиная отъ самопроизвольной, инстинктивной дѣятельности, дѣятельности по влеченію и кончая дѣятельностью сообразно опредѣленнымъ, выбраннымъ сознательно цѣлямъ. Эта послѣдняя форма дѣятельности, или воля, въ узкомъ значеніи этого слова, представляетъ высшую форму развитія сознанія и активности, вѣнецъ этого развитія, и всѣ остальныя низшія формы активности, которыя имѣютъ одновременно съ ней мѣсто, должны быть ей подчинены. Въ области активности лежитъ задача такого гармоническаго объединенія всей сферы активности человѣка, при которомъ бы дѣятельность автоматическаго характера, по инстинкту, по влеченію, не стояла бы въ противорѣчіи съ сознательною волевою дѣятельностью человѣка ради тѣхъ или другихъ избранныхъ имъ цѣлей, но, наоборотъ, содѣйствовала этой послѣдней въ наивысшей возможной степени. Мы должны стремиться къ тому, чтобы наши инстинкты, влеченія и наши волевые акты слились въ одномъ гармоническомъ единствѣ.

Мы переходимъ теперь къ той большой группѣ цѣлей или обязанностей, предметъ которыхъ находится за предѣлами индивидуальной личности. Эти цѣли могутъ быть раздѣлены тоже на два большіе класса. Въ одномъ изъ нихъ цѣлью являются тѣ измѣненія, которыя совершаются, благодаря дѣятельности индивидуальной личности, въ окружающихъ ее людяхъ и въ формахъ жизни, рождающихся изъ взаимодѣйствія людей между собою,—въ другомъ—тѣ измѣненія, которыя сознательная дѣятельность человѣка производитъ въ остальной, находящейся кругомъ него, неодушевленной и одушевленной природѣ. И такъ какъ человѣкъ среди всей природы представляетъ самое цѣнное по богатству того психическаго содержанія, которое въ немъ таится, такъ какъ это есть самая высшая форма, достигнутая развитіемъ жизни на землѣ, то отсюда становится понятнымъ, что тѣ цѣли, въ которыхъ имѣются въ виду въ болѣе или менѣе широкой степени окружающіе насъ люди и ихъ соціальныя отношенія, должны имѣть господство надъ тѣми цѣлями, въ которыхъ имѣются въ виду измѣненія, производимыя нами въ остальной природѣ. Между этими двумя категоріями цѣлей долж-

но быть установлено гармоническое единство, при чемъ послѣднія должны быть подчинены первымъ. Индивидуальная личность должна стремиться такъ видоизмѣнить природу, чтобы послѣдняя въ наибольшей степени содѣйствовала возможно болѣе полному и широкому развитію возможно большаго количества людей и установленію, поддержанію и развитію среди нихъ наиболѣе совершенныхъ, справедливыхъ, гармоническихъ формъ жизни, охватывающихъ возможно болѣе широкое количество людей въ солидарномъ союзѣ и связывающихъ ихъ съ возможно большаго числа сторонъ.

Если мы теперь возьмемъ въ частности тѣ цѣли, предметомъ которыхъ является окружающее насъ человѣчество, взятое въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, то мы увидимъ, что и здѣсь могутъ быть отмѣчены двѣ большія группы цѣлей: въ одной имѣются въ виду отдѣльныя личности, ихъ всестороннее развитіе, ихъ обогащеніе болѣе цѣннымъ и широкимъ психическимъ содержаніемъ, т.-е. духовнымъ богатствомъ, въ другой—то психическое взаимодѣйствіе между индивидуальными личностями, между индивидуальными сознаніями, которое составляетъ соціальную жизнь. Эти двѣ категоріи цѣлей должны быть гармонически согласованы между собою и въ предѣлахъ каждой изъ нихъ въ свою очередь должна быть установлена гармонія. На индивидуальнаго человѣка ложится обязанность содѣйствовать возможно большему количеству другихъ людей въ дѣлѣ развитія въ себѣ цѣльной личности, въ которой сознаніе и въ особенности воля достигаютъ наивысшей своей широты и напряженности, и въ то же время на него ложится обязанность содѣйствовать въ возможно большей степени гармоническому объединенію индивидуальныхъ сознаній и въ особенности воль въ одно цѣлое, которое будетъ представлять изъ себя наивысшій расцвѣтъ самой совершенной общественности.

Все предшествующее изложеніе имѣло въ виду, какъ мы уже упоминали, не столько дать полную и исчерпывающую систему цѣлей или обязанностей, ложащихся на индивидуальнаго человѣка, сколько показать тотъ методъ, какимъ эта система обязанностей, гармонически связанныхъ между собою, должна строиться. Система цѣлей не представляетъ собою

чего-либо разъ навсегда законченнаго; напротивъ того, она находится въ процессѣ непрестаннаго развитія и видоизмѣненія. Она разнится отъ одного лица къ другому и измѣняется вмѣстѣ съ ростомъ отдѣльной личности и историческимъ развитіемъ человѣчества. Возрастъ, индивидуальныя особенности и переживаемая эпоха кладутъ свой отпечатокъ на ту систему цѣлей или обязанностей, осуществленіе которыхъ составляетъ нравственный долгъ того или другого отдѣльнаго человѣка. Каждый человѣкъ можетъ только самъ для себя начертать эту систему обязанностей, и для того, чтобы быть въ состояніи исполнить это наиболѣе совершеннымъ образомъ, надо обладать наиболѣе полнымъ знаніемъ самого себя, того общества, среди котораго живешь, того историческаго періода, который переживаетъ современное человѣчество. Только это знаніе дастъ возможность отдѣльной личности выработать и ту гармоническую систему обязанностей, выполненіе которыхъ въ данный моментъ историческаго развитія человѣчества ложится именно на нее и которыя являются формулой того, что должна совершить данная личность, чтобы въ наиболѣе полной и совершенной степени выполнить свою нравственную задачу.

Но система цѣлей или обязанностей, принимая, по мѣрѣ своего уясненія, все болѣе индивидуализированный характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ также и все болѣе и болѣе соціальный отпечатокъ. Чѣмъ болѣе совершенное знаніе пріобрѣтаетъ личность о самой себѣ, тѣмъ болѣе она научается себя разсматривать какъ невыдѣлимый членъ соціальнаго цѣлаго, которое непрерывно развивается и расширяется и въ конечномъ предѣлѣ должно охватить все человѣчество. И вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности личности перестаютъ носить характеръ обязанностей, ложащихся только на данную индивидуальную личность, а принимаютъ также характеръ обязанностей, лежащихся на цѣлое общество, широта и размѣръ котораго зависятъ отъ степени развитія личности и отъ того періода исторической эволюціи, который приходится переживать человѣческому роду. Въ концѣ-концовъ, въ безконечно отъ насъ отдаленномъ будущемъ, обязанности отдѣльной личности, не утрачивая своего инди-

видуальнаго характера, должны стать также и обязанностями всего объединеннаго солидарнаго человѣчества, союза всѣхъ людей, гармонически связанныхъ между собою.

Выполняя въ наиболѣе совершенной степени свою индивидуальную задачу, личность будетъ въ то же время все въ болѣе и болѣе совершенной степени выполнять ту задачу, осуществленіе которой лежитъ на все болѣе возрастающемъ по своимъ размѣрамъ общественномъ цѣломъ. Нравственный долгъ отдѣльной личности все болѣе будетъ пріобрѣтать черты выполненія соціальнаго долга, а соціальный долгъ вмѣстѣ съ расширеніемъ размѣровъ объединенія людей въ одно цѣлое все въ большей степени будетъ становиться долгомъ всего человѣчества, т.-е. выполненіемъ солидарными усиліями всего человѣчества лежащей на немъ высокой нравственной задачи.

III.

Ученіе о добродѣтеляхъ.

Ученіе объ обязанностяхъ естественно дополняется ученіемъ о добродѣтеляхъ. Если мы отвлекаемся на время отъ тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ воля, а обращаемъ главное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ воля способна къ выполненію того круга обязанностей, который вытекаетъ изъ ея природы, то мы приходимъ къ понятію добродѣтели. Добродѣтель это есть такое качество воли, или характера, что равнозначуще, потому что характеръ есть организованная, твердая, устойчивая воля, которое дѣлаетъ ее въ наибольшей степени способной къ выполненію высшей нравственной задачи. Посмотримъ, какую форму принимаетъ ученіе о добродѣтеляхъ съ точки зрѣнія принципа гармоніи цѣлей.

Въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности“ мы видѣли ту роль, которую играютъ влеченія въ жизни человѣка и въ каждомъ его волевомъ актѣ. Влеченія—неизбѣжная составная часть духовной жизни человѣка и безъ ихъ содѣйствія не можетъ быть приведено въ исполненіе ни одно рѣшеніе его воли. Но влеченія должны быть подчи-

нены высшимъ духовнымъ задачамъ человѣка, т.-е. должны служить дѣлу установленія наибольшей цѣльности, гармоніи и единства въ области его сознанія и въ особенности воли, какъ высшей концентраціи сознанія. Съ этимъ неизбѣжно связана и другая задача въ области влеченій: они должны быть гармонизированы между собою. Подчиненіе влеченій высшимъ задачамъ сознанія и воли, т.-е., другими словами, высшимъ требованіямъ нравственности, придаетъ имъ болѣе чистый, возвышенный, идеальный характеръ. Гармонизація же влеченій другъ съ другомъ умѣряетъ ихъ относительную силу, не даетъ имъ возможности достигать того безмѣрнаго напряженія, когда они человѣка дѣлаютъ своимъ рабомъ и получаютъ свое удовлетвореніе въ ущербъ всѣмъ другимъ влеченіямъ его природы, имѣющимъ такое же законное право на удовлетвореніе. Такимъ образомъ, если имѣть въ виду область влеченій, то высшею добродѣтелью здѣсь явится чистота влеченій, т.-е. пріобрѣтеніе ими все болѣе и болѣе идеальнаго, возвышеннаго характера—вслѣдствіе той связи, которая устанавливается между ними и идеальными требованіями нравственности, и ихъ умѣренный характеръ —вслѣдствіе того, что данное влеченіе пришло въ гармонію съ другими влеченіями нашей природы.

Обратимся теперь къ актамъ воли въ собственномъ смыслѣ этого слова, гдѣ человѣкъ не находится во власти одного влеченія, но гдѣ имѣютъ мѣсто обдумываніе и выборъ, гдѣ человѣкъ рѣшаетъ сдѣлать то, или другое. Если имѣть въ виду подобныя рѣшенія, то высшею добродѣтелью здѣсь явятся мужество, сила, настойчивость, храбрость, которыя обнаруживаются при приведеніи разъ принятаго рѣшенія въ исполненіе, несмотря ни на какія препятствія, ни на какія опасности, ни на какія искушенія. Разъ принятое рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдились въ его ложности, въ его несоотвѣтствіи съ идеальными требованіями нравственности, т.-е. съ тѣмъ закономъ ея, который вытекаетъ изъ природы самой воли, закономъ гармоніи, цѣльности и единства всѣхъ цѣлей человѣческой жизни,—должно быть мужественно, настойчиво, безъ всякихъ колебаній проводимо въ жизнь. Во имя подобнаго рѣшенія мы должны

отважно бороться съ различными влеченіями нашей природы, которыя ему противодѣйствуютъ.

Мужество, сила и настойчивость, съ какою мы приводимъ данное рѣшеніе въ исполненіе, только тогда, однако, являются нравственными качествами или добродѣтелями въ нравственномъ смыслѣ, когда рѣшеніе, которое мы приводимъ въ исполненіе, соотвѣтствуетъ истинѣ, согласно съ высшимъ закономъ воли, отвѣчаетъ идеальнымъ требованіямъ нравственности, т.-е., другими словами, когда то опредѣленное, частное рѣшеніе, которое мы въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни принимаемъ, стоитъ въ тѣсной связи съ нашимъ общимъ рѣшеніемъ сдѣлать всю нашу жизнь выполненіемъ высшаго нравственнаго закона, который, какъ мы видѣли, есть законъ гармоніи цѣлей. Если то частное рѣшеніе, которое мы приводимъ въ исполненіе, не имѣетъ подобнаго характера, то и мужество, сила и настойчивость, обнаруживаемыя нами при этомъ, тоже утрачиваютъ свой нравственный ореолъ. Разбойникъ можетъ мужественно и съ настойчивостью приводить въ исполненіе свои кровавые замыслы, но никто подобнаго мужества не назоветъ добродѣтелью. Англичане съ мужествомъ и настойчивостью истребляли храбрыхъ, отважныхъ буровъ, боровшихся за свою свободу, независимость и самобытность, но никто не назоветъ мужество англичанъ нравственнымъ: оно недалеко ушло отъ мужества того разбойника, котораго мы взяли для примѣра. Но мужество, храбрость, которыя буры обнаруживали въ борьбѣ за свободное развитіе личности, за свободныя условія жизни, есть мужество высоко-нравственнаго характера.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ той главной и основной добродѣтели, благодаря которой или, лучше сказать, въ связи съ которой и всѣ остальныя становятся нравственными добродѣтелями. Эта добродѣтель—любовь и неутомимое стремленіе къ правдѣ, стремленіе къ тому, чтобы каждая наша мысль, каждое наше чувство, каждое наше рѣшеніе, каждый нашъ поступокъ служили наиболѣе полнымъ отраженіемъ внутренней правды. Правда во внутренней нашей жизни это—наиболѣе ясное, отчетливое, незатемненное

пониманіе того, что наиболѣе согласуется съ природою нашего сознанія, нашей воли, это—постоянная оцѣнка съ точки зрѣнія такого пониманія каждой нашей мысли, каждаго нашего рѣшенія. Только при условіи подобной внутренней правды, при условіи устраненія изъ своего духовнаго міра всякой лжи, всякаго извращенія истины, всякаго противорѣчія правдѣ, къ которымъ насъ побуждаютъ тѣ или другія сильныя влеченія, сильныя страсти, заставляющія насъ лгать передъ самими собой, чтобы добиться своего удовлетворенія,—только при этомъ условіи наша жизнь можетъ получить вполнѣ нравственный характеръ и всѣ качества нашей природы могутъ стать нравственными качествами.

Внутренняя правда требуетъ наивысшаго расцвѣта нашихъ интеллектуальныхъ силъ, требуетъ такого полета нашей умственной дѣятельности, который могъ бы охватить всю нашу жизнь въ ея цѣломъ, и такой проницательности, которая намъ давала бы возможность въ тѣхъ или другихъ жизненныхъ обстоятельствахъ легко и свободно оріентироваться и опредѣлить, что именно нужно дѣлать въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ въ виду осуществленія гармонически связанныхъ въ одно цѣлое задачъ всей нашей жизни, въ виду реализаціи той высшей правды, сознанія которой мы достигли. Это наибольшее развитіе интеллектуальныхъ силъ будетъ тѣмъ, что можно назвать расцвѣтомъ разума въ насъ, или мудростью въ высшемъ значеніи этого слова. И такимъ бразомъ, внутренняя правда тѣсно связана съ тѣмъ, чтобы разумъ пріобрѣталъ все большее значеніе въ нашей жизни, чтобы мы становились все болѣе и болѣе мудрыми. Но мудрость и богатство знаній это отнюдь не два равнозначущія понятія: можно обладать огромнымъ запасомъ знаній и все-таки не быть мудрымъ, потому что высшая мудрость заключается въ способности охватить всю сложную цѣпь цѣлей своей жизни и связанныхъ съ ними поступковъ въ одномъ гармоническомъ единствѣ и ясно понять значеніе каждой отдѣльной цѣли въ этомъ цѣломъ, въ которомъ объединяется вся наша индивидуальная жизнь, и даже болѣе того, въ которомъ объединяется наша индивидуальная жизнь съ жизнью человѣчества, потому что каждый актъ нашей инди-

видуальной жизни тѣсно вплетенъ въ сѣть общечеловѣческихъ отношеній.

Это-то послѣднее обстоятельство и дѣлаетъ недостаточнымъ все то перечисленіе добродѣтелей, которое было нами сдѣлано до сихъ поръ, потому что въ этомъ перечисленіи мы стояли на индивидуальной точкѣ зрѣнія, разсматривали индивидуума какъ бы изолированно отъ другихъ людей. Но подобный изолированный индивидуумъ есть не болѣе какъ отвлеченное понятіе. Индивидуальная личность со всѣми ея свойствами, во всѣхъ обнаруженіяхъ ея жизни, не существуетъ безъ общества. Оторвать личность, разсматриваемую здѣсь въ ея духовной физіономіи, а не съ физической стороны, отъ соціальной основы, на которой она выростаетъ и развивается, значитъ, лишить ее жизни, обречь на духовную смерть. Это все равно, какъ если бы мы вырвали растеніе съ корнями изъ земли и предоставили его самому себѣ. Оно засохло бы и перестало расти. Точно такъ же и личность, если даже мы возьмемъ самую геніальную, никогда бы не достигла выработки своей индивидуальности и самобытности, никогда бы не развернулась во всей своей красѣ, если бы мы ее вырвали изъ общества, если бы мы ее лишили того непрерывнаго психическаго взаимодѣйствія съ другими людьми, того обмѣна и вліянія индивидуальныхъ сознаній другъ на друга, которое составляетъ соціальную жизнь. Глубоко и многочисленными корнями, безконечно развѣтвленными, личность внѣдрена въ соціальную жизнь, и потому и каждое нравственное дѣйствіе личности, и каждое нравственное качество ея характера имѣетъ соціальное значеніе, и не только въ томъ смыслѣ, что они обусловлены жизнью въ обществѣ, но также и въ томъ, что они сами играютъ соціальную роль.

Но прежде чѣмъ разсмотрѣть соціальную роль перечисленныхъ нами выше индивидуальныхъ добродѣтелей, обратимся къ той добродѣтели, которая еще не была упомянута нами, но которая прямо и непосредственно вытекаетъ изъ того факта, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, что онъ соціальное существо, что онъ часть болѣе или менѣе широкаго цѣлаго, которое въ конечномъ предѣлѣ должно стать

равнымъ всему человѣчеству. Каковъ характеръ этой добродѣтели и каково ея имя? Имя ея—справедливость. Справедливость требуетъ, чтобы мы содѣйствовали гармоническому взаимодѣйствію личностей или группъ того цѣлаго, въ составъ котораго мы входимъ, требуетъ установленія такихъ формъ совмѣстной жизни, при которыхъ цѣли каждой личности получили бы надлежащее признаніе, при которыхъ бы цѣли всѣхъ личностей, вмѣстѣ взятыхъ, образовали одну гармоническую стройную систему общественныхъ цѣлей, чуждую всякихъ противорѣчій. Справедливость есть такимъ образомъ признаніе въ полномъ размѣрѣ воли каждаго отдѣльнаго человѣка, насколько она не противорѣчитъ общей гармонической системѣ цѣлей общественнаго цѣлаго, и содѣйствіе тому, чтобы эта воля получила свое безпрепятственное осуществленіе. Справедливость требуетъ, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ могъ свободно удовлетворять всѣмъ запросамъ своей природы и развивать свою личность во всѣхъ направленіяхъ, насколько это оказывается совмѣстимымъ съ свободною жизнью и развитіемъ другихъ людей. Всякое развитіе личности и всякій образъ жизни, которые связаны съ подавленіемъ или порабощеніемъ другихъ людей, съ лишеніемъ ихъ возможности развиваться, будутъ несправедливы. Справедливость требуетъ, чтобы отдѣльныя группы людей или отдѣльный народъ не покупали своего счастія и благополучія цѣною несчастія, лишенія свободы и гибели другихъ группъ людей и народовъ. Таковы требованія справедливости, и человѣка, проникнутаго ими, старающагося ихъ всегда и постоянно осуществлять въ своей жизни, мы называемъ человѣкомъ справедливымъ. Справедливость есть одна изъ тѣхъ высшихъ добродѣтелей, которая требуется для осуществленія нравственнаго закона въ его полномъ размѣрѣ, т.-е. не только въ предѣлахъ индивидуальной жизни, но и далеко за предѣлами ея въ жизни соціальной, въ средѣ человѣчества для того, чтобы сдѣлать все человѣчество живымъ воплощеніемъ нравственнаго закона гармоніи, цѣльности и единства всѣхъ цѣлей, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это возможно.

Обратимся теперь къ опредѣленію того соціальнаго харак-

тера, который получаютъ указанныя нами выше индивидуальныя добродѣтели, благодаря тому факту, что личность есть невыдѣлимый членъ болѣе или менѣе широкаго общественнаго цѣлаго. Возьмемъ прежде всего область влеченій. Мы видѣли, что въ области влеченій стоитъ задача гармонизированія влеченій, свойственныхъ данному индивидууму, другъ съ другомъ, а также ихъ подчиненія высшимъ идеальнымъ задачамъ нравственности, вытекающимъ изъ природы человѣческаго сознанія и воли. Если мы примемъ во вниманіе, что изолированнаго индивидуума не существуетъ, что индивидуальная личность, какъ нѣчто обособленное, есть не болѣе, какъ абстракція, то эта задача получитъ болѣе опредѣленный характеръ. Не только влеченія отдѣльной личности должны быть гармонизированы между собою, но влеченія каждой личности должны быть гармонизированы съ влеченіями другихъ личностей, составляющихъ вмѣстѣ съ нею одно общественное цѣлое; при удовлетвореніи ихъ должны приниматься въ расчетъ влеченія другихъ людей, а не только тѣ или другія влеченія нашей собственной природы, а также и тѣ задачи нравственности, которыя вытекаютъ изъ факта психическаго взаимодѣйствія между сознаніями. Чистота влеченій, т.-е. пріобрѣтеніе ими все болѣе и болѣе возвышеннаго и идеальнаго характера, должна обозначать собою также ихъ все большее подчиненіе идеальнымъ требованіямъ справедливой общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ чѣмъ чище становится природа влеченій, тѣмъ болѣе священный характеръ они принимаютъ. И если мы представимъ, что они будутъ подчинены тѣмъ идеальнымъ требованіямъ, которыя вытекаютъ изъ гармоническаго соединенія всего человѣчества въ одно солидарное цѣлое, то влеченія тѣмъ самымъ получатъ высшее мыслимое для насъ освященіе. Просвѣтленный, облагороженный ликъ человѣчества и ихъ тогда окружитъ ореоломъ святости.

Другимъ характеристическимъ качествомъ въ области влеченій, дѣлающимъ ихъ въ наибольшей степени пригодными для реализаціи нравственнаго идеала, мы считали ихъ умѣренную силу: они должны умѣряться другими влеченіями нашей природы. Къ этому мы еще должны прибавить, что

сила ихъ должна умѣряться или вообще регулироваться идеальными требованіями общественной жизни.

Чтобы все это было вполнѣ ясно, мы возьмемъ для примѣра одно изъ тѣхъ влеченій, которое играетъ особенно важную роль въ общественной жизни и которое получаетъ свое удовлетвореніе въ формѣ той или другой трудовой дѣятельности. Влеченіе наше къ труду въ той или другой его формѣ не только должно быть гармонизировано съ другими нашими влеченіями, какъ, напримѣръ, съ влеченіемъ къ отдыху, ко сну и такъ далѣе, оно должно быть гармонизировано и съ влеченіями другихъ людей, подчинено идеальнымъ требованіямъ справедливой общественной жизни. Трудъ отдѣльной личности долженъ принять форму общественнаго труда, общественнаго служенія, это придастъ ему характеръ святости. И чѣмъ болѣе экономическая жизнь, чѣмъ болѣе производство богатствъ покоится на трудѣ подобнаго рода, тѣмъ болѣе священный характеръ они сами принимаютъ. Экономическія отношенія людей другъ къ другу должны быть подчинены этическимъ, и тогда они утратятъ все то пошлое, низменное, меркантильное, что они въ себѣ заключаютъ. Производство матеріальныхъ благъ должно быть подчинено производству благъ идеальныхъ, т.-е. нравственной дѣятельности, создающей справедливый порядокъ общественныхъ отношеній. Тогда оно приметъ этическій характеръ, тогда оно станетъ священнымъ исполненіемъ нравственнаго долга, тогда экономическая жизнь войдетъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ жизнь нравственную. Экономическія отношенія въ настоящее время дѣйствуютъ мертвящимъ образомъ на нравственную дѣятельность; когда они подчинятся этическимъ отношеніямъ, когда они облагородятся, когда они пріобрѣтутъ характеръ святости, они станутъ великой силой, оживляющей духъ нравственности въ обществѣ.

Возьмемъ другое влеченіе—влеченіе къ половой любви. Чѣмъ выше поднимается нравственное развитіе, тѣмъ болѣе это влеченіе утрачиваетъ свой животный характеръ. Съ нравственнымъ развитіемъ личности половая любовь перестаетъ быть только средствомъ удовлетворенія животной

страсти. Эта страсть умѣряется другими влеченіями нашей природы, а любовь принимаетъ все болѣе чистый, возвышенный и идеальный характеръ. И этотъ идеальный характеръ достигаетъ высшей своей степени, когда любовь между мужчиною и женщиною все въ большей степени начинаетъ проникаться идеальными требованіями справедливой общественной жизни. Тогда она получаетъ характеръ святости. Союзъ любви, одухотворенный и согрѣтый стремленіемъ водворить среди человѣчества гармонію, проникнутый святымъ желаніемъ объединить человѣчество въ одно солидарное цѣлое, самъ принимаетъ священный характеръ. И счастіе, которое онъ даетъ,—не пошлое мѣщанское счастіе, съ своимъ узкимъ, замкнутымъ, обособленнымъ отъ всего широкаго міра міркомъ наслажденій, это счастіе согрѣто и освѣщено животворными лучами идеальной работы на благо человѣчества. Чѣмъ выше поднимается развитіе людей, тѣмъ болѣе половая любовь принимаетъ характеръ союза двухъ лицъ для проведенія въ жизнь своихъ самыхъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ, для воплощенія въ мірѣ добра и правды, тѣмъ болѣе она подчиняется требованіямъ нравственности и тѣмъ въ большемъ размѣрѣ одухотворяется общественными стремленіями. Этихъ двухъ примѣровъ совершенно достаточно для того, чтобы понять, какой характеръ должны пріобрѣсти влеченія, когда нравственный законъ будетъ нами въ полномъ размѣрѣ понятъ и осуществленъ въ своей жизни.

Перейдемъ теперь къ волевымъ актамъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. къ тѣмъ, которые получаютъ свою высшую форму въ рѣшеніи. Какія дополненія мы должны внести въ наши предшествующія разсужденія, если будемъ принимать во вниманіе, что личность и общество нераздѣльны въ своемъ существованіи? Мы видѣли выше, что высшею добродѣтелью здѣсь являются мужество, сила, настойчивость, съ которою мы приводимъ данное рѣшеніе въ исполненіе, до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся въ его ложности. Мы видѣли также, что эти качества могутъ считаться добродѣтелью въ нравственномъ смыслѣ только въ томъ случаѣ, если наше рѣшеніе согласно съ высшими требова-

ніями нравственности. И мы можемъ сказать теперь, что это обозначаетъ не только то, что извѣстное наше рѣшеніе должно быть согласно со всѣми другими нашими рѣшеніями, должно составлять вмѣстѣ съ ними одну гармоническую систему, но также и то, что наше рѣшеніе должно быть гармонизировано съ системою рѣшеній того общественнаго цѣлаго, частью котораго мы являемся, что оно вмѣстѣ съ ними должно составлять одно гармоническое цѣлое. Но при принятіи нами того или другого рѣшенія мы должны сообразоваться только съ тѣми рѣшеніями другихъ людей, которыя являются опредѣляющими факторами въ установленіи справедливаго общественнаго порядка, т.-е. которыя не находятся въ противорѣчіи съ условіями гармонической, солидарной общественной жизни. На лицъ, которыя приводятъ въ исполненіе рѣшенія подобнаго характера, мы должны смотрѣть, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ, и обязательно должны считаться съ ихъ рѣшеніями. Съ лицами же, которыя приводятъ въ исполненіе рѣшенія противоположнаго характера, мы должны бороться, потому что бороться съ ними значитъ содѣйствовать устраненію тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ установленію солидарной общественной жизни.

Но чѣмъ болѣе наше рѣшеніе согласуется съ рѣшеніями другихъ, тѣмъ болѣе оно пріобрѣтаетъ соціальный характеръ: оно перестаетъ быть только личнымъ рѣшеніемъ нашей воли, но является вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнымъ рѣшеніемъ, перестаетъ быть только выраженіемъ внутренней правды нашего сознанія, но становится вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ и общественной правды, т.-е. той правды, которая рождается изъ союза индивидуальныхъ сознаній и ихъ взаимодѣйствія. Мужество, сила и настойчивость, съ какою мы отстаиваемъ свои рѣшенія въ жизни, принимаютъ вслѣдствіе этого болѣе возвышенный и идеальный характеръ. Личность становится борцомъ не только за личную субъективную правду, но и за общественную правду, за правду всего человѣчества, и сила, съ какой она проводитъ свои рѣшенія, принимаетъ характеръ святого подвига и благороднаго героизма, до котораго только человѣкъ можетъ подняться.

Пониманіе общественной правды, правды всего человѣчества можетъ родиться только путемъ союза многихъ индивидуальныхъ личностей, развившихъ въ себѣ въ наивысшей степени любовь и неутомимое стремленіе къ внутренней правдѣ въ области своего сознанія, обладающихъ въ наивысшей степени тѣмъ качествомъ, которое мы назвали мудростью. Только при подобномъ взаимодѣйствіи индивидуальныхъ сознаній, въ основу котораго положена искренность и пущена въ ходъ вся доступная намъ мудрость, можетъ возникнуть полное, ясное и отчетливое пониманіе правды человѣчества, и тѣмъ болѣе полное, чѣмъ шире и напряженнѣе взаимодѣйствіе индивидуальныхъ сознаній и чѣмъ оно прямѣе и искреннѣе. Тогда личная правда нашего сознанія все болѣе будетъ получать характеръ общественной правды, а личная наша мудрость—печать все болѣе растущей мудрости всего человѣчества. Личность все болѣе будетъ становиться однимъ изъ участниковъ выработки въ человѣчествѣ сознанія общественной правды до возможно болѣе широкихъ предѣловъ. Въ безконечно отдаленномъ отъ насъ будущемъ это должно привести къ ясному, отчетливому сознанію роли каждой индивидуальной личности въ прогрессивномъ развитіи гармонически объединеннаго человѣчества, къ объединенію всѣхъ цѣлей, которыя себѣ ставитъ человѣчество и отдѣльные его члены въ одну стройную систему, и къ ясному пониманію значенія и мѣста каждой цѣли въ этой безграничной системѣ цѣлей всего человѣчества. Но это—тотъ конечный предѣлъ, къ которому развитіе жизни будетъ безконечно стремиться, никогда, однако, его вполнѣ не достигая. Онъ только показываетъ, въ какомъ направленіи какъ все человѣчество, такъ и отдѣльныя личности должны вырабатывать въ себѣ то качество, которое мы называемъ мудростью, тотъ путь, въ направленіи котораго личная правда должна все болѣе и болѣе расширяться, чтобы становиться вмѣстѣ съ тѣмъ все въ большей и большей степени выраженіемъ правды человѣчества.

Вотъ въ краткихъ чертахъ тѣ измѣненія, которыя получаютъ выше перечисленныя нами добродѣтели, благодаря тому факту, что личность все въ болѣе и болѣе широкой

степени становится нераздѣльною частью все болѣе и болѣе широкаго общественнаго цѣлаго.

Здѣсь умѣстно остановиться на томъ, что можетъ быть названо развитіемъ въ человѣкѣ совѣсти, такъ какъ процессъ развитія того, что мы называемъ добродѣтелями, и процессъ развитія совѣсти представляютъ въ сущности выраженіе одного и того же факта, только разсматриваемаго съ разныхъ сторонъ.

Совѣсть это есть чувство того отношенія, въ которомъ данный нашъ поступокъ стоитъ къ общей совокупности тѣхъ цѣлей, которыя мы себѣ ставимъ въ жизни. Если данный поступокъ противорѣчитъ этой общей системѣ цѣлей нашей жизни, то это ощущается нами въ видѣ того тягостнаго чувства, которое называется „угрызеніями совѣсти". Если, наоборотъ, данный поступокъ находится въ полномъ согласіи съ общею системою нашихъ цѣлей, то наша „совѣсть спокойна". Широта совѣсти зависитъ отъ широты системы цѣлей, и совѣсть тѣмъ глубже, тѣмъ острѣе, чѣмъ полнѣе гармонія этой системы, потому что тѣмъ чувствительнѣе является и каждый диссонансъ, который сюда вносится. У людей, которые живутъ мгновеніемъ, совѣсти нѣтъ, но чѣмъ шире сознаніе человѣка охватываетъ его жизнь, тѣмъ съ большею яркостью вспыхиваетъ и огонекъ совѣсти.

Вообще развитіе совѣсти, развитіе личности и развитіе самосознанія идутъ параллельно другъ съ другомъ. Чѣмъ болѣе вырабатывается личность и самосознаніе въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе развивается въ немъ и совѣсть. Развитіе личности тѣмъ выше, чѣмъ больше цѣльности и единства пріобрѣтаетъ жизнь сознанія, не только со стороны своей формы, но и со стороны своего содержанія. Чѣмъ выше личность, тѣмъ шире система цѣлей, которую она ставитъ себѣ, и тѣмъ больше гармоніи, цѣльности и единства внутри этой системы. Ничто такъ не характеризуетъ личность, какъ направленіе ея воли. Перечислить тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ данная личность, а также указать на взаимное соотношеніе цѣлей въ жизни личности значитъ дать наиболѣе ясное представленіе о ней. „Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты", говоритъ пословица; пра-

вильнѣе было бы выразиться: „скажи мнѣ, чего ты хочешь болѣе или менѣе постояннымъ образомъ, и я скажу тебѣ, кто ты“. Знакомство если и характеризуетъ человѣка, то только косвеннымъ образомъ, указывая до нѣкоторой степени на кругъ тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ.

Личность предполагаетъ самосознаніе, и совѣсть тоже немыслима безъ самосознанія, по крайней мѣрѣ, совѣсть сильная, широкая, развитая. Чѣмъ яснѣе человѣкъ сознаетъ себя, свою личность, чѣмъ шире онъ охватываетъ цѣли своей жизни въ гармоническомъ единствѣ, тѣмъ болѣзненнѣе онъ ощущаетъ каждое отступленіе отъ этой системы цѣлей, каждое уклоненіе отъ того опредѣленнаго направленія, въ которомъ развертывается жизнь его личности. Каждая посторонняя цѣль, которую онъ, благодаря тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ жизни, поставилъ себѣ, стоящая въ противорѣчіи съ общею системою цѣлей его жизни, чувствуется имъ какъ рѣзкій диссонансъ, и, если еще не поздно, онъ отказывается отъ ея достиженія, несмотря на сильныя приманки и искушенія. Если же дѣйствіе совершилось, то этотъ рѣзкій диссонансъ даетъ ему о себѣ знать мученіями совѣсти.

Предписанія: „развивай въ себѣ личность!“ или „способствуй тому, чтобы голосъ совѣсти становился въ тебѣ громче!“ въ сущности почти совпадаютъ и сводятся въ конечномъ результатѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ слѣдующему предписанію: „расширяй систему цѣлей твоей жизни до предѣловъ возможнаго и стремись внести въ нее какъ можно больше цѣльности, гармоніи и единства! Дѣйствуя подобнымъ образомъ, ты развиваешь въ себѣ личность, поднимаешь ее до высшихъ высотъ, до которыхъ она только можетъ подняться, и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываешь въ себѣ въ наивысшей доступной степени то, что люди называютъ „голосомъ совѣсти“. Чѣмъ шире будетъ система твоихъ цѣлей, чѣмъ больше будетъ цѣльности, гармоніи и единства внутри нея, тѣмъ громче будетъ говорить въ тебѣ и голосъ совѣсти, тѣмъ онъ будетъ яснѣе и опредѣленнѣе, тѣмъ онъ будетъ вѣрнѣе и безошибочнѣе, тѣмъ безопаснѣе можно будетъ тебѣ на него положиться въ тѣхъ или другихъ случаяхъ твоей

жизни!“ И дѣйствительно мы въ жизни очень часто видимъ, что человѣка съ широкой системой цѣлей, гармонически связанныхъ между собою, совѣсть мучаетъ во многихъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ съ узкой системой цѣлей не ощущаетъ никакихъ угрызеній совѣсти, а даже, наоборотъ, радость и довольство. Первобытные дикари не только не испытывали никакихъ мученій совѣсти, когда скальпировали своихъ враговъ, а почитали позоромъ вернуться домой безъ скальповъ или съ малымъ количествомъ послѣднихъ. Современный цивилизованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ изъ числа тѣхъ, которые не опустились до уровня дикарей, страдаетъ даже, если ему приходится нанести своему врагу рану не оружіемъ, а только словомъ. Тотъ, кто проникся заповѣдью: „любите враговъ своихъ, любите ненавидящихъ васъ и презирающихъ васъ!“, тотъ обладаетъ неизмѣримо болѣе широкою сферою цѣлей, чѣмъ тотъ, для кого враги являются только предметомъ полнаго пренебреженія, ненависти или причиненія имъ страданій, и сфера цѣлей перваго обладаетъ несравненно большею цѣльностью, гармоніей и единствомъ, чѣмъ сфера цѣлей послѣдняго.

Мы должны указать еще, хотя бы въ общихъ чертахъ, на тѣ измѣненія, которыя претерпѣваетъ развитіе совѣсти въ личности, благодаря тому факту, что эта послѣдняя все въ большей и большей мѣрѣ и все болѣе тѣсными и неразрывными узами связывается съ постепенно расширяющимся кругомъ людей. Личность все въ большей мѣрѣ является представительницей растущей въ своемъ объемѣ общественной группы. По мѣрѣ того, какъ личность становится борцомъ за общественную правду, является все въ болѣе совершенной степени выразителемъ правды всего человѣчества, по мѣрѣ этого и совѣсть все болѣе утрачиваетъ свой исключительно личный, субъективный характеръ. Личная совѣсть все въ большей степени является голосомъ общественной совѣсти, отраженіемъ совѣсти всего человѣчества. Чѣмъ въ большей мѣрѣ личность становится частью солидарнаго цѣлаго, тѣмъ болѣе она себя чувствуетъ отвѣтственной за то зло, источникомъ котораго является это цѣлое. Расширеніе солидарной жизни, прогрессирующее объеди-

ненiе людей между собою ведутъ къ выработкѣ все болѣе могучаго и широкаго чувства, которое мы назвали голосомъ общественной совѣсти въ отдѣльной личности. И это чувство тѣмъ шире и тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ шире система цѣлей общественной жизни и чѣмъ больше въ ней цѣльности, единства и гармонiи

IV.

Ученiе о нравственныхъ благахъ.

Ученiе о нравственности нами было пока разсмотрѣно съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, какъ ученiе о цѣляхъ или объ обязанностяхъ, съ другой—какъ ученiе о добродѣтеляхъ. Существуетъ еще третья сторона, которой мы до сихъ поръ не касались, а именно нравственную дѣятельность можно изслѣдовать не только имѣя въ виду качества нравственнаго дѣятеля, его личность, не только разсматривая эту дѣятельность непосредственно съ точки зрѣнiя тѣхъ цѣлей, которыя она ставитъ личности, но также еще и съ точки зрѣнiя тѣхъ результатовъ, которые получаются отъ нравственной дѣятельности, и того значенiя, какое эти результаты имѣютъ. Разсматриваемое съ этой стороны ученiе о нравственности есть ученiе о нравственныхъ благахъ.

Что же является въ результатѣ нравственной дѣятельности и что слѣдуетъ понимать подъ нравственнымъ благомъ? Чѣмъ нравственныя блага отличаются отъ всякаго другого рода благъ, напримѣръ, отъ благъ матерiальныхъ? Конечно, какъ и слѣдуетъ ожидать, ученiе о нравственныхъ благахъ тѣсно сливается съ ученiемъ о цѣляхъ или объ обязанностяхъ, потому что то, что первоначально является какъ цѣль нравственной дѣятельности, принимаетъ затѣмъ форму ея результата. Имѣя это въ виду, займемся распутыванiемъ поставленныхъ нами себѣ вопросовъ.

Прежде всего отвѣтимъ на вопросъ, чѣмъ нравственное благо разнится отъ матерiальнаго. Матерiальныя блага являются результатомъ экономической, хозяйственной дѣятельности человѣка и имѣютъ своимъ назначенiемъ служить для удовлетворенiя тѣхъ или другихъ потребностей человѣка,

нравственныя блага могутъ быть результатомъ только нравственной дѣятельности человѣка, и назначеніе ихъ можетъ заключаться только въ удовлетвореніи нравственныхъ запросовъ его природы. Матеріальныя блага могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ стать и нравственными благами, но только при условіи, если они получатъ роль орудія и средства при выполненіи нравственныхъ задачъ жизни. Какъ экономическія отношенія могутъ принять этическій характеръ, такъ и результаты экономической дѣятельности, матеріальныя блага, могутъ получить значеніе нравственныхъ благъ, ставъ орудіемъ для установленія солидарной гармонической общественной жизни, т.-е. для достиженія одного изъ высшихъ нравственныхъ благъ. Но значеніе нравственныхъ благъ они могутъ получить только косвеннымъ образомъ, сами же по себѣ они не имѣютъ значенія нравственныхъ благъ. Только войдя, какъ элементъ, въ систему нравственнаго порядка, они и сами получаютъ этическое значеніе.

Но что же имѣетъ значеніе нравственнаго блага само по себѣ? Задача нравственности, какъ мы видѣли, есть установленіе гармоніи между цѣлями человѣческой жизни, соединеніе тѣхъ цѣлей, которыя себѣ ставитъ отдѣльная индивидуальная личность, съ тѣми цѣлями, которыя себѣ ставитъ общественная группа, въ составъ которой входитъ данная личность, въ одно гармоническое цѣлое, что предполагаетъ, съ одной стороны, установленіе гармоніи между цѣлями индивидуальной личности, съ другой — установленіе гармоніи между цѣлями общества. Въ той мѣрѣ, въ какой эта задача получаетъ свое осуществленіе въ жизни, въ какой она является передъ нами, какъ достигнутый результатъ, въ какой она получаетъ свое видимое воплощеніе, мы имѣемъ передъ собою то, что можетъ быть названо нравственнымъ благомъ. Нравственное благо есть такимъ образомъ состояніе достигнутой гармоніи цѣлей.

Гармонія, насколько она является какъ нѣчто достигнутое, есть такое состояніе, съ которымъ мы соединяемъ понятіе совершенства. Подъ совершеннымъ предметомъ мы понимаемъ такой, всѣ части котораго строго согласованы другъ съ другомъ, другими словами, который является во-

площеніемъ гармоніи. Но система цѣлей какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества постоянно расширяется и обогащается новыми цѣлями, болѣе сложными и болѣе широкими. Вслѣдствіе такого расширенія системы цѣлей гармонія оказывается нарушенной, совершенное дѣлается несовершеннымъ и то, что было нравственнымъ благомъ, перестаетъ имъ быть и даже можетъ стать нравственнымъ зломъ, если будетъ упорствовать въ своемъ существованіи. Извѣстная достигнутая гармонія цѣлей, если человѣкъ цѣпко держится за нее и не измѣняетъ въ другую болѣе широкую форму, соотвѣтственно расширенію самой системы цѣлей, является препятствіемъ въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія нравственности какъ въ отдѣльной личности, такъ и въ человѣчествѣ, и отсюда рождаются тяжелые драматическіе конфликты. Только при условіи покорно уступить свое мѣсто другой, болѣе широкой, полной и сложной гармоніи, которой требуетъ происшедшее расширеніе системы цѣлей, состояніе достигнутой гармоніи можетъ быть считаемо нравственнымъ благомъ. Въ противномъ случаѣ, если это состояніе выступаетъ съ притязаніемъ на абсолютное значеніе, оно является нравственнымъ зломъ. Абсолютнаго совершенства нельзя достигнуть, и оно означало бы только остановку въ процессѣ развитія нравственности, между тѣмъ это есть процессъ, который не можетъ никогда закончиться: каждое состояніе достигнутой гармоніи становится условіемъ для достиженія состоянія еще болѣе широкой гармоніи и т. д. безъ конца, каждая достигнутая ступень совершенства есть только средство подняться на болѣе высокую ступень. Если мы это забываемъ, если мы какую-либо ступень совершенства, достигнутую нами, возводимъ въ нѣчто абсолютное, то мы перестаемъ двигаться, мы воображаемъ, что дошли до послѣдней ступени, и тѣмъ самымъ мы себя вычеркиваемъ изъ списка нравственныхъ существъ, потому что нравственность состоитъ въ вѣчномъ движеніи, состоитъ въ томъ, чтобы подниматься отъ одной ступени лѣстницы, ведущей къ абсолютному, до другой, нигдѣ не останавливаясь дольше того времени, сколько это необходимо для болѣе успѣшнаго движенія по лѣстницѣ. Всякое совершенство от-

носительно, абсолютное значеніе имѣетъ только вѣчный процессъ совершенствованія. Такимъ образомъ, благодаря этому міръ нравственныхъ благъ есть вѣчно колеблющійся и мѣняющійся міръ: то, что вчера было нравственнымъ благомъ, можетъ сегодня перестать имъ быть и даже сдѣлаться нравственнымъ зломъ. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ перейти теперь къ болѣе подробному обзору самихъ нравственныхъ благъ.

Непосредственно и само по себѣ нравственнымъ благомъ является только состояніе достигнутой гармоніи между цѣлями жизни. Если взять отдѣльную личность, то это будетъ означать установленіе гармоніи въ предѣлахъ индивидуальной воли, ея внутреннее согласіе съ собой, ея относительное совершенство. Относительное совершенство воли или характера, что равнозначуще, является здѣсь нравственнымъ благомъ само по себѣ, непосредственно. Всѣ остальныя стороны въ духовномъ развитіи личности получаютъ характеръ нравственныхъ благъ только въ той мѣрѣ, въ какой они играютъ какую-нибудь роль въ достиженіи совершенства волей. Только совершенная воля есть нравственное благо само по себѣ, но такимъ не является, напримѣръ, совершенство въ умственномъ отношеніи. Развитіе ума становится нравственнымъ благомъ, если оно ведетъ къ выработкѣ болѣе гармонической, болѣе согласной сама съ собой воли, но само по себѣ, разсматриваемое внѣ того значенія, которое оно имѣетъ для развитія болѣе совершенной воли, оно не имѣетъ значенія нравственнаго блага. Точно такъ же и эстетическое развитіе личности, различные ея художественные таланты и дарованія еще не являются сами по себѣ нравственными благами, но только въ томъ случаѣ, если представляютъ средства для воспитанія болѣе совершенной воли или орудіе для выполненія ею высшихъ задачъ нравственности. Даже физическое совершенство въ этомъ отношеніи можетъ получить характеръ нравственнаго блага, если станетъ орудіемъ въ развитіи болѣе совершенной воли.

Если мы теперь возьмемъ общество, то можно будетъ сказать, что непосредственно и прямо нравственнымъ благомъ здѣсь является состояніе достигнутой гармоніи между

волями отдѣльныхъ личностей, его составляющихъ. Это состояніе установленной гармоніи между волями есть нравственное благо само по себѣ, всѣ же остальныя явленія въ общественной жизни получаютъ характеръ нравственныхъ благъ только въ той мѣрѣ, въ какой они ведутъ къ установленію подобной гармоніи. Экономическій, правовой и политическій строй должны служить выраженіемъ и средствомъ для установленія гармоніи между личностями, составляющими данную общественную группу; тогда они пріобрѣтаютъ значеніе и характеръ нравственнаго блага. Если, наоборотъ, экономическая организація, правовой порядокъ и политическія учрежденія въ данномъ обществѣ являются выраженіемъ не гармоніи воль, а ихъ антагонизма, если они вмѣсто устраненія противорѣчій между отдѣльными индивидуальными волями являются орудіемъ для поддержанія подобныхъ противорѣчій, то они представляютъ нравственное зло. Только какъ выраженіе, средство и орудіе гармонизированной воли всѣхъ они получаютъ этическое значеніе. Тутъ въ особенности надо еще постоянно имѣть въ виду, что извѣстныя экономическія, правовыя и политическія учрежденія, которыя могли быть нравственнымъ благомъ на извѣстной опредѣленной стадіи развитія, потому что служили тогда средствомъ для установленія гармоніи между узкою системою цѣлей общественной жизни, могутъ стать нравственнымъ зломъ на болѣе высокой ступени развитія общественной жизни, съ расширеніемъ самой системы общественныхъ цѣлей, если они продолжаютъ упорно сохраняться въ неизмѣненномъ видѣ.

Точно такъ же и образовательныя, культурныя учрежденія всякаго рода являются въ данномъ обществѣ нравственнымъ благомъ только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они содѣйствуютъ установленію гармоніи между индивидуальными волями личностей, составляющихъ данное общество, и не являются препятствіемъ для установленія здѣсь болѣе широкой гармоніи. Въ противномъ случаѣ система образовательныхъ учрежденій, господствующихъ въ обществѣ, можетъ стать нравственнымъ зломъ.

V.

О мотивахъ нравственныхъ дѣйствій.

Когда мы излагали ученіе о нравственности какъ ученіе о цѣляхъ человѣческой жизни или объ обязанностяхъ, намъ слѣдовало бы послѣ этого остановиться на вопросѣ о мотивахъ человѣческихъ дѣйствій, другими словами, на выясненіи той роли, которую играютъ чувствованія въ волевомъ актѣ, но, не желая нарушать того гармоническаго впечатлѣнія, которое даетъ послѣдовательное изложеніе ученія объ обязанностяхъ, о добродѣтеляхъ и о нравственныхъ благахъ, мы рѣшили разсмотрѣть этотъ предметъ только уже послѣ того, какъ ученіе о нравственности будетъ нами представлено съ этихъ трехъ различныхъ сторонъ, взаимно дополняющихъ другъ друга. Посмотримъ теперь, какъ разрѣшается вопросъ о мотивахъ человѣческихъ дѣйствій съ точки зрѣнія этики гармоніи цѣлей.

Цѣль это есть совокупность представленій, тогда какъ мотивъ есть побудительная причина дѣйствія, чувствованіе болѣе или менѣе сложнаго рода. Въ какомъ отношеніи стоитъ мотивъ къ цѣли? Мотивъ есть то чувствованіе, которое возбуждаетъ въ насъ цѣль, благодаря которому извѣстное представленіе только и получаетъ характеръ цѣли, т.-е. становится предметомъ нашихъ стремленій. Если представленіе или совокупность представленій оставляютъ насъ безучастными и холодными, если они не возбуждаютъ въ насъ никакихъ чувствованій, то они и не могутъ стать нашими цѣлями, не могутъ вызвать насъ къ какой-либо дѣятельности. Представленіе само по себѣ, независимо отъ тѣхъ чувствованій, которыя съ нимъ связаны, не можетъ двигать нашу волю. Такимъ образомъ чувствованія играютъ громадную роль въ нашихъ волевыхъ дѣйствіяхъ. Но при этомъ слѣдуетъ ясно и отчетливо усвоить себѣ одну очень важную истину.

Мотивами нашихъ волевыхъ дѣйствій являются тѣ чувствованія, которыя въ насъ возбуждаются представленіемъ цѣли, но отнюдь не тѣ предполагаемыя чувствованія, ко-

торыя мы должны были бы испытывать въ томъ случаѣ, если бы цѣль была достигнута. Такъ, напримѣръ, въ дѣйствіи, совершаемомъ нами для удовлетворенія чувства голода, мотивомъ служитъ то чувство, которое въ насъ возбуждаетъ представленіе о пищѣ, но отнюдь не то чувство удовольствія, которое мы должны были бы испытывать послѣ ѣды. Мотивомъ, двигающимъ насъ въ нравственной дѣятельности, является то чувство, которое возбуждаетъ въ насъ представленіе о нравственной цѣли, мысль о нравственномъ идеалѣ, но отнюдь не то, которое мы будемъ испытывать, когда цѣль нами будетъ достигнута. Волевое дѣйствіе какъ въ его сложной, такъ и въ его элементарной формѣ, въ дѣйствіи по влеченію, имѣетъ безкорыстный характеръ: оно опредѣляется только тѣмъ чувствомъ, которое въ насъ вызываетъ цѣль, но не тѣми ожидаемыми чувствованіями, которыя мы должны будемъ испытывать по достиженіи цѣли. Воля устремляется къ цѣли потому, что цѣль ее привлекаетъ сама по себѣ, безъ всякихъ корыстныхъ расчетовъ. Корыстное, эгоистическое дѣйствіе составляетъ только одинъ изъ видовъ волевой дѣятельности, но отнюдь не покрываетъ всей его сферы. Это именно есть такое дѣйствіе, въ которомъ цѣлью является представленіе о нашемъ „я", какъ испытывающемъ различныя чувствованія удовольствія. Но это—уже не здоровое и не нормальное явленіе, а исключеніе, только подтверждающее то общее правило, что чувствованіе, возбуждаемое въ насъ представленіемъ цѣли, является истиннымъ побудительнымъ мотивомъ. Нравственный идеалъ, если бы онъ не вызывалъ въ насъ чувствованій, и притомъ чувствованій сильныхъ, которыя въ состояніи были бы выдержать борьбу со всякаго рода другими чувствованіями, возникающими въ насъ, которыя могли бы стать мотивами, способными побѣдить въ насъ всѣ другіе мотивы,—не былъ бы въ состояніи возбудить нашу волю къ нравственной дѣятельности. Только возбуждая въ насъ сильныя чувства, онъ можетъ стать факторомъ, опредѣляющимъ нашу жизнь. Итакъ, каковы же тѣ чувствованія, которыя нравственная дѣятельность предполагаетъ въ качествѣ своихъ мотивовъ?

Нравственность есть установленіе гармоніи между цѣ-

лями; слѣдовательно, для того, чтобы она была возможна, необходимо, чтобы представленіе о подобной гармоніи возбуждало наше чувство. Гармонія вообще, въ какой бы она сферѣ и области ни обнаруживалась, связана съ чувствомъ самаго сильнаго удовольствія и является въ силу этого привлекательной для насъ, будетъ ли это гармонія мыслей, гармонія образовъ или ощущеній, гармонія влеченій или гармонія волевыхъ актовъ. Всякій разладъ между мыслями, образами или цѣлями является для насъ мучительнымъ, и мы стремимся выйти изъ этого разлада, изъ этой внутренней борьбы съ самими собою. Чѣмъ шире гармонія, которая должна быть установлена, чѣмъ больше элементовъ она захватываетъ, тѣмъ привлекательнѣе она является для насъ, съ тѣмъ большимъ чувствомъ радости она связана. Гармонія въ области воли, въ области цѣлей человѣческой дѣятельности есть самая широкая гармонія, заключающая въ себѣ самое большое количество психическихъ элементовъ, потому что она охватываетъ всю человѣческую жизнь въ ея цѣломъ, и потому то и ясная, отчетливая идея о подобной гармоніи должна быть связана съ самымъ сильнымъ и могучимъ чувствомъ радости. И эта свѣтлая радость, которую въ насъ возбуждаетъ ясная мысль о гармоніи въ области воли, въ области цѣлей жизни, есть то чувство, которое служитъ побудительной причиной, мотивомъ, заставляющимъ насъ работать надъ установленіемъ этой гармоніи, надъ воплощеніемъ въ жизни нравственнаго идеала. Это чувство свѣтлой радости, возбуждаемое въ насъ представленіемъ нравственнаго идеала, есть нравственное чувство. Оно тѣмъ сильнѣе, тѣмъ чище и выше, чѣмъ яснѣе, полнѣе и отчетливѣе мы себѣ представляемъ нравственный идеалъ. Чѣмъ чаще мы своею мыслью возвращаемся къ нравственному идеалу, передумывая его и въ общемъ, и въ различныхъ частностяхъ и подробностяхъ, тѣмъ болѣе интенсивный характеръ принимаетъ въ насъ и нравственное чувство, тѣмъ болѣе оно разрастается, расширяется и углубляется.

Нравственное чувство есть не пассивное, а активное чувство: оно заключаетъ въ себѣ элементъ стремленія къ дѣятельности. Это—не просто чувство радости, которое успо-

каивается на созерцаніи представляемой гармоніи. Эта свѣтлая радость тѣсно связана съ неудержимымъ позывомъ къ творческой работѣ, со стремленіемъ только представляемую гармонію въ области воли сдѣлать живою гармоніею, т.-е. осуществить въ дѣйствительности. Когда эта гармонія будетъ осуществлена въ дѣйствительности, мы будемъ тоже испытывать чувство радости, но тогда это будетъ уже чисто страдательное, пассивное чувство, и не оно является мотивомъ нравственной дѣятельности, но то безкорыстное активное чувство, которое въ насъ возбуждаетъ представленіе нравственнаго идеала.

Надо всегда помнить, что только активныя чувствованія, и притомъ только связанныя съ установленіемъ гармоніи въ области воли, могутъ имѣть этическій характеръ; всѣ же остальныя чувствованія не являются этическими въ собственномъ смыслѣ этого слова. Нравственность имѣетъ дѣло только съ человѣческою волею, съ установленіемъ гармоніи въ области воли, между ея цѣлями; это есть по существу своему нѣчто активное, дѣятельное, творческое и потому эпитетъ нравственности не можетъ быть примѣняемъ къ пассивному состоянію. Вотъ почему сами по себѣ чувствованія, насколько они являются пассивными состояніями, переживаемыми человѣкомъ помимо своей воли, не входятъ въ область нравственности; они становятся явленіями нравственнаго порядка только въ той мѣрѣ, въ какой заключаютъ въ себѣ моментъ активнаго стремленія, позывъ къ творческой дѣятельности надъ установленіемъ гармоніи. Этимъ, напримѣръ, нравственное чувство глубоко разнится отъ того эстетическаго чувства, которое возбуждаетъ въ насъ созерцаніе какого-нибудь прекраснаго предмета. При эстетическомъ наслажденіи мы являемся пассивными зрителями. Въ нравственномъ же чувствѣ мы, наоборотъ, чувствуемъ себя дѣятельными и активными.

Нравственное чувство принимаетъ самыя многообразныя формы и степени, смотря по различію и широтѣ тѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ личностью въ тѣ или другіе моменты ея жизни. Если имѣется въ виду только установленіе гармоніи въ предѣлахъ нашей индивидуальной воли,

между цѣлями нашей личной жизни, то нравственное чувство принимаетъ форму чувства нравственнаго достоинства личности. Нравственное достоинство личности тѣмъ выше, чѣмъ согласнѣе ея воля сама съ собой, чѣмъ больше гармоніи между цѣлями ея жизни, чѣмъ меньше между ними противорѣчій. Если имѣется въ виду только установленіе гармоніи въ предѣлахъ того общества, составною частью котораго личность является, то нравственное чувство принимаетъ форму чувства справедливости. Чѣмъ большую гармонію между цѣлями составляющихъ данную общественную группу личностей мы стремимся установить, чѣмъ болѣе справедливый общественный строй мы хотимъ создать, тѣмъ выше въ насъ чувство справедливости. Наконецъ, если личность имѣетъ въ виду установленіе гармоніи между собою и окружающими ее людьми, то нравственное чувство принимаетъ характеръ нравственной любви, или активнаго альтруизма. Чѣмъ больше гармонія между мной и другими людьми, чѣмъ въ большей степени ихъ цѣли я дѣлаю цѣлями своей жизни, тѣмъ сильнѣе во мнѣ чувство нравственной любви, или активнаго альтруизма. Въ чувствѣ нравственной любви чувство нравственнаго достоинства и чувство справедливости сливаются какъ бы гармонически въ одно цѣлое.

Всѣ эти различныя чувствованія являются въ большей или меньшей степени мотивами нашей нравственной дѣятельности и встрѣчаются въ различныхъ сочетаніяхъ у разныхъ людей. У однихъ въ качествѣ мотива, напримѣръ, преобладаетъ чувство нравственнаго достоинства; у другихъ, наоборотъ, на первомъ планѣ можетъ стоять чувство справедливости; третьи, наконецъ, могутъ преимущественно руководиться чувствомъ нравственной любви. Только въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ мотивъ болѣе полно и болѣе близко подходящій къ природѣ нравственнаго идеала; въ первыхъ же двухъ случаяхъ онъ является только неполнымъ и частичнымъ отраженіемъ природы нравственности. Чувство нравственнаго достоинства носитъ слишкомъ индивидуалистическій отпечатокъ; чувство справедливости имѣетъ чрезмѣрно соціальный характеръ; только чувство нравствен-

ной любви, или активнаго альтруизма, является такимъ, въ которомъ индивидуальная и соціальная стороны сливаются нерасторжимо въ одно гармоническое цѣлое: оттого оно и полнѣе тѣхъ другихъ чувствованій выражаетъ природу нравственности.

Чувство нравственной любви не слѣдуетъ смѣшивать безъ всякихъ дальнихъ словъ съ чувствомъ симпатіи. Не всякая симпатія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственная любовь, но только симпатія активная, или активный альтруизмъ, какъ мы назвали ее выше. Симпатія, насколько она является пассивнымъ состояніемъ, не входитъ въ область нравственности: она можетъ служить подготовкой для развитія нравственности, но она не составляетъ еще самой нравственности. Только тогда, когда пассивная симпатія становится активной, т.-е. когда это есть не просто автоматическій отзвукъ на страданія и радости другого, но дѣятельное стремленіе облегчить страданія другого и увеличить его радости, — только тогда она становится истинно-нравственнымъ чувствомъ. Волевой актъ, мотивомъ котораго явилось чувство дѣятельной симпатіи, есть актъ установленія гармоніи между дѣйствующею личностью и тѣмъ лицомъ или лицами, для которыхъ она дѣйствуетъ. Дѣйствующая личность въ этомъ актѣ устанавливаетъ гармонію между цѣлями другихъ и своими цѣлями, дѣлая цѣли этихъ другихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлями своей жизни, ихъ дѣло— своимъ дѣломъ, сливая въ этомъ актѣ ихъ жизнь со своею жизнью. Чувство дѣятельной симпатіи развивается тѣмъ шире, чѣмъ большій кругъ существъ оно захватываетъ и на чѣмъ большія стороны въ жизни этихъ существъ оно отзывается.

Кромѣ вышеперечисленныхъ формъ, нравственное чувство принимаетъ еще и другія: такъ, напримѣръ, любовь къ истинѣ, насколько она имѣетъ характеръ активнаго стремленія, есть тоже одна изъ формъ нравственнаго чувства. Мышленіе есть тоже дѣятельность нашей воли, но только эта дѣятельность получаетъ свое примѣненіе не въ реальномъ мірѣ, а въ области нашихъ представленій, понятій, идей. Насколько мы стараемся мыслить логически, на-

сколько мы стремимся установить гармонію въ области нашихъ представленій, понятій и идей, насколько мы ищемъ истины, мы тѣмъ самымъ выполняемъ также и одну изъ этическихъ задачъ. Логика это—этика въ области мысли, а любовь къ истинѣ есть одна изъ формъ нравственнаго чувства, насколько полемъ дѣятельности человѣка является теоретическая область познанія; это—та форма нравственнаго чувства, которою опредѣляется нравственная дѣятельность въ этой области.

Подобно этому, и любовь къ прекрасному, насколько она принимаетъ характеръ активнаго стремленія, есть одна изъ формъ нравственнаго чувства, только форма, которая находитъ свое примѣненіе въ области художественнаго творчества, искусства. Если нравственность мыслителя, какъ таковаго, заключается въ томъ, чтобы искать истину, то нравственность художника, какъ художника, состоитъ въ томъ, чтобы искать самыя совершенныя формы для выраженія красоты. Эстетика въ сущности является не болѣе какъ отдѣломъ этики въ примѣненіи къ области художественнаго творчества. Исканіе прекраснаго есть тоже исканіе нравственнаго, но только въ узкой и ограниченной области образовъ нашей фантазіи. Любовь къ прекрасному есть такимъ образомъ одна изъ формъ нравственнаго чувства, ограниченнаго сферой искусства.

Но такъ какъ и любовь къ истинѣ и любовь къ прекрасному представляютъ только ограниченныя формы нравственнаго чувства, то онѣ должны всегда контролироваться тѣмъ болѣе широкимъ нравственнымъ чувствомъ, которое охватываетъ всю полноту жизни, которое обнимаетъ собой не только практическую жизнь, но и область исканія истины и красоты, сливая все это въ одномъ гармоническомъ единствѣ. Нравственное чувство, когда оно получаетъ такой безгранично широкій характеръ, когда при посредствѣ его мы какъ бы чувствуемъ „абсолютное" и „вѣчное", когда мы охватываемъ въ немъ всю безпредѣльную широту всѣхъ задачъ и цѣлей жизни, когда насъ вдохновляетъ эта безконечно расширяющаяся гармонія цѣлей всего человѣчества, а быть можетъ, и всѣхъ разумныхъ существъ всего міра,—

тогда оно поднимается до высоты религіознаго чувства. Потому что, въ сущности говоря, религіозное чувство, по крайней мѣрѣ въ его самыхъ высшихъ формахъ, есть не что иное какъ нравственное чувство, только поднятое до своихъ самыхъ высшихъ предѣловъ, чувство, предметомъ котораго стала мысль о нравственности, распространенная на всю полноту и широту жизни, на все человѣчество, на весь міръ, однимъ словомъ, идея о нравственномъ порядкѣ всего міра, въ которой абсолютный характеръ нравственности достигаетъ до высшихъ границъ своего сознанія. Всѣ положительныя религіи въ сущности представляютъ фантастическія этическія теоріи міровой жизни метафизическаго характера, имѣвшія своей задачей спасти абсолютный характеръ нравственности. Но метафизическими и произвольными построеніями этотъ абсолютный характеръ не можетъ быть спасенъ. Нѣтъ ничего болѣе ненадежнаго какъ фантастическая метафизика. Однѣ теоріи смѣняютъ другія и каждая изъ нихъ безсильна доказать свою правоту. Что остается во всѣхъ религіяхъ неизмѣннаго, такъ это—религіозное чувство, порывъ къ абсолютному и вѣчному. Пора понять, что всѣ тѣ пестрыя одежды, въ которыя мы облекали религіозное чувство, должны быть отброшены, что религія должна остаться только, какъ вѣра въ абсолютный характеръ нравственности, въ безконечную широту ея задачъ, захватывающихъ постепенно все болѣе широкій кругъ существъ, распространяющихся на все человѣчество, а въ безпредѣльно отъ насъ отдаленномъ будущемъ на весь міръ. Исполняя свою конкретную нравственную задачу, въ то же время чувствовать, что исполняешь міровую задачу, содѣйствуешь обращенію всего человѣчества въ нравственное человѣчество и всего міра въ этическій міръ,—значитъ поднимать свое нравственное чувство до высоты религіознаго чувства. И чѣмъ выше становится полетъ нравственныхъ стремленій въ человѣкѣ, чѣмъ ярче и горячѣе вспыхиваетъ его нравственный энтузіазмъ, чѣмъ напряженнѣе въ немъ сознаніе безпредѣльности, вѣчности и абсолютности задачъ нравственности, тѣмъ болѣе и нравственное чувство въ немъ пріобрѣтаетъ религіозный характеръ. Религія, отбросивъ всѣ преходящіе, произволь-

ные и фантастическіе элементы, которые она въ себѣ заключала, въ концѣ концовъ станетъ религіей нравственности, а религіозное чувство, освободившись отъ всѣхъ тѣхъ уродливыхъ формъ, въ которыхъ оно проявлялось, станетъ только высшимъ полетомъ нравственнаго чувства.

VI.

О препятствіяхъ на пути къ осуществленію принципа гармоніи цѣлей.

Послѣдовательное примѣненіе все въ болѣе расширяющихся размѣрахъ принципа гармоніи цѣлей означаетъ не что иное, какъ пріобрѣтеніе сознаніемъ и въ частности его наиболѣе полнымъ выраженіемъ, волей, господства. Когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы сдѣлать принципъ гармоніи цѣлей руководящимъ началомъ человѣческой дѣятельности, то въ сущности это сводится къ тому, чтобы сдѣлать сознаніе и волю основными факторами жизни. Когда все человѣчество и весь міръ станутъ этическими, то торжество сознанія и воли въ средѣ человѣчества и въ мірѣ достигнетъ своего наиболѣе полнаго выраженія: тогда природа, насколько она намъ является какъ громадный механизмъ, составитъ покорное орудіе объединенныхъ сознанія и воли всего человѣчества, а можетъ быть, и всего міра въ осуществленіи ими тѣхъ цѣлей, которыя составляютъ естественное назначеніе сознанія и воли. Процессъ развитія въ средѣ человѣчества и вообще въ мірѣ нравственности есть процессъ все большаго и большаго подчиненія природы сознанію. Сознаніе овладѣваетъ природой и дѣлаетъ ее средствомъ для осуществленія высшихъ своихъ задачъ, т.-е. наиболѣе полной и широкой нравственной жизни, или для реализаціи цѣльности, гармоніи и единства въ безграничномъ царствѣ цѣлей всего міра.

Но это — тотъ конечный предѣлъ, къ которому развитіе міровой жизни должно стремиться, безконечно къ нему приближаясь и никогда однако его вполнѣ не достигая. Если же мы возьмемъ тотъ моментъ міровой эволюціи, въ которомъ она находится въ настоящее время, то мы увидимъ,

какъ безпредѣльно далеко то время, когда можно будетъ говорить не только о господствѣ сознанія надъ природой во всемъ ея цѣломъ, но даже только о господствѣ человѣческаго сознанія надъ тою природою, которую намъ представляетъ развитіе жизни на землѣ, надъ тѣми стихійными процессами на послѣдней, которые вмѣсто того, чтобы подчиняться сознанію человѣка, разрушаютъ плоды его сознательной дѣятельности и даже господствуютъ надъ самими его сознаніемъ и волей. Сознаніе и воля человѣка оказываются безсильными противъ тысячи случайностей, которыми угрожаетъ имъ механизмъ природы на землѣ. Различнаго рода стихійныя бѣдствія, въ родѣ наводненій, пожаровъ, бурь и всевозможныхъ другихъ несчастныхъ случаевъ, всякаго рода болѣзни и, наконецъ, смерть, все это, не говоря о многихъ другихъ явленіяхъ аналогичнаго рода, представляетъ намъ факты, которые краснорѣчиво говорятъ о томъ, какъ еще сравнительно слабо господство сознанія надъ природой, насколько еще сомнительной, шаткой и неувѣренной является дѣятельность воли. Плоды этой дѣятельности природа можетъ обратить въ ничто и даже, повидимому, можетъ обратить въ ничто и человѣческое сознаніе и волю. Каждый день гибнетъ масса лицъ, дѣятельность которыхъ могла бы еще быть въ высшей степени плодотворна для человѣчества, которые далеко еще не сказали своего послѣдняго слова: они попадаютъ случайно подъ зубья громаднаго механизма природы и эти зубья безжалостно раздробляютъ ихъ въ дребезги, и свѣтлое дѣло, задуманное ими, остается не выполненнымъ, нить сознанія обрывается, и вмѣстѣ съ хрупкимъ организмомъ, унесеннымъ стихійными силами природы, исчезаетъ и та могучая, добрая воля, которая неустрашимо совершала свои подвиги любви къ человѣчеству. Въ какое положеніе этика гармоніи цѣлей становится къ фактамъ подобнаго рода, въ которыхъ выражается еще такая слабая сила и власть сознанія и воли надъ природой?

Предписанія, которыя этика гармоніи цѣлей ставитъ человѣку, вслѣдствіе этого нисколько не колеблются и даже, наоборотъ, вслѣдствіе именно этого они получаютъ еще болѣе повелительный характеръ. Если еще такъ слаба и не-

надежна роль сознанія и воли какъ регуляторовъ жизни, то съ тѣмъ большею настойчивостью надлежитъ дѣйствовать, чтобы эта роль становилась все значительнѣе, чтобы царство сознанія и воли утверждалось все болѣе прочно и незыблемо, и для этого есть только одинъ единственный путь и именно тотъ, къ которому ведетъ твердое и неуклонное слѣдованіе принципу гармоніи цѣлей. „Расширяй какъ можно больше сферу своихъ цѣлей и старайся внести въ эту сферу возможно больше цѣльности, гармоніи и единства“, говоритъ этика гармоніи цѣлей каждому отдѣльному человѣку. Только такимъ путемъ медленно и шагъ за шагомъ человѣчество утверждаетъ господство сознательной воли и все болѣе и болѣе полное подчиненіе ей природы. Расширять сферу своихъ цѣлей значитъ расширять сферу своей производительной дѣятельности; устанавливать въ этой сферѣ единство и гармонію—значитъ дѣлать эту дѣятельность еще производительнѣе, еще плодотворнѣе. Принципъ гармоніи цѣлей есть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ разумной экономіи силъ для достиженія торжества надъ природой. Побѣда надъ природой составляетъ тоже одну изъ важныхъ цѣлей, входящую какъ составной элементъ въ общую систему цѣлей человѣческой жизни. Эта побѣда имѣетъ особенно важное значеніе, потому что чѣмъ полнѣе она будетъ достигнута, тѣмъ систематичнѣе и полнѣе будетъ примѣняться и самый принципъ гармоніи цѣлей, тѣмъ шире будетъ и осуществленіе задачъ нравственности. Пусть смерть, болѣзни и разнаго рода несчастные случаи выхватываютъ изъ рядовъ человѣчества работниковъ, людей сознательной широкой гармонической воли; пусть ихъ дѣло осталось незаконченнымъ, они все-таки хоть и немного расширили могущество человѣческой воли. На смѣну ихъ являются тысячи другихъ работниковъ, и человѣчество мало-по-малу создаетъ все болѣе и болѣе благопріятныя условія для послѣдовательнаго и систематическаго примѣненія принципа гармоніи цѣлей. Грустна и неприглядна современная дѣйствительность, зло смѣется природа надъ сознательными усиліями человѣка. Ну что же! пускай она смѣется, а мы все-таки будемъ мужественно жить среди того горя и испытаній, которыя намъ жизнь

приноситъ; мы будемъ итти впередъ, мы будемъ систематически и сознательно дѣйствовать, расширяя насколько возможно область своихъ цѣлей, стремясь внести въ нее возможно больше гармоніи и вѣря въ то, что воля человѣчества такимъ путемъ, при нашемъ участіи, одержитъ въ концѣ-концовъ побѣду надъ природой и сдѣлаетъ ее послушнымъ орудіемъ въ дѣлѣ осуществленія высшихъ нравственныхъ задачъ.

Я раньше указалъ на стихійныя силы природы, которыя въ формѣ пожаровъ, бурь, землетрясеній, наводненій, болѣзней всякаго рода, смерти и т. д. уничтожаютъ плоды сознательной дѣятельности человѣка, а также и само сознаніе и волю человѣка обращаютъ въ ничто. Природа, какъ громадный механизмъ, чужда всякихъ цѣлей. Механизмъ природы дѣйствуетъ, подчиняясь извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ, констатированіемъ которыхъ занимается наука, называемая нами естествознаніемъ. Природѣ нѣтъ никакого дѣла до сознательной воли человѣка. Она развертываетъ передъ нами свои явленія, которыя могли бы быть нами предсказаны съ неукоснительною точностью, если бы намъ было точно извѣстно распредѣленіе силы и вещества въ мірѣ. Этотъ механизмъ природы въ иныхъ случаяхъ является благодѣтельнымъ для человѣка, но въ иныхъ случаяхъ онъ влечетъ за собою пагубные для него результаты. Все зависитъ отъ того или другого случайнаго сочетанія или взаимодѣйствія силъ природы, которому нѣтъ никакого дѣла ни до цѣлей человѣка, ни до гармоніи этихъ цѣлей между собою. Чтобы механизмъ природы служилъ для осуществленія цѣлей человѣка и для установленія между ними гармоніи, воля человѣка должна овладѣть механизмомъ природы, подчинить его себѣ и сдѣлать орудіемъ для осуществленія своихъ задачъ. Овладѣть механизмомъ природы можно только при посредствѣ знанія этого механизма. Только знаніе природы и развитіе этого знанія поможетъ человѣку покорить природу, дастъ ему возможность установить такое взаимодѣйствіе силъ природы, создать такое ихъ сочетаніе, результаты котораго будутъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе для расширенія царства цѣлей и для установленія въ этомъ царствѣ гармоніи.

Развитіе науки, а также прикладного знанія или техники, занимающейся вопросомъ о такомъ сочетаніи силъ природы, въ результатѣ котораго являлось бы достиженіе тѣхъ или другихъ поставленныхъ человѣкомъ цѣлей,—вотъ что хотя медленно, но непрерывно ведетъ къ подчиненію механизма природы человѣческой волѣ.

Но механизмъ существуетъ не только въ области такъ называемой природы въ узкомъ смыслѣ этого слова, онъ существуетъ также въ области самого сознанія, онъ обнаруживается также и въ томъ взаимодѣйствіи между сознаніями, которое мы называемъ общественною жизнью. Воля человѣка должна овладѣть и этимъ психическимъ механизмомъ, если можно такъ выразиться, и этимъ соціальнымъ механизмомъ и подчинить ихъ высшимъ своимъ задачамъ. Овладѣть механизмомъ психической жизни можетъ помочь развитіе той науки, которая называется психологіей; овладѣть же механизмомъ соціальной жизни можетъ помочь развитіе соціологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Искусство сочетанія силъ психическихъ и силъ соціальныхъ, въ результатѣ котораго получались бы тѣ или другія желательныя слѣдствія, которыя воля человѣка намѣчаетъ себѣ, относится тоже къ области техники. Педагогика и соціальная политика представляютъ также техническое прикладное знаніе. Механизмъ психической жизни, какъ и механизмъ соціальной жизни можетъ дѣйствовать и во благо и во вредъ человѣка; этотъ механизмъ можетъ служить орудіемъ въ расширеніи царства цѣлей и въ установленіи въ этомъ царствѣ гармоніи, но онъ можетъ также вести и къ суженію царства цѣлей, можетъ явиться источникомъ противорѣчій и дисгармоніи въ немъ. Самъ по себѣ механизмъ психической и соціальной жизни чуждъ всякихъ цѣлей, только воля человѣка, овладѣвъ имъ, можетъ его заставить служить тѣмъ задачамъ, которыя являются высшими задачами воли.

По нашему мнѣнію, самое основное противоположеніе, которое можно открыть въ мірѣ,— это между механизмомъ и волею. Первоначально воля находится подъ гнетомъ механизма, но мало-по-малу она освобождается изъ-подъ этого гнета, овладѣваетъ механизмомъ и подчиняетъ его себѣ.

Подчиненіе механизма, въ какихъ бы формахъ онъ ни обнаруживался, волѣ человѣка, тому высшему закону, которому эта воля слѣдуетъ въ своей дѣятельности, составляетъ одну изъ высшихъ нравственныхъ задачъ. Какъ бы высоко ни поднялась въ своемъ развитіи жизнь отдѣльнаго человѣка, жизнь цѣлаго человѣчества или всего міра, механизмъ будетъ въ ней всегда существовать, но чѣмъ выше будетъ развитіе сознательной жизни, тѣмъ болѣе механизмъ будетъ регулироваться и направляться сознательной волей. Механическое, такимъ образомъ, станетъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, и то, что являлось прежде связаннымъ между собою, какъ цѣпь причинъ и слѣдствій, будетъ въ то же время являться намъ какъ цѣпь средствъ и цѣлей или цѣлей ближайшихъ и цѣлей болѣе отдаленныхъ.

Развитіе воли среди человѣческаго рода означаетъ развитіе власти и могущества надо всѣмъ механическимъ, а также объединеніе воль между собою въ гармоническій солидарный союзъ, такъ какъ объединеніе воль есть тоже одно изъ условій для расширенія власти надъ механизмомъ природы, психической и соціальной жизни. Но чѣмъ выше поднимается развитіе воли среди человѣчества, тѣмъ сознательнѣе, систематичнѣе и шире она подчиняется принципу гармоніи цѣлей, составляющему высшій законъ воли.

Уже самъ механизмъ природы въ силу присущихъ ему законовъ подготовляетъ торжество сознательной воли на земномъ шарѣ. Цѣлесообразное въ борьбѣ за жизнь должно побѣдить нецѣлесообразное, потому что сущность цѣлесообразныхъ органическихъ сочетаній состоитъ въ томъ, что они способствуютъ сохраненію того вида организмовъ, которому они свойственны. Такимъ образомъ, по существу цѣлесообразное должно побѣдить и вытѣснить на землѣ нецѣлесообразное. Подобно этому, можно сказать, что сознательная воля должна побѣдить все инстинктивное и привычное. Дѣйствіе инстинктивное есть сформировавшееся приспособленіе къ опредѣленной совокупности жизненныхъ обстоятельствъ,— сознательное волевое дѣйствіе есть способность постояннаго переприспособленія къ измѣняющейся совокупности обстоятельствъ. Инстинктъ и привычка могутъ поэтому насъ часто

вводить въ обманъ и оказываться недостаточными, если въ условіяхъ жизни совершилась перемѣна; сознательная воля, напротивъ того, идетъ навстрѣчу всѣмъ подобнымъ перемѣнамъ въ условіяхъ жизни. Вотъ почему организмы, въ которыхъ развита сознательная воля, должны въ концѣ концовъ побѣдить и вытѣснить съ земного шара такіе организмы, въ распоряженіи которыхъ находятся только инстинкты и привычки. Точно также въ концѣ концовъ на земномъ шарѣ должна получить господство организованная и объединенная воля многихъ надъ волей отдѣльныхъ личностей и чѣмъ шире организація воль, чѣмъ больше элементовъ она захватываетъ, чѣмъ болѣе въ ней признается цѣнность за каждой индивидуальной волей, входящей въ ея составъ, тѣмъ болѣе она цѣлесообразна, тѣмъ болѣе она жизненна и устойчива, тѣмъ большими она преимуществами обладаетъ по сравненію со всякими другими организаціями и потому должна будетъ необходимо подчинить ихъ себѣ.

Такимъ образомъ уже стихійный процессъ природы ведетъ къ организаціи всего человѣчества въ одно солидарное цѣлое, но онъ ведетъ къ этой цѣли медленнымъ и долгимъ путемъ, при чемъ много силъ и жизней гибнетъ безплодно и непроизводительно. Люди сознательной воли могутъ ускорить этотъ процессъ и сократить связанныя съ нимъ страданія: они могутъ его направить по такому руслу, на которомъ ни одна человѣческая сила не пропадетъ безплодно, но послужитъ для скорѣйшаго осуществленія гармонической, солидарной жизни въ человѣчествѣ. И это они могутъ сдѣлать тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ большей степени они будутъ овладѣвать механизмомъ жизни при помощи все болѣе расширяющагося знанія и пониманія его.

Итакъ, главнымъ препятствіемъ для осуществленія въ широкихъ размѣрахъ принципа гармоніи цѣлей является неполное и несовершенное знаніе и пониманіе человѣкомъ механизма природы, механизма въ области сознанія и механизма въ сферѣ соціальной жизни. Хотя здѣсь, въ особенности, что касается механизма въ области природы, и много сдѣлано, но то, что остается еще сдѣлать, неизмѣримо превосходитъ то, что сдѣлано. И въ особенности еще много

придется поработать надъ тѣмъ, чтобы овладѣть механизмомъ психической и соціальной жизни, точное и научное изученіе которыхъ началось только въ сравнительно недавнее время. Соціальная политика и педагогика далеко уступаютъ по своей разработанности другимъ отдѣламъ техники и въ особенности тѣмъ, гдѣ рѣчь идетъ о примѣненіи физики и химіи. Между тѣмъ какъ въ послѣднихъ человѣкъ дѣйствуетъ съ полною увѣренностью, въ области первыхъ результаты часто являются сомнительными и гадательными. Но овладѣть механизмами психической и соціальной жизни для дѣла нравственности не менѣе, если не болѣе, важно, чѣмъ овладѣть механизмомъ природы. Высшее желаніе Фауста въ концѣ его долгой жизни заключалось въ томъ, чтобы бороться и побѣдить „безцѣльную стихій неукрощенныхъ силу" (zwecklose Kraft unbändiger Elemente). Онъ жаждалъ высокаго наслажденія

„Das herrische Meer vom Ufer auszuschliessen,
Der feuchten Breite Gränzen zu verengen
Und, weit hinein, sie in sich selbst zu drängen". [1]).

Желаніе это въ немъ пробудилось, когда онъ стоялъ у берега морского и наблюдалъ морской приливъ, и вотъ въ какихъ словахъ онъ описываетъ чувства и впечатлѣнія, возбужденныя въ немъ этимъ зрѣлищемъ:

Mein Auge war aufs hohe Meer gezogen;
Es schwoll empor, sich in sich selbst zu thürmen,
Dann liess es nach und schüttelte die Wogen,
Des flachen Ufers Breite zu bestürmen.
Und das verdross mich; wie der Uebermuth
Den freien Geist, der alle Rechte schätzt,
Durch leidenschaftlich aufgeregtes Blut
Ins Missbehagen des Gefühls versetzt.
Ich hielt's für Zufall, schärfte meinen Blick:
Die Woge stand und rollte dann zurück,

---

[1]) „Заставить могучее море удалиться отъ береговъ, оттѣснить бушующую влагу, заключивъ ее далеко отсюда, въ ея же собственныя границы".

Entfernte sich vom stolz erreichten Ziel;
Die Stunde kommt, sie wiederholt das Spiel.
Sie schleicht heran, an abertausend Enden,
Unfruchtbar selbst, Unfruchtbarkeit zu spenden;
Nun schwillt's und wächst und rollt und überzieht
Der wüsten Strecke widerlich Gebiet.
Da herrschet Well'auf Welle kraftbegeistet,
Zieht sich zurück, und es ist nichts geleistet... [1]).

Отнять у моря его владѣнье, сдѣлать глухую пустыню плодородной, создать свободную обстановку для жизни милліоновъ, жизни, полной свободной, трудолюбивой дѣятельности — таково завѣтное желаніе Фауста на склонѣ лѣтъ, давшее ему возможность пережить одинъ мигъ истиннаго и высокаго счастія, съ которымъ ничто въ жизни не можетъ итти въ сравненіе. Въ томъ, чтобы этому дѣлу отдаться всей душой, Фаустъ видѣлъ „послѣднее слово людской мудрости" (der Weisheit letzter Schluss). — Фаустъ нашихъ дней возмущался бы не только той „безцѣльною стихіи неукрощенныхъ силой", которую намъ обнаруживаетъ природа, отъ его взора не укрылась бы и та безцѣльная сила неукрощеннаго механизма, опустошительныя дѣйствія котораго приходится наблюдать и въ области душевной жизни отдѣльной личности и въ области соціальныхъ отношеній. И тамъ, и тутъ приходится видѣть, какъ набѣгающія волны привычекъ и традицій, дикихъ страстей и суевѣрій опусто-

---

[1]) „Взглядъ мой привлеченъ былъ морскимъ приливомъ. Я видѣлъ, какъ волны, бѣшено громоздясь одна на другую, обрушивались и разстилались, заливая плоскую полосу берега. Зрѣлище это огорчило меня, какъ при видѣ своеволія, дѣйствующаго подъ напоромъ страсти, огорчается чувство человѣка, привыкшаго уважать чужія права. Я принялъ видѣнное за единичный случай и насторожилъ мое вниманіе. Волна, ставъ, отхлынула назадъ, удаляясь отъ только что побѣдоносно достигнутой ею цѣли; но наступилъ новый приливъ и съ нимъ повторилось то же самое... Волна подкрадывалась со всѣхъ сторонъ, сама безплодная и приносившая съ собой безплодіе. Она надувалась, росла, катилась, завоевывая непривѣтливое пространство пустынной мѣстности. Волны царствовали! царствовали съ дикой силой и удалялись, не принося никакой пользы!" (Фаустъ. Трагедія Гёте. Перев. А. Л. Соколовскаго, стр. 262).

шаютъ душевную и соціальную жизнь и дѣлаютъ и ту, и другую безплодной, обращая въ пустыню. Фаустъ новыхъ дней нашелъ бы для себя много безпредѣльной работы и въ этой области, еще столь мало разработанной, еще столь слабо понятой. И даже болѣе того, онъ ясно понялъ бы, что люди только тогда въ полномъ размѣрѣ будутъ въ состояніи подчинить себѣ механизмъ природы, когда они вполнѣ овладѣютъ механизмомъ психической и соціальной жизни, когда, благодаря совершенному знанію этого послѣдняго, удастся утвердить на землѣ на прочныхъ и незыблемыхъ началахъ свободный солидарный союзъ всего человѣчества, въ которомъ творческая, сознательная воля каждой отдѣльной личности получитъ наибольшій просторъ для своего развитія, наиболѣе широкое поле для своего примѣненія.

VII.

Индивидуализація, какъ одна изъ характерныхъ чертъ нравственнаго развитія. Заключеніе.

Прежде чѣмъ кончить настоящую статью, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить одну сторону въ развитіи нравственности, которую мы старались вездѣ подчеркнуть, гдѣ это представлялось возможнымъ по ходу мыслей, но которая не была еще до сихъ поръ нами формулирована въ ясно выраженной формѣ.

Ученіе о нравственности, которое мы развивали какъ въ этой своей статьѣ, такъ и въ статьѣ „О высшемъ принципѣ нравственности“, всецѣло основано на природѣ человѣческихъ сознанія и воли и необходимыхъ законахъ ихъ развитія, какъ ихъ намъ открываетъ современная научная психологія. Мы исходили изъ того установленнаго психологіей положенія, что, чѣмъ выше степень развитія сознанія, тѣмъ больше гармоніи и единства между его составными частями, тѣмъ въ большей мѣрѣ онѣ сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ сложнѣе становится сознаніе, чѣмъ выше оно поднимается въ своемъ развитіи, тѣмъ болѣе отличимыми другъ отъ друга дѣлаются отдѣльныя составныя части его и тѣмъ болѣе такихъ отличимыхъ

составныхъ частей можетъ быть открыто въ сознаніи. Если мы возьмемъ элементарное сознаніе, сознаніе на низшихъ ступеняхъ его развитія, то увидимъ, что элементы познанія, чувствованія и воли находятся тамъ въ слитномъ, недиференцированномъ состояніи; въ болѣе развитомъ сознаніи они становятся ясно диференцированными и отличимыми другъ отъ друга.

Если мы обратимся въ частности къ волѣ, то увидимъ что, чѣмъ ниже ея развитіе, тѣмъ болѣе поступки походятъ одинъ на другой и, наоборотъ, чѣмъ болѣе воля поднимается въ своемъ развитіи, тѣмъ болѣе становятся различными другъ отъ друга отдѣльные поступки воли. Каждое дѣйствіе воли, каждая цѣль съ развитіемъ воли все болѣе и болѣе индивидуализируется. Это обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что при постановкѣ той или другой цѣли съ теченіемъ времени все большій кругъ остальныхъ цѣлей принимается во вниманіе. Такимъ образомъ каждая цѣль въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаетъ болѣе сложный, а слѣдовательно и болѣе своеобразный характеръ. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе при постановкѣ той или другой цѣли принята во вниманіе остальная совокупность цѣлей, тѣмъ ярче выступаетъ то особенное значеніе, которое именно эта цѣль имѣетъ въ общей системѣ цѣлей, ея отличіе отъ всѣхъ другихъ цѣлей, тѣмъ рельефнѣе обрисовывается ея индивидуальный характеръ. Чѣмъ въ большей степени устанавливается гармонія между цѣлями, тѣмъ въ большей степени каждая цѣль индивидуализируется, потому что тѣмъ болѣе она становится такою цѣлью, которая должна занять именно такое-то опредѣленное мѣсто въ общей системѣ цѣлей, а не какое-либо другое: ея физіономія дѣлается вполнѣ ясной и опредѣленной.

Гармонизація цѣлей необходимо, такимъ образомъ, связана съ ихъ индивидуализаціей. Чѣмъ шире дѣлается система цѣлей, внутри которой устанавливается гармонія, тѣмъ болѣе индивидуализированный характеръ принимаетъ каждая цѣль въ отдѣльности, потому что тѣмъ болѣе сложный отпечатокъ и тѣмъ болѣе широкаго цѣлаго она носитъ на себѣ.

Вообще говоря, чѣмъ сложнѣе что-либо, тѣмъ оно болѣе индивидуально, своеобразно, потому что тѣмъ меньшую до-

пускаетъ оно повторяемость. Съ развитіемъ воли цѣли становятся все сложнѣе и сложнѣе, потому что развитіе воли и выражается до нѣкоторой степени въ увеличеніи сложности цѣлей и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи цѣли пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе индивидуальный характеръ. Съ другой стороны, даже и элементарныя цѣли, входящія въ составъ этихъ болѣе сложныхъ цѣлей, все болѣе индивидуализируются, потому что становятся элементами болѣе сложныхъ цѣлей. Это все равно какъ какой-нибудь аккордъ, если вы его будете брать отдѣльно на рояли, то сколько бы вы это не повторяли, онъ будетъ звучать всегда одинаково, но тотъ же самый аккордъ въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ сонаты Бетховена будетъ звучать иначе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ этой же сонаты или чѣмъ въ сонатѣ, напр., Гайдна и Моцарта. Занявъ опредѣленное мѣсто въ цѣломъ музыкальномъ твореніи, онъ пріобрѣлъ особый своеобразный отпечатокъ, индивидуализировался. Точно то же происходитъ и съ каждою простою цѣлью, если она входитъ, какъ элементъ, въ цѣль болѣе сложнаго разряда: она индивидуализируется и тѣмъ больше, чѣмъ сложнѣе цѣль, т.-е. чѣмъ болѣе индивидуальный характеръ это сложная цѣль носитъ.

Что индивидуальность тѣсно связана съ богатствомъ связей, которыя данное явленіе или данный предметъ имѣетъ съ другими явленіями и предметами, лучше всего можно понять, обратясь къ выясненію того различія, которое существуетъ между общими понятіями и понятіями частными. Чѣмъ болѣе конкретный характеръ носитъ понятіе, тѣмъ съ большимъ рядомъ другихъ понятій оно имѣетъ связей. Сравните, напр., такія понятія: „живое существо“, „человѣкъ“, „европеецъ“, „русскій“, „Иванъ Ивановичъ Поповъ“ (опредѣленная личность), расположенныя здѣсь по степенямъ убывающей ихъ общности. Чѣмъ менѣе общимъ становится какое-нибудь понятіе, тѣмъ болѣе возрастаетъ число его признаковъ, которые мы должны были бы перечислить при опредѣленіи даннаго понятія. Понятіе объ „Иванѣ Ивановичѣ Поповѣ“, опредѣленномъ данномъ человѣкѣ заключаетъ въ себѣ безконечное количество признаковъ, т.-е. другими

словами это понятіе связано съ огромнымъ числомъ другихъ понятій, съ неизмѣримо бо́льшимъ, чѣмъ понятіе, напр., просто о „человѣкѣ“ или вообще о „живомъ существѣ“. Выражаясь иначе, чѣмъ болѣе индивидуализированный характеръ носитъ понятіе, съ тѣмъ бо́льшимъ рядомъ другихъ понятій оно должно имѣть связей. То же самое справедливо и относительно каждаго факта нашей душевной жизни. Своеобразность и индивидуализація опредѣленнаго психическаго явленія обусловлена богатствомъ его связей съ другими психическими явленіями.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, какъ развитіе воли, такъ и развитіе сознанія вообще являются все возрастающей и расширяющейся гармоніей все болѣе и болѣе индивидуализирующихся элементовъ. Эта гармонія отнюдь не означаетъ такого поглощенія частей цѣлымъ, при которомъ эти части перестаютъ быть различимыми другъ отъ друга; напротивъ того, она предполагаетъ наиболѣе рельефное и выпуклое выдѣленіе этихъ частей, не утрату ими своеобразнаго характера, но наиболѣе полную обрисовку этой своеобразности.

И эти же черты, т.-е. наибольшая гармонія цѣлаго при наибольшемъ индивидуализированіи его составныхъ частей являются характерными и для нравственнаго идеала, создаваемаго человѣкомъ, по мѣрѣ того какъ этотъ идеалъ принимаетъ все болѣе и болѣе совершенныя формы.

Высшій нравственный идеалъ, до пониманія котораго люди достигли въ послѣднее время, ставитъ задачей установленіе солидарной, гармонической жизни во всемъ человѣчествѣ, устраненіе всѣхъ формъ борьбы, антагонизма, конкуренціи людей другъ съ другомъ, обращеніе человѣчества въ трудовую кооперацію и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшее развитіе каждой индивидуальной жизни, наибольшее расширеніе ея самобытности, самостоятельности и свободы.

Нельзя найти болѣе полнаго, болѣе лучшаго, болѣе широкаго выраженія для того, что составляетъ естественный законъ самого сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственный законъ воли, этой высшей концентраціи сознанія. Этотъ идеалъ не есть что-либо искусственное и чуждое намъ: на немъ лежитъ печать нашей природы какъ сознательныхъ

существъ; онъ представляетъ высшее, мыслимое для насъ пока, расширеніе основныхъ задачъ самого сознанія до предѣловъ всего человѣчества; онъ представляетъ формированіе человѣчества сообразно тому, что въ нашей природѣ есть лучшаго, а именно — сообразно тѣмъ формамъ сознательной жизни, въ которыхъ сознаніе достигаетъ наиболѣе полнаго и совершеннаго выраженія своихъ основныхъ задачъ, вытекающихъ изъ его сущности, какъ сознанія. Какъ сознательныя существа мы призваны къ великому: мы должны реформировать человѣчество и міръ по образу и подобію нашего сознанія. Высшій законъ нашей сознательной жизни мы должны сдѣлать высшимъ закономъ жизни всего человѣчества, а въ безконечно отъ насъ отдаленномъ будущемъ онъ сдѣлается, быть можетъ, при дружныхъ соединенныхъ усиліяхъ всего человѣчества, и высшимъ закономъ всего міра. Но сейчасъ это — не болѣе какъ дерзкая, безумная мечта: ближайшая наша задача — обращеніе всего человѣчества въ солидарный союзъ свободныхъ, достигшихъ каждая наибольшей полноты развитія, личностей. Это — великая задача, она требуетъ безчисленнаго множества работниковъ, дѣйствующихъ во всѣхъ областяхъ жизни, сообразно своимъ силамъ и способностямъ, и медленно, незамѣтно, камень за камнемъ, созидающихъ фундаментъ для „новаго человѣчества". Ни одна работа не представляется здѣсь мелкой и ничтожной, ни одна сила — лишней и ненужной... Здѣсь такъ необходимо много силъ и это такое великое дѣло, что отказаться отъ своей работы, выбыть изъ строя, было бы просто преступленіемъ... Надо итти и итти, хотя бы даже спотыкаясь и падая, хотя бы даже терпя разочарованія и неудачи. Пусть насъ воодушевляетъ свѣтлая вѣра, что даже наши паденія и неудачи послужатъ однимъ изъ камней въ созидающемся храмѣ будущаго! Личность должна бодро и неутомимо, и одна и въ союзѣ съ другими, двигаться все впередъ и впередъ, избравъ своимъ руководящимъ началомъ, своею путеводною звѣздою, великій принципъ установленія цѣльности, гармоніи и единства въ безпредѣльно расширяющемся царствѣ цѣлей человѣческой жизни.

Гармонія и нравственная свобода. [1])

Élargissons-nous donc; laissons nos coeurs ouverts
A tout tressaillement de ce vaste univers. [2])
J. Guyau. Vers d'un philosophe.

I.

Основныя черты нравственнаго идеала.

Гармонія и свобода—вотъ два, повидимому, исключающіе другъ друга принципа, вотъ двѣ непримиримыя противоположности, какъ это кажется на первый взглядъ. Однако, болѣе внимательное изслѣдованіе взаимнаго отношенія упомянутыхъ принциповъ не только обнаруживаетъ, что они совсѣмъ не противоположны, но открываетъ даже, наоборотъ, что они взаимно предполагаютъ и обусловливаютъ другъ друга, и что наиболѣе совершенная гармонія ведетъ къ наиболѣе полной свободѣ, а наибольшая свобода находитъ свое выраженіе въ осуществленіи наибольшей гармоніи. Доказать это положеніе въ примѣненіи къ нравственной жизни человѣка и составляетъ предметъ настоящей статьи.

Пытаясь опредѣлить основныя черты нравственнаго идеала, мы необходимо приходимъ къ тому заключенію, что стремленіе въ той или другой формѣ, въ той или другой сте-

---

[1]) Статья эта была написана въ началѣ 1892 г. для литературнаго сборника „Помочь", изданнаго въ началѣ 90-хъ годовъ кружкомъ литераторовъ въ пользу голодающихъ; здѣсь она воспроизводится въ нѣсколько дополненномъ видѣ.

[2]) „Раздвинемъ рамки своихъ отношеній къ міру и пусть сердца наши будутъ открыты для всякаго трепетанія этой обширной вселенной!..."

пени, осуществить въ жизни гармонію—составляетъ одну изъ главныхъ его характеристикъ. Гармонія или соотвѣтствіе различныхъ сторонъ нашей природы, гармонія или равновѣсіе разнородныхъ стремленій и дѣятельностей, источникомъ которыхъ мы являемся, гармонія или солидарность нашей личной жизни съ развивающеюся жизнью всего человѣчества—таковы задачи, которыя этическій идеалъ намъ ставитъ. Стремись достигнуть гармоніи въ такой степени, въ какой только возможно, внутри себя, а также между твоею жизнью и жизнью всего окружающаго тебя міра и всего человѣчества, среди котораго ты живешь,—таково руководящее предписаніе, которое онъ намъ даетъ. Установить въ жизни гармонію и кооперацію всѣхъ существъ и устранить изъ нея антагонизмъ и борьбу, создать такое взаимное сотрудничество всѣхъ людей, при которомъ каждый являлся-бы условіемъ счастья и повышенной жизненности для всѣхъ остальныхъ, а не условіемъ ихъ страданій, гибели или смерти,—вотъ завѣтная мечта, которая уже съ давнихъ поръ волнуетъ моралиста. Но не менѣе этого воодушевляетъ послѣдняго и другое завѣтное стремленіе—воплотить въ жизни идеалъ „нравственной свободы", сдѣлать нравственныхъ дѣятелей въ самомъ высокомъ размѣрѣ, въ какомъ только возможно, самостоятельными, самобытными и независимыми, а ихъ дѣятельность какъ можно болѣе напряженною, безпредѣльною и широкою, такъ чтобы свобода нравственнаго дѣятеля расширялась и увеличивалась прогрессивно, не зная для своего расширенія и увеличенія ни конца, ни предѣла.

Принципъ гармоніи и принципъ свободы оба заявляютъ въ области нравственности право на свое существованіе и воплощеніе,—но согласимы-ли они между собою—вотъ вопросъ, который является для моралиста однимъ изъ вопросовъ первостепенной важности. Чтобы показать то взаимное отношеніе, которое существуетъ между этими обоими принципами, попытаемся прежде болѣе подробно охарактеризовать каждый изъ нихъ.

II.

Принципъ гармоніи.

Ставя идеалъ гармоніи, какъ цѣль нравственнаго поведенія, человѣкъ исходитъ изъ того предположенія, что элементы, между которыми наше нравственное поведеніе должно установить гармонію, не стоятъ другъ съ другомъ въ основномъ, непримиримомъ антагонизмѣ и противоположеніи. Такъ, если мы беремъ отдѣльнаго человѣка, то мы предполагаемъ при этомъ, что отдѣльныя стороны его природы не исключаютъ другъ друга, что развитіе духовное, напр., вовсе не требуетъ, чтобы было подавлено развитіе физическое, и обратно; или, если мы беремъ въ этомъ отдѣльномъ человѣкѣ только одну духовную сторону, то предполагаемъ, напр., что развитіе воли нисколько не требуетъ того, чтобы было подавлено развитіе ума и чувства, и что развитіе человѣка въ умственномъ и эмоціональномъ отношеніяхъ нисколько не должно итти въ ущербъ его совершенству въ отношеніи воли, или, какъ принято говорить, въ отношеніи характера. Если же мы беремъ не отдѣльнаго человѣка, а цѣлый міръ или все человѣчество, то мы предполагаемъ при этомъ, что развитіе и жизнь отдѣльныхъ личностей нисколько не стоятъ въ роковомъ неустранимомъ антагонизмѣ съ жизнью другихъ людей и остального міра и не требуютъ неизбѣжной и постоянной гибели, страданій и несчастій этихъ другихъ людей,— что мыслимъ такой порядокъ общечеловѣческой жизни, при которомъ каждая личность, пользуясь въ наибольшей степени всѣми матеріальными и духовными благами, будетъ способствоватъ въ то же время тому, чтобы эти блага въ наибольшихъ размѣрахъ и равномѣрно распредѣлялись и между всѣми остальными людьми.

Если бы мы предположили, что физическая и духовная природа человѣка, что мысль, чувство и воля, что жизнь отдѣльной личности и всего человѣчества стоятъ въ коренномъ, непримиримомъ антагонизмѣ и разладѣ между собою, то было бы безплоднымъ и напраснымъ дѣломъ, лишеннымъ всякаго разумнаго смысла, ставить идеаломъ для человѣка

стремленіе осуществить въ жизни гармонію. Гармонія была бы тогда для насъ только однимъ пустымъ звукомъ, утратившимъ всякое живое значеніе. Но, ошибочно или нѣтъ, человѣкъ исходитъ изъ того убѣжденія, что во всѣхъ приведенныхъ нами случаяхъ не существуетъ основного, непримиримаго антагонизма, что антагонизмъ имѣетъ здѣсь только временное и преходящее значеніе и благодаря сознательнымъ, личнымъ и соединеннымъ усиліямъ людей, благодаря энергической и неутомимой работѣ благородныхъ героевъ нравственнаго идеала, онъ долженъ рано или поздно исчезнуть окончательно съ лица земли и дать мѣсто для самой совершенной и самой полной гармоніи. Въ этой сознательной творческой дѣятельности, направленной на устраненіе антагонизма, разлада и борьбы вездѣ, гдѣ они только существуютъ, и на установленіе царства всеобъемлющей гармоніи, всеохватывающей солидарности и самой широкой кооперацiи всего живущаго,—въ этой плодотворной и великой работѣ человѣкъ и видитъ свою высшую нравственную задачу.

Итакъ, ставя принципъ гармоніи основнымъ, руководящимъ нравственнымъ правиломъ, мы необходимо предполагаемъ, что между индивидуальнымъ и всеобщимъ, между частью какого-нибудь сложнаго цѣлаго и этимъ цѣлымъ, между отдѣльною личностью и всѣмъ человѣчествомъ существуетъ основное, необходимое согласіе. Безъ этого предположенія, нравственная дѣятельность, которая имѣла бы въ виду достиженіе гармоніи, была бы лишена всякаго разумнаго смысла и могла бы быть уподоблена работѣ бѣднаго труженика Сизифа.

Но эта идея объ отсутствіи коренного разногласія между частью и цѣлымъ, между личностью и человѣчествомъ и о возможности достиженія между ними полной гармоніи влечетъ за собою роковыя затрудненія, которыя грозятъ, повидимому, подорвать значеніе принципа гармоніи въ качествѣ руководящаго нравственнаго идеала. Въ самомъ дѣлѣ, если гармонія возможна, если она достижима, то, съ достиженіемъ ея, нравственная задача человѣка будетъ выполнена, нравственный идеалъ будетъ осуществленъ, и такимъ

образомъ для нравственной дѣятельности человѣка исчезнутъ всякіе поводы и мотивы.

Прекрасно эта мысль иллюстрируется въ одномъ небольшомъ стихотвореніи, [1]) гдѣ поэтъ рисуетъ намъ сначала картину идеальнаго будущаго, въ которомъ

„Все вокругъ открыто для познанья,
„Гордый умъ не вѣдаетъ оковъ;
„Больше нѣтъ преградъ и разстоянья,
„Больше нѣтъ мгновеній и вѣковъ;
„Міръ цвѣтетъ безсмертною весною:
„Глубь небесъ горитъ безсмертнымъ днемъ;
„Не дерзаютъ грозы надъ землею
„Разсыпать рокочущій свой громъ;
„Мигъ желанья—мигъ осуществленья,
„Воплощенъ завѣтный идеалъ,
„И на смѣну вѣчности мученья
„Вѣчный рай счастливцамъ просіялъ...

И, однако же, нарисовавъ эту радужную картину, поэтъ обращается къ одному изъ предполагаемыхъ счастливцевъ этого идеальнаго будущаго и спрашиваетъ его:

„Что жъ ты сталъ, печально размышляя?
„Рви плоды и пышные цвѣты!..
. . . .
„Твой покой не возмутятъ заботы,
„Ты не рабъ,—ты властелинъ судьбы.
„Или вновь ты захотѣлъ работы,
„Слезъ и жертвъ, страданья и борьбы?
„Или все, къ чему ты шелъ тревожно,
„Шелъ путемъ лишеній и скорбей,
„Стало вдругъ и жалко, и ничтожно
„Роковой безцѣльностью своей?..

Полное осуществленіе гармоніи, слѣдовательно, ведетъ какъ бы къ упраздненію нравственной дѣятельности, къ устраненію всякихъ требованій и запросовъ на нее, къ тишинѣ и покою чего-то достигнутаго, законченнаго, завершеннаго. Это успокоеніе на чемъ-то окончательно достигнутомъ, какъ бы совершенна ни была осуществленная гармонія, явится послѣднимъ днемъ, похоронною пѣснью и клад-

[1]) Грядущее, стихотвореніе С. Надсона.

бищемъ для нравственной дѣятельности человѣка. Неужели же оно можетъ представляться желательнымъ человѣку, съ его постояннымъ стремленіемъ къ новому, съ его вѣчными попытками къ обновленію жизни,—человѣку, который только въ неутомимой творческой работѣ находитъ высшую красу и прелесть своего существованія? Не заключаетъ ли въ себѣ тотъ нравственный идеалъ противорѣчія, осуществленіе котораго ведетъ къ упраздненію самой нравственной дѣятельности и дѣлаетъ ее, въ концѣ концовъ, совершенно излишней—вотъ роковые вопросы, которые вызываетъ въ насъ принципъ гармоніи. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, обратимся сначала къ болѣе подробному изслѣдованію принципа нравственной свободы, а затѣмъ покажемъ, при какомъ пониманіи и тотъ и другой принципы не только вполнѣ совмѣстимы другъ съ другомъ, но именно лишь вмѣстѣ и лишь въ соединеніи даютъ намъ полную и исчерпывающую характеристику высшаго нравственнаго идеала.

III.

Принципъ свободы.

Принципъ свободы въ своемъ отрицательномъ смыслѣ означаетъ отсутствіе зависимости отъ внѣшнихъ условій, отъ внѣшняго принужденія, или такъ называемой „внѣшней необходимости“. Не зависѣть ни отъ кого и ни отъ чего, не быть обусловленнымъ въ своей дѣятельности никакими внѣшними обстоятельствами, дѣйствовать не подъ давленіемъ „внѣшней необходимости“,—таковъ идеалъ свободы въ его отрицательномъ значеніи.

Но достижима ли свобода въ ея отрицательномъ значеніи, можетъ ли человѣкъ въ своей дѣятельности не зависѣть ни отъ какихъ внѣшнихъ условій, можетъ-ли онъ уйти изъ подъ гнета тяготѣющей надъ нимъ внѣшней необходимости? Въ мірѣ дѣйствительности, въ которомъ мы живемъ, всѣ явленія тѣсно связаны другъ съ другомъ и каждое обусловливается всѣми остальными. Въ этомъ смыслѣ и человѣческая воля, какъ одинъ изъ элементовъ этого міра, всегда обусловливалась и всегда будетъ обусловливаться остальными

элементами міровой жизни, говоря другими словами, воля человѣка всегда была зависима отъ внѣшняго міра, всегда подчинялась внѣшней необходимости и всегда будетъ подчиняться послѣдней. Если понимать идеалъ свободы въ его отрицательномъ значеніи въ смыслѣ исключенія воли отъ всякаго вліянія на нее внѣшняго міра, то надо признать, что онъ безусловно неосуществимъ и что гоняться за его осуществленіемъ было бы химерой. Освобожденіе воли изъ подъ гнета внѣшней необходимости можетъ имѣть только одинъ разумный и реальный смыслъ. Воля способна стать независимой отъ внѣшняго міра, только заставивъ этотъ внѣшній міръ дѣйствовать на себя въ направленіи, въ которомъ естественное стремленіе воли, ея „внутренняя необходимость“, можетъ получить свое наиболѣе полное выраженіе и осуществленіе. Заставить внѣшній міръ сотрудничать съ внутреннимъ міромъ, внѣшнюю необходимость кооперировать и дѣйствовать въ одномъ направленіи съ необходимостью внутреннею и значитъ стать независимымъ отъ этого внѣшняго міра и освободить волю человѣка изъ-подъ гнета внѣшней необходимости. Въ осуществленіи гармоніи между внѣшней и внутренней необходимостью свобода человѣка находитъ свое реальное воплощеніе.

Въ положительномъ смыслѣ идеалъ свободы обозначаетъ наибольшую полноту жизни, дѣйствія, дѣятельности. Расширять свою активность во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ, дѣлать ее все болѣе и болѣе напряженною и увеличивать безъ конца сферу ея приложенія,—значитъ тѣмъ самымъ увеличивать и сферу свободы въ положительномъ ея значеніи. Такъ какъ, въ какой бы значительной степени активность человѣка не была повышена, мы всегда можемъ представить себѣ активность еще болѣе высокую, то, въ этомъ смыслѣ, идеалъ свободы есть такой идеалъ, который ставитъ человѣку „вѣчную“ задачу, никогда не могущую быть окончательно разрѣшенной.

Прекрасную характеристику идеала „нравственной свободы“ мы встрѣчаемъ у одного замѣчательнаго современнаго мыслителя, Альфреда Фулье, въ его сочиненіи „Свобода и детерминизмъ“. Разбирая вопросъ о томъ, какимъ образомъ

воля освобождается отъ двигателей, порабощающихъ ее, чтобы опредѣляться только тѣми двигателями, которые согласны съ ея нормальнымъ направленіемъ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Воля можетъ опредѣляться посредствомъ идеи болѣе или менѣе узкой или широкой. Напр.: она можетъ уступить давленію настоящаго момента, или же обнимать и будущее. Всегда разсматривалась, какъ болѣе свободная, та воля, которая можетъ господствовать надъ собою въ настоящемъ въ виду будущаго блага. Воля можетъ даже дѣйствовать въ нѣкоторомъ размѣрѣ „подъ вліяніемъ идеи вѣчности", т.-е. съ намѣреніемъ достигнуть блага, которое не было бы ограничено какимъ-либо опредѣленнымъ временемъ. „Всѣ философы разсматривали, какъ освобожденіе для воли—подниматься выше соображеній времени. А между измѣреніями самаго времени, существуетъ одно, отъ котораго мы главнымъ образомъ пытаемся освободиться, это — прошедшее. Мы не хотимъ быть исчерпаны только тѣмъ, что было и что есть, мы хотимъ господствовать надъ протекшимъ временемъ, чтобы заставить существовать время будущее".

Подобно тому, какъ мы стремимся освободиться отъ соображеній времени, мы стремимся также стать и выше соображеній мѣста. Дѣйствуя на опредѣленной точкѣ земли, человѣкъ можетъ, однако, ставить себѣ цѣлью дѣйствіе, которое было бы независимо отъ границъ пространства и простиралось бы на весь міръ; человѣкъ можетъ хотѣть, какъ говорили стоики, сдѣлаться гражданиномъ всего міра, civis totius mundi.

„Кромѣ границъ времени и пространства, мы стремимся переступить также и болѣе конкректныя, болѣе реальныя границы нашего собственнаго тѣла и тѣхъ матеріальныхъ тѣлъ, которыя насъ окружаютъ. Матерія, со своимъ механическимъ детерминизмомъ, всегда казалась препятствіемъ для идеальной свободы. Хотя не слѣдуетъ себѣ воображать, чтобы можно было перевернуть вверхъ дномъ механическіе законы міра, можно, однако, представить себѣ, что механическій детерминизмъ, какъ низшій и внѣшній, можетъ быть подчиненъ детерминизму болѣе внутреннему и болѣе живому.

Освободиться отъ одной необходимости посредствомъ другой, которая превосходитъ первую,—уже одно это можетъ составлять приближеніе къ свободѣ: существо, которое опредѣляется своими внутренними двигателями, будетъ всегда разсматриваться, какъ болѣе свободное, чѣмъ машина, опредѣляемая внѣшними силами“. Точно также существо разумное, опредѣляемое идеями, обдуманными мотивами, будетъ всегда считаться болѣе свободнымъ, чѣмъ существо неразвитое, опредѣляемое только своими инстинктивными побужденіями. Дѣйствовать въ виду сознательной цѣли,—значитъ быть болѣе свободнымъ, чѣмъ дѣйствовать слѣпо и механически. Все человѣчество видѣло въ погонѣ за цѣлями одну изъ формъ свободы.

Между самими цѣлями наиболѣе согласными съ идеальной свободой всегда являлись цѣли интеллектуальнаго характера, идеи, и между послѣдними, наиболѣе универсальныя. „Дѣйствовать въ виду универсальнаго закона, какъ это хочетъ Кантъ, конечно, значитъ давать доказательство большей свободы и менѣе ограниченной активности, чѣмъ дѣйствовать единственно въ виду частнаго, подъ непосредственнымъ вліяніемъ чувствованія“. „Но не будемъ забывать во всякомъ случаѣ того“, прибавляетъ при этомъ Фулье, „что самый законъ имѣетъ тогда значеніе не какъ чистая форма, но какъ законъ, выражающій содержаніе въ одно и то же время и наиболѣе обширное, и по возможности болѣе конкретное, содержаніе, которое есть не что иное, какъ вся совокупность индивидуумовъ (totalité), къ которымъ этотъ законъ примѣнимъ. Дѣйствовать для всѣхъ индивидуумовъ,—вотъ въ чемъ заключается истинная свобода, потому что она вмѣщаетъ въ себѣ наибольшую независимость по отношенію ко всѣмъ границамъ пространства, времени, тѣла и самой индивидуальности“ [1]).

Такова характеристика нравственной свободы, которую намъ даетъ Фулье. Далекая отъ того, чтобы быть тожественной съ эгоизмомъ, нравственная свобода, понимаемая

[1]) A. Fouillée. La liberté et le déterminisme, p. 295, 296, 297.

такимъ образомъ, есть не что иное, какъ самое полное безкорыстіе и самая широкая любовь, охватывающая всѣ существа въ ихъ единствѣ. Наибольшее приближеніе къ свободѣ будетъ, по мнѣнію этого мыслителя, актомъ совершенно противоположнымъ эгоизму, „актомъ, который цѣликомъ выходя изъ самаго основанія нашей индивидуальности, будетъ имѣть своею цѣлью всю совокупность индивидуумовъ и будетъ превосходить, такимъ образомъ, по своему предмету безконечно границы нашей такъ называемой индивидуальности". Прогрессъ этой идеи нравственной свободы и чувства, которое ее сопровождаетъ, „есть прогрессъ нравственности, тожественный съ прогрессомъ свободы" [1]).

Къ этой общей характеристикѣ нравственной свободы, которую намъ даетъ Фулье, мы должны добавить еще нѣкоторыя черты, которыя имѣютъ для насъ очень большое значеніе при разрѣшеніи поставленнаго вопроса. Какъ мы видѣли, свобода, въ ея положительномъ смыслѣ, означаетъ наибольшую полноту жизни и дѣйствія, наиболѣе широкую и напряженную активность. Но такое наибольшее дѣйствіе, освободившееся отъ всѣхъ стѣсняющихъ его преградъ, будетъ также и дѣйствіемъ, безконечно разнообразнымъ по своимъ результатамъ, потому что оно будетъ ничѣмъ не ограничено, а только—ограниченное, только заключенное въ извѣстные предѣлы можетъ быть исчерпано опредѣленнымъ количествомъ повторяющихся формъ, для активности же, ничѣмъ не ограниченной, существуетъ также и ничѣмъ не ограниченное, безконечно разнообразное число формъ обнаруженія. Такимъ образомъ, свобода, какъ дѣйствіе наиболѣе независимое отъ всякихъ препятствій, необходимо связана съ наибольшимъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ обнаруженія человѣческой активности, съ наибольшимъ числомъ наиболѣе разнородныхъ результатовъ этой активности.

Свободная сознательная активность есть по своему существу сила творческая: пока она существуетъ, до тѣхъ поръ въ міръ является вѣчно что-нибудь новое, и если она

[1]) l. c. p. 298.

возрастаетъ и будетъ возрастать, то прогрессивно вмѣстѣ съ нею будетъ расти и размѣръ того обновленія, которое она каждый разъ производитъ въ мірѣ. Только разсматриваемая какъ голый механизмъ, природа представляетъ намъ повтореніе однѣхъ и тѣхъ же формъ, но ничто не даетъ намъ права считать міръ лишь однимъ механизмомъ. Наряду съ механическимъ существуетъ духовное, наряду съ движеніемъ—сознаніе, наряду съ подчиненіемъ внѣшнимъ законамъ—свободная активность, являющаяся источникомъ новыхъ законовъ, наряду съ однообразнымъ повтореніемъ стараго—никогда не прекращающееся творчество новыхъ формъ.

IV.

Взаимная обусловленность обоихъ принциповъ.

Спрашивается теперь, какъ согласить съ только что очерченнымъ нами идеаломъ нравственной свободы идеалъ гармоніи, который тоже являлся намъ, какъ основной идеалъ нравственности, но который, повидимому, въ своемъ осуществленіи, совершенно исключаетъ первый?

Мы уже указали на то обстоятельство, что въ то время, какъ принципъ гармоніи ставитъ опредѣленную, конечную цѣль, съ достиженіемъ которой нравственность, исполнивъ свое назначеніе, становится какъ-бы излишней,—принципъ свободы, наоборотъ, даетъ человѣку безконечную, никогда неразрѣшимую задачу и, такимъ образомъ, дѣлаетъ нравственность вѣчной спутницей въ человѣческой жизни. Но противоположность обоихъ принциповъ этимъ не ограничивается и идетъ далѣе.

Принципъ гармоніи требуетъ наиболѣе полной, наиболѣе тѣсной связи и зависимости тѣхъ частей или элементовъ, о гармоніи которыхъ идетъ рѣчь, требуетъ образованія изъ частей наиболѣе совершеннаго органическаго цѣлаго, созданія неразрывной, неразрушимой солидарности,—принципъ свободы, наоборотъ, ставитъ требованіе наибольшей самостоятельности, независимости и самобытности отдѣльныхъ частей и охватываетъ собою тенденцію къ тому, чтобы каждую часть

одного организма, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, обратить какъ бы въ отдѣльный независимый организмъ, чтобы достигнуть наибольшаго простора для дѣятельности каждаго изъ составныхъ элементовъ одного сложнаго органическаго цѣлаго. Какъ согласить между собою двѣ такія совершенно противоположныя тенденціи? Можетъ ли самая полная и тѣсная связь и зависимость быть совмѣстимой съ самою совершенною самостоятельностью и независимостью? Можетъ ли самая неразрывная солидарность быть соединена съ наиболѣе неограниченной свободой? Могутъ ли самая широкая гармонія и кооперація уживаться рядомъ съ самымъ безпредѣльнымъ индивидуализмомъ?! Не только могутъ, но именно всѣ вмѣстѣ они лишь и достигаютъ своего наиболѣе пышнаго расцвѣта, своего наиболѣе полнаго осуществленія и воплощенія въ человѣческой жизни...

Гармонія возможна и осуществима и, однако же, это осуществленіе нисколько не ведетъ къ упраздненію нравственной дѣятельности, ни въ малѣйшей степени не дѣлаетъ послѣднюю излишней. Когда рѣчь идетъ объ осуществленіи гармоніи, то является весьма существеннымъ вопросъ, между какими элементами гармонія эта достигается, даны ли намъ эти элементы разъ навсегда, или же, наоборотъ, развитіе міровой жизни приноситъ постоянно съ собой все новые и новые элементы. Если мы предположимъ, что къ прежнимъ элементамъ присоединяются новые, то гармонія, установленная между старыми элементами, съ присоединеніемъ новыхъ, перестаетъ быть уже гармоніей и требуетъ новой дѣятельности для достиженія новой гармоніи. Такимъ образомъ, если предположить, что жизнь, какъ личная, такъ и общественная, все развивается, и что это развитіе постоянно приноситъ съ собой новыя требованія, потребности и запросы, вызываетъ на свѣтъ новыя стороны, какъ индивидуальнаго, такъ и общечеловѣческаго существованія,—тогда и осуществленіе гармоніи намъ явится, какъ вѣчная задача, постоянно разрѣшаемая и достигаемая и столь же постоянно ставимая все снова и снова, и тогда гармонія, какъ нравственный идеалъ, нисколько не будетъ требовать вмѣстѣ съ своимъ осуществленіемъ и упраздненія нравственной дѣя-

тельности. Какъ гармонія, такъ и свобода, являются нашими постоянными задачами, которыя всегда въ каждый данный моментъ, могутъ нами въ той или другой степени достигаться, не переставая въ то же время быть предметомъ нашихъ вѣчныхъ стремленій. Развитіе свободной активности, какъ мы видѣли, заключается въ возрастаніи творческой дѣятельности, создающей новое все въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Свободная дѣятельность человѣка приноситъ вмѣстѣ съ собою въ міръ все новые и новые элементы и такимъ образомъ ставитъ постоянно снова и снова для самой же себя никогда не утрачивающую и не могущую утратить своего значенія задачу установленія гармоніи между новою совокупностью міровыхъ элементовъ.

Но, понимаемая правильно, т. е. будучи мыслима осуществимой и возможной и въ то же время такой же вѣчной задачей, какъ и идеалъ свободы,—гармонія и въ другихъ отношеніяхъ представляетъ тѣсное сродство и самую неразрывную связь съ нравственной свободой. Мы уже видѣли выше, что истинная свобода заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать для всѣхъ индивидуумовъ, потому что это дѣйствіе представляетъ наибольшую независимость по отношенію къ границамъ пространства, времени и какимъ бы то ни было другимъ. Идеальный предметъ, который истинно свободная воля дѣлаетъ цѣлью своихъ дѣйствій, — это всѣ существа въ ихъ единствѣ. Но сдѣлать весь міръ, или хотя бы все человѣчество, предметомъ своихъ стремленій и значитъ не что иное, какъ стремиться къ тому, чтобы установить между собою и внѣшнимъ міромъ между собою и всѣмъ человѣчествомъ гармонію въ той мѣрѣ, въ какой только возможно, и въ то же самое время стремиться установить эту гармонію въ наибольшей степени кругомъ себя, въ мірѣ и человѣчествѣ, и внутри самого себя, между различными сторонами своей природы, между разнородными своими стремленіями и цѣлями, мыслями и чувствами. Такимъ образомъ, истинная свобода имѣетъ своимъ послѣдствіемъ наиболѣе широкую и наиболѣе полную гармонію. Гармонія, простирающаяся на всѣ существа и охватывающая ихъ со всѣхъ сторонъ, — таково идеальное стремленіе, въ

осуществленіи котораго нравственная свобода находитъ свое самое полное удовлетвореніе.

Вполнѣ согласуясь со всѣмъ только что сказаннымъ, и истинная гармонія, истинная солидарность, заключаются въ сознательномъ соединеніи свободныхъ, независимыхъ личностей. Гармонія или солидарность, имѣющія свое основаніе не въ сознаніи и не въ свободномъ стремленіи къ соединенію другъ съ другомъ связанныхъ между собою существъ, представляютъ только внѣшнюю гармонію и солидарность и не имѣютъ той силы, крѣпости и прочности, какъ внутренняя солидарность и гармонія сознательно и свободно соединенныхъ между собою индивидуумовъ. Эта внѣшняя гармонія обусловлена тѣмъ или инымъ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ и потому имѣетъ только временный и случайный, а не постоянный и необходимый характеръ. Прекращается это случайное сцѣпленіе обстоятельствъ и вмѣстѣ съ нимъ перестаетъ существовать и обязанная ему внѣшняя гармонія. Между тѣмъ какъ та гармонія, которая основывается на внутреннемъ стремленіи составныхъ элементовъ къ гармоническому соединенію другъ съ другомъ, даже будучи уничтоженной благодаря какому-либо неблагопріятному стеченію обстоятельствъ, стремится сама по себѣ возстановиться потомъ сызнова. Такимъ образомъ, истинная гармонія находитъ свое дальнѣйшее развитіе, расширеніе и углубленіе въ возрастаніи сознательности, свободы и независимости тѣхъ индивидуальностей, между которыми она существуетъ. Развитіе гармоніи имѣетъ въ своемъ конечномъ результатѣ возрастаніе нравственной свободы. Если нравственная свобода ведетъ къ наибольшей гармоніи, то и гармонія съ своей стороны приводитъ къ наиболѣе широкой нравственной свободѣ. Эти два явленія связаны между собою тѣснымъ и неразрывнымъ родствомъ и достигаютъ своего наибольшаго роста и процвѣтанія только одновременно.

Гармоническая и солидарная жизнь со всѣмъ человѣчествомъ способствуетъ только расцвѣту всѣхъ индивидуальныхъ особенностей человѣка и заставляетъ бить черезъ край свѣтлый и чистый ключъ индивидуальной жизни, переполняя его до самаго крайняго избытка Кооперація съ другими

людьми, отдача своего „я“ какъ бы въ безграничную собственность другихъ „я“, безкорыстный трудъ на пользу человѣчества,— все это есть въ то же самое время и условіе для утвержденія собственной личности во всей ея красотѣ и самобытности, во всей ея безграничной свободѣ и независимости. Это видимое рабство есть на самомъ дѣлѣ источникъ дѣйствительной и истинной свободы. Безъ гармоніи и солидарной жизни съ остальнымъ человѣчествомъ индивидуальность заглохла и завяла бы, какъ вянетъ цвѣтокъ безъ воды и воздуха. Гармонія, солидарность — это та живительная влага, которая даетъ силу и крѣпость индивидуальной жизни, это—тотъ кислородъ, который ей сообщаетъ безпредѣльную напряженность и энергію. Индивидуальность часто смѣшиваютъ съ особностью, свободу — съ отсутствіемъ всякихъ общественныхъ связей, но между этими двумя началами рѣшительно нѣтъ ничего общаго, и даже, напротивъ того, они стоятъ другъ съ другомъ въ самой непримиримой враждѣ. Индивидуальность и свобода вовсе не обозначаютъ изолированности отъ всего живого, отъ всей окружающей насъ міровой жизни, отрѣшенности отъ интересовъ всего человѣчества и отъ участія въ общей работѣ, соединяющей лучшія силы его, а, напротивъ того, предполагаютъ самое тѣсное и самое широкое соприкосновеніе и взаимодѣйствіе съ этою жизнью, живой и глубокій интересъ къ общечеловѣческимъ задачамъ и бодрый, неутомимый трудъ въ союзѣ съ другими надъ воплощеніемъ великихъ идеаловъ всеобщей солидарности и братства. Развитіе личной, индивидуальной жизни немыслимо безъ соприкосновенія съ жизнью другихъ и притомъ соприкосновенія самаго глубокаго и тѣснаго. Вотъ почему гармоническая и солидарная жизнь съ другими людьми, гдѣ это соприкосновеніе многихъ жизней достигаетъ наибольшей степени своей полноты, сливая безраздѣльно многія человѣческія существованія съ самыхъ многоразличныхъ сторонъ съ другими въ одно стройное гармоническое цѣлое,— вотъ почему она такъ и оплодотворяетъ пышный цвѣтокъ индивидуальной жизни, съ тѣмъ роскошнымъ и чуднымъ плодомъ нравственной свободы, который созрѣваетъ на немъ при благопріятныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, высшій этическій идеалъ совмѣщаетъ въ себѣ оба принципа, которые казались намъ на первый взглядъ находящимися между собою въ непримиримомъ антагонизмѣ — и принципъ гармоніи, и принципъ нравственной свободы. Онъ требуетъ отъ насъ осуществленія въ жизни одинаково и того, и другого. Если принципъ нравственной свободы намъ указываетъ болѣе на индивидуальную сторону нравственности, то принципъ гармоніи намъ оттѣняетъ болѣе соціальную сторону ея. Но нравственность есть фактъ одновременно и индивидуальный, и общественный, и было бы ошибочно искать ея основы исключительно только или съ той, или съ другой стороны, или въ отдѣльной личности, взятой независимо отъ соединяющихъ ее общественныхъ узъ, или въ обществѣ, какъ таковомъ, разсматриваемомъ изолированно отъ составляющихъ его индивидуумовъ. Истинная задача нравственности простирается одновременно и на индивидуума, и на общество, или, лучше сказать, истинная задача ея заключается въ томъ, чтобы установить гармонію между обществомъ и индивидуумомъ, чтобы отдѣльную личность и все человѣчество связать въ одно нераздѣльное гармоническое цѣлое, но такъ, однако, чтобы личность не утонула и не затерялась въ безпредѣльномъ морѣ человѣческихъ существъ. Только гармонія и только нравственная свобода, если бы даже и было мыслимо ихъ раздѣленіе, не могутъ быть дѣйствительною, истинною цѣлью нашихъ усилій, но и та, и другая вмѣстѣ, въ своей живой и неразрывной связи, въ своемъ органическомъ и нерасторжимомъ единствѣ.

Воплотить среди людей въ наибольшей степени солидарность и въ то же время способствовать наибольшему подъему и развитію индивидуальной жизни во всѣхъ отношеніяхъ, способствовать тому, чтобы каждая личность могла развернуть всѣ свои силы и способности и быть въ самой высокой степени самостоятельной, самобытной и независимой, — таковъ идеалъ, который одушевляетъ лучшихъ людей нашего времени, который составляетъ самую завѣтную человѣческую надежду и стремленіе. Быть можетъ, пройдетъ еще не мало вѣковъ и будетъ потрачено много усилій для его осуществле-

нія, но ни одно изъ этихъ усилій не пропадетъ напрасно и, рано или поздно, на темномъ небѣ человѣческой жизни, омраченномъ грозными, черными тучами борьбы за существованіе и приниженности человѣческой личности, взойдетъ лучезарное ясное солнце всеобщей гармоніи, когда получитъ громадную цѣнность каждая живая индивидуальность, каждое „дыханіе жизни". Когда-нибудь человѣчество распуститъ свои долго связанныя крылья, чтобы подняться свободно къ свѣтлой лазури идеала и устремляться оттуда уже съ тѣхъ поръ непрерывно впередъ, безъ всякихъ препятствій, все въ болѣе чистыя и прозрачныя сферы.

Въ заключеніе я долженъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Несмотря на то, что оба указанные нами принципа одинаково требуютъ себѣ мѣста при построеніи нравственнаго идеала, не трудно видѣть, что принципъ гармоніи является болѣе широкимъ и имѣетъ, повидимому, большее значеніе, чѣмъ принципъ нравственной свободы. Вѣдь, въ концѣ концовъ, чего иного требовалъ этическій идеалъ, какъ не установленія гармоніи между самимъ принципомъ гармоніи и принципомъ нравственной свободы. Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ можно сказать, что гармонія является болѣе основнымъ понятіемъ, характеризующимъ нравственную цѣль. Это есть тотъ признакъ, въ зависимости отъ котораго каждая человѣческая цѣль становится нравственной, безнравственной или безразличной. Ошибочно думаютъ тѣ, [которые полагаютъ, что нравственныя цѣли составляютъ какую-либо частную, особенную, опредѣленную категорію цѣлей среди общей массы всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя человѣкъ себѣ ставитъ. Нравственная цѣль не заключается въ какой-либо частной, особенной цѣли, но—въ гармоніи всѣхъ частныхъ, особенныхъ, опредѣленныхъ цѣлей, которыя человѣкъ себѣ ставитъ и можетъ ставить. Если такова задача нравственности, то становится понятнымъ, почему съ этой точки зрѣнія нравственность является абсолютнымъ, а не относительнымъ фактомъ, такъ какъ эта задача существуетъ для всѣхъ народовъ, для всѣхъ временъ, для всѣхъ ступеней развитія. Смотря по тому, въ какой мѣрѣ каждый народъ, каждый отдѣльный человѣкъ

ее осуществляетъ, въ этой степени мы можемъ считать ихъ и нравственными.

Принципъ гармоніи имѣетъ широкое всеобъемлющее значеніе. Спросите у современнаго ученаго и философа—въ чемъ заключается высшая задача знанія и философіи,—и они вамъ отвѣтятъ, что она заключается въ гармоніи представленій и понятій, которыя мы имѣемъ о внѣшнемъ или внутреннемъ мірѣ, или о томъ и другомъ вмѣстѣ. Соединеніе этихъ понятій въ одно гармоническое планомѣрно-связанное цѣлое—къ этому стремится нашъ умъ въ своей теоретической дѣятельности. А задача искусства или эстетическаго развитія не заключается ли въ гармоніи нашихъ ощущеній и связанныхъ съ ними образовъ и чувствованій, въ устраненіи между ними всякаго противорѣчія. Подобнымъ образомъ, какъ мы только что видѣли, и задача нравственности, которая имѣетъ отношеніе къ волѣ человѣка, заключается въ гармоніи цѣлей и мотивовъ человѣческой дѣятельности. Гармонія въ области понятій или разума даетъ намъ истинное, гармонія въ области ощущеній, связанныхъ съ ними образовъ и чувствованій даетъ намъ прекрасное, и наконецъ, гармонія въ сферѣ воли создаетъ нравственное. Но такъ какъ гармонія и въ области разума и въ сферѣ ощущеній, образовъ и связанныхъ съ ними чувствованій есть въ извѣстномъ отношеніи продуктъ нашей дѣятельности и слѣдовательно воли, то отсюда становится понятнымъ, почему истинное и прекрасное является въ то же время и нравственнымъ. Истина и красота составляютъ въ этомъ смыслѣ необходимые составные элементы нравственной цѣли.

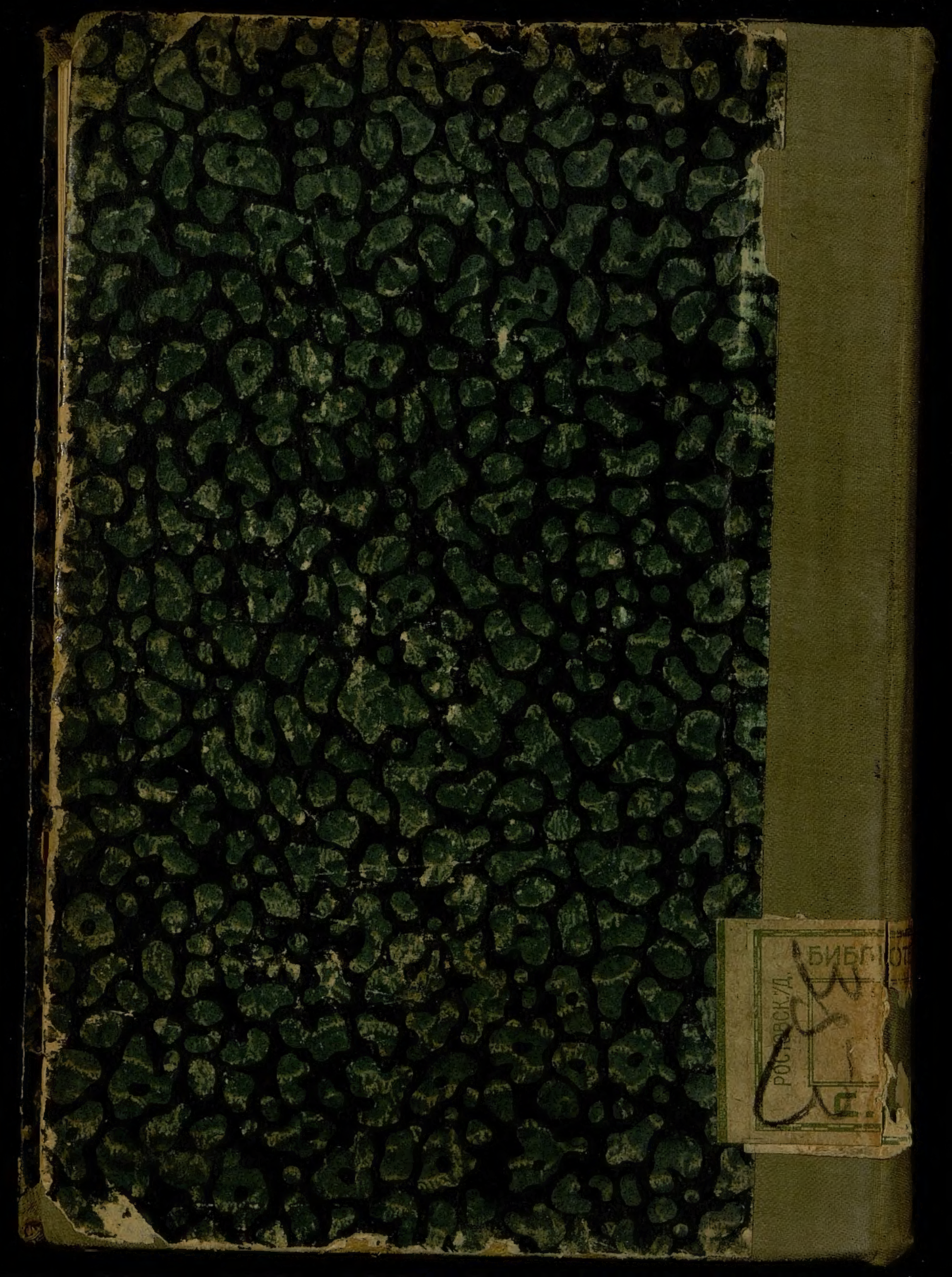
При этомъ мы должны обратить вниманіе еще на одну очень важную сторону въ разбираемомъ вопросѣ. Идетъ ли рѣчь о системѣ цѣлей, или системѣ понятій, или системѣ ощущеній и связанныхъ съ ними образовъ и чувствованій, во всѣхъ случаяхъ состояніе наибольшей гармоніи есть также состояніе, при которомъ составные элементы данной системы въ наименьшей степени противодѣйствуютъ другъ другу въ своей дѣятельности, при которомъ наименьшая доля силъ этой системы идетъ на взаимное парализованіе

другъ друга, при которомъ, слѣдовательно, дѣйствіе каждаго изъ этихъ элементовъ достигаетъ наибольшей интенсивности, а дѣйствіе цѣлаго наибольшей степени. Состояніе наибольшей гармоніи означаетъ собою состояніе наибольшей кооперацін, наиболѣе плодотворнаго совокупнаго дѣйствія и въ то же время это есть состояніе, при которомъ данный результатъ получается съ наименьшею затратою силы. Гармонія связана съ наибольшимъ количествомъ результатовъ и въ то же время съ наибольшею экономіею силъ. Когда мысль работаетъ логически по закону тожества и избѣгая противорѣчій, то этимъ обезпечивается ея наиболѣе плодотворное дѣйствіе: при наименьшей затратѣ силъ она достигаетъ наибольшихъ результатовъ. Когда переживаемыя нами при созерцаніи произведенія искусства ощущенія, образы и чувствованія гармонически связываются между собою, при чемъ избѣгаются диссонирующія совпаденія, то этимъ тоже при наименьшей затратѣ силъ обезпечивается наибольшее эстетическое удовлетвореніе. Совершенно подобно этому же и когда отдѣльные акты воли вступаютъ въ кооперацію, въ солидарное дѣйствіе между собою въ виду достиженія одного и того же результата, тогда, избѣгая антагонистическихъ и противорѣчивыхъ цѣлей, при наименьшей затратѣ силъ, воля человѣка является наиболѣе плодотворной по своимъ послѣдствіямъ. Если человѣку удастся когда-нибудь найти для каждой цѣли свое надлежащее мѣсто и связать всѣ цѣли, ставимыя имъ въ теченіе жизни, въ одну гармоническую, чуждую всякихъ противорѣчій систему, то его дѣятельность станетъ плодотворной въ самой высокой степени, въ какой только она можетъ быть плодотворной. И та же самая нравственная задача, т.-е. гармонія цѣлей, стоитъ и передъ каждою болѣе или менѣе широкою группою людей, начиная съ самой маленькой—семьи и кончая самой большой — человѣчествомъ.

Продолженіемъ этой книги служитъ 2-й томъ—

„Педагогика творческой личности“.

РОСТОВСК/Д.
БИБЛИОТ